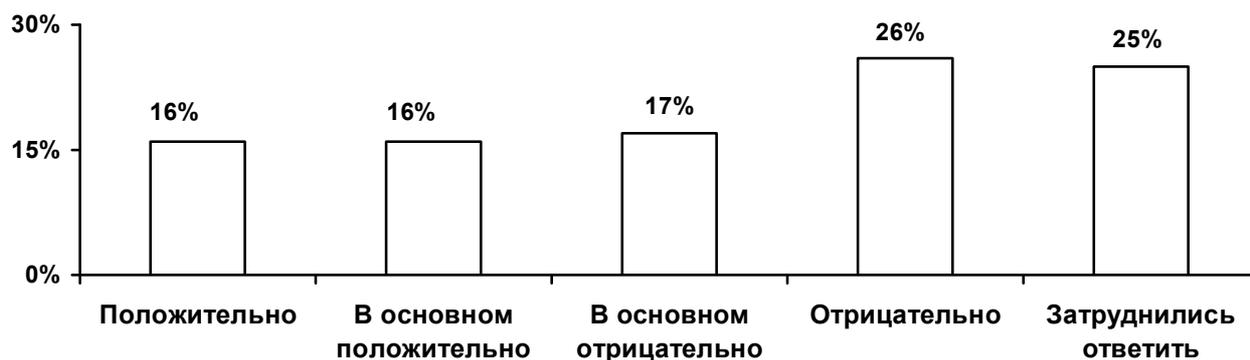

Рис.1. Отношение к замене льгот ветеранам войны компенсационными выплатами

Особый интерес представляет сегодня отношение общества к труженикам тыла. С одной стороны, их значимость признавалась всегда: «победа ковалась в тылу», но практически, существовал жесткий формальный раздел между фронтовиками и тружениками тыла при распределении социальных благ.

Всероссийский опрос показал, что при воспоминаниях о войне, о тружениках тыла думают 21% россиян, причем большая часть этих респондентов сконцентрирована в малых городах и селах, где в годы войны и после нее люди реально испытывали большие лишения. При постановке вопроса о необходимости уравнивать в пенсионном обеспечении фронтовиков и тружеников тыла положительные ответы преобладают у сельчан (62%). Затруднившихся ответить на данный вопрос больше всего в столичных, краевых или областных центрах.

Среди историко-социологических проблем экономической сферы всегда особо важен был вопрос вознаграждения за труд. В контексте вышеописанного встает вопрос об оценке неимоверно тяжелого труда работавших в тылу. Тогда вознаграждением за труд стала победа. А сейчас?

Таблица 1

Как Вы полагаете, следует ли уравнивать в пенсионном обеспечении фронтовиков и тружеников тыла?

Варианты	Σ	Столичный, краевой, областной центр	Другие города, пгт	Село
Да	49	44	48	62
Не уверен	21	21	24	16
Нет	11	12	12	6
Затруднились ответить	19	22	16	16

При анализе ситуации в возрастном и образовательном разрезе мы сталкиваемся со следующим феноменом: при весьма значительном количестве затруднившихся среди молодых (18-29 лет) менее всего считают, что нет необходимости в уравнивании (в среднем 6%). Значительное число противников уравнивания в старших возрастных группах (30-59 лет) – до 15%. Это объяснимо, во-первых, тем, что старшие поколения более полно представляют себе роль фронтовиков и тружеников тыла в годы войны (угроза жизни и тяжелый труд), а, во-вторых, для молодых – это монолитное поколение победителей (теперь – старики), где каждый в равной мере достоин уважения, признания и заботы. Провести между ними делительную линию молодым оказалось сложно.

Здесь выразилось, в том числе, уже отношение к *старости и поколению, пережившему войну*. При этом на вопрос: «Что из истории Великой Отечественной войны вызывает у Вас чувство гордости?» – ответ «Подвиг тружеников тыла, работавших на заводах, в колхозах, на

стройках» был отмечен по всем возрастным группам более, чем в 50% случаев, а в рейтинговом распределении занял второе место после ответа «Массовый патриотизм и героизм на фронте». При этом более высокие оценки труду в тылу дают респонденты с высшим и незаконченным высшим образованием. В целом гордость за подвиг тружеников тыла испытывают в День Победы 30% респондентов (для сравнения, «гордость за подвиг советского солдата» – 45%).

Нельзя сказать, что проблема патриотического воспитания в России в последние годы снята с повестки дня. Казалось бы, самые сложные времена (1990-е гг.), демонстрировавшие самый высокий уровень антипатриотических настроений в общественном сознании (в среднем около 70% молодых людей до 30 лет при любой удобной ситуации были готовы покинуть и покидали страну), прошли, и сейчас мы наблюдаем рост национального самосознания. Тем не менее обществу еще долго придется предпринимать значительные усилия, чтобы хотя бы в какой-то мере приблизиться к легендарному патриотизму времен Великой Отечественной войны, породившему массовый героизм людей на фронтах.

В формировании высокого уровня исторического сознания и исторической памяти о ратных делах и военных победах России и ее воинов огромная роль принадлежит самой исторической действительности – драматической и героической. Но большая заслуга в этом принадлежит также литературе, искусству, кино, средствам массовой информации – в первую очередь телевидению, всей системе образования, особенно циклу общественных наук. В ряду последних, исключительную роль играют военно-историческая наука и военно-исторические научные учреждения и общественные и политические организации. Именно они во многом определяют специфику формирования патриотического сознания в обществе в различные периоды истории.

Каковы итоги идеологической работы последних лет? Большая часть россиян – 72% – считают себя в той или иной степени патриотами. Особенно выражены патриотические настроения в среде людей с высшим и неполным средним образованием. Последнее объяснимо тем, что в эту группу попали в большей своей части россияне 50-60 лет и старше, т.е. выросшие в послевоенные годы и воспитанные тогда же. Они носители еще советского патриотизма.

Таблица 2

Считаете ли Вы себя патриотом России?

Варианты	Σ	образование			
		высшее и н/высшее	среднее специальное	полное среднее	неполное среднее
Да	45	48	42	43	53
Скорее да, чем нет	37	39	40	26	37
Скорее нет, чем да	7	6	7	9	5
Нет	5	4	5	5	6
Затруднились ответить	6	4	6	10	9

В возрастном разрезе ситуация наиболее интересно представлена в возрастных группах 18-49 лет. Скорее не считают и не считают себя патриотами 12% 18-24 летних россиян, 18% 25-29 летних, 15% 30-39 летних, 14% 40-49 летних. Т.е., самая молодая группа оказалась самой благополучной. Это можно объяснить тем, что это те люди, которые другой России не знали – они ровесники перестройки и они ее дети. Для них все существующее разумно. Вторая группа, 25-29 летние, в которой зафиксированы самые высокие показатели непатриотических настроений, – это, фактически, потерянное поколение, вступившее в эпоху перемен с неокрепшим сознанием, пережившее ломку ценностей. Изучение смысложизненных ориентиров этого возрастного слоя важно в дальнейшем. В ближайшие годы это поколение войдет в социально активный возраст и будет определять содержание экономики, политики, культуры и т.п. в стране в целом. Можно также предположить, что близкие по ценностным установкам 30-49-летние россияне, чье неприятие существующей действительности зафиксиро-

вано в среднем у 14%, – это те, кто не смог реализовывать себя в сложившихся условиях, те, кто не приемлет современную организацию жизни в России.

Таблица 3

Считаете ли Вы себя патриотом России?

Варианты	Σ	Возраст (лет)					
		18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Да	45	34	32	37	49	48	62
Скорее да, чем нет	37	46	43	43	31	38	26
Скорее нет, чем да	7	6	10	9	10	5	3
Нет	5	7	8	5	4	4	3
Затруднились ответить	6	8	8	6	7	5	6

С другой стороны, наши современники считают, что за *ту родину* воевать стоило. Эти выводы косвенно подтверждают ответы на вопрос «За что сражались советские люди в годы войны?» Во всех вышеуказанных группах преобладает ответ «За Родину» (более 80%). «За родных и близких» – более 60%. В числе факторов, которые сыграли определяющую роль в достижении победы над фашизмом, были в первую очередь указаны: патриотизм – 63%; героизм на фронте и в тылу – 63%.

На вопрос: «Что из истории Великой Отечественной войны вызывает у Вас чувство гордости?» – также большая часть респондентов указала на «Массовый патриотизм и героизм на фронтах» – 85%. Причем, несмотря на появляющиеся многочисленные факты в СМИ об антигуманных действиях, заградительных отрядах, о штрафных батальонах и иных «издержках войны», идея великого героизма советских людей практически не претерпела изменений со времен первых послевоенных поколений. *О принудительном героизме* в годы Великой Отечественной войны заявили только 5% россиян.

Увы, церкви в формировании патриотического и героического духа нашего народа в годы войны, благодаря которому СССР одержал победу, респондентами было отведено незначительное место – всего 10%. Роль этого института, активно сегодня лоббирующего свои ценностные и смысловые позиции в общественном сознании российского общества, в годы войны явно представляется смутно. Слишком широк разброс ответов и, кроме того, более 22% просто затруднились ответить. Казалось бы, что наиболее близкими к действительности должны быть ответы старшего поколения - фактического свидетеля деятельности церкви в те годы. Однако, расхождения в ответах с респондентами других возрастных групп почти отсутствуют.

Таблица 4

В чем состоял вклад православной церкви и других конфессий в достижение победы над фашистской Германией?

Варианты	Σ	Возраст (лет)					
		18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
В сборе денежных средств для нужд Красной Армии	18	13	15	12	17	30	21
В духовной поддержке народа	39	42	40	33	43	44	37
В воспитании патриотизма	10	9	11	7	11	11	10
В сплочении народа	23	26	23	19	19	22	27
В другом	1	<1	1	1	1	2	-
Не вижу никакого вклада	18	18	20	18	17	14	20
Затруднились ответить	22	22	19	28	24	19	21

Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов

Активно выделилась только позиция – «сбор денежных средств для Красной Армии». С другой стороны, старшее поколение в меньшей степени отдает дань церкви в деле духовной

поддержки народа. Велико число затруднившихся и тех, кто вообще не видит никакого вклада, в том числе и россияне старше 60-ти лет. Причины такого распределения требуют дополнительного исследования.

Как воспринимается Великая Отечественная война в контексте международных отношений? Тот факт, что 82% россиян считает, что именно СССР внес решающий вклад в Победу, а не союзники (2% – США, 2% – Англия), конечно, отраден. Но показательно и то, что 10% россиян считают это делом коалиции в целом. Вопрос коалиционности сегодня неспроста. Объединение стран на новых основаниях (после распадов «соцлагеря и каплагеря») в наше время весьма актуально. Создание Европейского Союза, расширение НАТО и аналогичные процессы демонстрируют перераспределение сил и позиций на мировой арене.

Во всероссийском опросе, посвященном Великой Отечественной войне, выявлялось отношение россиян к странам, принимавшим участие в войне. Полученные результаты заставляют задуматься. Казалось, потери в Великой Отечественной должны были вызвать стойкую отрицательную реакцию по отношению к стране-захватчице – Германии. Однако россияне четко дифференцируют фашистскую Германию и современную, которая является по их оценкам партнером России – в 51% случаев и нейтральной по отношению к России страной – в 27% случаев. Только около 6% продолжают считать Германию противником России.

С другой стороны, весьма неоднозначна оценка отношений с США. Треть россиян считает США противником России, пятая часть – признает ее нейтральное отношение к нашей стране и только треть считает США нашим партнером. И это при значительном количестве затруднившихся – 19%. В российском массовом сознании продолжает складываться новый «образ врага» в лице США. Причиной этому могут служить расхождения между Россией и США на международной арене по ряду значимых для страны вопросов (пересмотр договора по ПРО, ситуация на Балканах, расширение НАТО, война в Ираке и т.д.).

В анализируемом социологическом опросе проблема международного партнерства была высвечена через призму борьбы с международным терроризмом (нужна ли сегодня коалиция России с другими странами, подобная антигитлеровской коалиции, для борьбы с международным терроризмом). О необходимости в той или иной степени объединения на данной основе высказалось 75% респондентов. Однако, анализ результатов выявил противоречия в оценке США. Если на вопрос общего характера (*как было описано выше*) значительная часть россиян высказалась о США как противнике России, то при выборе стран-партнеров по борьбе с терроризмом США были указаны в 2,3 раза чаще, чем Англия, в 2,5 раза – чем Франция, в 2,6 раза – чем Германия, в 4,9 раза – чем Европа в целом... Фактически, здесь можно говорить о столкновении представлений о США эпохи «холодной войны» и современных – как о сильном, опытным и способном противостоять террористической угрозе государстве-конкуренте, но не противнике. Тот факт, что 76% посчитали необходимым ответить на достаточно серьезный вопрос о том, с кем необходимо России объединяться сегодня для борьбы с терроризмом, говорит о важности этих проблем для населения страны. Вопросы безопасности и мер по их обеспечению – это функции государства, а не населения. Если население стремится ответить на подобные вопросы – значит, они стали для него повседневно важными.

По социологическим исследованиям последних лет у более 70% современных россиян родственники и близкие, так или иначе, участвовали в защите нашей Родины. Из них 63% потеряли на войне кого-то из родных. Война фашистской Германии с Россией действительно стала для нашей страны страшным бедствием, равнозначным по своей разрушающей силе бушующим природным стихиям. При оценках Победы и отношению к ней как символическому событию в жизни нашего народа самым острым является вопрос о жертвах, их ужасающем количестве.

На вопрос: «Какие события, факты войны 1941-1945 годов вызывают у Вас чувства горечи и боли?» – 91% респондентов указал «людские потери». На вопрос: «Какие чувства преобладают у Вас в связи с итогами войны?» 13% испытывают *горечь за понесенные нашей страной поражения и потери*, а еще 52% и *гордость, и горечь одновременно*. Прямой вопрос

на эту тему (нужны ли были такие жертвы?) задевает то сочетание ценностей, выбор между которыми часто невозможен или может быть осуществлен однозначно только в экзистенциальной ситуации - это ценность индивидуальной жизни и ценность жизни общества. В мирное время выбор между ними всегда не будет таким, как во время военных действий. Никто не станет утверждать, что А. Матросов не ценил свою личную жизнь. Романтиками молодогвардейцев признали только 12% респондентов. Но тот факт, что 69% респондентов считают, что Победа стоила той цены, которую за нее заплатили, говорит о том, что последствия победы фашизма страшат все-таки людей больше, чем собственно людские жертвы. Этой точки зрения придерживается как молодые (63%), так и те, кому за 60 (71%), что является дополнительным показателем внутренней консолидированности общества вокруг проблем Великой Отечественной войны.

Особняком стоит группа вопросов на так называемые злободневные сегодня темы, те, которые вчера или были вне обсуждения, или оценивались только с точки зрения «военного времени». Значительное место в сознании современников занимает тема репрессий. В качестве причин поражений в войне «репрессии против военачальников Красной Армии» были выбраны в 37% случаев. Причем в большинстве своем этот выбор сделали люди с высшим образованием и в возрасте от 30 лет и старше. Наибольшее количество респондентов, акцентирующих внимание на этой проблеме – 40-49-летние. Наименьшее – в группе 18-24-летних (28%). Такие *феномены войны* как насильственная депортация некоторых народов СССР (10%), переход на сторону фашистской Германии тех людей, которые были против советского строя (7%), штрафные батальоны, роты (17%), заградительные отряды (9%) уже прочно вошли в сознание людей и вызывают чувство горечи, особенно в группе людей с высшим образованием и частично в группе со среднеспециальным образованием (например, по вопросам депортации). Однако в возрастной группе 60 лет и старше случаи обращения к этим проблемам встречаются реже, чем во всех других группах, поскольку перед лицом опасности все действия казались и кажутся оправданными. Вопрос о том, могут ли все вышеуказанные факты войны быть оправданными обстоятельствами военного времени, остается открытым.

Наиболее же понятной и отмеченной во всех возрастных и группе респондентов с высшим образованием явилась проблема репрессий по отношению к людям, вышедшим из окружения, находившимся на оккупированной территории, бывшим в плену (50% и 41%, соответственно). Объяснений этим фактам не найти на поверхности. Теперь это признанная в российском обществе «горькая правда», которой не найдено оправданий.

Кроме того, хотелось бы отметить жизнеспособность давно существующего мифа о том, что Россию спасают не герои, а огромная территория и прочие геоклиматические факторы. Ответ зафиксирован в 24% случаев (вопрос о причинах победы). Причем почти в равной степени в группах 18-59 лет. Подобный выбор причины победы значительно нивелирует роль человеческого подвига, совершаемого именно в суровых климатических условиях и на огромной территории.

С другой стороны, была отдана дань советскому воспитанию как важному фактору победы – почти 20% респондентов (причем во всех группах, кроме самых молодых).

Тема фашизма была затронута в исследовании в различных вариациях. В числе причин войны большая часть респондентов (79%) указала именно на «Стремление фашизма к мировому господству». Движущим фактором победы в войне была указана и *ненависть к фашизму* – 48% ответивших. При оценках того, за что испытывают гордость россияне в День Победы, в 55% случаях была отмечена именно *благодарность поколению, победившему фашизм*. Т.е. почти половина россиян до сих пор жестко позиционировано и не приемлет фашизм как идеологию.

Понятно, что принижать каким-либо образом Победу Советского Союза над фашизмом - это вести ценностно-смысловую войну против собственного народа. Смердяков в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» в разговоре с Марьей Кондратьевной говорил: «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная

нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с». *Порядок нового рейха* все-таки россиян в большинстве своем не прельщает.

Определенным индикатором характера восприятия исторических событий, связанных с Великой Отечественной войной, является оценка населением роли И.В.Сталина в войне. Почти две трети респондентов оценили ее в той или иной мере положительно. Обращает на себя внимание выраженная дифференциация количества и степени положительных и отрицательных оценок по возрастным группам. Наблюдается постепенное возрастание положительных оценок от 48% в младшей группе (18-24 года) к 84% – в старшей (60 лет и старше) и убывание отрицательных оценок от 19% к 5% в соответствующих группах. Примерно пятая часть респондентов в возрасте до 50 лет не смогли сформулировать свое отношение к этой знаковой фигуре. Следует отметить, что, как показывает сравнение данных опросов 2001 и 2003 гг. по исторической памяти, дифференциация оценки роли Сталина в истории нашей страны по возрастным группам устойчиво сохраняет отмеченную выше направленность. В то же время при оценке роли Сталина в целом в судьбе России количество положительных оценок на порядок ниже (одна треть респондентов по сравнению с двумя третями при оценке его роли в Великой Отечественной войне). Это свидетельствует о том, что в массовом историческом сознании победа советского народа над фашизмом устойчиво связана с именем Сталина, хотя оценка его роли не является безусловно положительной для всех периодов войны. Так, значительная часть опрошенных (45%) в числе основных причин поражений Красной Армии в первые месяцы войны назвали стратегические просчеты Сталина и советского руководства. Этот фактор, по всей видимости, определенным образом влияет на более критический подход к оценке роли Сталина в истории страны в целом.

Достаточно важными для характеристики исторической памяти о Великой Отечественной войне являются представления о роли и значении господствовавшей в изучаемый исторический период идеологии. Анализ материалов исследования позволяет говорить о том, что отношение к советскому периоду в истории нашей страны в массовом сознании в целом можно охарактеризовать как достаточно взвешенное. Отмеченное в исследовании 2001 г. Стремление сохранить в памяти целостный образ эпохи, выразившееся в том, что более половины опрошенных высказались против демонтажа памятников советского периода, можно квалифицировать как устойчивую тенденцию. Так, пятая часть опрошенных в числе основных факторов достижения победы назвала советское воспитание. Следует при этом отметить, что для молодежи роль этого фактора менее значима, чем для старшего поколения. В младшей возрастной группе (18-24 года) данный фактор выделили только 15% опрошенных, тогда как в старшей (60 лет и старше) его назвали уже четверть респондентов.

Представление о том, что идеологическая составляющая играла в характеристике исследуемого периода достаточно значимую роль, нашло свое отражение в оценке значения советского строя и коммунистической идеологии для участников войны. По мнению более четверти опрошенных (28%), советские люди сражались в годы войны именно за эти ценности. При этом представители старшего поколения, так же как и при оценке роли советского воспитания, чаще указывают данные ценности в качестве значимых. Интересно отметить, что наименьшее значение, указанные факторы имеют не для младшей возрастной группы, а для 25-29-летних. Этот факт можно объяснить тем, что взросление данного поколения пришлось на период наиболее ожесточенных идеологических баталий, когда все советское подвергалось тотальному остракизму.

Материалы исследования свидетельствуют, что респонденты, высоко оценивая роль Сталина в победе над фашизмом, отдают дань уважения и другим лидерам «Большой тройки». Почти половина опрошенных признали роль Сталина решающей. При этом сохраняется существенное различие в оценке его роли в зависимости от возраста и, в меньшей степени, от образования. Самую высокую оценку дает старшее поколение (67%), а самую низкую – младшее (40%), причем разброс цифр, как мы видим, довольно значительный. Интересно отметить, что оценки молодых людей (до 39 лет) практически не различаются. Резкий скачок в сторону положительной оценки наблюдается, начиная с группы 40-49-летних.

Роль Рузвельта и Черчилля в достижении победы считают значительной более трети россиян (36%). Около трети респондентов (31) затруднились дать оценку роли данных государственных деятелей, тогда как оценка роли Сталина вызвала гораздо меньше затруднений (14%). Более четверти опрошенных считают роль Черчилля и Рузвельта в достижении победы над фашизмом незначительной (29). В целом приведенные данные свидетельствуют, что историческая память российского населения о Великой Отечественной войне становится более объемной. Лидеры ведущих государств антигитлеровской коалиции занимают в ней уже значительное место. Следует отметить, что и Черчилль и Рузвельт выступают в массовом сознании как фигуры одного масштаба. Респонденты, практически, не видят между ними различий. То же самое относится и к оценке вклада Англии и США в победу над фашистской Германией. Значительно большее количество опрошенных указали на значительную роль стран антигитлеровской коалиции в целом. Вместе с тем следует отметить, что небольшое число опрошенных считают вклад Англии и США (2%) в достижение победы над фашистской Германией более значительным, чем вклад СССР, а 10% стремятся не выделять решающую силу, предпочитая считать победу достижением всех стран антигитлеровской коалиции в целом.

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что в исторической памяти российского народа победа над фашизмом является итогом совместной борьбы СССР, внесшего наибольший вклад в победу над фашизмом, и других стран антигитлеровской коалиции, вклад которых в достижение победы выступает как единое целое. Великие исторические события, ознаменованные ратными делами воинов нашего Отечества, его военными победами, прочно вошли в историческое сознание народов России, стали важнейшим элементом их исторической памяти, как бы ни мешали этому разного рода смуты, идеолого-политические кризисы, нередко потрясавшие Россию. Нынешнее поколение настойчиво пытается раскрыть всю правду о Великой Отечественной войне, оценить с нравственной точки зрения все процессы, которые имели место параллельно с боевыми действиями, работой в тылу и собственно Победой. Это необходимо, чтобы воздать должное всем так или иначе задействованным войной людям или хотя бы памяти о них. Данные цели можно только приветствовать. Главное, чтобы они не становились предметом политических и научных манипуляций, не подменили собой действительно великий подвиг того поколения и не посеяли раздор в обществе. Пока Великая Отечественная война - историческое событие, которое является одним из мощных факторов консолидации национального сознания.

Социологические исследования последних лет свидетельствуют, что историческая память российского народа оценивает Великую Отечественную войну как символ для всего народа, а ее итоги и последствия как выдающиеся в истории нашего Отечества и во всемирной истории. Это означает, что опыт в оценке старшего поколения трансформировался и приобрел символическую значимость и для последующих поколений. В основе такой оценки лежат объективные и субъективные обстоятельства. Здесь и история каждой семьи, неразрывно связанная с историей Великой Отечественной войны и послевоенная история страны в целом, ибо каждый из ныне живущих так или иначе ощущает на себе последствия войны и победы над фашизмом, которая была и остается днем нашей гордости и скорби; и осознанное и интуитивное признание победы в Великой Отечественной войне над фашизмом как фактора величия Отечества, с одной стороны, и фактора, определившего содержание и направленность всемирной истории, - с другой. Более того, историческая память о Великой Отечественной войне, победе над фашизмом выступает структурообразующим элементом духовного настроения народа, фактором его сплочения и мобилизации на преодоление имеющихся недостатков в жизни, на решение стоящих перед ним экономических, социальных и политических задач. И, конечно, фактором формирования и укрепления оборонного сознания, которому, к сожалению, в последние годы уделялось крайне мало внимания. Историческая память достаточно устойчива и в хорошем смысле консервативна. Практически память о Великой Отечественной войне при всех ее проблемах, ошибках, провалах - это практически сейчас единст-

венное историческое событие, которое большинство оценивают как выдающееся, характеризующее дух нашего народа, и это объединяющее начало нужно сохранять.

М.А.Ешев, к.соц.н. (Адыгейский ГУ, Майкоп).

Ориентационно-ценностная роль патриотизма для студенческой молодежи

В постсоветский период Россия пережила много изменений, в том числе, смена формы правления, территориального устройства и политического режима, сужение географических границ, переход от командной к рыночной экономике. Все это негативно отразилось не только в политической и экономической сферах жизни населения, но и в духовной. В результате указанных трансформаций разразился духовный кризис, наиболее отчетливо прослеживающийся в кризисе патриотического сознания, в результате чего нарушилась связь поколений, молодежь погрузилась в некий моральный вакуум. Патриотизм стали рассматривать как отжившую ценность, мешающую строить новое демократичное общество, свободное от прежних стереотипов. Одновременно происходило крушение патриотических парадигм. Однако в начале XXI в. произошло осознание того, что без формирования у молодежи чувства российского патриотизма невозможно сохранить целостность современного общества.

Зарождающийся российский патриотизм имеет, по крайней мере, два отличительных признака. С одной стороны, он представляет собой новый социальный феномен, а с другой, – является приемником советского патриотизма. В СССР чувство любви к своей стране было коллективным, при жестком регулировании общественной жизни со стороны руководства государства, патриотические ценности были жизненной основой всей идеологии. Программы учебных заведений, печатные издания, радио и телевидение были направлены на формирование патриотического сознания молодежи. Патриотизм понимался, в первую очередь, как жертвенность во имя общего блага, способность подчинить личностные интересы общественным. В такой интерпретации патриотизм был приоритетной ценностью у молодого поколения и служил его основным консолидирующим фактором.

В результате глобальных изменений начала 1990-х гг. происходит смена идеологий, а вместе с ней и смена ценностных ориентиров. Такие, ранее непоколебимые ценности, как чувство любви к своей Родине, осознание долга перед Отчизной перестают быть ориентиром российской молодежи, на первый план выходят материальные блага. Экономическая независимость начинает превалировать над духовным богатством в сознании молодого поколения. Исследования свидетельствуют об ориентации молодежи на частную жизнь. Доминирующими в системе ценностей становятся деньги, материальное благополучие, тогда как понятие «патриотизм» практически отсутствует¹.

Результаты проведенных исследований в России и в Адыгее свидетельствовали о духовной деградации молодого поколения. В начале XXI в. происходит очередная смена ценностей. Постепенно приходит осознание невозможности сохранения единства государства без патриотического воспитания молодежи как основного способа возрождения значимости патриотизма в ценностной системе. Так, подавляющее большинство россиян (89%) убеждены, что сегодня в нашей стране нужно уделять больше внимания патриотическому воспитанию молодежи². Принимаются государственные программы патриотического воспитания, проводятся различные мероприятия, направленные на формирование патриотических чувств. Например, в рамках реализации Правительственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 гг.» в Республики Адыгея разработана комплексная программа по созданию системы патриотического воспитания молодежи.

¹ Государственный доклад о положении молодежи и социально-экономических проблемах в молодежной среде [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.nasledie.ru/oborg/2_10/doc_01/article.php?art=2.

² Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. 10 января 2004 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: (<http://www.fom.ru>).

Наметившиеся положительные тенденции возрождения патриотических ценностей находят отражение и в социологических исследованиях. В ноябре 2006 г. в рейтинге жизненных приоритетов патриотизм занимает четвертое место – выше него только семья, дети, дом (95%), душевный комфорт (92%), материальное благополучие (88%). Улучшился количественный показатель и тех, кто считает себя гражданами России¹. Не вдаваясь в глубокий анализ статистических данных, можно отметить два взаимосвязанных процесса, происходящих в современной России: возрождение патриотических ценностей на основе существующего исторического опыта и становление нового российского патриотизма.

В российском обществе начинает осознаваться необходимость формирования патриотических чувств в молодежной сфере: с одной стороны, патриотизм нацелен на укрепление целостности полиэтничной и поликонфессиональной России, а также позволит решить ряд социально-экономических и политических проблем, а с другой, – идея общенационального патриотизма будет способствовать формированию единого гражданского общества. В условиях модернизации российского общества проблема формирования патриотизма как социокультурной ценности у молодежи представляется одной из самых актуальных. Патриотизм является значимым ценностным ориентиром, его недооценка в условиях трансформирующегося общества может иметь крайне негативные последствия.

В *теоретическом аспекте* актуальность изучения проблемы патриотизма обусловлена дискуссионностью содержания самого понятия «патриотизм». Неоднозначность трактовки данного понятия и подмена его близкими по смыслу, но не тождественными категориями свидетельствует о том, что процесс концептуализации данной категории не завершен. Вследствие чего, возрастает значимость комплексного, социокультурного анализа патриотизма. В *практическом аспекте* – определяется необходимостью единения поликультурного российского общества и урегулированием межэтнических взаимосвязей. На становление и развитие патриотизма в настоящее время оказывают влияние два основных фактора: *внутренний и внешний*. Первый (внутренний) – связан с трансформационными процессами в России. Распад СССР негативно отразился не только в социально-политической и экономической сферах жизнедеятельности общества, но и в духовной. Возникновение нового государства – Российской Федерации – сопровождалось сменой ценностно-нравственных ориентиров, в результате чего нарушилась связь поколений, молодые погрузились в некий моральный вакуум. Такие, ранее непоколебимые ценности, как чувство любви к своей Родине, осознание долга перед Отчиной перестали быть ориентиром современной молодежи.

Указанные изменения привели к депатриотизации и дезинтеграции российского общества, и, как следствие, в общественном сознании сформировались: равнодушие, эгоизм, немотивированная агрессивность, неуважительное отношение к государству и социальным институтам. В целом, современное социально-психологическое состояние российского общества, а особенно его молодой генерации, может быть охарактеризовано понятием «фрустрация». Это и социальная реадaptация многих молодых людей, и растущая неуверенность в завтрашнем дне, и обесценивание стимулов творческой деятельности и инновационных подходов. Но формирование гражданина-патриота способно дать новый импульс духовному оздоровлению социума.

Внешний фактор проявляется во влиянии общемировых глобализационных процессов на социокультурную ситуацию в российском социуме. Зачастую такие процессы, размывая образ «Родины» в общественном сознании, оказывают отрицательное воздействие на формирование патриотизма. Проблема патриотизма актуальна также и при постановке вопроса о построении единого, социально ориентированного и прогрессивно развивающегося поликультурного государства. Полиэтничность большинства субъектов Российской Федерации, в частности Республики Адыгея, побуждает сформировать в общественном сознании идею патриотического единства, нацеленную на сохранение социокультурного единства северокавказских народов. При отсутствии такого понимания естественные проявления любви к своей

¹ Федоров В. Патриотизм // «Российская газета» - федеральный выпуск №4255 от 22 декабря 2006 года [Электронный ресурс] Режим доступа: (www.rg.ru/gazeta/rg/2006/12/22.html#rg-4255).

малой Родине (к ценностям своего этноса) выливаются в высказывания о превосходстве своего народа над всеми остальными, и, как следствие, создается межэтническая напряженность. Зачастую смысл понятия «патриотизм» и необходимость формирования патриотических чувств не находят понимания в общественном сознании россиян. Особенно эта проблема актуализируется в молодежной среде. При этом важно заметить, что чувство общероссийского патриотизма в полиэтничном регионе может выступать как интегративный фактор, укрепляя целостность мультикультурной России.

Проблемное поле патриотизма носит междисциплинарный характер, так как является предметом рассмотрения различных научных дисциплин: истории, философии, политологии, педагогики, социологии. Начало традиции изучения патриотизма было положено в трудах античных мыслителей. В своих размышлениях Аристотель, Платон, Цицерон обращались к вопросу о любви к своему Отечеству¹. Позже проблемы патриотизма рассматривались в работах таких представителей мировой философии как Гегель, Ш. Монтескье, Жан-Жак Руссо и другие.² На данном этапе зарождается идея государственного патриотизма, поскольку в качестве объекта патриотических чувств мыслители рассматривают государство в целом.

В России изучение патриотизма начинается с XIX в. Разработка проблематики патриотизма осуществлялась разными течениями и направлениями русской философской мысли. В трудах Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского, Н.А. Добролюбова, В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, П.Я. Чаадаева и др. получает осмысление духовное содержание патриотизма³. Параллельно происходит процесс становления и развития Русской идеи, в формировании которой принимали активное участие и ученые-историки⁴. Развитие патриотизма в концепции Русской идеи продолжилось и в годы эмиграции после Октябрьской революции и гражданской войны. Среди мыслителей, которые пытались отстоять и сохранить корни русской культуры и исключительности, можно выделить И.А. Ильина, П.Б. Струве, Г.П. Федотова, Г.В. Флоровского⁵.

Начальный этап развития патриотизма в советском государстве характеризовался отказом от его традиционного понимания. Такая тенденция прослеживается в работах В.И. Ленина, Г.В. Плеханова⁶. Однако, несмотря на то, что в официальной общественной науке феномен советского патриотизма исследовался с позиций господствовавшей классовой идеологии, и существенное внимание уделялось политической составляющей патриотизма, следует признать значительные успехи в этой области научного знания. Особенно много нового привнесли в изучение рассматриваемой проблемы ученые в послевоенный период. В этот период были проведены исследования, посвященные анализу содержания и сущности патриотизма⁷. В данном аспекте наибольшее развитие получали вопросы соотношения патриотизма

¹ Аристотель. Политика. Соч. Т.4. М., 1984. С. 375 – 645; Платон. Критон // Платон, Сочинения: В 3-х тт / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч. Т. 1. М., 1968; Цицерон. Диалоги: «О государстве», «О законах» / Подг. И.Н. Веселовский, В.О. Горенштейн, С.Л. Утченко. М., 1994; и др.

² Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. М., 1977; Монтескье Ш. Размышления о величии и падении римлян // Избранные произведения. М., 1955; Руссо Ж.Ж. О родине // Руссо Ж. Трактаты. М., 1969.

³ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990; Данилевский Н.Я. Россия и Европа, М., 1991 Добролюбов Н.А. Избр. филос. произв. М., 1948; Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Сочинения в 2 т. Т.1. М., 1989; Трубецкой Е.Н. Избранное. М., 1995; Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое // Статьи и письма. М., 1989. С.40-55; Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Избр. филос. соч. в 3-х т. Т.1. М., 1950. С.408-796; Хомяков А.С. О старом и новом // Русская философия первой половины XIX века. Свердловск, 1987. С.180-270.

⁴ Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости // Соч., Т.3. СПб, 1848. С.465-477; Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. Т. 3. М., 1988; Соловьев С.М. О современном патриотизме // Записки Петроградского Религиозно-философского общества. Пг, 1916.

⁵ Ильин И.А. Путь духовного обновления. М.: Русская книга, 1993; Струве П. Б. Прошлое, настоящее и будущее // Русская мысль. Книга 1-2, 1992; Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? Париж, 1967; Флоровский Г.В. Утверждение евразийцев // На путях. Книга 2. Москва-Берлин, 1992. С.5 - 190.

⁶ Ленин В.И. Воинствующий милитаризм // Полн. собр. соч., Т. 17; Плеханов Г.В. Патриотизм и социализм // Избр. философ. произв. М., 1957.

⁷ Чалмаев В. Философия патриотизма // Молодая гвардия. 1967, №10. С.106-120; Рогачев П.М., Свердлин М.А. Патриотизм и общественный прогресс. М., 1974; Колесников А.Н., Стариков Л.П. Классовое и общечеловече-

тизма и общенациональной гордости. Общенациональная гордость рассматривается в трудах Г.О. Зиманаса, М.Н. Росенко, И.И. Серовой как новый элемент в структуре советского патриотизма¹. В интерпретации В.В. Макарова, патриотизм выступает как явление общественного сознания, отмечаются его источники и структура². Значительное внимание уделялось вопросам, связанным с развитием интернационализма и патриотизма. В работах А.Г. Агаева, И.Е. Кравцева, Р.Я. Мирского³ анализировалась взаимосвязь патриотизма с интернационализмом. В научных трудах Ю.И. Дерюгина, Л.В. Рощина и др, освещались проблемы военно-патриотического и интернационального воспитания⁴.

В постсоветский период произошла духовно-нравственная трансформация, повлекшая за собой вытеснение патриотизма из системы значимых социокультурных ценностей. В связи с чем, научный интерес представляют социологические исследования А.Г. Здравомыслова, Н.И. Лапина, В.Т. Лисовского, М.О Мухададаева, Б.Л Ручкина, И.А. Суриной, В.А. Ядова и др., которые посвящены исследованию молодежи и выявлению изменений в ее системе ценностных ориентиров в аспекте негативных радикальных трансформаций⁵.

Между тем научная разработка рассматриваемой проблемы продолжилась. Вместе со сменой методологических парадигм расширялись и дисциплинарные подходы к изучению вопросов, связанных с понятием и сущностью патриотизма⁶. В конце 1990-х гг. А.И. Вдовин, Г.А. Зюганов, О.А. Платонов обращались к рассмотрению проблемы патриотизма в рамках формирования нового государства⁷. Исследования А.А. Крупника, В.И. Лутовинова, В.Ф. Фролова посвящены проблемам формирования патриотизма⁸.

Учитывая, что феномен патриотизма реализуется через множество форм, особое место

ское в социалистическом патриотизме. Волгоград, 1987; Мирский Р.Я. Советский патриотизм – патриотизм высшего социалистического типа: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1987;

¹ Зиманас Г.О. Общенациональная гордость советских людей. М.1979; Росенко М.Н. Патриотизм и общенациональная гордость советского народа. Л., 1977; Серова И.И. Советская общенациональная гордость. Минск, 1981.

² Макаров В.В. Патриотизм как явление общественного сознания: его источники и структура: Автореф. дис. ... канд филос. наук. Волгоград, 1969.

³ Агаев А.Г. Патриотизм и интернационализм советского человека. М., 1975; Кравцев И.Е. Пролетарский интернационализм, отечество и патриотизм. Киев, 1965; Мирский Р.Я. Патриотизм и интернационализм в развитом социалистическом обществе. М., 1982.

⁴ Дерюгин Ю.И. Военно-патриотическое воспитание молодежи. М., 1987; Патриотическое и интернациональное воспитание студентов: Сборник трудов ученых социалистических стран. М., 1989; Рощин Л.В. Философско-социологические вопросы военно-патриотического воспитания. М., 1982.

⁵ Государственный доклад о положении молодежи и социально-экономических проблемах в молодежной среде 2000 г. URL: http://www.nasledie.ru/oborg/2_10/doc_01/article.php?art=2; Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности. // Социология в СССР. Т.2, М., 1996; Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей. // Социс, № 5. 1996; Социология молодежи / Отв. ред. В.Т. Лисовский. СПб., 1996; Луков В.А. Проблема обобщающих оценок положения молодежи // Социс. 1998. № 8; Медведев Н.П. Переоценка ценностей как социальный феномен. Ставрополь, 1995; Ручкин Б.Л. Молодежь и становление новой России // Социс. 1998. № 5. С. 90-98; Сурина И.А. Ценностные ориентации как предмет социологического исследования. М., 1996.

⁶ Козлов А.А. Молодые патриоты и граждане новой России: социологический очерк. СПб., 1999; Малинкин А.Н. Понятие патриотизма // Социологический журнал. 1999. №1/2; Трифонов Ю.Н. Сущность и основные проявления патриотизма в условиях современной России (социально-философский анализ): Автореф дис... канд. филос. наук. М., 1997.

⁷ Вдовин А.И. Российская нация. М., 1996. С.46-92; Зюганов Г.А. Россия - Родина моя. Идеология государственного патриотизма. М., 1996. С.213-239; Платонов О.А. Русская цивилизация. М., 1995. С. 3-41.

⁸ Крупник А.А. Патриотизм в системе гражданских ценностей общества и его формирование в воинской среде: Автореф. дис... канд. филос. наук. М., 1995; Лутовинов В.И. Патриотизм и проблемы его формирования у российской молодежи в современных условиях. Автореф. дис... д-ра филос. наук. М., 1998; Фролов В.Ф. Проблемы патриотического воспитания личности в современных условиях // Проблемы развития личности в современном российском обществе. М., 1996. С.101-107.

в его изучении занимает вопрос типологизации. В. Зорькиным, Е.С. Троицким, и др. выделены многообразные типы патриотизма по различным критериям¹.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных проблемам воспитания патриотизма, некоторые аспекты остались недостаточно проанализированными либо вообще без рассмотрения. Например, практически отсутствуют работы по исследованию корреляции этнического и национального патриотизма.

В современной, постнеклассической науке патриотизм носит междисциплинарный и полипарадигмальный характер, получая осмысление в области философских, исторических, политологических, социологических, педагогических наук. Проблемное поле расширяется, в него включаются такие вопросы, как модификации ценностного содержания патриотизма; соотношения патриотизма, национализма и шовинизма; изменение ценностных оснований идентификации общества; отношение к патриотизму различных социальных групп; влияние этнических процессов на развитие патриотических чувств. Отдельный аспект исследуемой проблемы сопряжен с социокультурной трансформацией российского общества. Этот аспект отражен в работах М.К. Горшкова, Н.А. Журавлевой и др. Воспитательный потенциал патриотизма и его роль в процессе социализации личности, раскрывается в работах А.С. Калюжного, В.И. Руденко, С.Н. Самтонова и др. В этот же период А.Н. Вырщиковым, С.Ю.Ивановой и др. рассматриваются проблемы возрождения патриотического воспитания и его неразрывная связь с формированием гражданственности в современных условиях²

Различные аспекты исследуемой проблемы получили отражение и в работах ученых Северного Кавказа. Советский патриотизм, его объект и имманентные признаки выступали предметом научного интереса В.Ш. Нахушева. Проблематике патриотизма посвящена докторская работа С.Ю. Ивановой, которая по существу явилась первым в современной отечественной науке обобщающим исследованием, где раскрывается содержание патриотизма в его социокультурной опосредованности и аксиологической сущности. Патриотизм в рамках политических процессов России анализируется Т.В. Беспаловой. Т.С. Колябина рассматривает формирование патриотизма как духовной ценности у россиян. Т.В.Пискуновой изучаются модификации ценностного содержания патриотизма³.

¹ Зорькин В. Патриотизм истинный и ложный // Диалог. 1994; Троицкий Е.С. Патриотизм – движущая сила преодоления кризиса российского общества // Патриотизм: общественный и национальный. Истоки. Сущность. Типология: сб. статей. М., 1996.

² Вершина Н.А. Трансформация системы ценностных ориентаций студенчества // Ломоносовские чтения 2002. Студенты. Том 1. URL: <http://lib.socio.msu.ru>; Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе. Волгоград, 2006; Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000; Ефремов В.Я. Деятельность государственных органов и общественных организаций по воспитанию военнослужащих в духе российского патриотизма (1918 - 1922 гг.): Автореф. дисс. к.ист.н. Самара, 2001; Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М., 2006; Иванова С.Ю. Возрождение традиций патриотического воспитания студентов // Гражданская идентичность и патриотическое воспитание в полиэтничном регионе. Ростов н/Д, 2007. С. 90-97; Иванова С.Ю. Гражданско-патриотическое воспитание как фактор стабилизации полиэтничного социума в современных условиях // Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика. Ростов н/Д. 2008; Иванова С.Ю. Лутовинов В.И. Современный российский патриотизм. Р н/Д, 2008; Калюжный А.С. Общее содержание воспитания военнослужащих: учеб. пособие. Н. Новгород, 2004; Карманова Д.А. Патриотизм как общественное явление: социально-философский анализ: Автореф. дисс... канд.филос.н. Иваново, 2007; Качкин А. Патриотизм: условие российской национальной идентичности или пиар-проект? Социс. 2007. № 8; Колябина Т.С. Социальная идентичность как основополагающий элемент патриотизма и гражданственности // Теория и практика общественного развития. 2005, № 3; Парашин А.Ю. Патриотизм: историко-социологический анализ: Автореф. дисс... к.соц.н. М., 2006; Патриотизм народов России: традиции и современность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. М., 2003; Руденко В.И. Формирование патриотизма как ценности у студенческой молодежи: Дисс... к.пед.н. Тюмень, 2005; Самтонов С.Н. Патриотическое воспитание студентов на основе этнокультурного опыта: Дисс... к.пед.н. Элиста, 2008.

³ Беспалова Т.В. Патриотизм в современном российском политическом процессе: Автореф. дисс... к.полит. н. Ростов н/Д., 2004; Иванова С.Ю. Патриотизм в культуре современной России: Дисс. д.филос.н. Ставрополь, 2004. Колябина Т.С. Патриотизм и гражданственность как комплекс социокультурных и духовных ценностей: динамика формирования у современных россиян: Автореф. дисс... к.соц.н. Краснодар, 2006. Нахушев В.Ш. Советский патриотизм и интернационализация жизни народов. Ставрополь, Черкесск, 1985. Пискунова Т.В.

В Республике Адыгея отсутствуют работы, исследующие проблему патриотизма непосредственно в социологическом ракурсе. Однако ряд ученых обращают внимание на определенные аспекты патриотизма. Работы Т.И. Афасижева посвящены комплексному изучению советского патриотизма и патриотического воспитания. А.Ю. Шадже исследует патриотизм как ценность. З.А. Жаде рассматривает патриотизм в аспекте общегражданской идентичности. Л.Н. Котруца анализирует формирование патриотизма в школьной системе воспитания¹.

Следует заметить, что изучение проблем патриотизма в начале XXI в. заметно активизируется и на эмпирическом уровне. Исследованием проблем патриотизма в масштабе всей страны занимались и занимаются несколько творческих коллективов в Институте социологии РАН, Институте социально-политических исследований РАН, Институте психологии РАН и других. Периодически проводятся массовые опросы Фондом общественного мнения, Всероссийским центром изучения общественного мнения, Центром Левады и другими.

Аналитический обзор специальной литературы, посвященной проблеме патриотизма, позволяет сделать следующие выводы.

- социологического исследования патриотизма как ценностного ориентира студенческой молодежи полиэтничного региона практически не проводилось;
- некоторые аспекты патриотизма оцениваются исследователями неоднозначно, что создает проблемное поле в социологии;
- зачастую патриотизм рассматривается без учета междисциплинарного и полипарадигмального характера. Особенно значим социокультурный подход, который позволяет рассмотреть патриотизм в культурном многообразии. Кроме того, социокультурный подход обладает определенным универсализмом, который предоставляет возможность изучить культурные и социальные условия, влияющие на формирование патриотизма².

Патриотизм – многоаспектная социокультурная ценность, в основе которой находится естественное чувство любви и привязанности к своей Родине, побуждающее к активным действиям на пользу своему Отечеству, формирующее стремление быть ему полезным и охватывающее все стороны культуры личности и общества в целом, а также нацеленное на урегулирование общественной жизни и сплочивание российского поликультурного социума в единое целое. Патриотизм охватывает все стороны культуры личности и общества в целом, он нацелен на урегулирование общественной жизни и сплочивание российского поликультурного социума в единое целое.

Исследование патриотизма в нашей стране имеет свою специфику. Научное осмысление патриотизма зарождается на советском этапе развития России. Для данного периода было характерно изучение патриотизма с позиций классического подхода, согласно которому патриотизм интерпретировался как социальное чувство. Причем анализ такого сложного явления был подчинен интересам государственной идеологии и осуществлялся без опоры на су-

Модификации ценностного содержания патриотизма в сознании российской молодежи: Авт. дис. ... к.соц.н. Ростов н/Д., 2007. С.6.

¹ Афасижев Т.И. Под знаменем патриотизма: (Советский патриотизм как важная форма социальной активности молодежи в условиях развитого социализма). Майкоп, 1980; Афасижев Т.И. Военно-патриотическое воспитание учащейся молодежи. Майкоп, 1988; Жаде З.А. Патриотизм как фактор укрепления российской идентичности // Патриотизм и интернационализм как источники победы советского народа в годы Великой отечественной войны: Всероссийская научно-практическая конференция 27-29 ноября 2008 г. СПб – Майкоп, 2008. Котруца Л.Н. Формирование патриотического сознания у старшеклассников в школьной системе воспитания: Дисс... к.пед.н. М., 2009. Шадже А.Ю. Этнические ценности как философская проблема. М.. Майкоп, 2005.

² Эмпирическую базу составили результаты проведенного автором конкретного социологического исследования – массового опроса студентов Адыгейского государственного университета, Майкопского государственного технологического университета и филиалов высших учебных заведений Республики Адыгея в декабре 2008 – февраль 2009 гг. Данное исследование проводилось в форме анкетирования. Применялась случайная пропорциональная выборка. Объем выборки составил 800 респондентов (59% – девушки, 41% – юноши. Кроме того, методом контент-анализа автором были исследованы номера газеты «Советская Адыгея» (до января 1991 года – «Адыгейская правда»). Для комплексного изучения были проанализированы выпуски газеты, вышедшие в 1968-1969, 1978-1979, 1988-1989, 1998-1999 и 2008-2009 гг. В качестве смысловой единицы анализа выступали встречающиеся в публикациях лексемы и понятия, относимые к теме «патриотизм».

ществленную эмпирическую базу. Исследования российского периода в рамках постнеклассического подхода характеризуются сменой методологических ориентиров. Патриотизм приобретает междисциплинарный и полипарадигмальный характер, являясь предметом рассмотрения ряда социогуманитарных наук. Формируясь как чувство любви к своему Отечеству и готовность к его защите, в современный период патриотизм предстает многоаспектным феноменом. В *философском* смысле патриотизм рассматривается как неотъемлемая часть духовного развития человека и общества в целом, а также как наиболее значимая ценность. В *политологическом* аспекте патриотизм, являясь составной частью политической жизни социума, оказывает влияние на формирование идентичности человека. *Педагогический* подход акцентирует внимание на воспитательном потенциале патриотизма и его роли в образовании личности как патриота своей Родины. В рамках *социологической науки* патриотизм рассматривается как сложная социальная система, системообразующими элементами которой выступают: патриотическое сознание, патриотическая деятельность, патриотическое отношение и патриотическая организация. Патриотизм является социально обусловленным и социокультурным явлением, реализация которого в жизни социума происходит через ряд функций. Основным признаком социокультурного содержания патриотизма является взаимосвязь социального и культурного аспектов, оказывающая воздействие на его формирование и развитие.

В современной научной мысли вопросы соотношения патриотизма и национализма отличаются дискуссионностью и рассматриваются с различных, часто противоречащих друг другу, позиций, что обуславливает содержательную демаркацию таких понятий «патриотизм», «этнонационализм» и «гражданский национализм». Этнонационализм активизирует чувство «горизонтального товарищества», ощущения этнического братства. Напротив, гражданский национализм утверждает «вертикальную» солидарность – приверженность личности к стране; к народу, в общем смысле слова, без дифференциации на «своих» и «чужих». Общероссийский патриотизм нацелен на формирование единой российской нации. При таком подходе патриотизм близок по содержанию гражданскому национализму и противоположен этнонационализму, который отражает интересы одной этнической группы.

Развитие патриотизма у молодого поколения представляет собой одну из основных задач модернизирующегося российского общества и необходимое условие его самосохранения и интеграции. Основным путем формирования патриотизма в полиэтничном регионе является проведение целенаправленной, эффективной, адаптированной и систематической работы по патриотическому воспитанию, посредством включения в подобную работу всех социальных институтов. Сегодня, процесс, направленный на формирование патриотического сознания молодежи, характеризуется своей незаконченностью и невключенностью многих социальных учреждений.

Исторический анализ свидетельствует о том, что патриотизм в различных проявлениях существовал на Руси с момента зарождения древнерусского государства и в своем становлении и развитии прошел длительный путь: патриотизм Русского государства; патриотизм Российской империи; советский патриотизм; российский патриотизм. Тенденция комплексного теоретического изучения проблемы патриотизма зарождается в Советском Союзе и развивается в Российской Федерации, что позволило выделить два этапа исследования: *советский и постсоветский (российский) периоды*.

С образованием Советского государства в официальной науке, следуя марксистской идеи отказа от традиционного патриотизма, исследуемый феномен рассматривается и получает осмысление исключительно как политическое явление. При этом происходит выделение единственно возможного социалистического патриотизма, который подчинен задачам интернационализации советского общества и противопоставляется космополитическим утопиям. *Начиная с 1930-х гг.* научное осмысление патриотизма сводится к минимуму. Это было обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. Между тем, в государственной идеологии намечается переход от интернационализма к советскому патриотизму. Патриотизм превращается в надежную опору политического режима коммунистической пар-

тии. С 1960-х гг., проводятся содержательные теоретические исследования советского патриотизма по ряду направлений. Большинство из них посвящено определению понимания и содержания советского патриотизма, сочетанию патриотизма и интернационализма. Патриотизм определяется как политический и нравственный признак, содержанием которого является любовь к отечеству. Достаточное внимание уделялось и вопросам соотношения патриотизма и общенациональной гордости. Тем самым, к концу 80-х годов был накоплен определенный теоретический опыт в изучении патриотизма. При этом диссертант отмечает, что акцент ставился на теоретических разработках данного феномена, тогда как эмпирическая база практически отсутствовала.

После распада Советского государства проблема патриотизма актуализируется в рамках углубления духовного кризиса. Особенностью изучения патриотизма в России конца XX в. является исследование рассматриваемой проблемы в аспекте глобальных социокультурных трансформаций и переоценки ценностно-нравственных ориентиров российского общества. На данном этапе происходит зарождение полипарадигмального подхода к анализу проблемы патриотизма. При этом в социологической науке проводится ряд эмпирических исследований в общероссийском масштабе, посвященных выявлению ценностной иерархии, которые свидетельствуют о радикальных изменениях в системе ценностей российского социума в середине 1990-х гг. *На современном этапе* проблема российского патриотизма, приобретая междисциплинарный и полипарадигмальный характер, получает развитие в ряде социально-гуманитарных наук: философии, истории, политологии, педагогики и социологии. Проблемное поле расширяется, в него включаются такие проблемы как модификации ценностного содержания патриотизма; социокультурный анализ патриотизма; формирования патриотических качеств у студентов; влияние этнических процессов на развитие патриотических чувств.

Особенно значимо соотношение патриотизма с этническим и гражданским национализмом. Научное осмысление понятия «национализм» связано с такими категориями, как «нация», «этнос». В зависимости от степени соотнесения этих понятий по-разному определяется сущность и содержание национализма, а также его корреляция с патриотизмом. Вопросы взаимосвязи патриотизма и национализма волнуют мыслителей и исследователей уже не одно столетие. Одни авторы отождествляют эти явления, другие – противопоставляют. Во многом это зависит от того, сторонником какого теоретического подхода является исследователь – *примордиализма, инструментализма или конструктивизма*. Примордиализм утверждает, что прототипы наций и национализм существовали всегда – как данность с самого начала человеческой истории. Сторонники инструментализма считают, что национализм искусственно изобретается и выступает в качестве инструмента борьбы за власть. В рамках конструктивистской концепции такие категории как «этнос», «нация», «национализм» рассматриваются как идеальные модели, конструкции, которые создает политическая элита для достижения каких-либо целей.

Между тем в современной науке традиционным стало выделение *этнического и гражданского национализма*. Этнический национализм основан на признании нации высшей формой этнической общности, которой принадлежит исключительное право обладания государственностью. Этнонационализм полагает, что нация основана на общем реальном или предполагаемом происхождении. Принадлежность нации определяется объективными генетическими факторами, «кровью». Сторонники данной формы утверждают, что национальная самоидентификация имеет древние этнические корни и потому носит естественный характер. Этнонационализм акцентирует внимание на ценностях, скрепляющих определенную этническую общность. При гражданском национализме в обществе обеспечивается ее монолитность, а этническое происхождение не влияет на реализацию гражданских прав и свобод. Гражданский национализм ставит своей задачей консолидацию общества на принципах равноправия граждан вне зависимости от их этнического происхождения и является наиболее прогрессивным продолжением политики национализма. Гражданский национализм близок по содержанию общероссийскому патриотизму и более приемлем для поликультурной России, чем этнический. При этом в ходе социологического исследования в Республике Адыгея

было установлено, что в сознании студенческой молодежи продолжает превалировать традиционный взгляд на национализм, который используется с негативным смыслом как идеология национального превосходства и исключительности.

На основе типологизации ценностей, предложенной Н.И. Лапиным¹, автором был составлен перечень десяти терминальных ценностных ориентиров (*семья, национальность /этническая принадлежность/, свобода, знание, экономическая независимость, дружба, патриотизм, счастье, душевный комфорт, здоровье*). Анализ данных проведенного исследования позволил определить степень значимости каждой из указанных ценностей и их место в сознании студентов Адыгеи.

В результате сложных трансформационных процессов патриотизм перестает занимать доминирующее положение в системе ценностных ориентиров студенческой молодежи Республики Адыгея. Наиболее значимыми ценностями студентов выступают такие традиционные ценности, как семья, здоровье и счастье. Менее важными являются патриотизм и этническая принадлежность. Подобные тенденции проявляются в масштабе всего российского общества с середины 1990-х гг. Самой значимой ценностью для современных студентов Республики Адыгея является *семья* как основной институт человеческой интеграции, элементарная единица социентальной системы. На *первое место* семью поставило абсолютное большинство респондентов – 77%. На *втором месте* в ценностной иерархии находится *здоровье*. Такой ценностный ориентир важен для 40% опрошенных студентов. Здоровье представляет собой общее физическое и психическое состояние человека. Следующей ценностью респонденты отметили *счастье*. Оно занимает *третье место* среди предложенных ценностных ориентиров для 37% студентов. Под счастьем предлагается понимать удовлетворенность жизнью, переживание приятных и радостных моментов. *Четвертое место* среди современных ценностных ориентиров студенчества занимает *дружба* как бесспорная ценность, характеризующаяся близкими и доверительными отношениями, значимая составляющая жизненного мира большинства людей. Такую позицию поддержало 34% студентов Республики Адыгея. На *пятое место* студенты поставили *свободу*. Подобное распределение ценностных ориентиров характерно для 30% респондентов. Свобода характеризуется способностью человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, а также практической свободой личности выбирать свою линию поведения в различных обстоятельствах. Следующим ценностным ориентиром студенческой молодежи является *знание*. 29% студентов отнесли знание на *шестое место*. *Душевный комфорт* как ценностный ориентир студентов занимает *седьмое место*. 31% респондентов поддержал подобную позицию. Под душевным комфортом предлагается понимать внутреннюю гармонию человека, другими словами, отсутствие внутренних конфликтов. На *восьмое место* студенты Адыгеи определили экономическую независимость. Такой ответ характерен для 30% респондентов. При этом на основе сравнительного анализа с исследованиями в масштабе всей страны, диссертантом отмечается, что современные студенты Республики Адыгея не рассматривают материальные блага в качестве наиболее ценных ориентиров. Следующей ценностью респонденты отмечают *патриотизм*. На *девятое место* патриотизм поставили 35% от общего числа опрошенных студентов. Менее значимым ценностным ориентиром для студенческой молодежи Республики Адыгея является *национальность (этническая принадлежность)*. С такой позицией согласны 86% респондентов.

Для комплексного исследования динамики проявления патриотизма у студентов автором были составлены и проанализированы четыре блока вопросов.

К первому блоку относятся вопросы, связанные с выявлением понимания и содержания патриотизма. Анализируя полученные данные, диссертант отмечает, что для *студенческой молодежи характерно традиционное понимание патриотизма*. 40% респондентов определяют патриотизм как чувство любви к Родине. Для каждого четвертого студента патриотизм – это гордость своим Отечеством. Еще 16% выбирают ответ «уважение культуры, истории

¹ См.: Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей // Социс, 1996. №5.

страны»; 15% – «любовь к своей семье, к родному краю» и всего для 4% патриотизм – «любовь к народу». При этом в ценностном сознании студентов Адыгеи практически не отображена основная функция современного патриотизма – *консолидация поликультурного общества*. Между тем, респондентам свойственно идентифицировать себя с гражданами России, свыше 30% опрошенных студентов считают себя, в первую очередь, гражданином России. Для большинства респондентов понятие «Родина» отождествляется со страной, в которой они родились.

Второй блок вопросов нацелен на уточнение критериев человека-патриота и патриотичности. Результаты проведенного исследования показали – 52% опрошенных студентов считают себя патриотами, причем представителям мужского пола более свойственна подобная идентификация. Патриотизм представляет собой комплексный социокультурный и нравственный феномен, в котором можно выделить несколько основных аспектов: *когнитивный, эмоциональный, поведенческий и этнокультурный*. Для студентов Республики Адыгея характерно выделение *поведенческого компонента* патриотизма. Главным критерием патриотичности личности они считают наличие стремления работать и действовать для процветания страны. Подобную установку поддержало 28% анкетированных студентов. Однако этнокультурная составляющая патриотичности также находит отображение в ответах респондентов.

Следующий блок вопросов посвящен определению факторов, оказывающих наиболее значимое влияние на формирование современного патриотизма. Согласно данным исследования 35% респондентов считают, что на развитие патриотизма в первую очередь влияет социальный фактор, 30% отметили политический фактор, 18% – экономический, а 15% полагают, что в большей степени развитие патриотизма зависит от этнической принадлежности. При этом 51% опрошиваемых студентов отрицает роль традиций и обычаев в формировании современного патриотизма, отмечая естественный характер проявления патриотизма.

В исследованиях ценностных ориентаций молодежи важны те косвенные обстоятельства, которые отмечаются в прожективных вопросах. Так, на вопрос «*Как Вы смотрите на будущее России?*» 68% студентов дают ответ «с надеждой и оптимизмом». Согласно данным проведенного исследования, 65% студентов гордятся тем, что живут в России; четверть не испытывают чувства гордости, но страну менять не хотят; 7% относятся к ней безразлично.

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод: динамика проявления патриотизма у студенческой молодежи Республики Адыгея в целом положительна.

Основное звено социализации личности, направленной на формирование ее патриотических качеств, – патриотическое воспитание. *Одной из особенностей современного воспитания патриотизма является его неразрывная связь с формированием гражданственности*. В 65% случаев в студенческом сознании находит понимание необходимость формирования общенациональной идеи, фундированной на единении поликультурного социума, в качестве которой может выступать патриотизм, а также четко сформулированной патриотической идеи, отвечающей требованиям современных условий. Причем формирование такой идеи зависит в большей степени от создания государством необходимых условий. Такое мнение разделяют 36% опрошенных студентов. Однако высокий процент (34) составляет и та часть респондентов, которая считает, что это «*решение экономических и социальных проблем*». Еще 4% опрошенных студентов затрудняются ответить. Не остается без внимания и значимость проведения целенаправленной политики государства. Подобный ответ был отмечен в 26% случаев. К тому же, по мнению студенческой молодежи Адыгеи, в наибольшей степени отрицательно влияет на формирование нравственно-патриотических качеств молодого поколения *отсутствие четкой патриотической идеи в обществе*. Значимость патриотического воспитания отражается в сознании студентов Республики Адыгея. При этом 70% опрошенных респондентов считают возможным применение опыта воспитания советского периода, однако, не в полном объеме, а с адаптацией к современным реалиям общественной жизни. Учитывая полиэтничный состав Республики Адыгея, является, несомненно, важным мнение студентов относительно степени влияния этнической идентичности личности на формирование общенационального патриотизма. Большинство респондентов отрицают воздействие

этнической принадлежности на воспитание и развитие патриотизма. Пятая часть опрошенных студентов полагают, что идентификация человека с определенным народом способствует формированию российского патриотизма, 16% отмечает негативное влияние, а у 29% возникли затруднения с ответом на этот вопрос. Сегодня, как считает большинство опрошенных респондентов, социальные институты не воспитывают чувства патриотизма, причем публичные институты, например, школа и высшие учебные заведения, преуспевают в этом гораздо меньше, чем институты первичной социализации – такие как семья. Большая часть опрошенной молодежи (64%) отмечает негативное воздействие западной культуры на формирование патриотизма. Также 40% студентов признают наличие проблемы патриотического воспитания в Республике Адыгея, причем 31% от общего числа опрошенных указывает на недостаточность уделяемого внимания указанной проблеме, в частности, средствами массовой информации (СМИ).

СМИ – один из основных факторов, влияющих на патриотическое воспитание в полиэтничном регионе, вследствие чего был проанализирован вопрос освещения проблемы патриотизма в республиканских печатных СМИ. Они были исследованы методом контент-анализа. Большинство статей посвящено патриотическому воспитанию молодого поколения. Недостаточно внимания уделяется современному состоянию патриотизма, а также принятию и действию государственных программ в сфере патриотического воспитания. К тому же, зачастую печатные СМИ преподносят информацию относительно патриотического воспитания в положительном русле, умалчивая о многочисленных проблемах в данной сфере.

Ю.П. Зарецкий, д.ист.н. (ВШЭ-НИУ, Москва)

Историческая память и национальная идентичность

«Переписывание истории» в той или иной мере наблюдается не только в постсоветском пространстве, но и во вполне «благополучных» странах. Ее цель – достаточно безрассудная – попытаться кратко очертить некие общие рамки возможного осмысления национальных историй в сегодняшнем социально-гуманитарном знании.

Начнем с *истории*. Изначально это древнегреческое слово означало «представление результатов исследования», сегодня оно чаще всего употребляется в трех значениях. *Первое из них – прошлое, т.е. один из составных элементов закреплённой в европейских языках и европейском сознании триады: прошлое-настоящее-будущее, с помощью которой люди структурируют время*¹. *Второе – рассказ о каком-то событии или событиях. Наконец, третье и главное значение – наука, изучающая прошлое.* Тут следует заметить, что не только в быденном сознании, но и в научном, эти три значения часто смешиваются². Выражение «знать историю» чаще всего одновременно подразумевает и знание о том, что имело место в прошлом, и знакомство с сочинениями историков. При этом не обращается внимание, по крайней мере, на три важных обстоятельства: создававшиеся историками образы прошлого на протяжении столетий не раз драматически менялись; в разное время разные группы историков обращались к разным сторонам этого прошлого (отсюда различные направления в историографии: политическая история, социальная история, экономическая история, история идей, история ментальностей и так далее); у современных историков, так же как и у их предшественников, трудно обнаружить что-нибудь, похожее на общность взглядов на про-

¹ В этой связи полезно помнить, что такое структурирование времени не является универсальным. В японском языке, например, настоящее и будущее времена грамматически выражаются одинаково, поэтому можно сказать, что в нем есть только прошедшее и настоящее время.

² Можно добавить, что, помимо некоторых социальных и культурных обстоятельств, такое сплошь и рядом встречающееся смешение «прошлого» и «истории» обязано русскому языку (в немецком, например, «прошлое» и «историческое знание» обычно различаются, и для такого различения есть соответственно слова *Geschichte* и *Historie*). Русский язык, впрочем, в данном случае является, скорее, правилом, чем исключением, – в английском и французском *history* и *histoire* также используются в обоих смыслах.

шлое¹. Первое значение слова история – история как *прошлое* – наиболее очевидно и едва ли требует каких-то специальных комментариев. В представлении сегодняшнего европейца это расположенные на временной оси события, которые уже произошли, т.е. нечто, что было когда-то, чего нет сейчас и чего никогда больше не будет.

Второе значение (история как *рассказ*), напротив, нуждается в пояснениях. Долгое время считалось само собой разумеющимся, что наше научное знание о прошлом существует в виде связного повествования. Но вот начиная с 1970-х гг. эта очевидность стала предметом пристального внимания ученых, «открывших», что посредниками между прошлым и историком, его изучающим, являются *язык и текст*: стало очевидно, что прошлое становится доступным историку преимущественно благодаря сохранившимся *рассказам* о нем, оставленным современниками; что результаты исследований историков тоже представляют собой *рассказы*. Т.е. обнаружилось, что наши научные знания о прошлом по преимуществу представляют собой описания последовательностей событий (нарративов), составленные на основе других описаний. Дело, однако, в том, что, если верить философам и лингвистам (от Витгенштейна до Деррида), никакая языковая конструкция не является нейтральным передатчиком значений: она всегда подчиняется определенным законам и несет в себе определенные культурные «матрицы» смыслов. Всякое использование языка, следовательно, неизбежно подчиняется этим предзаданным смыслам. Сказанное считается особенно справедливым в отношении развернутых нарративов, в частности, исторических. Так, Х. Уайт, проанализировав тексты, созданные крупнейшими историками XIX в. – Мишле, Ранке, Токвилем, Бурхардтом, Марксом и др., – выявил 4 «архетипа», лежащие в основе их построений: *роман, комедия, трагедия и сатира*. По Уайту, любой историк невольно стоит перед выбором одного из этих способов повествования, причем делает свой выбор не из стремления к постижению исторической истины (хотя он и может искренне верить в то, что показывает, «как было на самом деле»), а руководствуясь моральными или эстетическими соображениями². В итоге, традиционно приписываемая историкам роль производителей объективных научных знаний о прошлом, как и сама возможность постижения прошлого, оказались поставленными под сомнение. Стали все чаще звучать заявления, что сегодня – как это уже было до формирования в XIX в. *historische Wissenschaft* – историю следует относить не к области научных знаний, а к изящной словесности³.

История как *рассказ*, таким образом, оказывается тесно связанной с историей как *наукой, изучающей прошлое*. Об изменениях, которые произошли в последние десятилетия в понимании сути этой науки, ее задач и возможностей, следует сказать несколько подробнее⁴. Сегодня понимание «исторической науки» (ее сейчас обычно обозначают менее амбициозно – «историческое знание») все чаще обособляется от двух ее основных постулатов, сложившихся в XVIII в.: что история изучает процесс развития человечества, который имеет общую логику и направленность; что этот процесс поддается объективному (=научному) познанию⁵. Приобретает особую значимость мысль о социальной обусловленности исторического знания. Речь идет не о банальной формуле влияния общественных интересов, государственной политики, личности историка и тому подобного на историческую науку – такого рода влияние всегда так или иначе признавалось. Имеется в виду, что сам образ прошлого, как тако-

¹ Сказанное справедливо и по отношению к какому-нибудь отдельному его эпизоду (например, Октябрьской революции/большевистскому перевороту/революции 1917 года в России), и по отношению к прошлому человечества в целом – в последнее время все чаще высказываются сомнения по поводу самой возможности создания единой мировой истории

² Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

³ Примечательно, что великий немецкий историк Древнего Рима Т. Моммзен в 1902 г. еще мог получить Нобелевскую премию по литературе.

⁴ См. об этом также: Зарецкий Ю.П. Феодализм, исторический источник, история, наука: «модный» взгляд на старые вещи // Новые российские гуманитарные исследования. 2007. № 2 (www.nrgumis.ru/articles/article.php?binn_rubrik_pl_articles=189).

⁵ См.: Iggers G. *Historiography in the Twentieth Century: from scientific objectivity to the postmodern challenge*. Hanover; London, 1997.

вой, в историографии не может быть «объективен» в принципе. Он является либо его «реконструкцией» (в лучшем случае), либо вообще «конструкцией», имеющей мало отношения к «подлинному» прошлому. При этом признается, что в обоих случаях этот образ напрямую зависит от властных отношений в обществе и является предметом манипуляций сил, имеющих своей целью достижение тех или иных политических результатов в настоящем. О все большем признании такого рода обусловленности исторического знания можно судить по вторжению соответствующих тем в повестку дня крупнейших международных форумов историков. Одна из основных тем XIX конгресса исторических наук в Осло (2000), например, была сформулирована следующим образом: «Использование истории, злоупотребление ею и ответственность историков»¹.

Эта формулировка подразумевает не только то, что продукция, производимая историками, является не «чистым» знанием, а знанием, зависимым от конкретных социальных и политических обстоятельств. Она имеет в виду, что это знание неизбежно так или иначе «используется» властными силами, причем нередко во вред обществу, что приводит к таким печальным следствиям, как войны, геноцид, межэтнические конфликты и так далее. Наиболее часто приводимый пример такого использования – роль ученых XIX в. в формировании идеологии и практики национализма. «Научно обосновав» три важнейших характеристики нации: восходящее к далекому прошлому единство языка, территории и культуры, они создали историческую «смесь» огромной разрушительной силы, не раз использовавшуюся на протяжении XX в. (тут достаточно упомянуть о двух мировых войнах) и продолжающую использоваться в разных частях Европы в наши дни (наиболее известный сегодняшний пример – события в Косове и вокруг него).

Важная характерная черта современного исторического знания – историоризация (и проблематизация) целого ряда привычных понятий. Это историоризирующее / проблематизирующее направление в историографии породило в последние 20-30 лет большую серию исследований, посвященных самым разным темам. В качестве примера тут можно привести популярную монографию известного американского историка П. Гири «Миф о нациях: Средневековое происхождение Европы»². Главная мысль автора (правоту ее он доказывает на примере становления идеи «нации» в европейской науке XIX в.): представления миллионов современных европейцев, гордящихся своим происхождением от кельтов, франков, галлов, гуннов, сербов и т.д., основываются на иллюзиях. Соответственно, задача его исследования – показать, как эти иллюзии возникли, т.е. «деконструировать» миф об онтологичности нации и представлений о ней как о вечной и неизменной реальности. Другой пример – недавно переведенное на русский язык исследование Л. Вульфа «Изобретая Восточную Европу»³. В нем на многочисленных примерах показывается, что в привычном для нас делении европейского континента на Западную и Восточную Европу нет ничего «естественного»: до XVIII в. такого деления просто не существовало. Концепция отдельной, «отсталой», Европы появилась только в эпоху Просвещения, когда его деятели с высот своих знаний стали снисходительно-любопытствующе обзирать окружающий их мир. Наконец, к этому же историоризирующему и проблематизирующему направлению относится и только что появившееся на русском языке исследование немецкого историка Ф.Б. Шенка, посвященное функционированию культурной памяти об Александре Невском. Главный вопрос, который ставит в нем автор (нужно заметить, для нашей историографии звучащий довольно непривычно), не то, каким был его герой «на самом деле», а «как изменялся образ Александра Невского в период более чем семисотлетней его истории»⁴. Известный французский философ П. Рикёр, говоря в одной из своих последних лекций об общих сдвигах в историческом знании XX в., определил их емкой формулой: «*историю событий сменила история интерпретаций*». Ра-

¹ См.: www.oslo2000.uio.no.

² Geary P.J. The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe. Princeton, 2002.

³ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

⁴ Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007. С.10.

зумеется, эта формула претендовала не столько на полноту, сколько на обозначение общей тенденции.

Второе понятие, о котором пойдет речь, *память* (точнее, социальная память), тесно переплетено с понятием «история». Его введение в научный оборот и начало изучения социальной памяти относят к 1920-м гг. и связывают с именем М. Хальбвакса¹. Для Хальбвакса *память является социальной конструкцией, создаваемой в настоящем*. То есть она понимается не как сумма воспоминаний отдельных людей, а как некое *коллективное культурное произведение, развивающееся под влиянием семьи, религии и социальной группы через языковые структуры, повседневные жизненные практики и общественные институты*. Т.е. она «конституирует систему общественных конвенций, в рамках которой мы придаем форму нашим воспоминаниям»². Работы Хальбвакса, оказавшиеся особенно востребованными в последние десятилетия XX в., положили начало новому междисциплинарному направлению исследований³. Социальная память, ее формирование, отношение между социальной памятью и историческим знанием стали темой широких научных и общественных дискуссий. В них следует обозначить одно важное различие в позициях участников. Если для Хальбвакса и некоторых его последователей социальная память и историческая наука выступают как антагонисты (историческая наука начинается там, где заканчивается коллективная память и наоборот), то новое поколение ученых склоняется к сближению этих понятий. Как замечает один из них, «когда постулируют дихотомию коллективной памяти и истории, упускают социальный и культурный контекст, в котором находится сам историк» и приписывают историческому знанию объективность и внеисторичность, которых оно вряд ли заслуживает. «Историки работают с некоторой целью – по существу затем, чтобы формировать коллективную память исторического цеха и, в конечном счете, общества, в котором живут. Ученое разыскание стремится к тому, чтобы преобразить коллективное понимание прошлого»⁴.

С 1980-х гг. историки начали активное изучение коллективной памяти. Одна из самых известных и масштабных работ в этом направлении – проект под руководством П. Нора «Места памяти»⁵. Предметом исследования в нем стали места, вещи и события, в совокупности составляющие материал, из которого конструируется коллективная память во Франции. Этими «символическими объектами» стали отдельные местности, памятники, события, ритуалы, символы и традиции, составляющие многообразие французской национальной идентичности: Пантеон, Жанна д'Арк, Триумфальная арка, словарь Ларусса, Стена коммунаров и еще десятки других. «Способ, каким составленные из этих обломков фрагменты прошлого дошли до нас, – говорит Нора, – то, как они возникали, исчезали, дробились на части и вновь использовались, и является тем, что создало нас»⁶. Таким образом, главной задачей исследования, объединившего крупнейших историков Франции, стал поиск ответов на вопросы, злободневные для сегодняшнего французского общества: Что такое Франция? Что значит быть французом? Как менялись представления о Франции и французах во времени?

Наконец, третье понятие, *национальная идентичность*, наиболее неопределенное и противоречивое по причине его гораздо большей укорененности в общественно-политическом лексиконе, чем в научном. *Идентичность* в данном случае понимается как социальная идентичность, то есть принадлежность человека к той или иной устойчивой группе людей. Эта принадлежность обычно считается фактом, если признается, с одной стороны, самим че-

¹ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

² Гири П. История в роли памяти? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 14. М., 2005. С. 116.

³ См. на русском языке: Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Франсуа Э. «Места памяти» по-немецки: как писать их историю? // *Ab imperio*. 2004. № 1. С. 29-43.

⁴ Гири П. История в роли памяти? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 14. М., 2005. С. 118.

⁵ Nora P. (Ed.). *Les Lieux de mémoire*. Vol. 1-7. Paris, 1984-1992; сокращенный русский перевод: Франция – память. СПб., 1999.

⁶ Нора П. Как писать историю Франции? // Франция - память. СПб., 1999. С. 92-93.

ловеком, с другой, окружающими его людьми или обществом в целом. Долгие разъяснения здесь, впрочем, едва ли требуются. *Национальный* – иной случай, поскольку это слово нагружено многообразными смыслами. Два из них наиболее очевидны: исходный смысл понятия «нация» может пониматься, во-первых, как общество и государство и, во-вторых, как тот или иной народ (этнос). В западноевропейских языках сегодня, безусловно, доминирует первый смысл, в современной России – второй¹.

Особенности сегодняшнего российского понимания национальной идентичности обусловлены вполне конкретными историческими обстоятельствами. Хорошо знакомые каждому понятия «нация» и «национальность» вошли в наш политический, научный и повседневный лексикон в значительной мере благодаря российским социал-демократам, которые, как известно, были довольно хорошо знакомы с западной общественной наукой (преимущественно немецкой) конца XIX – начала XX вв. Принципиальное значение для введения в обиход этих понятий имела знаменитая статья «Марксизм и национальный вопрос», которая после победы большевистской революции превратилась не только в «азбуку» национального строительства, но и в важнейший инструмент укоренения новых понятий в русском языке².

Что касается понятия «национальность», то оно стало постепенно приобретать все большую значимость начиная с 1926 г., после того, как было внесено в опросный лист Всесоюзной переписи населения³. Тогда (впервые в нашей истории!) каждый житель СССР не просто услышал это слово из «уст» новых властей, но был обязан идентифицировать себя с той или иной национальностью/народностью. В итоге, государственная власть получила картину «национального состава населения СССР»⁴, необходимую для выработки ею «национальной политики».

Введение в 1932 г. в СССР паспортной системы с соответствующей графой окончательно сформировало и на десятилетия «зацементировало» советское понимание «национальности». Хотя и не сразу. Первоначально каждый гражданин СССР при получении паспорта был волен указать в графе «национальность» ту, к которой он сам себя относил независимо от места рождения, происхождения, вероисповедания, родного языка и других факторов. Однако очень скоро, по-видимому, уже с конца 1930-х гг., в СССР «национальность» стала пониматься почти исключительно как родство по крови. Никакой личной свободы в определении собственной идентичности не допускалось, знание языка, обычаев и тому подобное отходило на второй и третий планы, и именно родство по крови становилось важнейшим признаком принадлежности к той или иной «национальности» - во всяком случае, именно указания на такое родство требовали различные инструкции, анкеты и повседневные практики. В общем,

¹ Приведу для иллюстрации пример. Дело происходило в начале октября 2006 г. в одном из немецких университетов на первой встрече только что принятых студентов I курса, часть которых составляли иностранцы. Каждому нужно было кратко представиться, т.е. назвать свое имя и добавить пару слов о себе. Все шло рутинно, пока одна девушка не встала и не произнесла: «Я (такая-то). Я из Казахстана, но я русская». Тут же возникло недоумение, и присутствующие стали перешептываться, пытаясь выяснить, что эти загадочные слова означают: какой же она все-таки национальности (то есть гражданкой какого государства она является)? Казахстана (=казашка)? Или все-таки России (=русская)? Или, может быть, у нее двойное гражданство? Какой-то особый статус? Смысл сказанного прекрасно поняла лишь одна студентка из России, находившаяся в аудитории и рассказавшая мне эту примечательную историю.

² См.: Особенности конституирования национальной и этнической идентичности в современной России. СПб., 1999; Сухачев В.Ю. Национальная идентичность – теория и реальность // Там же. С. 30-37.

³ Программа переписи включала 14 признаков. Кроме «национальности» (в переписном листе ее синоним – «народность»), в эти признаки входили: пол, возраст, родной язык, место рождения, продолжительность проживания в месте переписи, брачное состояние, грамотность, физические недостатки, психическое здоровье, занятие (с выделением главного и побочного), положение в занятии и отрасль труда, для безработных – продолжительность безработицы и прежнее занятие, источник средств существования (для не имеющих занятия).

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп.ру (http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php).

вполне можно согласиться с заключением, сделанным историками: в СССР «личная национальность стала исключительно вопросом крови»¹.

В постсоветское время такая картина «национальных общностей» и критерии их обозначения подверглись резкой критике со стороны российских ученых, и, вместо понятий «нация» и «национальность», в научный оборот стали вводиться принятые в мировой науке понятия «этнос», «этническая группа» и другие². Однако трудности с овладением новым понятийным аппаратом и его использованием оказались серьезнее, чем ожидали ученые: в государственно-политической и широкой общественной практике обозначение этнических групп и понимание их природы в постсоветское время не претерпело серьезных изменений. Вот что писал в этой связи В. Тишков: «Что стоит хотя бы первая строка нынешней Конституции: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации». Эти старые клише «многонациональности» из советских деклараций, когда за них не нужно было платить процедурой реализации, перекочевали в совершенно новую политическую ситуацию более ответственных смыслов»³. В последнее время, впрочем, российские граждане все чаще сталкиваются с иной трактовкой своей «национальной идентичности»: как гражданства и, соответственно, понимания «нации» как российского общества и государства в целом. Например, когда заполняют визовую анкету, выезжая за границу, или слышат в средствах массовой информации о российских «национальных интересах», национальном проекте «доступное жилье» и так далее.

В заключение нужно подчеркнуть: поиски новой коллективной идентичности сегодня актуальны не только для России. *Стремительно меняющийся мир действительно ставит задачу формирования новых национальных (а нередко и наднациональных) идентичностей, требую преобразований существующих форм коллективной памяти.* Из России особенно заметны такие преобразования в странах бывшего СССР, обычно болезненно у нас воспринимающиеся и обозначаемые как «переписывание истории» (особенно в Украине и Балтийских государствах). Но «переписывание истории» в той или иной мере наблюдается не только в постсоветском пространстве, но и во вполне «благополучных» странах. Упомянувшийся выше проект Нора исходил из вполне конкретной практической задачи конструирования новой французской идентичности. «Мы переходим от одной модели нации к другой»⁴, подчеркивал Нора, в статье красноречиво озаглавленной «Как писать историю Франции?» и без ложной скромности добавлял, что его проект – «ответ императивным требованиям момента, единственный, который соответствует сегодня состоянию науки и сознания»⁵.

Как это ни может показаться удивительным, но задача обретения новой коллективной идентичности в высшей степени актуальна сегодня не только для «россиян», но и для англичан, немцев, американцев⁶. Для правительств, общественных и научных институтов стран ЕС особенно. Количество научных публикаций, конференций и исследовательских проектов (как правило, международных и междисциплинарных), в которых так или иначе присутству-

¹ Особенности конституирования национальной и этнической идентичности в современной России. СПб., 1999. С. 367. К сказанному необходимо добавить, что в официальной советской идеологии любые проявления национализма и расизма категорически осуждались.

² Следует заметить, что до перестройки понятия «этнос» в ходу не было. См.: Любимова Г.В. Изучение проблем этнической самоидентификации в отечественной литературе 1990-х гг. (www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/arj/?html=lubg.htm&id=1304).

³ Тишков В.А. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9 (цит по: www.portal.rsu.ru/culture/rostov.doc).

⁴ Нора П. Как писать историю Франции? // Франция - память. СПб., 1999. С. 89-90.

⁵ Там же. С. 93. Следует добавить, что смелое и масштабное предприятие Нора стало впоследствии образцом для исследований о возникновении и переустройстве национальных идентичностей через образы памяти о прошлом, ведущихся в целом ряде европейских стран.

⁶ В США, например, после краха идеи американского общества как «плавильного котла» и стремительного роста потока иммигрантов из стран Латинской Америки, тревогу забили ученые консервативного толка, увидевшие главную угрозу американской идентичности в потоке иммигрантов-латиносов и призвавшие к восстановлению англо-протестантского основания этой идентичности (см.: Huntington S.P. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. New York, 2004).

ет идея «формирования» или «создания» новой европейской идентичности, сегодня не счесть. Речь в них идет об европейской политической и экономической интеграции, исчезновении государственных границ, миграционных процессах и, не в последнюю очередь, о необходимости новой наднациональной истории, соответствующей задаче строительства единой Европы¹. Сегодня трудно представить, каковы будут конкретные результаты этих масштабных проектов. Больше того, не вполне ясно, в какой мере прислушиваются к экспертным мнениям историков политики и прислушиваются ли вообще. Скорее всего, историческое знание больше используется ими для достижения тех или иных сиюминутных результатов, чем играет какую-то самостоятельную роль. Но из этого едва ли следует, что историки так уж бесполезны для переустройства современного общества. Они могут, по крайней мере, упрямо, с надоедливыми подробностями и повторами рассказывать своим читателям о том, как создаются фантомы прошлого, как они использовались для достижения конкретных политических целей раньше и как используются сейчас.

С.Г. Зырянов, д.полит.н., Е.В. Терещук, к.соц.н. (ЧФ/И/ УрАГС, Челябинск).
Студенты о Великой отечественной войне в контексте семейной традиции

Анализируя проблему отношения молодежи к Великой отечественной войне, Дню Победы, мы рассматривали её применительно к индивиду. Настал момент рассмотреть ее в пространстве семьи, ответив на следующие вопросы: влияют ли на восприятие этих исторических событий установки в семьях студентов, связано ли это с реликвиями Великой отечественной войны, хранящимися в семьях. Одна из главных функций семьи – воспитание подрастающего поколения, передача накопленного опыта, в том числе и приобщение к исторической памяти, через призму которой молодые люди оценивают значимость и характер событий прошлого и настоящего своей страны.

Самосознание любого общества начинается с истории. Ее символически значимые события формируют смысловую основу национальной и гражданской идентичности. В то же время историческое сознание подвержено как бы незаметному воздействию повседневных перемен. Меняется жизнь – и вслед за ней постепенно меняется и историческое сознание. Вот почему результаты социологического зондирования исторических представлений, особенно поколения, только вступающего в жизнь, являются эффективным инструментом социальной диагностики.²

Как отмечают социологи ИС РАН, необходимо признать, что сегодня россияне «черпают» символы величия в основном в советском прошлом страны, и, прежде всего, это Победа советского народа в Великой Отечественной войне (67%)³. (См.: Рис.1).

Результаты исследования РАГС также подтверждают, что Победа СССР над фашизмом до сих пор относится к символам гордости в отечественной истории (на что указывают 23% опрошенных), занимая по значимости второе место после развития космонавтики (33%).⁴

Но современный россиянин все больше удаляется от советской истории, которая становится далеким прошлым, лежащим за пределами исторического опыта новых поколений. К примеру, для современной молодежи, например, российская культура (великие писатели, музыканты, поэты, художники) по своему значению обогнала события Великой Отечественной

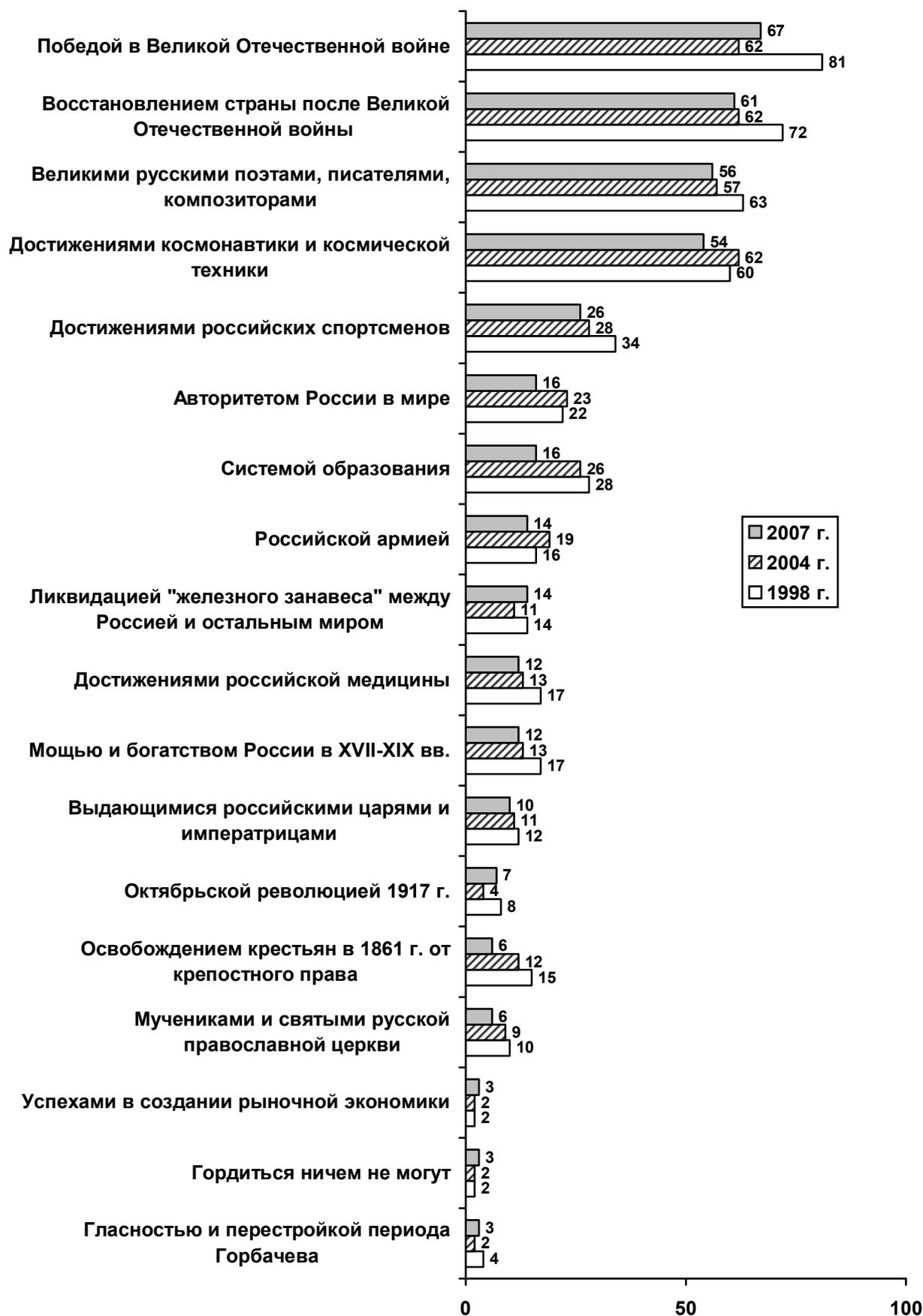
¹ В качестве примеров участия историков в создании европейской коллективной памяти укажу на серию популярных монографий «Строить Европу» («Faire l'Europe») крупнейших ученых современности (с 1993 года она выходит под редакцией Жака Ле Гоффа и переводится на основные европейские языки) и на масштабный проект СЛЮН, имеющий задачей преподавание и изучение европейской истории на всех уровнях, основываясь на наднациональном видении европейского прошлого (см.: www.stm.unipi.it/Clloh/indexold.html).

² Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты // Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН. 2007. №7 // Интернет-ресурс: http://www.isras.ru/INAB_2007_4_main.htm

³ Российская идентичность в социологическом измерении // Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН. 2008. №3 // Интернет-ресурс: http://www.isras.ru/INAB_2008_3_main.htm

⁴ Бойков В.Э. Историческая память российского населения // Интернет-ресурс: http://www.rags.ru/s_center/istoriya/analiz.shtm

Рис.1. Чем из прошлой истории страны сегодня гордятся граждане России (допускалось не более 5 вариантов ответа)

войны (62 и 54% соответственно), не говоря уже об Октябрьской революции и других историко-политических событиях советского и досоветского периодов.¹

Вопросы трансляции исторической памяти связаны с проблемами межпоколенческих отношений, с нежеланием молодежи безоговорочно усваивать и воспроизводить ценности и модели поведения старшего поколения. Однако, по данным ВЦИОМ, население России, например, рассматривает межпоколенческие различия менее значимыми в сравнении с социально-экономическими и социально-политическими. По значимости различия между поколениями (47%) «пропустили вперед» другие: между бедными и богатыми – 79%, населением и властью – 71%, между рабочим классом, интеллигенцией и бизнесменами – 53%.² В условиях социальных трансформаций качественно изменяется значимость для молодого поколения жизненного и социального опыта старших поколений. Этот опыт – в отличие от периодов эволюционного, «спокойного» развития – не воспринимается молодежью как актуальный и для нее. По данным тюменских социологов, лишь 31% молодых людей твердо заявляют, что родители для них – образец; для 47% родители могут служить образцом далеко не во всем; 11% – вообще не признают родителей образцом; еще 11% затруднились с ответом.³

Влияют ли межпоколенческие проблемы – проблемы отцов и детей – на отношение к одному из определяющих событий истории страны – к Победе в Великой Отечественной войне? Насколько далеко ушла студенческая молодежь от старшего поколения в восприятии значимости Дня Победы? Проведенное среди студентов исследование позволяет зафиксировать следующие аспекты обозначенной проблемы.

Для семей большинства опрошенных студентов День победы – это «праздник со слезами на глазах», день памяти о родных, прошедших войну. И, судя по всему, такое отношение к Дню Победы и к Великой Отечественной войне воспринято и самим молодым поколением. Это отражается на личностной оценке студентами актуальности событий 65-летней давности, уверенности в том, что подвиг в Великой Отечественной войне будет примером для новых поколений, в готовности называть себя патриотами. Немаловажное значение в передаче исторической памяти молодому поколению имеют хранящиеся в семьях студентов реликвии Великой отечественной войны.

Каковы существующие в семьях студентов традиции празднования Дня Победы? Отражают ли они только ценности средних и старших поколений или восприняты и молодым поколением тоже?

Почти две трети студентов (61%) отмечают, что День Победы для их семей – это день памяти о родных, прошедших войну. Ответы 29% студентов подчеркивают, видимо, общую объективную значимость Дня Победы для общества, страны: для них 9 мая является «праздником со слезами на глазах». Для 12% опрошенных и их семей этот праздник не несет никакой смысловой нагрузки и воспринимается просто как дополнительный выходной день. Таким образом, в семьях сохраняется отношение к Дню Победы как значимому историческому событию, по крайней мере по ответам большинства опрошенных представителей молодого поколения.

Отношение к Великой Отечественной войне, которое существует в семьях студентов, коррелирует с некоторыми параметрами, фиксирующими личностные пристрастия и ценностные ориентации студентов. Это дает определенные основания для предположения о том, что молодое поколение скорее всего интериоризировало значимость (или незначимость) Великой Отечественной войны и победы над фашизмом, присущее семьям респондентов.

¹ Российская идентичность в социологическом измерении // Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН. – 2008. - №3 // Режим доступа: http://www.isras.ru/INAB_2008_3_main.htm

² Известия. 2007. 20 марта.

³ Трушников Д.Ю., Трушникова В.И. Ценностные ориентации молодежи в системе воспитания в условиях университетского кластера // Молодежь российских регионов в системе межрегиональных и межгосударственных социально-экономических и политических связей / IV Уральские молодежные социологические чтения: Всероссийская научная конференция. В 2 выпусках. Вып.1. Екатеринбург, 2008. С.145.

Так, отношение к Дню Победы в семье отражается и на интересе студентов к Великой отечественной войне. Студенты, которые согласны с утверждением «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно», намного чаще, чем в среднем, отмечают, что для их семьи День Победы – это просто выходной (на 41% больше). В то же время отношение в семье к Дню Победы, как к «празднику со слезами на глазах» и как к дню памяти о прошедших войну родных, несколько увеличивает корреляцию с наличием интереса к Великой отечественной войне (несогласие с утверждением «Великая отечественная война была давно, мне это не интересно»).

При этом нужно отметить, что подавляющее большинство опрошенных студентов не согласны с утверждением о том, что давность Великой отечественной войне снижает интерес к этим событиям и заслоняется повседневной жизнью (83%). О том, что война не представляет для них интереса, заявили только 2% респондентов.

Студенты, которые считают, что память о Великой отечественной войне сохранится в сознании нынешней молодежи, чаще, чем в среднем, отмечают, что в их семье День Победы – это «праздник со слезами на глазах» (на 5% больше среднего показателя). Суждения студентов о том, что память о Великой Отечественной войне заслоняют иные события и проблемы, в большей степени коррелирует с отношением к Дню Победы в семье как к простому выходному (на 12% больше среднего показателя). Группа студентов, отрицающих наличие каких-либо мыслей и чувств по поводу 65-летия Победы, однозначно воспринимают 9 мая как просто выходной день (на 88% больше среднего показателя).

Выбор студентами позиции о значимости для семьи Дня Победы обнаруживает корреляцию и с готовностью студентов назвать себя патриотами.

Таблица 1.

Готовность студентов называть себя патриотами и отношение к Дню Победы в семьях студентов

Вы можете себя назвать патриотом?	Чем для семьи является «День победы»			
	«Праздник со слезами на глазах»	День памяти о родных, прошедших войну	просто выходной	Σ
да	33	22	11	24
скорее да, чем нет	55	60	48	58
скорее нет, чем да	9	14	27	14
нет	3	4	14	4

Студенты, для которых День Победы – не просто очередной выходной, а наполненный определенным смыслом праздник («праздник со слезами на глазах», день памяти о родных, прошедших войну), чаще, чем в среднем, называют себя патриотами. И наоборот: восприятие Дня победы как выходного в большей степени коррелирует с неготовностью назвать себя патриотом (по позиции «скорее нет» – на 13% больше, чем в среднем, по позиции «нет» – на 9% больше, чем в среднем). И такая корреляция вполне объяснима, поскольку патриотизм предполагает гордость за свою страну, интерес и к ее победам и достижениям, их признание.

В памяти людей аккумулируются представления о героических событиях отечественной истории, о выдающихся деятелях и ярких достижениях страны. Эти представления играют роль ценностных ориентиров, способствуют укреплению гражданского самосознания и патриотизма. Но память хранит и картины бесславных войн, кровавых репрессий, социальных невзгод, повлекших большие нравственные, человеческие и материальные утраты. Эти ее феномены, напротив, могут рождать у людей отрицательные эмоции, вызывать отчужденное отношение к стране и государству.¹

¹ Бойков В.Э. Историческая память российского населения // Интернет-ресурс: http://www.rags.ru/s_center/istoriya/analiz.shtm

Из всех социально-демографических характеристик респондентов (пол, курс, специализация, факультет, вуз, город) статистически коррелирует с оценкой студентами отношения в семье к Дню победы пол и специализация обучения.

Выявляя влияние социально-демографических характеристик респондентов на их ответы о том, чем для их семьи является День Победы, мы в определенной степени констатируем опосредованность этих ответов личностными особенностями социализации и образования самих студентов. Другими словами, «интерпретируем интерпретацию».

Девушки чаще, со свойственной им эмоциональностью, характеризуют отношение семьи к Дню Победы как к «празднику со слезами на глазах» (на 10% больше, чем в среднем по выборке). Представители сильного пола больше склонны к прагматичности в оценках того, какое значение для семьи имеет День Победы.

Доля молодых людей несколько выше среди тех, кто в День Победы вспоминает родных, прошедших войну (на 4% больше, чем в среднем), или относится к этому дню просто как к выходному (на 6% больше, чем в среднем).

Что касается корреляции характера специальности, по которой обучаются студенты, и оценкой ими отношения в семье к Дню победы, то «гуманитариев» и студентов социально-экономического профиля несколько больше, чем в среднем по выборке, среди тех, кто характеризует отношение в семье к Дню победы как к «празднику со слезами на глазах». Доля «технарей» и «естественников» в этой группе чуть меньше среднего. Вероятно, такая взаимосвязь может объясняться личностными склонностями студентов, выбравших различный профиль обучения, что отражается на их большей или меньшей прагматичности и рациональности в восприятии современности и исторического прошлого страны, а также уровнем осведомленности об этом.

Таблица 2.

Специализация студентов и отношение к Дню Победы в семьях студентов

Специализация	Чем для семьи является «День победы»			
	«Праздник со слезами на глазах»	День памяти о родных, прошедших войну	просто выходной	Σ
Гуманитарная	39	34	37	35
Естественнонаучная	10	13	12	12
Социально-экономическая	25	21	19	22
Техническая	26	32	32	30

Значимого влияния возраста студентов, факультета и вуза, в которых они обучаются, места проживания на содержание и выбор ответов об отношении в семье к Дню Победы не обнаружено.

Как было отмечено выше, подавляющее большинство семей опрошенных студентов относятся к Дню Победы осмысленно, вкладывая соответствующее значение в этот праздник. Чем обусловлена такая «связь времен», несмотря на прошедшие 65 лет? Видимо, в определенной степени это обусловлено и хранящимися в семьях реликвиями Великой Отечественной войны. Половина респондентов отметила, что в их семьях хранятся реликвии войны. При этом выявился определенный парадокс:

Таблица 3

Хранятся ли реликвии Великой Отечественной войны

Варианты ответа	2010	2005
Да	50	40
Нет	50	60

Получается: за 5 прошедших лет число семей, в которых хранятся реликвии Великой Отечественной войны, не уменьшилось, а возросло. Конечно, тут не могли не сказаться осо-

бенности мониторинга («студенты», которых мы опрашивали в 2005 и 2010 гг. – разные люди). И все-таки возможно и другое объяснение – за эти годы внимание к семейным реликвиям Великой Отечественной войны возросло.

Как показывает таблица двухмерного наложения, прослеживается корреляция между наличием хранящихся в семьях студентов реликвий Великой Отечественной войны и отношением к Дню Победы как к дню памяти о родных, прошедших войну. Другими словами, имеющиеся в семье реликвии ВОВ как бы «персонифицируют» общий для страны праздник в особый день для отдельной семьи. Отсутствие в семьях реликвий Великой отечественной войны чаще, чем в среднем, коррелирует с отношением к Дню победы в семье как к простому выходному (на 8% больше, чем в среднем по массиву).

Интересен территориальный разрез ответов респондентов:

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Хранятся ли реликвии Великой Отечественной войны в вашей семье?»

город	Хранятся ли реликвии ВОВ		
	да	нет	Итого:
В целом по массиву	50	50	100
Альметьевск	49	51	100
Белгород	59	41	100
Волгоград	51	49	100
Екатеринбург	53	47	100
Краснодар	55	45	100
Магадан	36	64	100
Магнитогорск	48	52	100
Москва	58	42	100
Нальчик	45	55	100
Нижевартговск	37	63	100
Нижний Новгород	56	44	100
Пермь	52	48	100
Тюмень	44	56	100
Уфа	64	36	100
Челябинск	43	57	100

Заметно, что чаще, чем в среднем, реликвии хранятся у студентов, проживающих в Уфе, Белгороде, Москве, Н. Новгороде, Краснодаре (несколько выпадает из объяснимой ситуации Нальчик, где, казалось бы, этому должны содействовать и национальные традиции, и реальные боевые действия в годы войны), меньше всего – в Магадане, Нижневартговске, Челябинске, близки к медианным значениям ответы студентов Волгограда, Перми, Екатеринбурга, Альметьевска.

Какие именно реликвии Великой отечественной войны хранятся в семьях опрошенных студентов? (См.: Таблица 4).

Только 51% респондентов отметили наличие тех или иных реликвий ВОВ, которые хранятся в их семьях (что в целом соответствует доле подтвердивших наличие реликвий Великой отечественной войны в семьях).

Студенты, в семьях которых хранятся какие-либо реликвии войны, чаще отмечают, что это награды родных, прошедших войну, фотографии, вещи военных лет, письма. Существенно реже встречаются книги и газеты, патроны и осколки, трофеи, похоронки, документы, записи, стихи, оружие и его элементы, благодарности за службы, открытки, монеты, форма, значки, марки. Здесь нужно учесть специфику вопроса анкеты. В позицию «другое» часто попадали варианты, которые можно отнести к уже обозначенным в вопросе позициям. В частности, к вещам военных лет, на наш взгляд, имеет смысл причислить хранящиеся в семьях значки, марки, форму, монеты, оружие (и его части), трофеи, патроны, осколки, книги, газе-

ты (суммарно – 2,2%). В категории «другое» остаются документы (0,3%), похоронки (0,3%) открытки (0,3%), записи, стихи (0,3%), благодарности за службу (0,2%) – суммарно 1,2%. Любой исследователь будет по-своему структурировать ответы на этот полузакрытый вопрос в зависимости от целей и задач исследования.

Студенты, в семьях которых к Дню победы относятся как к простому выходному, хранятся существенно меньше реликвий ВОВ, чем в семьях, которые воспринимают 9 Мая как «праздник со слезами на глазах» или как день памяти о родных, прошедших войну. Другими словами, наличие реликвий ВОВ в семьях, персонификация войны в вещах военных лет, которые дороги для семей, чаще способствует поддержанию исторической памяти и ее передачи новым поколениям, обеспечивая «связь времен».

Таблица 4

**Реликвии Великой отечественной войны, хранящиеся в семьях студентов
% от числа опрошенных**

Варианты ответа	%
награды	37,1
фотографии	32,0
вещи военных лет	12,8
письма	11,3
книги, газеты	0,3
патроны, осколки	0,3
трофеи	0,2
похоронка	0,2
документы	0,2
записи, стихи	0,1
оружие, элементы оружия	0,1
благодарности за службу	0,1
открытки	0,1
монеты	0,1
Итого ответивших:	51

В целом вывод может быть следующим: проблемы отцов и детей, проблемы поколений, стремление пересмотреть и переоценить героическое «наследие отцов», если и затрагивают отношение к Великой отечественной войне, то в меньшей степени они отражаются на восприятии самого факта победы советского народа над фашизмом. Большинство нынешних студентов отдадут дань памяти победе в Великой отечественной войне, и это во многом заслуга семьи, поколений отцов и дедов, которые сумели передать молодежи смысл и значение этих исторических

**В.Н. Иванов, чл.-корр. РАН (ИСПИ РАН, Москва)
Великая Победа и проблемы безопасности¹**

60-летие великой победы активизировало внимание к военной проблематике политиков, писателей, журналистов, и ученых, представляющих разные области научного знания: историки, философы, социальные психологи, экономисты, социологи, работающие в области военной и исторической социологии².

¹ *Примечание редактора: публикация данной статьи – дань уважения к автору, одному из известнейших отечественных социологов, и к его патриотической позиции – о роли социологии в сохранении и защите исторической памяти о Великой Отечественной войне.*

² См., например, Тюшкевич. Законы войны: механизм действия, факторы использования. М., 2002; Черных А.И. Историческая социология на Западе (конец XX в.) // Социс. 2002. № 2; Романовский Н.В. Социологическая энциклопедия в 2-х томах. Руков. научного проекта Г.Ю. Семигин, гл. ред. В.Н. Иванов. М, 2003, С. 527; Образцов И.В. Социология военная. «Социологическая энциклопедия» в 2-х томах. М., 2003, Т. 2, С. 511; Серебрянников В.В. Социология войны. М., 1997.

Разумеется, выбор исследовательских проблем идет с учетом вызовов времени, новых социальных условий и решаемых обществом задач, в первую очередь связанных с национальной безопасностью. Немаловажной остается проблема борьбы с фальсификацией истории Великой Отечественной войны и в целом Второй мировой. Замысел нынешних фальсификаторов заключается в том, чтобы принизить значение победы, и особенно решающей роли нашей страны в разгроме германского фашизма. Именно решающая роль нашего народа и его Вооруженных сил в разгроме фашистской Германии, в избавлении Европы от фашистского порабощения обусловила соответствующее положение в Европе и в мире сегодня, которое было закреплено в Ялтинских, Потсдамских документах 1945 г. и Хельсинкских соглашениях ОБСЕ в 1975 г.

Не прекращаются инсинуации «виновности» Советского Союза в развязывании войны, о якобы готовившемся им упреждающем ударе по Германии. В качестве иллюстрации к сказанному приведу высказывание Ю.Н. Афанасьева: «Скажем ли мы, к примеру, когда-нибудь – какая это была война, Великая Отечественная? – поставил он вопрос, обращаясь 15 сентября 1993 г. к обозревателю «Литературной газеты», и ответил: – Отечественной мы ее назвали по сталинской версии. А на самом деле? Разве это не была схватка двух тиранов?» «Вы хотите сказать, что целью войны было насаждение коммунистического режима в Европе?» – спросил обозреватель. «Именно к этому готовился Сталин, – к войне наступательной, агрессивной, – ответил собеседник. – Все факты говорят об этом. Дислокация войск, профиль военных училищ, характер оружия. И выходит, что мы вели не свою войну...».

В своих заблуждениях, Ю.Н. Афанасьев не одинок. На подобной же позиции, к сожалению, стоят и некоторые известные исследователи, исповедующие идею «равной ответственности СССР и Германии за развязывание Второй мировой войны»¹. Так, некоторое время тому назад в Государственном Университете – высшей школе экономики состоялось обсуждение книги А.Г. Здравомыслова «Немцы о русских на пороге нового тысячелетия»². Представляя книгу, автор в частности обратил внимание на то обстоятельство, что предметом исследования наряду с другими были вопросы о том, как влияет на восприятие друг друга память о войне, выяснение, в чем состоит эта память, в какой мере она мотивирует поступки сегодняшних немцев. Обращает на себе внимание высказанное в ходе дискуссии суждение профессора А.Б. Гофмана: «Нельзя не согласиться с автором, – отметил он, – в вопросе о равной ответственности СССР и Германии за возникновение Второй мировой войны».

Невольно возникает контрвопрос: почему? Разве можно ставить на одну доску страну, стремившуюся насадить в мире фашистский порядок силой оружия, и страну, воспротивившуюся этому? Для того чтобы обоснованно судить о характере и итогах войны, надо уяснить, какие цели ставили перед собой противоборствующие стороны и как они достигались. Цель фашистской Германии состояла в захвате и ликвидации СССР как государства, в порабощении и истреблении огромных масс славянских и других народов, которых идеологи фашизма определяли как «низшую расу», в создании «Великой Германии» до Урала, в завоевании мирового господства. Советский Союз и другие страны антигитлеровской коалиции ставили своей главной целью защиту свободы и независимости своих государств и других подвергшихся нападению стран, разгром и искоренение фашизма. Об этом было прямо заявлено в директиве Совнаркома СССР и ЦК Коммунистической партии от 29 июня 1941 г., в выступлении И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 г., в последующих решениях Советского руководства. Образованием антигитлеровской коалиции. В этих документах отмечалось, что СССР совместно с другими участниками антигитлеровской коалиции ставит своей целью освободить народы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании национальных государств, предоставить освобожденным народам полное право и свободу самим решать вопрос о государственном устройстве; установить такой порядок в Европе, который бы

¹ См.: В сообществе профессиональных социологов // Социс. 2004. № 10. С. 125.

² Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России – ее настоящем, прошлом и будущем, контент-анализ и комментарий». М., 2003.

полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии. В освободительной миссии Советской Армии выразилась не только необходимость защиты своих государственных интересов, но и всемерное уважение интересов народов других стран.

Сегодня немало публикуется разного рода спекуляций по поводу вступления Советской Армии на территории других стран. В заявлениях Советского правительства в последние годы войны подчеркивалось, что вступление Советской Армии на территории других стран диктуется, во-первых, исключительно военной необходимостью и не преследует цели приобретения какой-либо части территории и изменения существующего общественного строя; во-вторых, Советская Армия вступает на территории суверенных государств не как завоевательница, а как освободительница народов от немецко-фашистского ига¹.

Не лишне напомнить об этом тем исследователям, которые пишут о равной ответственности СССР и Германии за развязывание Второй мировой войны, игнорируя при этом действительные цели государств. Со стороны Германии они были черным по белому изложены не только в гитлеровском «Майн кампф», но и в плане «Ост», разработанном Розенбергом, Герингом и другими и утвержденном Гитлером, где прямо была поставлена задача «уничтожить 30-40 млн. евреев, славянских и других народов». На завоеванных Германией территориях никто не должен был иметь образование более 4-х классов и т.п. Гитлер ненавидел и боялся советской интеллигенции. Он считал необходимым «создать республики без сталинского духа. Интеллигенцию, которую создал Сталин, следует уничтожить. Уничтожить надо весь механизм руководства русского государства. В великорусском пространстве надо применять грубейшую силу. Идеологические узы еще не достаточно связывают русский народ. Как только будут устранены функционеры, эти узы распадутся».

Вполне понятно, что для нас в этой войне речь шла о жизни и смерти нашего государства и населявших ее народов. Мы должны были одолеть противника любой ценой. Другого выхода не было. В свете всего этого научно обоснованная оценка характера и уроков войны и уяснение смысла победы имеют принципиальное значение не только для понимания прошлого, но и для правильного взгляда на настоящее и верного прогнозирования будущего. Главный вывод заключается в том, что война завершилась победой Советского Союза и его союзников и полным поражением фашистской Германии, Италии и Японии.

Далекое от истины толкование хода и итогов войны некоторыми теоретиками переключало из научных (псевдонаучных) статей в учебники. И это сегодня особенно опасно. Безусловно, искаженные, сфальсифицированные оценки и выводы способны нанести урон идейно-нравственному воспитанию молодежи. Так, В.Я. Хуторский в «Истории России» без всяких доказательств утверждает, что Сталин в 1942 г. «надеялся завершить перевооружение армии ... и напасть на Германию»². Другой пример: А.А. Данилов и Л.Г. Косулина пришли к выводу, что Сталин «не исключал возможности нанесения превентивного удара по Германии»³. В учебнике А.А. Кредера явно принижается роль СССР во Второй мировой войне, неверно расставляются акценты и даются субъективистские оценки значения и роли основных сражений на советско-германском фронте и других театрах военных действий. Утверждается, например, что начало перелома в ходе войны положило сражение у аттола Мидуэй (центральная часть Тихого океана) в июне 1942 г., когда американский военно-морской флот и авиация нанесли серьезный урон вооруженным силам Японии. Автор игнорирует влияние Сталинградской и Курской битв на ход Второй мировой войны⁴. Такие примеры, к сожалению, не единичны. Отечественная миссия исторической социологии – отстаивание истины, утверждение объективных, научно обоснованных оценок и событий прошлой войны.

Советский Союз, несмотря на огромные потери и разрушения, вышел из войны окрепшим и более мощным в экономическом, и военном отношении государством чем до начала

¹ См. подробнее: Внешняя политика СССР. Сборник документов. М. 1947. т.5. С.370, 403; Вторая мировая война. Итоги и уроки. М. 1985. С. 122.

² См. подробнее: История России. Советская эпоха. (1917-1993) М., 1995, С. 96.

³ См. подробнее: Данилов А.А., Косулина Л.Г. История государства и народов России. XX век, М., 2001.

⁴ См. подробнее: Кредер А.А. Новейшая история. XX век. Учебник для основной школы. М., 1996, С. 143-145

войны. На советско-германском фронте Гитлер использовал подавляющую часть своих войск и войск европейских союзников. В течение первых двух лет против Красной Армии сражались почти все действующие силы вермахта. В течение последующих трех лет на советско-германском фронте находилось две трети соединений и техники, которыми располагала тогда фашистская Германия. Приняв на себя удар основных сил противника, Советский Союз сыграл главную роль в их разгроме. Именно на Восточном фронте было уничтожено 507 немецко-фашистских дивизий и 100 дивизий союзников Германии — почти в 3,5 раза больше, чем на всех остальных фронтах Второй мировой войны. На прошедшей в мае 2004 г. в Москве международной научной конференции «1941 год. Мир в огне. Новые документы. Новые подходы» приводился такой факт: по новейшим исследованиям американских и английских историков, на советско-германском фронте было уничтожено и выведено из строя 93% всех вооруженных сил противника. По итогам войны соотношение наших безвозвратных потерь по сравнению с германскими составляет 1,3 : 1. Разница в потерях объясняется в основном за счет истребления фашистами наших военнопленных.

Всего за время войны было проведено 50 стратегических операций. Каждая из них отличалась оригинальностью, новизной применяемых способов действий, что, как правило, оказывалось неожиданным для противника. Успешное использование новых способов вооруженной борьбы, новаторское решение многих управленческих и других проблем явились результатом творчества многих военачальников разного уровня. Но неправомерно говорить, что все это осуществлялось помимо или даже вопреки воле И. В. Сталина. Без его ведома и согласия никакие важные решения не принимались. Кстати, следует отметить, что анализ недавно проведенного сотрудниками ИСПИ РАН и Московского Института социально-культурных программ опроса ветеранов Великой Отечественной войны, посвященного 60-летию победы, в частности, показал, что большинство опрошенных высоко оценили роль И.В. Сталина как военного руководителя¹. На вопрос: «Как Вы оцениваете деятельность И.В. Сталина на посту Верховного главнокомандующего?» 68% опрошенных ответили: «Сталин был выдающимся военным руководителем» и лишь 11% ответили, что И.В. Сталин фактически Вооруженными Силами не руководил.

Небезынтересно сопоставить оценки участников Великой Отечественной войны, на чьи плечи легла непомерная тяжесть боевых действий, с мнением выдающегося полководца Маршала Советского Союза Г.К. Жукова: «И.В. Сталин внес большой личный вклад в дело завоевания победы над фашистской Германией и ее союзниками. Авторитет его был чрезвычайно велик и поэтому назначение Сталина Верховным Главнокомандующим было воспринято народом и войсками с воодушевлением. Конечно, в начале войны, до Сталинградской битвы, у Верховного были ошибки, которые бывают, как известно у каждого. Он их продумал и не только внутренне переживал, а стремился извлечь из них опыт и впредь не допускать. Опираясь на всестороннюю помощь ЦК и организаторскую деятельность партии на местах, горячий патриотизм советского народа, поднявшегося на священную войну с фашизмом, Верховный Главнокомандующий умело справился со своими обязанностями на этом высоком посту»².

С позиции предмета исторической социологии к числу наиболее важных проблем следует отнести выяснение влияния войн на взаимодействие и развитие различных обществ и общественных систем. Наукой накоплен огромный теоретический и эмпирический материал по проблематике войн. Как отмечается в справочном издании «Наука побеждать», (изданном ВАГШ ВСРФ в 2002 г., т.6), за последние 5,5 тыс. лет было около 14,5 тыс. больших и малых войн (в том числе две мировые), в ходе которых погибло, умерло от эпидемий и голода свыше 3,6 млрд. человек. Войны всегда приводили к обострению противоречий, способствовали вызреванию революционных ситуаций.

¹ См.: Кузнецов В.Н., Иванов В.Н., Сергеев В.К. Юбилей великой победы. М., 2005. С. 56. Всего было опрошено 1200 участников Великой Отечественной войны в 10 регионах России, а также 200 экспертов, в роли которых выступали военные ученые и военачальники.

² См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М. 1974. т. 1, С. 342.

Применительно к Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. с учетом уже проделанной огромной исследовательской работы следует сделать акцент на ряде важных моментов. В их числе: характер ожидаемой и реальной войны. В послереволюционные 1920-1930-е гг. в СССР было развернуто военное строительство с учетом опыта Первой мировой, гражданской войны, войн с Испанией, Финляндией и т.д., однако, значительное влияние имели взгляды Н.И. Бухарина, М.Н. Тухачевского, других партийных и военных теоретиков, считавших, что будущая война – война классов и Красная Армия это армия мировой пролетарской революции. Конечно, с приходом к власти Гитлера были внесены некоторые коррективы, но в целом классовый подход к этой проблеме преобладал. В действительности война, навязанная СССР фашистской Германией, была войной народов, а не классов. И первый вывод, который следует сделать, что, несмотря на значительные масштабы антифашистской пропаганды в целом массовое сознание не было сориентировано должным образом. Необходимые меры в этом направлении были срочно приняты уже в самом начале войны.

Война, обеспечение безопасности государства, образ жизни, стиль руководства страной и военным строительством – важные проблемы для исследований. В годы первых пятилеток утвердился коллективистский образ жизни, когда общественное преобладало над личным, и мобилизационный стиль руководства и управления, что само по себе сыграло положительную роль в перестройке жизни страны на военный лад, помогло обеспечить единство фронта и тыла. Последнее было обусловлено также социально-политическим и идейно-нравственным единством советских людей.

В современной борьбе идей, которая с окончанием «холодной войны» не завершилась, широко используются разного рода домыслы о так называемом освободительном движении народов России, в качестве одной из основных форм которого его апологеты называют «власовское движение». Для тех, кто сегодня активно фальсифицирует историю Второй мировой войны, фигура генерала Власова остается в центре внимания. Достаточно сослаться на 4-х томное издание эмигранта из России, издателя журнала «Мосты» В. Батшева под названием «Власов». Автор формулирует проблему «предатель или патриот» и решает ее в пользу Власова-патриота. «Я не первый, – говорит В. Батшев, – кто хочет восстановить доброе имя Андрея Андреевича Власова и миллионов погибших в борьбе с коммунизмом». В качестве своего единомышленника он называет А.И. Солженицына, ссылки на труды которого широко использует. Он утверждает, что «тема советско-германской войны – последнее, что осталось у нынешнего российского идеологического аппарата, из советских мифов, и развенчание этих идеологем – серьезный удар по советской мифологии. И тут я не первый. На 10 лет раньше по ним ударил своим «Ледоколом» Виктор Суворов»¹.

«Удары» такого рода будут продолжаться и впредь. В книге И. Шафаревича «Русский народ в битве цивилизаций» приводится такая цифра: около 1 миллиона граждан СССР учувствовало в войне на стороне врага. Автор говорит о том, что «очень глубок должен быть раскол в народе России, чтобы появилось такое нетипичное для русских явление, как «власовское движение»». (Этим термином он объединил все соединения советских подданных, участвовавших в войне на стороне немцев). Он ставит вопрос об отношении к общественному строю и об отношении к стране, вспоминает при этом позицию большевиков в Первой мировой войне. Подчеркивает, что основная масса народа встала на защиту своей страны независимо от отношения к тогдашнему режиму². Думается, наверное, все же было бы точнее сказать, что для большинства народа нашей страны не было противоречия в отношении к строю и к стране. Социалистическая идея как идея справедливого общества была принята советскими людьми. Не всеми, но большинством. И это тоже стало одним из источников массового героизма и в конечном счете достижения победы³.

¹ См.: НГ EX LIBRIS, 10 марта 2005, С. 1-2.

² См. подробнее: Шафаревич И. Русский народ в битве цивилизаций. М., 2004, С. 157.

³ В подтверждение этого тезиса можно привести множество свидетельств. Вот выдержка из письма поэта Ильи Сельвинского своей жене: «Если из этой операции я не вернусь живым – пусть это не будет для тебя катастрофой. Можешь быть уверена, что твой муж погиб в бою так, как погибают в бою патриоты, для которых понятие

Существенной составной частью Великой Отечественной войны была борьба советских людей, оказавшихся на временно оккупированной фашистами территории. О размахе всенародной борьбы говорят такие цифры и факты. За три года войны в тылу врага действовало более 6 тыс. партизанских отрядов и подпольных групп, в которых сражались свыше 1 млн. партизан и подпольщиков. В ряде оккупированных областей и районов усилиями населения и благодаря партизанскому движению сохранялась Советская власть, существовали партизанские зоны и края, куда не могли добраться оккупанты. Борьба советских людей в тылу врага имела важное интернациональное значение. Она являлась мощным побудительным примером для народов других стран, оккупированных фашистами. Кроме того, Советские партизаны сражались в партизанских отрядах Югославии, Польши, Чехословакии, Болгарии, других стран. Интернациональное единение народов в борьбе с фашистской агрессии – одна из характерных черт как Великой Отечественной, так и всей мировой войны¹.

В опубликованном втором издании «Воспоминания и размышления», приуроченном к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков отмечал в частности: «Где бы ни находился советский человек – на фронте, в тылу страны, в тылу врага, в фашистских лагерях, - всюду и везде он делал все от него зависящее, чтобы приблизить час победы. И никому не удастся преуменьшить значение военного и трудового подвига советского народа в Великой Отечественной войне»².

Однако желающих это сделать не стало меньше за минувшие тридцать лет. Но если в прежние времена попытки такого рода делались в основном нашими недоброжелателями в западных странах, то сегодня к ним присоединились и некоторые отечественные воители «за правду», и было бы неверным не замечать их усилий, их желания услужить тем, кому претит величие и слава России.

По сути, остается малоизученной поднятая в свое время Василем Быковым проблема положения советских людей, оказавшихся по разным причинам в разных странах оккупированной гитлеровцами Европе. «Мы теперь много и правильно говорим, – писал В. Быков, – о последствиях прошлой войны в жизни нашего народа, о нашей героической борьбе с немецким фашизмом, на которую встал весь советский народ. Но много ли мы знаем о том, в каком положении оказались наши земляки, по разным причинам очутившиеся на той стороне фронта, в различных странах оккупированной Европы. По ряду причин большинство из них не принимало сталинского большевизма на их родине, но не могло принять оно гитлеризм. Оказавшись между молотом и наковальней, эти люди были подвергнуты труднейшим испытаниям, некоторые из них этих испытаний не выдержали. После войны положение мигрантов усугубилось еще и тем, что вина некоторых была распространена на всех, за некоторых ответили все»³. Здесь есть необходимость дать объективную оценку происшедшему, раскрыть его причины и следствия.

Важной исследовательской проблемой в этой связи является система управления армией, соотношение единоначалия и партийного руководства. Последнее считалось альфой и омегой всей управленческой деятельности в Советской России. Необходимо осмыслить опыт русской армии от полного и беспрекословного единоначалия к приказу №1 Временного Правительства, узаконившему солдатские комитеты, выборность командиров и т.п., затем – от партизанщины и выборности командиров через двуначалие (командир и комиссар) к полному единоначалию: командир и замполит. Роль партийных и комсомольских организаций в армии была весьма значительной, но они решали задачи укрепления дисциплины и единоначалия (конечно, не только). Запрет партийных организаций в российской армии в настоящее время требует своего осмысления, равно, и таких проблем, как: армия и религия; РПЦ и иные конфессии в армейских условиях; армия и национальная идея (Православие. Самодержавие.

России и революции слиты воедино». (См.: Сельвинский И. На войне. Из дневников и писем родным // Новый мир. 1984, № 12, С. 167). Такого рода единство было могучим источником силы и стойкости воюющего народа.

¹ См.: Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 161-162.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 2, С.442.

³ Быков В. Вступительные заметки // Дружба народов. 1991. № 8, С. 149.

Народность – уваровская триада) – социалистическая идеология (интернационализм, социальная справедливость, дружба народов), их связи с идейной аморфностью, неопределенностью в настоящее время. Все больше ощущается необходимость государственного патриотизма как основы идейного воспитания воинов. Служба по контракту (покупной патриотизм) не решает всех проблем. Всеобщая воинская обязанность – принцип, выдержавший испытание временем. Уместно в связи с этим привести выдержку из открытого письма писателя, ученого, публициста, участника Великой Отечественной войны В.В. Суходеева: «В дни подготовки и празднования Победы в Великой Отечественной войне важно превратить дело Победы, традиции Победы, идеологию Победы, правду Победы, потенциал Победы в действенное орудие борьбы всех патриотов за вывод России из полуколониального положения, неопределенного социально-политического состояния и вялотекущего общественного кризиса в плацдарм боев за приумножение наших сил, за возвеличение и процветание нашей Родины – России. Вне этого празднование Дня Победы в Великой Отечественной войне Советского Союза поистине лишено главного смысла исторического значения!»¹. С автором письма нельзя не согласиться. Страна, не создавшая достаточного военного потенциала не может рассчитывать на успешное решение задач обеспечения собственной безопасности. Военный потенциал, как его сегодня определяют исследователи, включает в себя наряду с военной организацией страны, оборонно-промышленный комплекс и духовную компоненту. Военный потенциал характеризуется соответствующими количественными и качественными параметрами, отражающими состояние человеческих ресурсов и производственных мощностей, их структурой и размещением, а также наличием необходимых природных ресурсов (сырья, топлива), уровнем развития науки и техники, транспорта, связи, сельского хозяйства и т.д.

В условиях радикальных общественных трансформаций Россия утратила свою прежнюю военную мощь. По всем основным критериям и показателям произошло резкое ухудшение. Касается ли это промышленного производства или численности населения и его здоровья, развития научных исследований и инфраструктуры – по всем показателям ситуация резко ухудшилась по сравнению с концом 1980-х – началом 1990-х гг. Как отмечают исследователи этих проблем, после окончания холодной войны стала пропагандироваться точка зрения, что России уже никто не угрожает, и поэтому нужна глубокая демилитаризация страны. Конечно, она была необходима, но политическим руководством России были выбраны такие методы и темпы, которые привели к деградации всей научно-технической и производственной базы оборонно-промышленного комплекса (ОПК), к резкому ослаблению военной организации и военной безопасности страны. Все это, естественно, имело негативные последствия для обороноспособности России².

Работу над обновлением концепции национальной безопасности предполагается проводить максимально открыто, гласно, с привлечением экспертов из различных научных и учебных заведений, общественных организаций и объединений, представляющих гражданское общество³. Участие в этой работе российских социологов, накопивших к настоящему времени значительный опыт изучения проблем безопасности в различных аспектах и в разных социальных условиях – ответственный гражданский долг.

Е.Н. Икингрин, к.соц.н. (НГПУ, Нижневартовск), Е.И. Пронина (ИС РАН, Москва)
Актуальные проблемы патриотического воспитания молодежи

¹ Суходеев В. Письмо ветерана Великой Отечественной на злободневную тему. Правда. 2005, № 19, 22-24 февраля.

² См. подробнее: Коваленко А.Т., Хрусталева Е.Ю., Шиленко Н.И. Экономические проблемы развития военного потенциала России // Экономическая наука современной России. 2004, № 3. С.70. *Примечание редактора: дальнейшую часть статьи с анализом ситуации в Вооруженных Силах РФ, имеющую ситуативное значение, мы сократили.*

³ См. подробнее: Иванов И.С. Концепция национальной безопасности XXI века // Где ты, Петр Великий, когда ты так нужен нам? М. 2005. С. 22-23.

Патриотизм в России всегда рассматривался как символ мужества, доблести и героизма, силы русского народа, как необходимое условие единства величия и могущества Российского государства. Многовековая история наших народов свидетельствует, что без патриотизма невозможно создать сильную державу, невозможно привить людям понимание их гражданского долга и уважения к закону. Поэтому патриотическое воспитание всегда и везде рассматривается как фактор консолидации всего общества, является источником и средством духовного, политического и экономического возрождения страны, ее государственной целостности и безопасности. Сложность формирования патриотического сознания, в связи с изменением ценностных критериев в духовной сфере, наиболее четко фиксируется через характеристику таких понятий как «Родина», «патриотизм».

В связи с глобальными социально-политическими преобразованиями в России, прекратила свое существование действовавшая в свое время система идеологического воспитания граждан. Образовавшийся вакуум стал быстро заполняться, с одной стороны, широким потоком западных «духовных ценностей», культивирующих самые низменные человеческие чувства: вседозволенность, ниспровержение высокой морали, уважительности, превозношение насилия и жестокости. С другой стороны, отечественные средства массовой информации, постарались выплеснуть все, что накопилось в годы застоя, при этом, ниспровергая все, что было сделано и накоплено в советские годы, искажая исторические факты, иронизируя над традиционной российской нравственностью и духовностью, патриотическими чувствами народа. Молодому человеку, находящемуся под воздействием разнообразных информационных потоков, несформировавшихся идеологических убеждений, культа западной культуры, сложно было определять для себя ценностные ориентиры и следовать им. Закономерно существующая во все времена проблема отцов и детей приобрела в этот отрезок времени кризисные формы. Эксперты¹, по своим возрастным категориям в основном представляющие «плеяду» отцов, прошедшие советскую школу становления гражданственности, дают очень низкую оценку патриотическим чувствам молодежи. Почти две трети из них (64%) считает, что у современной молодежи не развито чувство патриотизма. Лишь 1 из 4 экспертов (28%) на вопрос «По Вашему мнению, развито ли чувство патриотизма у современной молодежи?» дал полностью или частично положительный ответ. Почти 8% затруднились дать какую-либо оценку. Относительно того, насколько за последние годы изменилась ситуация с формированием патриотического сознания в молодежной среде, мнения экспертов разделились на две равные части: 47% считает, что состояние патриотического сознания в молодежной среде изменилось, столько же – уверено в обратном: оно не изменилось, и если изменилось, то в худшую сторону.

С самого раннего возраста необходимо воспитывать в личности высокие морально-нравственные устои, понимание преобладания ценностей общественных, государственных над корпоративными и личными, прививать уважение к культурному наследию своего народа, готовность к самопожертвованию на благо Отечества, приверженность национально-конфессиональным традициям. Нравственные идеалы и патриотические чувства начинают формироваться в семье. Принимают ли в настоящее время участие родители в патриотическом воспитании своих детей? С точки зрения основного массива экспертов (76%), родители не принимают активного участия в патриотическом воспитании своих детей. Лишь 1 из 5 экспертов (21%) дал позитивную оценку их участию в патриотическом воспитании. Общественные организации, в отличие от семьи, по мнению более 70% экспертов, принимают самое деятельное участие в патриотическом воспитании молодежи. Лишь 1 из 4 экспертов оценили такое участие негативно.

¹ В статье приводятся результаты социологического исследования (май 2004 г.) «Патриотическое воспитание и условия формирования гражданской позиции молодежи в Ханты-Мансийском автономном округе». (анкетный опрос 805 жителей гг. Сургута, Нягани, Ханты-Мансийска, Радужного, Советского, Кондинского, Белоярского районов в возрасте от 14 до 30 лет и 197 экспертов, специалистов различных социальных институтов, занимающихся проблемами патриотического воспитания молодежи в округе.

Общественное мнение традиционно отводит главенствующее место в формировании патриотических позиций и установок электронным и печатным источникам информации. Роль СМИ в процессе патриотического воспитания нельзя оценивать однозначно. Они представляют собой сложный и многогранный институт, состоящий из множества органов и элементов, предназначенных реализовать многообразные задачи информирования населения о происходящих событиях и явлениях. С помощью СМИ формируется, распространяется и сохраняется массовая культура в различных ее вариантах и проявлениях. Апеллируя к таким эмоционально-чувственным элементам общественного сознания, как любовь к Родине, национально-патриотические настроения, СМИ способны оказать поддержку значительным слоям населения в проведении тех или иных акций. Постоянные сообщения СМИ об отклоняющихся от общепринятых в обществе норм явлениях и событиях, подаваемых чаще всего сенсационно, порождают у читателей, слушателей и зрителей беспокойство и страх перед нарушением обычного миропорядка. Молодые люди, которые часто и много смотрят передачи, заполненные насилием, убеждаются в том, что мир жесток, безнравственен и беспорядочен. Они склонны примириться с этими негативными явлениями и рассматривать их как неотъемлемую часть их жизни.

Деятельность СМИ (окружных, местных и федеральных) по формированию патриотического сознания молодежи, была оценена экспертами по-разному. Наибольшее количество положительных оценок (43%) получили окружные СМИ, наибольшее количество отрицательных (50%) – федеральные СМИ. Мнения экспертов о деятельности местных СМИ по формированию патриотического сознания молодежи разделилось почти на равные части, одна из которых считает, что местные СМИ освещают вопросы патриотического воспитания удовлетворительно, другая – выразила противоположное мнение.

Формирование патриотических чувств неотделимо от гражданского самоопределения молодежи, от развития правового самосознания и гуманистических воззрений. Перечисленные качества закладываются в раннем детстве в семье и окончательно должны быть сформированы в школьные годы. Более половины экспертов считает, что школа воспитывает в молодых людях такие качества, как гражданское отношение к обществу (61%), бережное отношение к природе (59%), правовое сознание (58%), гуманное отношение к окружающим (50%), чувство патриотизма (57%). По мнению большинства экспертов, в целях формирования гражданской позиции подрастающего поколения в общеобразовательных учреждениях округа проводятся разнообразные мероприятия патриотической направленности. Особенно эксперты выделяют: чествование памятных дат, дней военной славы и вахты памяти (91%), работу и встречи с ветеранами и героями военных действий (83%), коллективное посещение городских (сельских) музеев и тематических выставок (79%), работу военно-патриотических кружков, клубов (74%), создание школьных музеев боевой и трудовой славы (60%), деятельность поисковых отрядов по розыску погибших участников военных действий (54%), работу молодежных организаций (пионерских, скаутских, союза молодежи) (53%). Оценивая по пятибальной системе состояние патриотического воспитания в образовательных учреждениях округа, каждый второй эксперт соизмерил это состояние с оценкой «удовлетворительно», каждый третий поставил хорошие оценки, и только 13% – отрицательно оценили состояние патриотического воспитания в образовательных учреждениях округа.

Более 70% экспертов уверены в том, что в образовательных учреждениях округа существуют сложившиеся традиции патриотического воспитания молодежи. С данной точкой зрения согласны только 36% опрошенных молодых людей, более 50% из них не согласны с тем, что в образовательных учреждениях округа сложились традиции патриотического воспитания молодежи. Не совпадают мнения экспертов и молодежи в оценке эффективности работы по патриотическому воспитанию, проводимой в муниципальных образованиях различными структурами общества. Эксперты, непосредственно принимающие участие в разработке, организации и проведении различных мероприятий патриотического содержания, склонны считать проводимую работу эффективной (таково мнение 65% специалистов, занимающихся проблемами патриотического воспитания молодежи). В молодежной среде преобладают

иные оценки: 56% молодых респондентов не считает, что в их муниципальных образованиях проводится эффективная работа по патриотическому воспитанию молодежи.

Из всех социальных институтов, в той или иной мере ответственных за состояние патриотического воспитания в округе, с точки зрения значительной части экспертов (57% и 56%) и молодежи (42% и 41%), уделяют недостаточно внимания патриотическому воспитанию политические партии и средства массовой информации. По мнению 45% опрошенных молодых людей, к таким институтам общества относятся и учреждения образования. Остальные структуры общества: спортивные организации, военно-патриотические организации и движения, военкоматы, комитеты, управления, отделы по молодежной политике, общественные организации и объединения, с точки зрения большей части опрашиваемых категорий граждан, уделяют внимание патриотическому воспитанию в достаточной степени.

Об эффективности работы различных социальных институтов по патриотическому воспитанию молодежи, осуществляемой в муниципальных образованиях округа, могут свидетельствовать такие показатели, как массовость проведения мероприятий патриотического или военно-патриотического характера. Основная часть опрошенных молодых людей, свыше 80%, в подобных мероприятиях либо никогда не участвовала, либо участвовала очень редко. Только незначительная часть респондентов (7%) указала на то, что принимала регулярно или довольно часто участие в мероприятиях патриотического или военно-патриотического характера.

По данным исследований, до начала 1990-х гг. формирование понятия «Родина» у учащихся общеобразовательных учреждений начиналось с понятия «малая Родина» (места, где родился и живешь; где находится родной дом; город, село, где живут родные и жили предки) и заканчивалось такими понятиями, как «республика, страна, государство». Для большинства из нас Россия начинается с «малой Родины» – с того уголка земли, где мы родились, сделали первые шаги, нашли друзей на всю жизнь...

Любой регион в социальном отношении – это, прежде всего, люди, его население. Их отношение к своему городу (поселку), степень удовлетворенностью своей жизнью, социально-психологическое состояние неизбежно накладывает отпечаток на социальную жизнь региона. Около 50% опрошенных молодых людей проявляют желание жить и работать в своем городе или поселке, им нравится здесь жить, поэтому их можно назвать патриотами родной земли. Немного более одной третьей части респондентов считает, что в их населенном пункте живется не хуже, чем везде, вполне нормально. Не удовлетворены своей жизнью и хотели бы уехать из своего муниципального образования 13% молодых респондентов. Молодежи, считающей свой город (поселок) бедным и запущенным краем, у которого нет будущего и нет традиций, всего 10%. В глазах значительной части респондентов (около 40%) родной край имеет богатые возможности и традиции, 45% характеризует свой город или поселок как территорию со средними возможностями.

Как истинных патриотов своей «малой Родины», молодых людей, проживающих в округе, волнуют различные проблемы. Большая часть респондентов в число проблем, которые беспокоят больше всего, включает жилищные проблемы (54%), проблемы трудоустройства (51%) и проблемы наркомании (45%). С этим мнением молодежи солидарна и основная часть экспертов, не исключавшая при этом и значимость таких проблем, как трудности с организацией досуга (46% опрошенных экспертов) и экономические, финансовые проблемы (41% опрошенных экспертов).

По мнению социологов, период перестроечной и постперестроечной России еще долгое время будет отражаться на состоянии патриотического сознания в стране. Детям и подросткам через средства массовой информации и произведения культуры внушались не лучшие образцы массовой культуры, космополитизма, наихудшей морали. Соответственно, у подрастающего поколения стали развиваться равнодушие к своей родине, бездуховность, агрессия, наркомания и т.д. Равнодушны ли молодые люди, проживающие в округе, к своей «малой» и «большой» Родине? По результатам опроса, только 13% опрошенных молодых людей не испытывает чувства гордости ни за свою страну, ни за место, где они родились, 13% за-

труднились выразить по этому вопросу свое мнение, основная часть респондентов испытывает чувство гордости за свою родину. Чуть более 80% опрошенной молодежи не может сказать, что жалеет о своем российском гражданстве, значительно меньшая часть, 17% респондентов имеет противоположное мнение. Эксперты думают несколько по-иному, «сгущая краски» в процентном выражении относительно молодежи, которая не испытывает чувство патриотизма к своей родине. С их точки зрения, более 30% молодых людей жалеют, что они родились и живут в своей стране. Доля молодых людей, которые хотят навсегда уехать из России и собираются это сделать, незначительна: 4%. Тем не менее, 12% респондентов все же хотели бы эмигрировать, если бы имели возможность осуществить свое желание. 16% собираются временно поехать за границу, возможно, для получения образования или по работе. Большинство опрошенных молодых людей (55%) не желает ни при каких условиях (даже при плохом развитии событий) сменить свое Отечество. Это свидетельствует о распространности патриотических настроений в молодежной среде округа.

Несмотря на пессимистические оценки экспертов состояния патриотического сознания у молодежи округа, эксперты почти единогласно (95%) выразили мнение о том, что не все потеряно и возрождение патриотического сознания у молодых югорчан возможно.

В настоящее время в стране все более осознается необходимость возвращения государства в мир детства, воссоздание (на новой основе) во многом утраченных традиций патриотического воспитания. Более 70% экспертов, принимавших участие в социологическом исследовании, подтверждают необходимость воссоздания (на новой основе) системы патриотического воспитания в целях развития патриотизма у каждого гражданина России с детских лет.

С.Н. Иконникова, д.ф.н. (СПбГУП, С.-Петербург)

Историческая память как духовный ресурс цивилизации

«Память истории священна» – такова была жизненная позиция Д.С. Лихачева, реализованная в научных трудах о русской культуре, публицистике и общественной деятельности. Она отразила возрастающий интерес в общественном сознании к различным формам исторической памяти, отношение к традициям и реальным событиям прошлого, истории искусства и науки, политики и религии, техники и повседневности, памятникам и биографиям, сохраненным письмам, дневникам, фотографиям, записным книжкам и любимым вещам. Исследователи называют такие знаки памяти культурными символами, отразившими в самосознании и ментальности народа духовные ценности и коллективные представления исторической эпохи.

Историческая память – своеобразный пантеон национальной идентичности. Она содержит знание об исторических битвах, судьбоносных событиях, жизни и творческой деятельности выдающихся деятелей политики и науки, техники и искусства. Историческая память воспроизводит непрерывность и преемственность социального Бытия.

Д. С. Лихачев писал: «Память противостоит уничтожающей силе времени. Память – преодоление времени, преодоление пространства. Память – основа совести и нравственности, память – основа культуры. Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самим собой и перед потомками. Память наше богатство»¹. Память как «бестелесная духовная субстанция» становится отчетливой силой, особенно во времена предельных испытаний, выпадающих на долю людей. Человеку необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни, оставить о себе добрую память. Культурная память — необходимое условие нравственной жизни, духовной оседлости, национальной идентичности, привязанности к родным местам и патриотизма.

Однако процесс исторической памяти не означает механического повторения и воспроизведения прошлого, он отражает сложность, неоднозначность человеческих отношений,

¹ Лихачев Д. С. Память истории священна. М., 1986. С. 14.

изменение духовных ценностей и личных позиций, влияние субъективных мнений. Свидетельством тому «белые пятна» и «черные дыры» в мировой и отечественной истории.

Историческая память нередко становится ареной идеологических конфликтов, душевных драм и трагедий. Переписывание истории, переоценка прошлого, свержение кумиров, ирония и насмешка разрывают хрупкую нить исторической памяти, изменяют энергетический потенциал культуры. Великие «отцы» становятся забытыми «дедами», новые памятники противоречат прежним ценностным ориентирам, мемориалы становятся бесхозными, книги оказываются ненужными. Примеров тому масса. Меняются экспозиции в музеях, восстанавливаются стертые цензурой имена на картинах и фотографиях, возрождаются старые памятники. Историки и писатели вносят вклад в возвращение исторической памяти в более полном объеме. Литературные произведения, фильмы передают современникам представления о трагических страницах российской истории. Немалое значение имеет устная история, закреплённая в воспоминаниях участников событий. Их достоверность создает особый эмоциональный канал сопричастности к прошлому. Памятники как тексты истории являются информационным и духовным ресурсом цивилизации, говорящим или молчащим свидетелем перемен и противоречивых мнений. Историческая память живет активной жизнью, она не только воссоздает образы прошлого, но и вызывает широкий спектр эмоций – восхищения и поклонения, скорби и страдания, пренебрежения и скептицизма. Двойственная природа исторической памяти соответствует противоречивости реальной жизни. Греческий миф о Мнемозине – богине воображения и памяти одновременно – очень точно представлял два лика памяти, воспроизводящей прошлое и придающей ему новые оттенки – от почтения до цинизма.

Цивилизация опирается на достижения культуры, они составляют ее духовный каркас, фундамент и опору. Национальная и социальная идентичность определяется уважением к истории во всей противоречивости и многообразии ее проявлений. Историческая память – своеобразный «перекресток» прошлого, настоящего и будущего. Исторические памятники – это символы и знаки, тексты и артефакты, необходимая основа взаимопонимания поколений и диалога культур.

Альтернативные пути развития истории также отражаются в исторической памяти и воспроизводятся как нереализованные возможности. Воспоминания воссоздают контуры возможных событий, тем самым высвобождая скрытую эмоциональную энергию. Альтернативные тропинки в прошлое помогают восстановить утраченные миры. Историческая память — источник эмоциональных и психологических переживаний человека, она вызывает чувства благоговения и радости, сострадания и величия. Отношение к истории связано с политической и идеологической ситуацией, предписанием власти о том, что следует помнить, а что надо забыть и исключить из памяти. Развитие демократии и свободы слова предполагает реализацию права личности на собственное мнение, противостояние авторитаризму. Историческое прошлое является риторическим конструктом настоящего, оно воссоздается в дискурсе, и молчание нередко становится симптомом забвения.

В «Декларации прав культуры» Д. С. Лихачев отмечал, что культура является духовной основой цивилизации, гуманистическим ориентиром, критерием ее самобытности и целостности. Общественные преобразования должны опираться на ценности культуры и национальное самосознание. Не только военные конфликты и терроризм, но и безответственная модернизация наносят урон культурному наследию: исчезают исторические центры городов, разрушаются памятники и ландшафты, искажаются биографии выдающихся деятелей культуры. Культурное наследие составляет богатство человечества. В Декларации содержится призыв к тому, чтобы считать преступлениями против человечества любые действия, ведущие к уничтожению памятников истории и культуры.

Вандалы — это не только хулиганы, совершающие варварские поступки, но и некомпетентные, невежественные чиновники, принимающие решения; и амбициозные архитекторы, в угоду собственной славе готовые на снос памятников истории; и реставраторы, создающие «новодел» без соответствующих исторических образцов; и режиссеры, искажающие

замысел классического произведения; и ученые, угодливо переписывающие историю; и политики, изобретающие идеологические мифы, далекие от реальности. В свое время известный русский художник и общественный деятель Н. К. Рерих, разработавший «Пакт о защите культурных ценностей», назвал разрушение памятников культуры в мирное время «тихими погромами». К сожалению, варварское обращение с исторической памятью не ушло в прошлое, и в последние годы эта проблема стала особенно актуальной для Санкт-Петербурга. Так называемая «уплотнительная» застройка, архитектурные сооружения, не прошедшие общественной экспертизы, самовольные археологические раскопки, установка малохудожественных памятников, искажающих исторический облик города, – все это свидетельства утраты уважения к исторической памяти. Гармоничное развитие города, бережное сохранение уникального исторического наследия и бесценного природного ландшафта являются стратегической основой политики модернизации.

Т. Исмагамбетов, к.полит.н. (Институт развития Казахстана)
Историческая память и казахстанский патриотизм

Патриотизм как любовь к Отечеству неотрывна от осознания самих себя гражданами одного и того же государства или на этничность. Патриотизм был новым феноменом по сравнению со средневековой лояльностью монарху-суверену. Отчетлива связь идеи патриотизма с новым пониманием суверенитета – суверенитета нации.

Одна из проблем – это как соединить гражданственность как правовое состояние с идеей и чувством гражданина, которые напрямую связаны с идеей и чувством патриотизма. Чтобы шымкентец слился с кокшетаусцем и восточно-казахстанцем, казах с русским и немцем в осознании казахстанскости.

И также как нельзя ставить телегу впереди лошади, так нельзя считать, что идея и/или чувство патриотизма может быть причиной сложения нации на основе одного, либо нескольких этносов. Патриотизм – это любовь к Родине. В этом смысле необходимо любить нечто (родные горы, степи, леса, людей с их особенным обликом и т.п.). Секрет в том, что любовь чаще возникает, когда причастен к созиданию нового. Именно в этом суть чувства патриотизма, которое проявляется в этом вышеперечисленном множестве конкретизирующих его чувствований. Этнические особенности этих чувствований различны, например, известны поэтические строки: «Два чувства равно близки нам, любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». История России в ее периодических смутах и тяжелых войнах отразилась в этих словах. Такое чувствование сложно представить у английского или французского поэта.

Уже сказано, что идея патриотизма неотрывна от осознания себя гражданами одного и того же государства и имеет свое историческое время, когда оно появляется. Тогда что же нужно для формирования гражданственности? В первую очередь усилия интеллектуалов и политиков.

Но что же есть Отечество? В отличие от двузначного понятия родина, Отечество тесно связано с государством. Интересной могла быть ненаписанная история освоения предками казахов обезлюдивших после истребления Цинским Китаем просторов Джунгарии. Почему нет позитивного показа высоты человеческих характеров, также как и низменности помыслов. Известно, что причиной обострения земельного вопроса у кочевников-казахов в середине XVIII в. был не только рост населения, но и появление пастбищ, закрепленных за каким-либо властью преобладающим из числа казахов. В наиболее острой форме эта узурпация земель при опоре на власть происходила в Букеевской орде, и без того ограниченной в угодьях. До этого, ситуация первых десятилетий XVIII в. понятна: сужение кочевий из-за джунгарской экспансии и борьбы с волжскими калмыками. Эпизодические битвы за пастбища происходили и с соседями-башкирами. Правда с ними многое было достойного описания в категориях дружеских отношений, включая факт призвания восставшими против царизма башкирами тогда еще малоизвестного будущего хана Абулхаира.

Обострение земельного вопроса с 70-х гг. XIX в. вызвало переселение крестьян из центральных губерний России. Столыпинские аграрные преобразования после 1907г. имели целью снизить накал земельного вопроса в чисто русских губерниях не по-революционному, путем предела части или всех помещичьих земель, в разрушении вековой русской крестьянской общины, выделением наиболее зажиточной части. Проблему малоземелия и безземелия предлагалось решить переселением на Восток.

И русские и казахи оказались заложниками так и неизжитой экстенсивности земледелия. В последний раз этот массовый, направляемый «сверху» подход известен на пример освоения целинных и залежных земель в 1954-1956 гг. Факты могут рассмотрены с двух разных углов и противоположными выводами: 1) критика политики центра, изменявшего этническую структуру населения Казахстана; 2) проблема изживания экстенсивности экономики, сохраняющая актуальность и по сей день. При этом, второй «угол» изучения нисколько не отменяет факта изменения этнического состава населения. Достоинство второго подхода состоит в том, что вместо критики «постфактум» мы, казахстанцы, имеем возможность увидеть то наследие, от которого надо избавиться в переоценке ценностей – экстенсивность экономики. Она проявляется в неизжитой сырьевой направленности, несмотря на программы инновационности и прочего.

Почему не можем позитивно описать расширение этнической территории казахов (этнической Родины) в возвышенном изложении как описали в литературе и в кино освоение просторов американцы? Ведь казахи осваивали опустевшие после истребления Цинами просторы Джунгарии, междуречье Волги и Урала, малозаселенные степи за Иртышом. Некрополи Мангышлака свидетельствуют о жизни туркменских племен до казахов. Несколько иная история с казахским заселением Северного Приаралья. В русских документах вплоть до 1740-х гг. говорится о совместной борьбе казахских и каракалпакских дружин против волжских калмыков и джунгар. Каркалпаки кочевали, имея северной границей кочевок Эмбу и доходя до Тобола. В отличие от казахов они более были склонны к земледелию вдоль рек. Но впоследствии был использован повод, чтобы изгнать почти всех каракалпаков с Северного Приаралья. Они ушли в низовья Амударьи, а оставшаяся часть образовала внеплеменные группы в составе казахов.

Это важность богатства – т.е. скота в понимании того времени, а значит, пастбищ для скота, была важнее нематериальных ценностей. Не потому ли деловой хваткой известные американцы не повторяют слова Маркса о готовности капитала идти на преступление при норме прибыли в 200, 300, 500%, а просто делают бизнес и понимают значение репутации. Наши же продвинутые из деловых людей давным-давно ценят не скот, а счет в банках и прочие материальные богатства, но их душа скорее готова «кинуть» партнера по бизнесу, чем думать о важности собственной репутации.

Понятие идеологии само по себе является спорным и дискутируемым, в том числе в казахстанской политологии. Национальная идея на практике ряда стран представляет собой очертания проекта или сам проект действий по реализации самовыражения нации. Наиболее очевидный и наглядный пример это национальная идея Японии – производство качественной, лучше мировых стандартов, продукции.

Патриотизм советских народов в годы Великой Отечественной войны кажется исключением из схемы, связывающей идею патриотизма, чувства и образное представление с национальностью. На самом деле, исключение кажущееся. В годы тяжелой войны писатели и поэты концентрировались не на славословиях партии и марксизму-ленинизму. Более того, сама официальная идеология и власть обратились к исторической памяти этносов. Соответственно, имена Александра Невского и Дмитрия Донского, Минина и князя Пожарского, Суворова и Кутузова упоминались в речах Сталина и официальной пропаганде. Памяти других этносов было позволено обратиться к славным героям прошлого. В честь некоторых из этих выдающихся деятелей прошлого были учреждены боевые ордена с высоким статусом среди государственных наград. Украинцы обратились к памяти Богдана Хмельницкого. Казахи вспомнили имена Срыма Датова и Аблая, сказители воспевали деяния эпических героев прошлого.

Но после войны на ряд имен, в том числе эпических, к примеру, на имя батыра и бия Эдигея, был наложен запрет.

Официальная идеология советской эпохи могла на время смириться с пробуждением исторической памяти этносов, чтобы использовать ее в напряжении духовных сил народов в противостоянии сильному врагу. Но эта официальная идеология не могла позволить исторической памяти существовать и развиваться свободно и самостоятельно усилиями интеллектуалов. В дальнейшем, посредством подмены фактов усиленно продвигался тезис, что советский патриотизм основан на преданности партии и идеям марксизма-ленинизма.

У нас есть комплекс политических желаний, но не идеологии. Необходимо нечто неуловимое до поры до времени, чтобы искания интеллектуалов превратить в идеологию. Принципы патриотизма – любовь к Отечеству, сопричастность к политическому и культурному ландшафту страны, соблюдения равных и обязательных для всех «правил игры». И нормативом может быть, что и в трудные моменты и годы благоденствия граждане одного государства выигрывают вместе, но кто-то больше, а не одна группа за счет других.

Казахстанская реальность показывает ряд фактов, вселяющих оптимизм в отношении перспектив патриотизма и гражданственности: дружба народов в советские времена, принцип межэтнического согласия, закрепленный в Конституции. И наиболее очевидные силы противодействия на этом пути – коррупция, замыкание в узких интересах одной социальной или этнической группы.

Ю.Н. Клочко, А.Ю. Клочко

Патриотизм и национальная общность (социально-философский анализ)

Патриотические чувства и взгляды формируются под влиянием множества факторов. К ним относятся природно обусловленные или «естественные», связи и отношения между людьми, все многообразие социально-культурных связей и отношений, а также идеальные, духовные связи и отношения. На наш взгляд, это триединство выражает саму сущность человеческого бытия: как «чисто животное», так и «чисто духовное» в человеке без социально-культурного опосредования – это пустые абстракции. Анализ социальных и культурных опосредований «материальных» и «идеальных» связей и отношений составляет специфику предметной области социологии знания, которая изучает взаимное влияние социальных отношений и человеческого сознания и знания.

Под динамикой социальных отношений имеются в виду интеграция и дезинтеграция, соединение и разъединение, ассоциация и диссоциация, образование единств и дифференциация, сплочение и распад, солидаризация и раскол и т.п. С одной стороны, социальные общности оказывают воздействие на патриотические чувства и взгляды личности в процессе ее социализации («обобществления»), с другой стороны, члены этих общностей являются относительно независимыми, самостоятельными и свободными личностями.

Под социальными общностями имеются в виду национальная, культурная, религиозная, историческая и государственная общности. Речь идет о социальных единствах, которые отличаются, по меньшей мере, тремя необходимыми признаками: основанной на взаимном доверии солидарностью; социальной связанностью; взаимностью обязательств. Такая трактовка социальной общности соответствует теннисовской «soziale Gemeinschaft»¹ и не противоречит тому, что М. Вебер понимал под «объединением в общность» (Verge-meinschaftung)², поскольку за социологическим номинализмом, как и за социологическим реализмом, следует признать относительную правоту³.

Нет и не может быть такой национальности, одна лишь принадлежность к которой давала бы исключительное или монопольное право считать себя «истинным» патриотом. Тем не менее, любовь к родине всегда имеет национальный характер, поскольку субъект патриотиче-

¹ Tennis F. Gemeinschaft und Gesellschaft // Handwörterbuch für Soziologie. Stuttgart, 1959.

² Weber M. Soziologische Grundbegriffe // Wirtschaft und Gesellschaft Grundriss der verstehenden Soziologie. 5 Aufl. Tübingen, 1985. S.21-23.

³ Scheler M. Max Webers Ausschaltung der Philosophie // Gesammelte Werke Bd.8, Bern, 1980. S.430-438/

ских чувств и взглядов всегда принадлежит к определенной расе, национальности, этносу. Действительно, мы любим нашу родину не как абстрактные «человеки» – этнически стерильные гуманоиды, которые, якобы, лишь по мере взросления и социализации «приобретают» принадлежность к определенной нации, рационально выбирая, идентифицировать себя с ней или нет. С феноменологической точки зрения, дело обстоит как раз наоборот. Более того, уже генотипически, а также бессознательно (через жизненные образцы) мы «укоренены» в родной земле и любим ее именно как русские, украинцы, белорусы, татары, евреи и т.д. По мере взросления и социализации мы «осознаем», как оригинально проявляются и индивидуально выражаются в нашей личности родовое и народное начала, этнические особенности и черты национального характера – и только на основе этого сознания происходит самоидентификация с «родным» этносом, а впоследствии вырабатывается самосознание «человека вообще», представителя «человечества» или «земной планетарной цивилизации».

В этом смысле все, кто любит родину – националисты, поскольку полноценная любовь к своей родине предполагает любовь к своему народу. Но не служит ли реабилитация понятия «национализм» оправданием расовой и национальной розни, расизма и нацизма? Нет. Взгляд на новорожденного, а затем и взрослеющего человека как на то, что с расово-этнической точки зрения есть *tabula rasa*, – рационалистический гуманитаристский атавизм эпохи Просвещения, связанный с космополитическим представлением о «равенстве всех людей по природе». Существует мнение, что это представление восходит к идее вселенского единства во Христе. Ссылаются на апостола Павла: «...Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного, нет мужского пола, ни женского: ибо все вы: одно во Христе Иисусе»¹. На самом деле идея единства во Христе не имеет ничего общего с таким представлением, кроме внешнего сходства. Равенство всех перед Богом отнюдь не отрицает значимости расовых, этнических и родоплеменных различий между людьми (как и всех иных физически-телесных различий, например, пола, возраста, природных способностей, а также социальных различий, например, богатства, положения в обществе). Все христианские конфессии выступают против переоценки, *завышения значимости различий*, а именно против основанных на этих различиях и апеллирующих к ним притязаний на расовое, национальное, этническое и прочее *превосходство*. Христианство отрицает превосходство бедного перед богатым точно так же, как и богатого перед бедным, как мужчины перед женщиной, так и женщины перед мужчиной, как правителей перед подданными, так и подданных перед правителями. С точки зрения христианства, достоин осуждения и опасен не национализм как *любовь* к своей нации, народу, роду и племени, а национализм как *ненависть* к чужой нации, иному народу, роду и племени. Таким образом, христианством отвергается греховное извращение любви инстинктивным влечением к власти и господству. Это влечение находит сублимированное выражение в идее «богоизбранности», «особой исторической миссии» одного отдельного народа. Сотворение народом «кумира» из самого себя – вот что с христианской точки зрения неприемлемо, именно оно в первую очередь и отрицается христианством.

На языке социологических описаний это означает, что для общества опасен не национализм, а его политизация. В первом приближении политизация национализма есть не что иное, как экспансия политики на сферу национальных отношений, ее политическая «колониализация». Например, когда говорят о придании национального характера политическому конфликту, речь идет именно о политизации национальных отношений, а не «национализации» политических. На сферу национальных чувств и взглядов, на всю традиционную национальную культуру и уклад жизни распространяется специфический для политической сферы способ мировосприятия. При ближайшем рассмотрении это означает, что к социальной реальности и ее национальному измерению начинает прикладываться единственный, претендующий на тотальность масштаб – соответствие отношениям власти, прежде всего, отношениям господства и подчинения. Национальное (и социальное вообще) воспринимаются лишь как то,

¹ Библия. Гл.3. С.27–28.

что на бессознательном уровне согласуется или не согласуется с властолюбивыми импульсами, а на сознательном уровне – с «интересами», сформированными на их основе целями, а также возможностями и средствами их достижения.

Подчинение национального инстинкту власти – это не «национальные особенности политики», не «политика в национальной сфере» и не «национальная политика» – сам национальный способ бытия начинает восприниматься и осознаваться людьми как сущностно связанный с властными отношениями. Такое национальное самосознание может сводиться, например, к простой формуле «принадлежать к данному народу (расе, нации, этносу) – значит быть господином всех других народов, быть выше их в природном, нравственном, общественно-статусном отношениях», или «быть представителем данного народа (расы, нации, этноса) – значит быть лучшим, например, самым свободолюбивым и гордым человеком, который никогда и ни при каких обстоятельствах не потерпит подчинения другим народам» и т.п. Так, у народа, покоренного другим народом или потерпевшего поражение в войне, появляется сознание униженного национального достоинства. Он может примириться с этим и увидеть собственное предназначение («судьбу») в служении «высшей расе», «народу-господину», «главенствующей нации», а потом частично или полностью ассимилироваться. Он может не примириться, сопротивляться и, в конце концов, освободиться от ига, восстановив самоуважение и сознание национального достоинства. Он может также не примириться, но оказаться неспособным освободить самого себя, и тогда уязвленное чувство национального достоинства, жажда мести и ненависть к захватчикам в сочетании с реальным бессилием ведут к формированию национального ресентимента, который затем наследуется из поколения в поколение как элемент национального самосознания.

Национальное в широком смысле слова – язык, культура, религия, уклад жизни и т.д. тотально политизируется, поневоле «заражаясь» властным мироотношением (хотя бы и в отрицательном смысле, если дело доходит до ресентимента). Вывод о принадлежности к «избранной касте господ» или «забытой богом касте рабов» на основании принадлежности к определенному народу (расе, нации, этносу) – миф, несмотря на правдоподобные аргументы, например, из истории, антропологии, культуры и т.д. Так, у народа, долгое время господствовавшего над другими народами и выработавшего имперское самосознание («комплекс сверхполноценности»), могут быть действительные преимущества перед народами, находившимися в его подчинении или в зависимости от него, в том числе даже антропологические. Они накапливаются из поколения в поколение благодаря занятию определенными, главным образом интеллектуальными видами деятельности, например, управлением, исследованием, созерцанием. В качестве «аргумента» могут быть использованы и любые реально существующие различия между народами, например, особенности национального характера (северных и южных, западных и восточных народов Старого и Нового света и т.п.).

В чем заключается специфика властного мироотношения и мироощущения? Как известно, «воля к власти» выражается в стремлении установить собственное господство, первенствовать (лидировать), превосходить, доминировать и контролировать, править и управлять и т.п., а также в готовности к подчинению, послушанию, покорности, лояльности, согласию и ожидании от других точно такой же готовности. Все, что препятствует утолению этого глубинного человеческого влечения, вызывает агрессивную реакцию, которая в своем крайнем выражении нацелена на физическое уничтожение препятствия. Эпифеноменом инстинкта власти, большей частью бессознательного, является смутное чувство враждебности ко всему, что вызывает сопротивление. Однако на более или менее сознательном уровне происходит различение «врага» (препятствия) и «друга» (того, что помогает преодолеть препятствие).

Причем внутренней закономерностью политической сферы, определяющей ее специфику, является то, что идентификация «врага» феноменологически первична, «друга» – вторична. Люди склонны выдавать свою враждебность к препятствиям, стоящим у них на пути, за дружелюбие к тому (тем), что (кто) им не мешает, а стремление расправиться с «врагами» за желание защитить «друзей». Так, в старые времена правители, стремясь в агрессивной войне против соседнего государства захватить чужую территорию, поработить и ограбить чужой

народ, часто уверяли свой народ, что хотят защитить его от соседа – «врага», от которого, дескать, исходит угроза, и с помощью казенного патриотизма успешно вербовали армии «защитников отечества». Обработка общественного мнения строится обычно на демонизации противника, «политике двойных стандартов», требующей от ее глашатаев органической лживости. Такие рациональные псевдооправдания иррациональных по своей сути влечений В. Парето называл «дериватами».

В сфере межнациональных отношений стремление к превосходству и господству проявляется в первую очередь в идентификации других народов и их представителей («иностранцев», «инородцев», «иноверцев» и т.п.) как «врагов», а представителей своего народа («наших») как «друзей». Таким образом, политизация национального дела делает «чужих» «врагами», «своих» «друзьями». Эта простая, на первый взгляд, подмена в действительности бывает не так очевидна, если принять во внимание, что политическая элита или ее отдельные представители зачастую стремятся ввести народ в заблуждение с помощью псевдопатриотической фразеологии, подыгрывая обыденной ксенофобии. Если им это удастся, то у наиболее внушаемой части общества любовь к своему народу (национализм как любовь) превращается в болезненную, доходящую до фанатизма страсть (национализм как ненависть к «чужим», замаскированную под ложную любовь к «нашим»). Национальная общность оказывает иногда решающее влияние на формирование патриотизма. Так, в России русский среди русских обычно чувствует себя «дома», а это – предпосылка естественного («инстинктивного») патриотического чувства. Тем не менее, расовая или этническая общность редко бывает исключительным фундаментом патриотизма, несмотря на всю «естественность» такого отношения.

Национальный характер любви к родине – необходимая, но не достаточная основа патриотизма. В современном мире едва ли найдется монарасовое, а тем более моноэтническое государство. «Национальное государство» – утопическая регулятивная идея (в кантовском смысле) государственного оформления национальной общности, исторический опыт свидетельствует о том, что в действительности она никогда и нигде не была реализована. Российская Федерация являет собой пример полирасового, многонационального, полиэтнического государства, где к тому же многие национальные и этнические группы исторически расселены отчасти смешанным образом, отчасти компактно. Национальный патриотизм или патриотизм на национальной основе в ней очень распространен (особенно среди русских), но он вряд ли может претендовать на то, чтобы быть единственной формой патриотизма.

Кроме национального патриотизма, в современном «посткоммунистическом» российском обществе широко распространен патриотизм на «интернациональной» основе. Имеется в виду два вида патриотизма: во-первых, патриотизм на основе «реального интернационализма», то есть фактически сложившегося внутреннего сверхнационализма; во-вторых, патриотизм как составная часть идеологии бывшего советского государства, или «советско-имперский» патриотизм. Последний сегодня – хотя и «пережиток прошлого», но еще весьма действенный элемент практического сознания россиян старшего и отчасти среднего поколений. Причина его актуальности – в ностальгии по СССР как «дружной семье народов», а также в глубочайшем разочаровании и ресентименте, которые возникли у многих граждан России после распада СССР.

Возникает вопрос, что же такое «интернациональный патриотизм» как составная часть советского имперского сознания? «Интернациональный патриотизм» («интернационал-патриотизм») – это либо форма патриотического сознания на этапе его становления, когда в ходе социализации патриотических чувств и взглядов еще не в полной мере осмыслена значимость национального наследия и не завершена национальная самоидентификация, либо форма извращения зрелого патриотического сознания на этапе его распада под влиянием ресентиментной идеологии, отрицающей непреходящую ценность любви к родине в системе человеческих ценностей. В любом случае интернациональный патриотизм – феномен внутренне неустойчивый, недолговечный, имеющий тенденцию к саморазрушению.

Разновидностью патриотизма на национальной основе является двойной патриотизм членов национально-этнических диаспор, существующих практически во всех государствах ми-

ра; у большинства членов диаспор две родины – историческая (страна предков) и собственно родина (страна, где они родились и постоянно живут). Например, у многих выходцев из России, живущих в США, Великобритании, Франции, Германии и других странах, сохраняется эмоциональное отношение к России как исторической родине, и в то же время возникает патриотическое чувство к этим странам. По мере ассимиляции, происходящей у разных этносов в разных странах с разной скоростью, любовь к исторической родине постепенно ослабевает, но при определенных условиях она, как тлеющие угли, может вспыхнуть с новой силой.

А.А. Козлов, д.соц.н. (СПбГУ, С.-Петербург)

Формирование патриотизма и гражданственности современной российской молодежи: теоретико-методологический и историко-социологический подходы

И в истории, и в сегодняшней жизни трактовки *патриотизма и гражданственности* и их составляющих существенно различались, а временами и вовсе становились взаимоисключающими. И главным образом потому, что *тема патриотизма и гражданственности всегда была предельно идеологизирована*. Данное обстоятельство требует от исследователя осторожности и внимания к базовым, системообразующим элементам, в наименьшей степени связанным с разного рода идеологическими и нравственными трактовками данных феноменов. Однако не следует приуменьшать значения *идеологических, нравственных, а также этнических* составляющих, которые, говоря философским языком, имманентно присущи феноменам гражданственности и патриотизма, а, выражаясь языком литературным, составляют их живую душу, как и связанные с ними образы и понятия.

Понимание генезиса данных феноменов возможно в контексте социальной динамики, являющей собою постоянные изменения социальной ситуации, значений каждого из составляющих конкретной социальной композиции, а также и самих исследуемых феноменов в движении, развитии и взаимодействии, причем с учетом ее неравномерности, как в линейной, так и нелинейной плоскостях, что, в свою очередь, открывает возможность вероятностного прогнозирования. Сквозь призму социальной динамики отчетливей виден и аспект самоорганизации. Иными словами, социальная динамика, в силу ее инновационной сути, позволяет вывести данные понятия из разряда «омертвленных» и перевести их в плоскость живой социально-исторической конкретики.

Патриотизм и гражданственность – два разных по своей природе, но в то же время теснейшим образом взаимоувязанных феномена. Они проявляются как социальные характеристики личности и социальных общностей и указывают на качество их социального развития. *В самом общем виде, патриотизм (греч. patriotes – соотечественник, от patris – родина, отечество) представляет собою интегративную, системообразующую характеристику личности (социальной общности, общества в целом), имеющую генетические корни, отражающую исторически объективно сложившуюся связь человек (общность) – среда обитания и развития и подразумевающую нравственно-эмоциональную связь названных субъектов с комплексом географических, этнических, исторических, культурных, идеологических, эстетических, религиозных и т.п. представлений, собственно и оцененных в понятии «Родина», имеющих ценностно-деятельностью природу и проявляющихся в стремлении данные ценности отстаивать, защищать и приумножать. Гражданственность же предполагает в основном динамичную ценностно-правовую связь людей (общностей), как граждан, с определенным государством, реализуемую через их отношение к правам и обязанностям, закрепленным в соответствующих нормативных актах (конституция, законы), а также в обычаях и традициях. Гражданственность разворачивается в диапазоне от простого законопослушания до гражданской активности, в критические периоды выходящей за пределы, определяющие устойчивость системы и направленной на ее радикальное переустройство.*

Данные два понятия реализуются в контексте этничности, одним из основных признаков которой является самоидентификация представителей одной этнической общности по отношению к другим. В реальности все эти понятия – патриотизм, гражданственность и этнич-

ность – взаимоувязаны и находятся в динамическом соотношении и единстве, каждый раз определяемом спецификой момента и характером воздействия комплекса разного рода объективных и субъективных факторов. Их учет имеет решающее значение при формировании систем воспитания и стратегий социального управления. Понятно, что, играя существенную роль в жизни людей, обществ и государств, патриотизм был и остается предметом исследования. За истекшие три столетия сложилось несколько подходов к его исследованию.

Первый, получивший наибольшее распространение в научно-исследовательской литературе и публицистике, можно назвать *возвышенно-деятельностным*. В соответствии с ним патриотизм трактуется как возвышенное чувство любви к Родине, Отечеству, как сугубо *позитивное* эмоциональное отражение, проявление в абстрактной форме любви к составляющим понятия Родины. Сила патриотического чувства побуждает человека к активным действиям на благо Родины. –

Второй подход трактует патриотизм *как общественное явление*. Содержание и характер данного явления в значительной степени обуславливаются особенностями исторического развития общества, государства и его правящей элиты.

Третий подход, сложившийся в 1960-х – начале 1980-х гг., рассматривает патриотизм *как явление общественного сознания*, причем с середины 1980-х гг. стала преобладать тенденция осмысления патриотизма как одного из явлений духовной жизни общества.

Четвертый подход – *государственнический или этатический* – характеризуется рассмотрением государства как главного объекта патриотизма. Наиболее полно ее разработал Г. Гегель, согласно которому понимание патриотизма означает стремление к общим целям и интересам государства, будь то интересы личности, группы людей или общества в целом. Государство же выступает главным объектом высших чувств и помыслов личности и выражается в чувстве гордости за державу.

Пятый подход – *личностный*. В нем первостепенная роль отводится личности как высшей ценности. А проявления патриотизма, по словам Г.Флоровского, представляют собой «культурное творчество и национальное напряжение собственных сил».

Шестой подход – *духовно-религиозный*, самый древний, рассматривает данное качество личности как акт высокой духовности, являющейся глубоко религиозным.

Патриотизм по своему характеру консервативен и выполняет следующие *функции*:

1. *Интегрирующую*, то есть направленную на объединение большинства нации на основе приоритета интересов общества и государства и ответственную за формирование образа будущего своей страны не только сегодня, но и завтра.
2. *Охранительную или защитную*. В ее рамках осуществляется формирование и развитие того, что определяется как национальная безопасность.
3. *Стабилизирующую*, то есть придающую прочность и устойчивость социальной, этнонациональной и государственной системам во всех их основных звеньях (языке, культуре, стереотипах поведения, нравственных и правовых нормах и т.д.).
4. *Регулирующую*, то есть определяющую характер реакций на внешние воздействия и влияющую на характер вновь складывающихся связей и отношений во всем их многообразии.
5. *Воспитательную*, воздействующую на целенаправленную деятельность органов государственной власти и институтов гражданского общества с целью придания им определенного смысла и направленности.

Исследования убедительно показывают, что патриотизм в связке с гражданственностью и этничностью выполняет роль скрепляющего общество фактора, который нейтрализует негативные явления и процессы и выступает мощным стимулом позитивного развития личности и общества в целом. Глубинная основа патриотизма, как и многих нравственных и эстетических чувств и эмоций отдельного человека и целых народов, имеет генетические корни и может быть объяснена с позиций эволюционной генетики. Веками большинство народов, перемещаясь через значительные пространства, либо гибли, растворялись среди других, более сильных, либо находили свою нишу, которая обладала необходимыми для нормального раз-

вития характеристиками. И здесь вступал в силу динамический фактор взаимодействия общества с природой. Л.Н. Гумилев справедливо отмечал¹, что «особенно это прослеживается, когда главную роль играет натуральное или простое товарное хозяйство. Способ производства определяется теми экономическими возможностями, которые имеются в природных условиях территории, кормящей племенную группу или народность. Род занятий подсказывается ландшафтом и постепенно определяет культуру возникшей этнической целостности». Устойчивость этноса тем выше, чем более разнообразен ландшафт. Л.Н. Гумилев определяет высокую устойчивость этносов к разного рода изменениям, к примеру, сукцессивным, то есть резким изменениям исторического окружения, или масштабным и долговременным природно-климатическим колебаниям, кардинально влияющим на характеристики ландшафта и образ жизни населяющих их народов, при наличии 3-4 ландшафтных характеристик (скажем, лес, лесостепь, море, горы). В этих условиях этносы имеют возможность маневра в изменившихся условиях, самосохранения и развития в течение длительного времени. Со временем природно-ландшафтная связь отражалась в генотипе и своеобразно закреплялась в культуре. Границы же обитания этносов и народов были подвижны, но базовая территория оставалась, как правило, неизменной. А утрачивались те территории, которые отличались от базовой, где проживали и другие народы, и ландшафт был иным. Так в сознании людей проявлялось понятие «Родина». В свою очередь, социальная динамика процессов складывания и развития исследуемых феноменов во многом определила последующую историю народов, обществ и государств.

Искусственно вырванные из среды под воздействием чаще всего внешних обстоятельств, представители этих народов и переселившиеся (или насильно переселенные) в иную, отличную по характеристикам среду, в первом поколении в массе своей испытывали острое чувство дискомфорта, ностальгические переживания, вплоть до болезненных, психопатологических по своей природе состояний. Кроме того, следует учитывать и еще один немаловажный момент: *доминанту постоянства и стабильности в этногенезе*. Это стремление соотносится с генетически закрепленной в большинстве людей склонности к постоянству и стабильности и естественно находит выражение в более сложных чувствах, выполняющих, к тому же, охранительную функцию, — таких, как патриотизм, за которым стоит издревле сложившаяся привязанность к месту своего жительства, стремление к покою и уравновешенности жизненного уклада. Таким образом, закрепление на генетическом уровне связи человека и целых народов с исторической (базовой) территорией сопровождается культурным наполнением, находя выражение в понятии патриотизма, уже как нравственной охранительной ценности, ориентированной на стабильность и относительный покой.

Будучи конкретно историческим понятием, патриотизм в каждую эпоху имеет различное социальное, в том числе и различное ценностное содержание. Однако первооснова его, в общем-то, остается одной и той же, как и структура составляющих его элементов: отчий дом — родной край (малая родина) — ареал обитания народа — страна в целом. При этом последние два элемента структуры не обязательно выступают в названной последовательности, поскольку государственные границы могут и не совпадать с ареалами обитания народов. В этом смысле патриотизм не всегда созвучен с понятием государства, хотя и тесно с ним связан. В иных случаях имеет смысл говорить о *территориальном, этнокультурном или этно-религиозном патриотизме*. Кроме того, с формированием вследствие интеграционных процессов общностей более значительных по своему масштабу, можно поставить вопрос о проявлении в будущем таких феноменов, как *европейский* или, скажем, *латиноамериканский патриотизм*.

Понятие «гражданин» оставил нам в наследство античный мир. А целые века следующие за этим интереснейшим периодом человеческой истории можно смело назвать процессом постижения смысла данного понятия и освоения всего связанного с ним комплекса отношений. В античном мире словом «гражданин» (греч. *polites*; лат. *civis*) называлось лицо,

¹ Гумилев Л.И. Этногенез и биосфера Земли. 2-е изд. Л., 1989. С.167.

наделенное совокупностью политических и иных прав и обязанностей в соответствии с греческими и римскими законами. Понятно, что таковыми могли быть лишь свободные люди. Но при этом, существовали и ограничения по социальному положению и полу, вероисповеданию и т.д. Исчезнув в потемках раннего средневековья, многие столетия спустя, затребованное набирающим силу капиталистическим способом производства и связанным с ним отношениями, это гордое слово засияло на знаменах Великой французской революции и начало свое трудное, но победное шествие по миру. В своей сегодняшней интерпретации оно означает субъекта, члена политического сообщества, имеющего права и обязанности, связанные с членством в нем. Вместе с тем, граждане (или коллективы) являются и субъектами непосредственной демократии, как активные элементы, которые путем непосредственного властного изъявления осуществляют государственную или публичную власть. В идеале, гражданские права – права по закону, даны всем гражданам данного национального сообщества, хотя в национальных законодательствах имеется множество исключений и цензов. Причем, это понятие предусматривает, прежде всего, *правовую связь* человека, как физического лица, с конкретным государством. Его права и обязанности определяются внутренним законодательством страны: конституцией, законом о гражданстве и другими правовыми актами, но также и нормами международного права, которое в ряде спорных случаев, как отмечено в Конституции РФ, приоритетно по отношению к национальному законодательству.

Применительно к личности и социальным группам в их повседневной жизни, данное понятие находит выражение, прежде всего, в терминах *«гражданское сознание»* и *«гражданское поведение»*. В первом случае, имеется в виду некая особая форма индивидуального группового и массового сознания, специфически, в виде понятий и образов, закрепленная в определенных стереотипах, воздействующих на образ мысли человека (сообщества людей – граждан государства) и на характер принимаемых им решений. Во втором же, речь идет об устойчивых стереотипах поведения, увязанных с понятием гражданства и проистекающих из характера гражданского сознания. Гражданское сознание и поведение формируются в процессе *социализации*. Более того, они являются производными от воспитания и образования, которые, в свою очередь, также зависят от множества факторов: уровня развития государства и общества и господствующих экономических и политических отношений, от специфики функционирующих социальных общностей и институтов, от степени влияния лидирующих групп, взаимосвязи с мировым сообществом и т.д.

Таким образом, наиболее существенной и определяющей является связь *«личность-государство»*. Хотя есть и еще один компонент, существенно влияющий на характер данной связи, а именно *общество*. Но это понятие играет весьма специфическую роль. Оно *не равнорасположено в воображаемом континууме «личность – общество – государство»*. К тому же у общества, строго говоря, нет граждан, а есть только члены, которые, хотя и руководствуются в своем гражданском сознании и поведении существующими законами и нормами, но в значительно большей степени действуют на основе моральных и идеологических норм, традиций и представлений, имеющих, к тому же, преимущественно групповой характер. Во многом это обстоятельство определяет специфику *«гражданского общества»* как совокупности неполитических отношений: экономических, социальных, нравственных, религиозных, национальных и т.д., в рамках которых осуществляется самопроявление свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций, огражденных соответствующими законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации их деятельности со стороны государственной власти.

Вероятно, следует заметить, что зачатки гражданского общества прослеживаются в истории России еще в раннем средневековье в деятельности таких институтов, как народное вече, сходы, соборы и т.д. То же самое можно видеть и в истории многих других государств (например, возникновение и утверждение Магдебургского права, под действие которого попала часть русских земель – Новгород, Псков, также часть Малой и Белой Руси). Но вследствие специфики-развития России все эти формы угасли, в то время как на Западе стали базой развития гражданского общества, демократии в целом.

Таким образом, применительно к российской ветви развития некоего общества можно выделить несколько важнейших этапов, каждый из которых можно было бы назвать нереализованным шансом развития в сторону демократии и гражданского общества.

Первый – как уже говорилось, в *раннем средневековье*, когда наметились тенденции установления прочных связей с Западом, нашедшие отражение в политике киевских князей, особенно Владимира Мономаха и Ярослава Мудрого. Но изменившаяся геополитическая ситуация, усиление противостояния католической и православной церквей, активная военная экспансия Запада в сторону России, но что самое главное, татаро-монгольское нашествие, подвели черту под этим периодом и способствовали снятию самой возможности развития в сторону гражданского общества.

Не открыл и не мог открыть такой возможности и *петровско-екатерининский период*. «Причины этого очевидны, – пишет Х. Роггер, – при самодержавии политических партий не бывает. Руководство традиционно считает политическую деятельность своей монополией и с подозрением относится к любым независимым действиям, которые могут посеять распри, а потому такие действия не просто не поощряются, а запрещаются вовсе»¹. Здесь вполне уместно привести комментарий В.Ключевского, точно подметившего, что «древнерусская государственная власть обращалась к своим подданным как строгий отец к детям-малолеткам, приказывая исполнять не рассуждая, или дозволяя рассуждать только о способе исполнения, а не о смысле и надобности исполняемого. Петр сохранил за властью прежнюю, строгую физиономию, но несколько смягчил ее обращение, тон речи»². Протодемократические пассажи «тайной республиканки» Екатерины, в проектах, указах и особенно в знаменитых «Наказе» и Манифесте 6 июля 1762 г., которые провозглашали жизнь по точным и постоянным законам и право всякого «все то делать, что законы дозволяют», а также декларировали «спокойствие духа в гражданине, происходящего от уверенности в своей безопасности», давали определенный толчок развитию зачатков гражданского сознания. «Русские умы, – писал В.Ключевский, – впервые призывались рассуждать о государственной вольности, о веротерпимости, о вреде пытки, ограничении конфискации, о равенстве граждан, о самом понятии *Гражданина*, – о предметах, о которых рассуждать дотоле не считалось делом простых людей, – а те, чье это было дело, рассуждали о том очень мало»³. Началось это сверху, с ближайшего окружения императрицы, и, расширяясь, со временем неизбежно разрослось в новый, доселе неведомый на Руси и очень неудобный для власти феномен: *устойчивое общественное мнение*, этот истинный закладной камень гражданского общества. Следует ли удивляться, что волнение, вызванное этой (хотя и отнюдь не романтического свойства) «оттепелью» в тогдашней-то, совершенно неготовой к по-настоящему радикальным преобразованиям России (а Екатерина сделала лишь то, что смогла), просто закономерно должно было смениться *ледяной метелью павловского беспутства*. Быстро распрощавшись с конституционными иллюзиями, навянными братьями Паниными и Д. Фонвизиным, Павел проявил самое непримиримое отношение к правам и свободам, подтвержденное стремлением реально бороться с ними огнем и мечом, причем куда решительней, чем его мать. Да, Павел, как явно чужеродная для России персона и, к тому же, изрядно запоздавшая, был просто обречен. Но уходя оставил (опять же – закономерно!) в наследие двум следующим императорам-сыновьям *систему*, прозванную «*аракчеевщиной*». Как пишет историк Н. Шильдер, «однажды Павел Петрович читал газеты (о событиях во Франции – А.К.) в кабинете императрицы и был вне себя: «Что они все там толкуют! – воскликнул он. – Я тотчас бы все прекратил пушками». Екатерина ответила сыну: «Vous etes une bete feroce (Ты жестокая тварь. – фр.) или ты не понимаешь, что пушки не могут воевать с идеями? Если ты так будешь царствовать, то не долго продлится твое царствование»⁴.

¹ Rogger H. The Formation of the Russian Right 1906-1909// Californian Slavic Studies 1964, Vol. 3, P.66.

² Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., Мысль, 1993. С.268.

³ Там же. С.275.

⁴ См.: Шильдер И. К. Император Павел I. СПб., 1901.

Либеральный период правления Александра I – период, заметим, вершущего либерализма, без каких либо кардинальных реформ (как это похоже на период правления М. Горбачева), ко всему, торжественно расцвеченный и причудливо искаженный блестящими победами русского оружия в 1812-1814 гг., целиком ушел в дворцово-светские интриги и тайные заговоры, завершившись неудачным военным мятежом 25 декабря и последовавшей *николаевской реакцией*, стабилизировавшей страну на четверть века, но исторически отбросившей ее назад на целых полстолетия (К. Маркс).

Второй период – эпоха реформ Александра II. Это была единственная и вполне реальная возможность России *своевременно и сколько-нибудь значительных потерь* перейти на путь цивилизованного развития и, соответственно, добиться вершин, о которых и дня, к сожалению, можно только мечтать. Вот почему дату смерти великого реформатора, 1(13) марта 1881 г., можно отмечать как одну из самых трагических вех истории страны, надолго потерявшей себя, а заодно и свое место в цивилизованном мире.

Советский период так же, как и предыдущие, не мог открыть какие-либо существенные возможности в силу нежизнеспособности принятой модели, тупиковости пути и крайней идеологизации гражданственности и патриотизма.

Наконец, *третий этап начался со времени образования на карте мира нового государства, получившего название Российская Федерация.* Причем, в отличие от времени Александра II, наше государство и общество начали свой путь в крайне неблагоприятных условиях, в одной из низших точек развития этногенеза (по Л. Гумилеву – в фазе обскурации), характеризующейся крайне слабыми показателями энергетической активности этноса, угасанием и развалом социальных институтов, обращением подавляющего большинства людей к своим маленьким жизненным проблемам с закономерным отчуждением от государства, культурной и нравственной деградацией и, конечно же, сниженными показателями гражданственности и патриотизма¹.

Но, что не менее важно, Россия оказалась без своего места в цивилизованном мире, оставив за собою на сегодня, как это ни горько, нишу сырьевого придатка, и встала, либо перед перспективой жестокой борьбы за свое место в современном мире, отвечающее ее реальным возможностям, либо перед перспективой остаться третьестепенной страной, чья территориальная целостность и суверенитет в ближайшей перспективе остаются не только под вопросом, но и являются предметом политических и иных интересов действующих в современном мире сил. Вот почему следует крайне серьезно относиться к высказываниям З. Бжезинского о России как «лишней стране» и видеть за его словами отнюдь не только игру воспаленного воображения одного из ее патологических ненавистников. А поэтому-то целенаправленное формирование гражданственности и патриотизма представляется важнейшим на сегодня и на ближайшую перспективу действием, способным начать процесс консолидации россиян и создать противовес деструктивным тенденциям национального сознания. Но не слепо, путем, уже пройденным, и способами, уже опробованными. *А со знанием дела и цивилизованно.*

Многое из того, что происходит в нашем государстве и обществе указывает на то, что мы вышли к подъему. Заметны тенденции к осмыслению народами нашей страны себя в качестве россиян, в особенности, у молодежи. Растут показатели патриотического сознания и поведения. Требование патриотизма как одной из основных составляющих государственной политики – уже не голос одиночек. Оно проявляется и в массах народа – и «в низах», и «в верхах». Но *успешный (цивилизованный!) путь выхода из кризиса возможен лишь при сочетании развития патриотических тенденций с гражданским развитием населения страны, со способствованием неразрывному развитию гражданского общества и правового государства.* В настоящее время мы имеем его лишь в зародыше, который охватывает весьма незначительные слои населения и тяготеет преимущественно к столицам – Москве и Петербургу. В массе своей население лишь испытывает определенную и очень плохо осознанную потребность в неких гражданских инициативах, не выходящую, однако, у большинства из лабирин-

¹ См.: Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993; Этногенез и биосфера Земли. 2-е изд. Л., 1989.

тов формирующегося гражданского сознания. У старших поколений – преимущественно в консервативных формах, более соответствующих понятиям ушедшей эпохи, а у молодого поколения в более реальных, отвечающих сегодняшним требованиям.

Поэтому в истории России, вплоть до настоящего времени и еще в длительной перспективе, *человек и общество*, с одной стороны, а *государство*, – с другой, будут заметно смещены к полюсам воображаемого континуума, в силу различающихся интересов и природы, образуя лишь относительное единство, хотя и динамичное, постоянно изменяющееся по своим характеристикам. А пространство между ними, заполняемое, будем надеяться, возрастающей гражданской активностью народа, в принципе, возможно измерить через единство и противоположность их *коренных и конъюнктурных интересов*.

Мало сказать, что критерии гражданственности, особенно в переходное время, в критические периоды истории, следует искать в особом ощущении, или с позволения, угадывании, объективных законов развития общества, этноса, как живой метасистемы, в соотношении с ними своих помыслов и действий. Здесь важно схватить ключевое, системообразующее понятие, через которое и «прорезается» это самое ощущение. И, кажется, лучше всего выразил суть сказанного выше А. Сахаров, давший толкование Родины *переломного времени именно в гражданском смысле*: «Родина не национальное и географическое понятие. Родина – это свобода!»

Вероятно, следует ввести еще одно понятие, объясняющее или, крайней мере, дающее возможность объяснить замысловатость человеческого поведения – *«гражданское мужество»*. Эта деятельная характеристика означает отнюдь не столько баррикадную храбрость (хотя, временами, и мы это знаем, потребна и таковая), сколько особое качество личности, внешне обозначаемое как интеллектуальная мобильность, в котором концентрируется и выражается способность к переосмыслению накопленного опыта и знаний, очищению их от всего неистинного, не подтвержденного опытом, а также и от частных, мешающих видеть целое, к выбору альтернативного варианта, способа действий и, соответственно, перевода всего этого в личностную программу. Иными словами, речь, в известной степени, идет об антипододе так называемой *«твердости убеждений»*, которая, по меткому замечанию В. Ключевского, чаще инерция мысли, чем последовательность мышления. Вряд ли стоит трактовать гражданское мужество как спонтанный акт. Действие – лишь заверщенное выражение процесса, зачастую идущего через усилие, даже насилие над собою, когда человек оказывается вынужденным, «прижав себя к стене», ответить на вопрос, являющийся логическим продолжением знаменитых вопросов юности: «Кем быть?» и «Каким быть?» – «С кем быть?» И не на основе надуманных фантазий, а исходя из законов развития реальности бытия.

История знает, в каких тяжелейших ситуациях находились (да и находятся сейчас) многие поставленные *в ситуацию гражданского выбора*. Одни, к примеру, явно не симпатизировавшие советской власти – кадровые военные, ученые, деятели культуры и т.д., в первые годы после октябрьского переворота делали нелегкий выбор: быть со своим народом, со своей страной, работать во имя ее будущего возрождения и процветания. Хотя многим пришлось платить за свой выбор дорогой ценой. Другие, непримиримые враги, посвятившие многие годы жизни борьбе с коммунистическим режимом, встали перед выбором после 22 июня 1941 года: быть со своим народом, со своей Родиной, пусть даже вдалеке от нее, или вместе с «фашистской силой темною». Не за Советы и коммунистов, а против силы, в тот момент куда более страшной и для Родины, и для всего человечества. И, знаем, неоднозначным был этот выбор. Высшим и определяющим его критерием была здесь любовь к своей Родине и стремление ее защитить. Но именно этой любви не было в ситуации, которую можно было бы назвать комической, если не была бы она так страшна: когда репрессированные большевистские вожди, прекрасно понимая всю абсурдность выдвинутых против них обвинений (то есть зная, каковы истинные обвинения к ним), и отлично зная цели главного организатора большого террора – «Хозяина», выступали на процессах с дикими самообличениями, лжесвидетельствовали против своих вчерашних коллег и боевых товарищей. Сегодня мы

знаем, что часть из них делали это не из страха смерти, а во имя своеобразно понимаемой чести партийного мундира, авторитета «вечно живого учения», да и сохранения несправедливо нажитых миллионов. Осознавали ли эти, еще недавно – «лидеры мирового коммунистического движения», принужденные разыгрывать, в сущности, мерзкий фарс, в какой нравственный тупик завела их оторванная от реальности идеология, по язвительному выражению Наполеона Бонапарта (кстати, действительного члена Национальной академии наук) «туманная метафизика, которая каверзно отыскивает причины, на основе которой хотят строить законодательство народов»¹. Доходила ли до них мысль о том, что на последней своей баррикаде они не герои-мученики, а перемазанные кровью собственного народа клоуны-жертвы ядовитой паутины схоластики, которую сами же и сплели? Ведь, даже умирая, кричали: «Да здравствует Сталин!» Вряд ли мы сможем когда-либо узнать. Но одно очевидно: никакой гражданственности они не проявили, да и объективно не могли проявить.

Наконец, нельзя обойти молчанием попытки некоторых публицистов приписать гражданские и патриотические качества изменнику Власову. Думается, однако, что только глубокое невежество, замешанное на ложно понимаемом демократизме (это ли не разновидность экстремизма?) и догмате покаяния (еще один вид искаженного, превращенного сознания) подвигло их на столь сомнительные изыскания. Но никакой Власов не гражданин и не патриот, ибо бороться за светлые идеалы, будучи жалкой марионеткой осужденного Судом Народов гитлеровского фашизма, просто невозможно. Что, кстати, следует усвоить нынешним поборникам борьбы за свободу под эсэсовскими штандартами в Эстонии, Латвии и еще кое-где. Иногда можно слышать: «А что ему было делать? Вернись он, его все равно бы расстреляли!», что, заметим, вовсе не факт. Но разве такая постановка вопроса определила мужественное поведение Карбышева, М. Лукина, других генералов и старших офицеров, испытывавших все тяготы фашистского плена?

Вспоминается, наконец, трагедия 2-й армии, в августе 1914 г., совершившей стратегически важный отвлекающий маневр, спасший союзников и обеспечивший «чудо на Марне», и в неравном сражении наголову разгромленной немцами в Мазурских болотах, причем не по вине командующего. И заметим, ему ничто не угрожало, кроме нового назначения (он свой долг выполнил), или, в худшем случае, почетного плена. Однако, первое он, в свете случившегося, считал невозможным, а второе – неприемлемым, ибо сам указывал подчиненным: «Попадать в плен – позорно. Лишь тяжелораненый может найти оправдание». Но главное – понимание действительных причин трагедии, немногим тогда известных, и высокая ответственность за своих погибших солдат заставили генерала А.Самсонова сделать иной нравственный и гражданский выбор. Он застрелился.

Два русских человека: один – генерал от кавалерии русской армии, другой – генерал-лейтенант армии советской. Две судьбы, два выбора. Может, в назидание будущим поколениям?!

В поисках критериев гражданского поведения следует учитывать, что связь «человек (личность) – государство» предполагает вполне определенные отношения человека свободного, с одной стороны, и системы, с другой. Человек свободный, как субъект неотчужденных прав, — понятие относительно стабильное. А вот государство (система) может иметь совершенно различные качественные характеристики (демократическая республика или националистическая диктатура, например). Отсюда гражданственность поведения или позиции личности (если она действительно созрела до уровня человека свободного и уже обладает определенным, зафиксированным в истории знанием, опытом) может выражаться в поддержке, либо в несогласии с какими-то действиями системы, либо в отрицании системы целиком и в борьбе с нею. Человек свободный всегда будет в оппозиции диктатуре, а при наличии определенных личных качеств перейдет в лагерь активных борцов за демократию (из «кухни» на «баррикады»).

И здесь снова противоречивая связка гражданственности и патриотизма. Любовь «к отеческим гробам», безотносительно, каков характер системы, чревата формулой безоглядного служения отечеству. Грань здесь весьма тонкая и прозрачная: от служения отечеству до со-

трудничества с режимом, даже ненавистным, расстояние до того малое, что невольно (так уж устроена жизнь) грань эту постоянно переступаешь. И тем самым, каждый раз оказываешься в ситуации труднейшего нравственного выбора.

Как-то, в пылу полемики, С. Ковалев, именуемый «правозащитником №1», а, в сущности, ангажированный политик, процитировал бодро, сославшись на Льва Толстого: «патриотизм – последнее прибежище негодяев!», – менторски напомнив каждому, в ком это чувство проявляется, его аморализм и никчемность, а заодно и продемонстрировав некую абстрактно-вселенскую гражданственность своей собственной позиции. Позиция такого рода отнюдь не оригинальна и встречается в истории переломных лет довольно часто. Ее высказывали в годы перестройки и в первое время после развала Советского Союза почти все лидеры демократического движения, за что, заметим, заслужили презрение народа. А до них, в революционные годы, многие представители прогрессивной западной и российской интеллигенции. К примеру, английский поэт и драматург Дж. Драйден как-то заметил: «дураком довелось бывать, но патриотом – никогда». Г.Э. Лессинг писал другу, что он не знает, что такое «любовь к родине», – в лучшем случае, это героическая слабость, которой он был бы рад избежать. Ф. Шиллер, которым восхищались в России, писал в год Французской революции, что «патриотические интересы важны только для незрелых наций», а писать лишь для одного народа – ничтожная, банальная цель. Гете до конца жизни придерживался того же мнения (хотя, заметим, имена Шиллера и Гете не сходили со знамен и лозунгов немецкого патриотического движения). И великий Пушкин жаловался на несчастье быть рожденным в России. Что же до упомянутого выше правозащитника, то частенько повторяемая им и его единомышленниками цитата принадлежит не Л. Толстому, как это иногда считают, а английскому писателю С. Джонсону. Да и исторический контекст высказываний был иным. Это было время Просвещения и Великой Французской революции, и как справедливо замечает У. Лакер, подборку цитат из работы которого мы только что привели, в тот период «царило полное безразличие к патриотизму. Люди того времени были космополитами, они верили в Humanitas и прогресс всего человечества, в системе их ценностей ни патриотизм, ни национализм не занимали высокого места»¹. А революционеры и их ближайшие преемники строили, правда, с помощью пушек, единую Европу.

Но подходим ли мы сегодня под этот канон? Вряд ли: другое время, иные задачи. И здесь снова необходимо вернуться к *соотношению гражданского и патриотического*. С развитием общества гражданское степенно становится приоритетным по отношению к патриотическому – но вовсе не заменяет и не отменяет последнего. Да и не способно этого сделать. И главным образом, потому, что патриотизм, как чувство более глубокое по своей природе, формируется в человеке – значительно раньше гражданских представлений. Но что самое главное, он по своему характеру консервативен.

Гражданственность же более динамична и означает, помимо формальной принадлежности к государству и вытекающими из этого следствиями, не только отношение к правам и обязанностям. Это *нравственно-правовое отношение* органически связанное с векторными тенденциями развития человечества. И если исторически подтверждено, что таковыми являются демократия, права человека, правовое государство, гражданское общество, рынок, – то это и есть глубинные критерии гражданственности. Вот поэтому-то возможна оценка декабристов, как провозвестников свободы, с упреждением исполнивших свой гражданский долг. Поэтому, в целом, гражданским отношением можно считать решение большинства народа России, отвернувшегося от замаранного кровью и окончательно доказавшего свою нерепартируемость советского режима. Именно здесь, а не в формальном выполнении предписаний, живая душа гражданственности. Но каковы же функции гражданственности?

Первую из них можно назвать *мобилизующей*, т.е. формирующей у людей активное отношение к действительности. В ее рамках и под ее прикрытием осуществляется формирование и развитие того, что называется гражданским обществом.

¹ Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма / Пер. с англ. М., 1994. С.397.

Вторая функция – *направляющая*, связанная с целеполаганием и придающая устойчивость действиям личности, гражданских объединений.

Наконец, третья функция – *регулирующая*, т.е. определяющая характер реакций на внешнее воздействие (скажем, на естественное взаимопроникновение или силовую экспансию) и воздействующая на характер вновь складывающихся связей и отношений. Причем вплоть до отвержения и слома отживших отношений и систем, в том числе и государственной.

Все три функции своеобразно проявляются в ценностном мире личности, в зависимости от специфики ее воспитания и развития, особенностей среды и т.д. *А само взаимодействие гражданского и патриотического носит ярко выраженный волновой характер: в эпоху великих переломов гражданское всегда доминирует над патриотическим. Более того, учитывая, что в революционные эпохи борьба, и подчас ожесточенная, носит отчетливо выраженный классовый характер, знамя патриотизма зачастую оказывается в руках сходящих с арены социальных слоев и политических групп. В этом случае консервативный характер патриотизма резко усиливается и приобретает выраженный реакционный оттенок.* Ярким примером является знаменитая Вандея во Франции, понятие, ставшее нарицательным. В предреволюционные годы в России патриотические лозунги не сходили с уст черносотенцев, которым откровенно симпатизировала одряхлевшая монархия. Патриотическая идея ярко проявлялась в белом движении в годы гражданской войны в России, явлении во многом уникальном, безысходно трагическом и, в отличие от предыдущих примеров, безусловно позитивном, сконцентрировавшем в себе тех, кого в большинстве можно назвать честью и совестью нации. Определенное исключение составляют разве что национально-освободительные движения, которые скрепляются патриотизмом и национализмом и носят в основном прогрессивный характер. Однако велика опасность скатывания их на путь нарушения прав человека, что произошло во всех без исключения государствах в постсоветском пространстве.

Что же касается России, то во времена крушений великих империй, как в 1917-м, так и в 1991-92 гг., соотношение гражданского и патриотического проявлялось крайне своеобразно и противоречиво. Во-первых, гражданское, в первый период, было приоритетным в русских регионах страны, а патриотическое – у титульных народов в его национальных образованиях. А во-вторых, гражданское сопутствовало лидирующим группам общества, в то время как патриотическое – их противникам, стоящим на крайне консервативных позициях. В обоих случаях такая противоречивость стимулировала националистические эксцессы, причем в межнациональном аспекте – обоюдно, а также вызвала рост сепаратизма, создавая угрозу распада. И если после 1917 г. распавшуюся империю удалось в основном собрать в процессе гражданской войны, используя наднациональные лозунги и силу оружия, то после катаклизма 1991-92 гг. новым руководителям России пришлось спасать положение уже невоенными, а преимущественно (если не считать Чечни) административно-правовыми методами. Гражданский потенциал такого рода действий оказался сравнительно невелик. А патриотические лозунги на время перешли к «непримиримым», занявшим явно консервативные позиции. Однако относительная стабилизация ситуации способствовала снижению потенциала консерватизма в его реакционном выражении, а становящемуся государству – чем дальше, тем больше – оказывался потребен патриотизм, как скрепляющая сила и как идеологическая основа возрождения и развития.

Стабилизация ситуации, как и всегда в таких случаях, приводит к снижению реакционно-консервативного потенциала патриотизма и к постепенному возвращению его в лоно своих основных функций с проявлением, пока еще слабым, приоритета гражданского. В этом качестве патриотическое и гражданское начинают проявляться в таких глобальных процессах, как формирование российской нации, государственности и т.д.

Наконец, следует остановиться еще на одном важном факторе становления и развития гражданского сознания. Речь идет о *социально-профессиональной структуре общества* и перипетиях ее исторического развития, а также о роли социально- профессиональных групп. Исторический опыт показывает, что социально-профессиональное положение человека, равно как и развитие самой социально-профессиональной структуры общества оказывают нема-

лое воздействие на перспективу демократического и правового развития человеческого общества в целом. На эту особенность уже давно обратили внимание западные социологи, работая над концепциями постиндустриального, технотронного и т.д. обществ, отслеживая становление их на практике.

В так называемом крестьянском обществе ценна личная свобода, исходя из специфики деятельности крестьянина, как основного и преобладающего в этом обществе элемента. Но не столько для личного развития, сколько для оптимального производства, коим командовать без риска малой производительности и неурожаев просто невозможно. И это мы хорошо знаем из практики принудительного колхозного строительства. Рабочий обязательно должен быть лично свободным, но его потребность в демократии номинальна, как и в свободе духовной. Он лишь частичный в общей системе производитель, однако производитель коллективный. Эту его особенность не только увидели, но и откровенно использовали коммунисты, прежде всего большевики, реализовав на практике замысел диктатуры пролетариата. Но лишенный глубокой внутренней потребности в свободном развитии и вполне удовлетворенный реализацией своих прав через профсоюзное движение, пролетариат как «класс-гегемон», естественно, не смог самовыразиться в этой диктатуре.

Но подобно тому, как марксисты провозгласили тезис о пролетариате как могильщике буржуазии (что, кстати, не подтвердилось), развитие общества привело не только к росту интеллектуального слоя, но и к возрастанию его влияния на все стороны жизни, что, в конечном счете, означало появление своего рода могильщика перспектив революций и разного рода диктатур. Именно интеллектуалы, испытывая исходящую от природы своей жизнедеятельности и, в особенности, своей профессиональной деятельности (в основе своей, глубоко творческой) постоянную потребность в свободе, в неограниченном догмами развитии идей, в их нерегламентируемом обмене, оказались в зримой перспективе антиподами казарменным порядкам, как убогого тоталитаризма, так и диктатуры закона современной бюрократии, этой изошренной полицейщины нашего времени. Знамя свободы, но еще не рычаги управления, перешло в руки интеллектуалов. Именно им предстоит нащупать и просчитать соотношение закона и морали, долга и ответственности, порядка и совести, без чего новый век будет выглядеть столь же угрожающе бездушным, как и век минувший.

История России, как и любой другой страны, полна ярких примеров патриотизма: от деяний полумифических героев древности, защитников земли русской, до конкретных персонажей. При этом список выдающихся патриотов отнюдь не исчерпывается только военными героями. Но следует заметить, что и сама история, и генезис российского патриотизма заметно отличались от их европейского аналога. Если анализировать европейскую историю, видно, что становление наций и национальных государств в основном совпадало с эпохой буржуазных революций. В те времена буржуазия, провозглашая новые ценности и идеологию, выступила с оружием в руках против одряхлевшего феодализма. Поддержанная большинством нации в этой борьбе, буржуазия выражала ее национальные интересы, а потому, хотя и великой кровью, добивалась победы, проявляя затем свое истинное лицо и корыстные интересы. Примечательно в этом смысле замечание одного из крупнейших исследователей эпохи французской революции А. Манфреда: «Республика, как только с нее сняли якобинские покровы, предстала в своей отталкивающей буржуазной наготе. Она оказалась жестоким миром низменных страстей, волчьей грызни из-за дележа добычи, республикой чистогана, спекуляции, хищнического беспощадного эгоизма, создающего богатство на крови и поте других»¹. Как это похоже на то, что переживаем и мы в своей новой постперестроечной России. Или у истории одни и те же законы для всех без исключения, или она попросту никого и ничему не способна научить.

При этом важно отметить, что буржуазия была носителем качественно новых понятий, порожденных логикой развития капитализма и буржуазного общества - патриотизма, гражданственности, гражданских прав и свобод, правового государства и других принципов и по-

¹ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., Мысль, 1980. С.60.

нятий, по которым ныне живет большинство стран и народов нашей планеты, относящих себя к «цивилизованному человечеству». Именно выдвигание и затем освоение этих понятий и принципов означали смешение воедино патриотизма и гражданственности, как сложного и подчас внутренне противоречивого симбиоза, в котором приоритет, в конечном счете, закрепился за гражданской составляющей в конкретном социально-правовом пространстве.

В России, также пережившей на рубеже XVII-XVIII вв. грандиозный перестроечный катаклизм, дело обстояло совсем иначе, здесь и речи не могло идти о буржуазной революции, ввиду отсутствия предпосылок таковой. А потому прорыв из острейшего и губительного кризиса приобрел форму реформации феодализма. По воле Петра утвердившееся в жестокой борьбе с внешним и внутренним врагом самодержавное «государство помещиков и купцов» (К.Маркс), также не смогло обойтись без обращения не только к патриотическим чувствам россиян, но и пробудило в них ростки гражданственности. Взять, к примеру, хотя бы обращения самого Петра к своим сподвижникам, к армии на поле под Полтавой, в которых он взывал к «чадам возлюбленным» не только как к своим подданным, но и как к гражданам, выполняющим свой долг перед Отечеством: «Пришел час решить судьбу Отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за Отечество, Православную веру и за церковь, а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россия в славе и благоденствии»¹.

Так закладывались основы имперского, государственного (этатистского) по своему характеру патриотизма, сохранившегося в общих чертах вплоть до падения монархии в 1917 г. и последовавшего вскоре развала империи. Причем процесс этот был схож с теми, что развивались в Восточной Европе, в частности, в Австро-Венгрии. Особенность его, замечает А. Мыльников, в том, что «этатистский патриотизм при кажущейся его безнациональности (и даже наднациональности) фактически отождествлялся с культурно-языковой основой господствующих этносов»², а потому с самого начала вступал в конфронтацию с растущим самосознанием народов, подвластных обеим – австрийской и венгерской – коронам. И можно с достаточной долей вероятности утверждать, что именно этот имперский патриотизм, культивировавшийся в Петербурге и Вене сыграл, в конечном счете, негативную роль и для русской и для австро-немецкой господствующих этнических общностей, надолго задержав становление собственно русского и австрийского национального самосознания. Но если для Австро-Венгрии эпоха этатического патриотизма завершается с падением империи в 1918 г., то победившая в России советская власть под иными идеологическими знаменами возрождает этатистский патриотизм, запустив в действие невиданную в погибших империях гигантскую машину воспитания и контроля, а значит, замораживает процессы становления национального самосознания еще на 70 лет. Не потому ли – в отличие от всех бывших республик Союза – только русские, составляя абсолютное большинство населения новой России, в массе своей практически никак не проявляют себя в качестве господствующего народа. Сегодня можно только предполагать: или процесс становления русского национального самосознания еще проявит себя (к этому есть определенные основания), или же мы «проскочим» этот этап в силу существенно изменившихся обстоятельств внешнего и внутреннего порядка, и вновь, хоть и на ином качественном уровне, возвратимся (как бы по спирали) к новому российскому патриотизму с выраженным этатистским содержанием, но проявленному уже в реалиях демократии, гражданского общества (что тоже возможно).

Но вернемся к Петру. Нельзя не обратить внимание на крайнюю противоречивость такого рода обращений императора. Петр – выученик передовой буржуазной Европы, но душой – мрачный русский деспот, «не привыкший уважать человека ни в себе, ни в других»³. Но ведь таково средневековье! – неоднократно замечал: «Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками..., английская вольность здесь (в России – А.К.) неуместна, как к

¹ Острогорский М. Учебник русской истории. 25-е изд. СПб., 1913. С.130.

² Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. ХУШ-ХІХ вв. СПб., 1997. С.88-92.

³ Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С.177.

стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять»¹. Позже Н.М.Карамзин – проповедник самобытности России – в 1811 г. писал: «У нас не Англия,... в монархе российском соединяются все власти... Отец семейства судит и наказывает без протокола, – так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести»². Что же касается Петра, то в трудах своих он пытался соединить несоединимое: «хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. «Совместное же действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это, по замечанию В. Ключевского, загадка, доселе неразрешимая»³. Однако для Петра исторически не существовало никакой альтернативы.

И случайно ли, великий Пушкин, дитя уже другого века, работая над главами «Истории Петра I», ни в этой работе, ни в поэтическом варианте («Полтава») ни слова не говорит об упомянутых выше обращениях великого императора? Иной, нежели у Петра, смысл заключен в его призыве к соотечественникам: «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!» Его современники и друзья-декабристы, выступив против тирании под знаменами свободы, выполнили, хотя и с упреждением, свой патриотический и гражданский долг, но уже в его новом значении.

В послепетровскую эпоху Россия не единожды переживала *всплески гражданско-патриотических порывов*. И тогда сословно разделенная и пребывающая в состоянии перманентного антагонизма страна на короткий срок становилась неколебимым идеологическим монолитом. Вспомним 1812 г., в который и господин, и холоп согласно встали под знамена защиты Родины, на миг превратившись из подданных императора в граждан Отечества. Славное время, звездный час Петра Багратиона и Якова Кульнева, Надежды Дуровой и Василисы Кожиной и еще многих, но не Фаддея Булгарина. Время ему подобных еще впереди. По воспоминаниям очевидца событий аббата Серюга, «Наполеону удалось вдохнуть в русских еще и другой дух, столь мало свойственный им в обычное время, – это дух любви к родине и ко всему родному. Высшие классы нашего общества внезапно переродились; из французов и космополитов они вдруг превратились в русских». «Все – пишет историк и мемуарист Вигель, – опасались одного, это мира. Опасение мира, особенно после занятия Москвы, было одинаково и в обществе и в армии». И лучше всего это чувство нации выразил уже после оставления Москвы Кутузов отвечая Лористону относительно просьбы Наполеона о прекращении войны: «Кончить войну? Да ведь мы ее только начинаем»⁴. Вспомним и русско-турецкую войну 1876-78 гг. – славный период нашей истории, когда Россия впервые выступила не покорительницей, а освободительницей братьев-славян. На время войны был установлен классовый мир: народовольцы, отказавшись от террора, устремились в действующую армию, а правительство прекратило их преследовать (правда, только в армейских частях). Думается, что историкам, вместе с социологами еще предстоит осмыслить эти годы как рубеж формирования именно *гражданско-патриотических ценностей россиян и складывания основ гражданского общества*.

Но закончились славные походы, и их участники вновь стали непримиримыми врагами, борьба между целыми поколениями которых завершилась крахом империи в роковом 1917-м. Россия шла к постижению смысла гражданственности путем куда более трудным и долгим, нежели Запад и впервые зримо приблизилась к заветной черте лишь в период alexandrovских реформ 1860-х гг., *означавших реальную и, увы, единственную возможность* разорвать без потрясений клубок противоречий между деспотизмом и свободой, просвещением и рабством, оказавшихся и непосильной ношей и проклятием петровско-екатерининской эпохи, означенной зыбким и алогичным, в сущности своей, понятием «просвещенный абсолютизм». Александр II Освободитель жил в эпоху переходную, и не только жил, но и творил ее, и потому нес на себе и весь груз наследия прошлого, ему дорогого, и, одновременно, тенден-

¹ Мартов А. Рассказы о Петре Великом / Подг. Л.Н. Майков. СПб., 1891. С.82.

² Карамзин П.М. Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С.102.

³ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 4, М., 1986. С.221.

⁴ Астапенко М, Левченко В. Атаман Платов: жизнеописание М., Современник, 1988. С.131, 142.

ции будущего. Отсюда и его противоречивость, и постоянные колебания, и осторожность¹. В частности, разговоре с С. Ланским, министром внутренних дел, он заметил: «Мы не должны от себя скрывать, что Россия входит в новую, еще небывалую эру, и потому на будущее преступно было бы правительству смотреть, так сказать, сложа руки. Так, мы должны быть готовыми ко всему... и не делать все вдруг»². Как жаль, что властвовавшему еще недавно «про-рабу перестройки» и первому президенту СССР, эти принципы были неведомы. Решимость Александра II и его соратников осуществлять реформы по превращению страны в высоко-развитое цивилизованное государство, а значит, и способствовать проявлению возможностей развития гражданского общества, хотя, заметим, конституционная тема царю была неприятна, и он не скрывал своего негативного отношения к ней, вызвала симпатии современников. К тому же, гласность, отмечает Л. Брюс, обеспечила, и довольно быстро, гражданское просвещение общества, усвоившего проповедь либеральной публицистики, и дала толчок гражданской активности, сделав, в свою очередь, великого реформатора своего рода заложником действий, которые он же и начал. Возрастающее давление на правительство способствовало подготовке нового витка реформ, в чем заслуга М. Лорис-Меликова, причем «уже в обстановке сотрудничества самодержавной власти с общественными кругами в сфере законодательства»³. Но росла и тревога, как в определенных кругах российского общества (особенно среди быстро оформлявшихся крайне-правых и крайне-левых). Следует учитывать, что известная непоследовательность и медлительность Александра и его окружения, тяжесть невзгод войны и т.д., привели как к кризисному состоянию общества, так и к довольно ощутимому разочарованию в уже старом, больном, но, что более важно, существенно исчерпавшем свои реформаторские возможности монархе.

Не просто обстояло и с отношением к переменам в России и за рубежом. Освободительный поход на Балканах, где россияне впервые за два столетия исполняли свой гражданский интернациональный долг, изменил геополитическую ситуацию, а возможность сближения России с Германией не сулили ничего хорошего ее традиционным противникам. Не странно ли на этом фоне наблюдать буквально взрыв, на первый взгляд, истерической активности отщепенцев, присвоивших себе право говорить и судить от имени – ни больше ни меньше – всего народа во имя «великой идеи». И в прокуренных ли конспиративных квартирках в действительности принимались решения, круто изменившие вектор движения России – от перспективы процветания к скорой катастрофе? Ведь до сих пор остаются без ответа вопросы: сколько стоил в то время терроризм (по общим оценкам, очень много), кто финансировал, в чем причины вялости и слепоты полиции, контрразведки, да и разведки и т.д.?

Заметим, что и понимание гражданственности в лидирующих группах общества в годы после трагической гибели Александра II 1 марта 1881 г., существенно деформируется, насыщается уже не столько правовым, сколько идеологическим содержанием, со все возрастающей долей нетерпимости, негативизма и антигосударственности. Во власти же, с воцарением Александра III, возобладали националистические, с флером славянофильства, идеи, явно оппозиционные по отношению к магистральной линии реформ его отца. Одновременно рвется только-только обозначившаяся связка патриотизма и гражданственности. Чем дальше, тем больше патриотизм превращается в антипод гражданственности, символизируя реакционно-охранительную тенденцию, наиболее ярко проявившуюся в деятельности черносотенных сил (Русское собрание, Союз русского народа и т.д.). Многие годы спустя Н. Марков, депутат царской Государственной Думы и один из черносотенных вождей, впоследствии активно сотрудничавший с немецкими фашистами, писал, что по духу «черная сотня» стала не только прообразом политических партий нового типа, но и была почти аналогична национал-социализму. Отчасти поэтому не смог патриотизм сыграть своей освежающей роли с началом первой мировой войны, пусть даже официально нареченной Великой отечественной.

¹ Власть и реформы. От самодержавия к советской России СПб., 1996. Ч.IV. Гл.1.

² Валуев П. А. Дневник: 1847-1860. СПб., 1891. С.550.

³ Власть и реформы. От самодержавия к советской России СПб., 1996. Ч.IV. Гл.1. С.363.

Но всему этому безвольно способствовала и даже симпатизировала сама медленно умирающая монархия вкупе с духовенством. Враз и уже навсегда выбитая из колеи реформ, потерявшая ориентиры и последние надежды, она могла демонстрировать лишь *неразумный консерватизм* вперемежку с наивными иллюзиями, все чаще переходящими в откровенную реакцию и мракобесие. И следует понять, что в такой ситуации никакой Столыпин уже ничего не мог сделать. Империя исчерпала и запас прочности и лимит времени. Большевикам осталось лишь разбросать свои семена в уже подготовленную для этого и, вдобавок, одобренную кровавым дождем войны почву.

Короткий, но до предела насыщенный период между 25 октября 1917 г. до окончания гражданской войны в 1920-22 гг., представляет существенный интерес и дает ответ на вопрос о том, почему советский период не стал благоприятным для формирования патриотизма и гражданственности, более того, затормозил данный процесс и исказил его формы и сущность, вследствие чего они не стали фактором его устойчивости в критические 1980-1990-е гг. Ответ в природе советского строя, руководящей идеологии, ориентированной на реализацию *замысла мировой революции*, о чем, не скрывая, говорили все вожди большевизма. Россия, до известного времени, оставалась для большевистских вождей лишь инструментом реализации грандиозного проекта мировой революции. В их тогдашней интерпретации понятия патриотизм, гражданственность, отечество выполняли второстепенные, сугубо защитную и ресурсную функции. А вся тактика временных отступлений осуществлялась во имя наступления генерального. Поэтому ни о каком патриотическом и гражданском воспитании речи тогда идти не могло. Всемерно доминировал классовый подход и идея интернациональной миссии Советской республики.

Но было бы ошибкой сводить все и вся только к революционной миссии новой власти. Противоречивость ситуации состояла в том, что неудачи потребовали передышки для сосредоточения сил для нового броска. А для этого следовало *укрепить советскую государственность*. Укрепление государственности началось с быстрой трансформации практически всех основополагающих принципов государственного и национального строительства. В первую очередь, в трактовке права наций на самоопределение. В дальнейшем понятие самоопределения наций исчезает из партийных документов, а право на отделение приобретает абстрактный характер. Poleмика перенеслась в плоскость федеративного устройства, «той искомой формы государственного союза», живым воплощением которого Сталин объявил РСФСР¹, не забывая, как нам сегодня стало ясно, и своей главной задачи – «будущего социалистического унитаризма». Так формировалась идейная база собирательства растерянных в ходе революции территорий.

Государственный подход со временем взял верх, но не подавил подхода революционного до самого конца существования Советского Союза. Как полагал английский историк Э. Карр, выдвинувший заслуживающую внимания концепцию соотношения революционных перемен в России и устоев русской государственности, новое руководство страны по мере удаления от октябрьского переворота «все более и более открыто становилось наследником русской государственной власти и провозглашало свои цели в выражениях, которые для чувствительного уха отзывались безошибочным эхом прошлого России». В итоге же, «дело России и дело большевизма начали сливаться в одно неразрывное целое», а политика новой власти стала все более определяться исконными национальными интересами страны². Говоря о формировании пространства нового, советского патриотизма, следует отметить и то, что в своих основных чертах он не противоречил ни традициям российской государственности, ни менталитету нации. Известный американский исследователь Т. Андерсон полагал, к примеру, что политика советского руководства опиралась на «варяжско-византийско-монгольско-славянское наследие». Основным проявлением этой традиции автор считает постоянный фактор жесткой централизации³. Проявлением этой традиции является, по мнению англий-

¹ Сталин И.В. Соч., Т.5. С.39.

² Carr E. Socialism in One Country: 1924-1926. L., 1957. Vol. 1. P.4-22.

³ Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. L., 1983. P.361-373.

ского политолога М. Уоллера, и демократический централизм. А знакомых с экономикой старой России специалистов отнюдь не пугала централизация экономики и повальная национализация, ибо «у нас всегда и в прошлое время, при царском режиме, очень значительные отрасли хозяйства принадлежали государству»¹. К этому следует добавить, что большевистская диктатура вовсе не находилась в некоем социальном вакууме. Большевикам удалось вовлечь в революционное движение как огромную народную стихию, так и, по тогдашней терминологии, «буржуазных спецов», до поры до времени отвечая их определенным чаяниям и настроениям, и использовать в своих утопических целях ее традиционный этатизм, политическую незрелость, склонность к жестким силовым методам решения проблем. Таким образом, поле советского патриотизма было, в основном, подготовлено. Иначе обстояло с формированием базы советской социалистической гражданственности. Уже с первых дней после октябрьского переворота стал обнажаться классовый характер новой власти, поставившей значительные слои населения в положение «лишенцев», то есть лишенных полностью или частично гражданских прав и свобод (до 1936 г.). В первой советской конституции 1918 г. прямо указывалось: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции»². Понятно, что в этой ситуации не могло быть и речи о всенародном единстве. Последствия такой политики крайне негативно сказались на судьбе советского государства, достигшего ощутимого гражданского единства лишь в годы хрущевской оттепели.

Что касается зачатков гражданского общества, даже применительно к пролетарским слоям, то им так и не суждено было прорасти. Отвергая возможность участия широких масс в управлении государством, а тем более в широких гражданских инициативах и мотивируя это крайне низким культурным уровнем основной массы рабочих, В.И. Ленин уже в 1920 г. заявляет: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки... Кто управлял из рабочих? Несколько тысяч по всей России и только»³. *Это не просто поворот на 180° (хотя, конечно, не стоит питать иллюзии в способности малограмотных людей качественно выполнять обязанности высококвалифицированных управляющих), это конец самой идеи диктатуры пролетариата, это, по сути своей, поворот к диктатуре бюрократии.* И не вызывает удивления последующий пассаж с заменой диктатуры пролетариата диктатурой партии. Фактически же власть переходит целиком в руки узкой и отнюдь не сплоченной группы партийных функционеров. В результате и без того мизерное поле гражданской активности заключается в жесткие рамки служения партии — пролетариату и его союзникам, и подчинения партии и пролетариату, причем, без каких-либо оговорок, всех остальных. Так был поставлен большой крест на перспективе формирования гражданского общества, правового государства, равно как и на других светлых иллюзиях.

Что же касается эпохи социалистического патриотизма и гражданственности, то ее начало правильно можно определить с утверждением на политическом Олимпе И. Сталина, всерьез занявшегося реализацией идеи построения социализма в отдельно взятой России — Советском Союзе, не забывая при этом, как говорилось выше, о конечных целях. В его руках оказалось пусть разрушенное, но великое государство. А государство нежизнеспособно без граждан и патриотов. Сталин это хорошо понимал, и потому уделил большое внимание формированию нового человека. Особенно, к 1930-м гг., когда подросло поколение, не помнившее реалий революции и гражданской войны и смотревшее на происходящее иными, нежели старшее поколение, глазами. К середине 1930-х гг. наметились тенденции патриотической направленности в образовании и воспитании. Был осужден нигилистический подход к русской истории и негативное отношение к традициям русского народа, реабилитировались цари-реформаторы, герои национальных войн. В области образования свернуто обучение на-

¹ Валентинов И. (Вольский И.) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С.63.

² Конституция и конституционные акты РСФСР: (1918-1937). М, 1940. С.24.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.42. С. 253.

циональным языкам и установлен приоритет русского языка, сокращено число лиц нерусских национальностей в руководстве и т.д. Начиная с 1936 г., предпринимаются активные усилия по формированию гражданского сознания молодежи. Так в очень короткий срок (все-го одно поколение) Сталин вполне справился с нелегкой задачей: было сформировано замисленное им поколение, с отличным не только от поколений старших, но и от всего цивилизованного человечества миропониманием и мироощущением. Суть его – в *неразрывности идеологического, нравственного, политического и этнического, образующего некое органическое целое*, направляющего действия и помыслы человека в различных, даже самых невероятных обстоятельствах. Именно это поколение приняло на свои плечи всю тяжесть войны и вернулось с нее в количестве всего 3%.

Однако, как показала война, гражданский мир и согласие в стране так и не были достигнуты. Некоторая часть людей в этих условиях оказалась объективно неспособной выработать гражданское мировоззрение и стремилась уклониться от выполнения обязанности по защите Родины. Другие, которых тоже немало, защищая страну от агрессора, руководствовались в основном патриотическими, а не идеологическими побуждениями. Наконец, довольно большое число граждан Советского Союза, не обладая ни гражданственностью, ни патриотизмом, или утратив их, и исходя из побуждений мести за поруганные властью честь и достоинство, а иногда из безысходности, перешли на сторону врага. Были и идейные противники, которые осознанно сотрудничали с врагом, были просто подонки, лишённые чувства чести. Но с ними все понятно. И, если Великая Отечественная *аукнулась нам (о чем почти не пишется) и рецидивом войны гражданской*, вина за это целиком лежит персонально на Сталине, на партийном руководстве, на их недалёковидной одновременно преступной политике классового национал-большевизма. В этом свете еще величественней предстает славный, с большой долей трагизма, подвиг большинства советских людей честно и до конца выполнивших свой патриотический, гражданский и воинский долг.

Если же попытаться сформулировать своего рода партгосзаказ системе воспитания гражданственности и патриотизма молодежи, то это означало бы ориентацию «на безграничную преданность советских людей советскому общественному строю, своему социалистическому отечеству, делу коммунизма», ибо «патриотизм нового, высшего типа – одна из движущих сил развития социалистического общества»¹. Критерием же служила ленинская посылка о коммунистической нравственности. Их экономической основой провозглашалась социалистическая система хозяйства, социалистические производственные отношения; политическую основу составлял советский государственный строй, а идейно-теоретическую базу – марксизм-ленинизм. Отсюда и директивы разных лет, направленные на формирование личности социалистического типа. Понятно, что советское гражданство получает новое качество и начинает принципиально, если следовать языку источников того времени, отличаться от гражданства капиталистических стран. Суть этого кардинального отличия – в установлении «не только юридической связи, но и морально-политического единения с коллективом трудящихся – активных строителей коммунистического общества, сплоченных сталинской дружбой народов»².

В определенной степени *советский патриотизм* можно назвать не только этатистским, но и *идеологическим патриотизмом*. Идеологическое, будучи иным по природе феноменом, постоянно и в специфической форме сопровождает гражданское и патриотическое. И если ослабеваает одна его составляющая (в нашем случае, марксистско-ленинская), то усиливаются другие (к примеру, религиозная, националистическая). Природа явлений от этого естественно не меняется, а вот характер взаимодействия и их последствия могут измениться в зависимости от применяемых для его обеспечения способов. Ведь «идеологию можно определить как систему побуждений и управления человеческим обществом, ... как систему, стимулирующую и направляющую человеческое поведение»³. В единстве своих функций, познава-

¹ Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2-е. Т.39. 1952. С.486.

² Там же. С.421.

³ Lemberg E. Ideologie und Gesellschaft. Stuttgart, 1974. S.34.

тельной, оценочной, программно-целевой, футурологической, интегрирующей, защитной и социально-организующей, как замечает Ю.Г.Волков, идеология не только дает целостную картину мира и интегрирует знания, но и стимулирует и направляет человеческое поведение, интегрируя при этом действия людей и общества, определяя директивы человеческой деятельности и поведение личности в социальном мире. Поэтому «самостоятельное прогрессивное развитие экономики, политики, культуры без идеологии невозможно, ибо дает не целостное, не эффективное развитие общества, а стихийное, беспорядочное»¹. Ясно и то, что насильственный способ взаимодействия идеологического, с одной стороны, и патриотического и гражданского, с другой, не только неприемлем, но и чреват серьезными конфликтными коллизиями.

Партгосзаказ четко определил важность формирования в советских людях сознательного патриотизма, как понимания коренного превосходства социализма над капитализмом и, таким образом, упора в идеологической и воспитательной работе на особый род сознательности – коммунистическую. Далее, делался упор на осознание своего долга как понимания значения своей преобразовательной деятельности и гордости своей Родиной, своими достижениями в борьбе за коммунизм; на сознательное сочетание патриотизма и интернационализма. Ведь, согласно одному из идеологических тезисов той поры, построение социализма было «великим патриотическим подвигом советского народа и в то же время его бессмертной интернациональной заслугой». Словом, следуя мысли Д.Волкогонова, – последнего певца социалистического патриотизма, – «главная отличительная особенность советского патриотизма заключается в том, что любовь к Родине неразсторжимо слилась с преданностью коммунистическим идеалам»². Наконец, в советском патриотизме выделялась еще одна характеристика – его действенность: то есть выражение его в творческой активности и инициативе, преданности Родине, когда интересы государства превыше всего, в бережном отношении к социалистической собственности, стремлении лучше трудиться во имя... и т.д. И это потому, объяснял Д.Волкогонов, что «все действия людей, их труд, поступки, намерения в конечном счете носят общественный характер, а значит, выражают отношение человека к своей Родине. Важно, чтобы это отношение играло роль мощного стимула социальной, нравственной активности каждого человека»³.

Что касается системы патриотического воспитания, то оно, в условиях превращения всей страны в огромную военную базу, надолго приобрело приставку «военно-патриотическое». Такая трансформация существенно сузила ее смысл, деформировала само понятие патриотизма, а с другой, лишь отчетливее выявила агрессивную сущность строя.

Такого рода гражданское и патриотическое воспитание нанесло существенный вред и отчасти спровоцировавшим в 80-90-е гг. кризис ценностей и закономерную реакцию их отторжения у массы представителей нескольких поколений. С другой стороны, попытка силового совмещения нравственной и правовой основы исследуемого феномена с искусственно привнесенной идеологией в качестве определяющей величины, потерпела полное фиаско. И дело даже не в ложности или истинности идеологического учения или концепции, а в разной природе этих феноменов, могущих взаимодействовать, но оказавшихся органически несоединимыми. Что и было подтверждено российским историческим опытом.

Невозможно обойти и вопрос *о соотношении гражданственности, патриотизма и национализма*. И потому, что понятие «патриотизм» в перестроечные годы стало подаваться в продемократических средствах массовой информации как сугубо негативное. И потому, что само слово «патриотизм» отзывается в современной России настороженностью любого нерусского, подсознательно вызывая в нем чувство национального дискомфорта. Но в не меньшей степени и потому, что у русских, живущих в национальных субъектах нашей Феде-

¹ Волков Ю.Г. Идеология. СПб. Ростов н/Д., 1996. С.19-20; Волков Ю.Г. Идеология и гуманистическое будущее России СПб., 1999.

² Волкогонов Д.А. Оружие истины. М., 1987. С.177.

³ Волкогонов Д.А. Феномен героизма. М., 1985. С.131.

рации не вызывает никакого энтузиазма упоминание о патриотизме так называемых титульных народов. В большинстве своем, крайне малочисленных, однако, через своих представителей доминирующих в управленческих эшелонах, которые осуществляют политику, больно затрагивающую интересы нетитульного большинства. Да и в новой Европе трактовка национализма приобретает сугубо негативный характер.

Но в патриотизме ли здесь дело? Очевидно, что налицо подмена понятий. То, с чем мы все имеем дело, – *обыкновенный национализм*, причем, зачастую в крайних проявлениях, исторически имеющий глубокие корни и обретший в разных краях и весях своих идеологов и глашатаев. А патриотизм, к примеру, российский, русский, бурятский, татарский или калмыцкий вовсе ни при чем. Кроме того, срабатывает и механизм психологической защиты. *Идеологическое воспитание советского времени закрепило в массовом сознании, что национализм является чем-то неприличным и даже постыдным.* В самом деле, открыто называть себя националистами до сего времени рисковали сравнительно немногие, либо убежденные его приверженцы, либо субъекты, рассчитывающие на дивиденды, небескорыстно вызывая на себя волну возмущения своих цивилизованных соотечественников. Для большинства же, признание в этом «пороке», даже если это действительно так, явно неприемлемо. Вот тогда-то, в подсознании обывателя и происходит вытеснение неудобного, вызывающего тревогу понятия и замещение его более благозвучным, как патриотизм.

Вместе с тем, следует учитывать и *психо-генетическую природу националистического.* Если исходить из выводов Н. Бехтерева, О. Крылова, Г. Лебона, Н. Лосского, В. Розанова, Й. Мьеэна, К. Юнга, несмотря на разность объектов их исследований и идеологические позиции, то *суть национализма* в своей первооснове может быть оценена, как глубоко дремлющий *подсознательный инстинкт*, обусловленный не только сохранением чистоты своего рода, но и неким утонченным чувством, идущим из глубины человеческой души. В научной интерпретации – некоего «биохимического голоса» идущего от памяти и воплощенного в таком, с одной стороны, нравственном, а с другой, «автономном психическом» качестве (К. Юнг), как совесть¹. Отсюда, попытки «борьбы» с этим чувством не более чем попытки борьбы с природой человека. Но известно, что с природой нельзя бороться. Ее нужно понимать. И понимая, управлять процессами. Нельзя не отметить, что ясности в данный вопрос наши средства массовой информации и политики не только не внесли, но и, цитируя своих лидеров и кумиров, опять же на обыденном уровне, основательно его запутали.

В противопоставлении патриотизма и национализма довольно часто ссылаются на высказывания Д. Лихачева, который, разделяя эти два понятия, подчеркивает, что патриотизм – «это даже не чувство, это важнейшая сторона личной и общественной культуры духа, когда человек и весь народ поднимаются над самими собой и ставят себе сверхличные цели»². Национализм же, по его мнению, «самое тяжелое из несчастий человеческого рода». «Как и всякое зло, оно скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле злобой, ненавистью к другим народам и той части своего народа, которая не разделяет националистических взглядов». Отсюда и выводы: во-первых, что национализм базируется на чувствах неуверенности и неполноценности, а во-вторых, что «сознательная любовь к своему народу не может сочетаться с ненавистью к другим народам»³. На первый, взгляд убедительно. Тем более, что говорит все это патриарх русской историографии и литературоведения. И по большому счету, если воспринимать сказанное в качестве некоего нравственного императива, кажется, что это действительно так.

¹ См.: Юнг К.Г. Психология архетипа младенца. Душа и миф: шесть архетипов. Киев-М., 1977; Юнг К. Человек и его символы. СПб., 1996; Бехтерева Н.П. Введение// Механизмы управления памятью. Межд. симпозиум. Л., 1979; Крылов О.А. Значение ядерной ДНК нейронов головного мозга в механизмах фиксации адаптивной памяти // Механизмы управления памятью. Межд. симпозиум. Л., 1979; Лосский И.О. Характер русского народа. М., 1990; Лебон Г. Психология социализма. СПб., 1995.

² Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах. Л., 1987. Т.2. С.468.

³ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. М., 1991.

Но при внимательном рассмотрении возникают и определенные вопросы. Даже в контексте русской традиционной трактовки национализма как отрицательного феномена (что не свойственно западной традиции), к примеру, если отдельный человек в определенных условиях способен «подняться над собой», то народ может лишь осознать себя самим собой, а значит выделить себя по известному принципу «свой – другие» (где же здесь зло?); подняться же над самим собой – значит, если не прибегать к позитивной аллегории, с большой вероятностью потерять этого «самого себя». Или, как это можно отрицать соединение любви и ненависти в одном субъекте? Человек – не электронная машина, не допускающая в своей программе столь значимого противоречия. Он куда более сложен и, в отличие от ЭВМ, ментально выдающей сигнал сбоя, от природы противоречив. А противоречия лежат в основе его побуждений и действий, причем, как в норме (предмет психологии), так и в патологии (предмет психиатрии). Нечто подобное можно встретить и у великого А.С.Пушкина, утверждавшего несовместимость гения и злодейства. Увы, совмещаются. Ведь не случайно существует понятие «гений зла».

В определенной степени данное противоречие корректируется уровнем культуры человека, смягчая или обостряя проявление данного противоречия, но не ликвидируя его вовсе, а лишь очерчивая правила хорошего тона, да и то в ситуациях преимущественно равновесных, когда стороны не нарушают неких правил приличия. А если они нарушаются одной из сторон или обоюдно!?

И к тому же, на характер противоречия оказывают воздействие множество факторов разной природы и силы действия: социальных, идеологических, политических, экономических, психологических и т.д. Не случайно, нигде в мире мы не сможем найти идеального решения проблем, им порождаемых. В одном случае, напряжение вследствие намеренно, явно или тайно создаваемых привилегий титульной нации. В другом случае, вследствие нарушаемых пропорций и группового этно-национального эгоизма, как в любящих поучать весь мир и только три десятилетия назад пошедших по пути преодоления расовой сегрегации Соединенных Штатах, где, несмотря на жесткие нормативы, еще далековато до идиллии. Или в России, где никаких правил в данной области, похоже, еще долго не будет выработано.

На первый взгляд, теоретически, противоречие как бы безупречно, но возникающие на его основе задачи неразрешимы. Что-то вроде знаменитого гордиева узла, рубить который, однако, страшновато. Но вся штука в том, что Александр Македонский вовсе не рубил этот узел мечом, как это, вполне в традициях своего времени, присочинил описывавший его доблести греческий историк Каллисфен. А вот другой историк, Аристокл, повествуя об этом случае, отказывается от драматических приемов, избегает мифологизации: по его описанию, Александр не разрубил мечом узел, а просто вынул заклепку из хомута. «Его, как технически образованного человека, – замечает немецкий историк Ф. Шахермайр, – больше устраивал именно такой способ¹». А что если и нам стать в позицию «технически образованных» и попытаться разобрать данное противоречие. В этом случае, прежде всего, окажется, что *противопоставление патриотизма и национализма оказывается до известной степени искусственным, поскольку эти два феномена различны по своей природе*. А вот их соединение вполне естественно, что было подмечено Н.О. Лосским, определившим патриотизм как «естественную любовь к родине, и национальное чувство, т.е. любовь к русскому народу как носителю важных духовных и исторических ценностей».

Патриотизм – феномен нравственный и обращен к той сфере ценностного мира человека, который лежит в основе нравственной самоидентификации того или иного народа, формирования, по Д.С. Лихачеву, его «культуры духа». Кроме того, патриотизм формируется естественным путем и превращается в особую ценность по мере взросления личности (равно как и народа), и кристаллизации ее ценностных, а шире – жизненных – ориентаций. Выполняя целый ряд позитивных функций, о которых уже говорилось выше, он не может быть ни

¹ Шахермайр Ф. Александр Македонский. Пер. с немецкого. Ростов-на-Дону, 1996. С.177-178.

опасным, ни негативным фактором, а лишь определяет параметры, в которых любой народ может быть самим собой.

Иное дело *национализм*. Он, по своей природе, уходит корнями в этно-национальную сферу. И если и обретает нравственное содержание, то в связи в ней. Ярko проявившийся в Европе на рубеже XVII-XIX вв., в эпоху становления национальных государств и национально-буржуазных революций, он сыграл определенную положительную роль, став и объединяющей силой и союзником нарождавшейся западной демократии. Именно национализм, как замечает Э.Д. Смит, придал устойчивость и силу социальным процессам через идеологические конструкты типа «общей судьбы», но в особенности – через миф об «этнической избранныости», как правило, обеспечивали этнической группе долгую жизнь¹. Кроме того, в то время только идеология национализма, выступая «от имени псевдонародной культуры и беря свою символику из здоровой, простой трудовой жизни крестьян, народа»², могла солидаризировать богатых и бедных, капиталистов и неимущих. В этом смысле, по справедливому замечанию Н. Скворцова, *идеология национализма* не только выполняет именно государственную функцию, она политически эффективна и пользуется ответной поддержкой со стороны широких народных масс. Ибо национализм предлагает в данной привлекательной упаковке, «ощущение безопасности и стабильности в тот период, когда жизненный мир потерял свою целостность, а люди оторваны от своих корней. Таким образом, функцией национализма являлось создание ощущения целостности и исторической непрерывности, связи со своим прошлым, преодоление отчуждения между человеком и обществом, которое несет с собой новый общественный порядок»³.

Однако в нашем столетии национализм в своих крайних выражениях приобрел преимущественно негативное значение, чаще становясь союзником (или орудием) агрессивных, тоталитарных режимов. Что почти не свойственно *патриотизму*, в силу своей *оборонительной природы* просто не способному служить в качестве обеспечения агрессии, хотя он временами и может, при идеологическом давлении, обеспечивать внутреннюю реакцию (к примеру, быть базой борьбы с «внутренним врагом»).

В определенной степени *национализм* сохраняет свое позитивное значение, ибо, как показывает опыт, эпоха образования национальных государств еще не завершена. Но, во-первых, *восточноевропейский национализм*, выполняя свою позитивную функцию, тут же проявил и крайние формы и показал свой антигуманный лик, проявившись в давлении на нетитульные народы по этно-национальному признаку. Во-вторых, он проявился в условиях, когда, по справедливому замечанию многих исследователей и политиков, средства уничтожения стали гораздо более смертоносными, а войны несравненно более разорительными. В итоге националистические побудительные мотивы (как правило, не будучи стабильно и «безопасно» выраженными) стали намного более опасными как для народа, в среде которого они формируются, так и для всего человечества, в чем мы убедились на примерах войн и вооруженных конфликтов в бывшей Югославии, в Чечне. И человечество, озабоченное своей безопасностью вынуждено, насколько оно сегодня способно, избирать пути и способы адекватного реагирования. В принципе, можно согласиться с У. Лакером и другими исследователями в том, что «между идеями Гердера или демократическим национализмом Мадзини и Гарибальди и межнациональными конфликтами в Восточной Европе наших дней нет ничего общего»⁴.

Возвращаясь к природе национализма применительно к России, следует отметить, что сильнейший толчок его развитию дал процесс распада СССР, совпадающий по времени с «перестройкой». А образование новой России дало естественный толчок процессу формирования *российской нации (нации россиян)*. И самым значимым признаком, указывающим на

¹ Smith A.D. The Ethnic Sources of Nationalism // Ethnic Conflict and International Security /Ed. by M.E. Braun. Princeton, 1993. P.27-41.

² Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983. С.130.

³ Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996. С.156-157.

⁴ Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма / Пер. с англ. М., 1994. С.397.

то, что «процесс пошел» является набирающая силу самоидентификация жителями России себя как «россиян», в отличие от других, то есть не россиян, а, следовательно, и рост национализма, причем во всем диапазоне его проявлений.

Последнее обстоятельство требует пояснения, суть которого сводится к характеристике процессов, исходя не столько из понятия *народа* (в данном случае *русского*), сколько из его роли как подавляюще массовой системообразующей *основы новой нации*, с учетом значения многовековой *метисации*, которая в основном привела к образованию *нового этнотипа*, превращению русских в россиян (как это было с превращением славянских массивов в IX-XII вв. в народы славянской группы, а в случае России – в русских, народ славяно-угорской группы, со значительным вливанием тюркского элемента). На базе этого слияния и возникли, ближе к XIX в., собственно россияне, как новый этнотип. К этому следует добавить и довольно значительный процент россиян, происшедших от межнациональных браков (до одной трети в трех-четыре поколениях), и доминанту русской культуры, на базе которой формировалась национальная (нерусская) интеллигенция, и знаковые имена русской славы разных лет, например: А. Суворов, М. Кутузов (тюркские корни), П. Багратион, В. Чабукиани (грузинские), К. Рокоссовский, И. Балинский (польские), Л. Ландау, Ю. Харитон (еврейские), С. Рихтер, Б. Раушенбах (немецкие) и т.д., естественно вписавшиеся как в единую ткань русской культуры, так и в этнотип.

В условиях становления российской государственности и общероссийской нации следует занять по отношению к *российскому национализму* позицию как к естественному феномену, сопутствующему процессу образования наций и немислимому без такового, обращая, однако, внимание на его опасные крайности, и, тем самым, выйти за пределы сложившейся российской традиции трактовать этот феномен исключительно в публицистически-негативном духе. Такого же рода процессы идут и в других независимых государствах в постсоветском пространстве. Сочетание процессов интеграции и размежевания, становления государственности и наций с присущими им атрибутами – проявлением национальных интересов, формированием национальных идей, конечно же, вызывает их столкновение и, как следствие, напряженность. На российском уровне – та же картина. С одной стороны, процесс образования общероссийской нации, а с другой – углубление самоидентификации народов нашей страны, имеющих свою исторически обретенную территорию, в особенности русских, что явно недооценивается политиками и идеологами.

В такой ситуации многие, прибегая к советам «просвещенных» западных экспертов, пытаются найти аналоги для России в процессах, свойственных нынешней Европе или Америке, постоянно, кстати, ощущающих сепаратистское напряжение. Чего стоят, к примеру, затянувшийся ольстерский конфликт, проблема басков, квебекская эпопея, да и постоянно дающий о себе знать и имеющий глубокие исторические корни территориальный сепаратизм в США¹.

Но вряд ли это справедливо. Ведь современной России временные аналоги подыскать очень сложно. С одной стороны, наша страна и общество проходят (хоть и не в первый раз) первые стадии формирования капиталистических отношений, со всеми присущими этому процессу «детскими болезнями». Во времени они аналогичны тем, что происходили в Европе в XVI -XIX вв. Складывание же общества буржуазного типа с соответствующими ему процессами классово-образования и формирования социальной структуры, прерванными в 1917 г., у нас начинается и вовсе с нуля. Нельзя при этом не учитывать и весьма значительный научно-технический и культурный уровень развития страны к началу «перестройки». С другой стороны образование национальных государств с присущими процессами образования наций в Европе, в основном, прошло в XVIII-XIX вв., растянувшись до начала XX в. в странах юго-восточной Европы, *в то время как Россия специфически вошла в подобные процессы в самом конце XX в., как бы зависнув на растяжках между эпохами и столетиями.* Это очень похоже на Монголию, которая, в соответствии с замыслами идеологов коммунизма, пыталась со-

¹ Козлов Д. А. Новоанглийский сепаратизм в США в начале XIX века. СПб., 1997.

вершить скачок из феодализма в социализм, минуя целый ряд стадий. Или на многие африканские страны, «втиснутые» в капитализм с уровня родо-племенных отношений. Во всех случаях такого рода скачки стремительны и поверхностны, порождают непростые социальные, экономические, политические, этнические и психические проблемы. В частности, известный франко-африканский психиатр Ф. Фанон отмечает, что освоение культурных идеалов белых для многих черных заканчивается расстройством психики. Но малые страны и народы *вынужденно приспособляются* к условиям, в то время, как *большие и великие поставлены перед необходимостью эмпирически, отвергая знахарские рецепты политических компиляторов, закономерно искать свой особый путь, дабы не потерять себя*. Не «третий», а обеспечивающий самобытность и безопасность этнокультурной идентичности.

Нельзя назвать простыми в каждом случае и отношения людей, принадлежащих к формирующимся или уже сложившимся нациям, с одной стороны, и, как правило, частями организованных диаспор, с другой. Однако при более или менее нормальном развитии отношения типа «свой-другие» выстраиваются в два уровня. На первом как *межнациональные отношения в рамках одного государства*. А на втором уровне – *в практике взаимоотношений между нациями, имеющими свою государственность и суверенитет*. Совершенно естественный для многих стабильных национально-государственных систем этот уровень только осваивается россиянами, которые еще недавно жили «в семье единой, новой» вместе с теми, кого сегодня мы постепенно начинаем осмысливать как других и даже чужих.

Понятно, что эти «другие» и «чужие» не случайно по-разному поминаются применительно к отмеченным уровням. Отношения между россиянами в нормальном варианте предполагаются лишь как отношения между своими, но «другими». А само сосуществование реализуется в трех классических формах: *симбиотической* (с характерной тенденцией к слиянию), *ксенической* (означающей устойчивое сосуществование различных народов как бы в своих нишах и взаимодополняющих друг друга) и, наконец, в *химерической* (вызванной временными обстоятельствами, а потому весьма конфликтной и неустойчивой).

Беда наша в том, что эти процессы, вследствие отсутствия какой-либо осмысленной национальной политики, основанной на долгосрочной стратегии, порождают слишком много неясностей, в которых национализм, переходя в крайние состояния, находит свою питательную среду.

Говоря о *разнородности понятий «патриотизм» и «национализм»*, следует обозначить их логические пары: «патриотизм – космополитизм», «национализм – интернационализм», «гражданственность – анархизм». В результате становится окончательно ясно, что одно во все не вытекает из другого.

Итак, логической парой патриотизма является *космополитизм*, довольно широко и своеобразно проявляющийся в современном мире и в России у представителей различных социальных слоев и возрастных групп, а в особенности в среде столичной интеллигенции. В крайности своей они противоречат и исключают друг друга. Но в массе житейских ситуаций, в сознании и ценностном мире отдельного человека вполне могут ужиться. С космополитизмом сочетается, как правило, и «усеченный» патриотизм, *показателем которого является связь человека с родным домом, населенным пунктом, регионом, но не со страной*. Тем более что в нынешней России *понятие государства неоднозначно понятию Родины*.

Логическая пара «национализм – интернационализм» лишней раз показывает насколько искусственно совмещение национализма с патриотизмом. Ведь патриотом в разной степени может быть и националист, и интернационалист, равно как гражданин и анархист. Но в то же время гражданин и интернационалист совсем не обязательно должны быть патриотами. Точно так же, как космополит (как показывают исследования, вовсе не «безродный»), вполне может бы одновременно и гражданином, и анархистом, и даже националистом. Все дело здесь в специфике формирования данных характеристик складывающейся из них структуры в каждом отдельном случае. А это определяется условиями формирования личности в детстве и юности, в особенностях семейного и государственного воспитания. В российской действительности, с учетом истории нашей страны, формирование подобных структур наиболее

интересно с исследовательской точки зрения. И вряд ли можно ошибиться, сказав, что две характеристики, а именно патриотизм и анархизм, играют здесь наиболее существенную роль.

Складываясь в крайнем оформлении двух характеристик: государственность и безгосударственность, притом, что пространство между ними многие столетия оказывалось ничем не заполненным, а если прибегнуть к физической аналогии, было своего рода торричеллиевой пустотой, как ни странно, обеспечивающей притяжение этих двух несоединимых, взаимоисключающих характеристик, русская душа, русский дух, сам противоречивый, за века блуждания в потемках и минуты озарения выработал, по Н.А. Бердяеву, некую антиномичность¹, выраженную в единстве-противоречии свободы и воли, рабского, из под палки, порядка внешнего бытия и повседневного внутреннего жития «по совести». И потому дикий для любого европейца вопрос: «Как жить будем, по закону или по совести?» – для нас, русских, да и остальных россиян воспринимается как нечто естественное, само собою разумеющееся. Потому-то в России непреодолимым препятствием для самых нелепых законодательных актов является дурное их исполнение. И, конечно же, именно поэтому, на короткие мгновения, так разительно и непредсказуемо меняется лик россиян и самой России – от апатии и малоподвижности к всплескам, сопровождающимся огромными выбросами энергии, к порывам, невысказанным для европейского ума. «Страстность и могучую силу воли, – замечает Н. Лосский в своей книге «Характер русского народа», – можно считать принадлежащими к числу основных свойств русского народа».

Права З.В. Сикевич, когда пишет, что «свобода в нашем понимании – понятие европейское, ограниченное некими правовыми рамками, между тем как воля предполагает стихию, неупорядоченный взрыв «самореализации», прежде всего групповой, а не индивидуальной, никем и ничем неограниченное непокорство», указывая на маргинальность носителей этих характеристик и душевных состояний, «но разве не маргинальна и сама «воля» в сравнении со «свободой»?²

Использование трех обозначенных логических пар в социологическом исследовании, в сочетаниях полюсных характеристик по доминантам их проявления обещает весьма интересные результаты, особенно при проектировании социальных портретов как личностей, так и целых народов, и способно пролить свет на многие доселе невыясненные моменты. К примеру, русские – патриоты, анархисты, интернационалисты; а, скажем, французы – преимущественно патриоты, националисты, граждане³.

Опыт цивилизованного развития, осознание своей ответственности за судьбу уже не только одного народа, а всей нашей планеты неизбежно приводит к мысли о необходимости надежного контроля за феноменами общественной жизни, могущими представлять всеобщую угрозу. *Агрессивный национализм* при сочетании разного рода факторов несколько раз за прошедшее столетие приводил человечество к трагедиям глобальных масштабов, варварски попирая законы развития, деформируя пространство и время. А ведь на уровне таких всеобщих категорий, как пространство и время мы встречаемся с функционированием некой всеобщности, в пределах нашей планеты определяемой понятием «ноосфера». Обобщая исторический опыт, можно сделать вывод, что возможно, воздействуя силовым образом, искривить, деформировать пространство. Но можно, при известных условиях, и взломать его, вызвав всеобщую катастрофу. Можно, видимо, «поиграть» и со временем до известного (кому?) предела. Но время есть феномен, явно влияющий на все наши действия. Чем масштабней действие, тем ощутимей, вследствие его возможного несоответствия общей логике и законам функционирования, последствия для всех нас. Если продуктом таковых действий является материализованная система (скажем, государство), которая по сути своей и по природе сдерживает функционирование ноосферы или придает ей в сколько-нибудь значимых, важных для ее жизнедеятельности масштабах деформацию (это ли не искривление простран-

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С.58.

² Сикевич З.В. Расколотое сознание. СПб., СПбГУ, 1996. С.8.

³ Сорокуев Э.А., Крыско В.Г. Введение в этнопсихологию. М., 1996. С.87-91, 135-137.

ства вопреки логике, законам и попытка обернуть время вспять?), то время начинает сокрушать эту систему, расчищая путь для нормального развития целого. Не случайно мы говорим: система не выдержала испытания временем. И, главным образом, потому, что возможно Движение только вперед, а назад, увы, пусть в самых экзотических Формах, нет.

Но поскольку мы в общих чертах выяснили не только различие между патриотизмом и национализмом и, думается, доказали необязательность и не всеобщность публицистического варианта, выражаемого в связке «национал-патриотическое», уместно дополнить что гражданственность в современных условиях, пронизывая ценностную структуру, не только организует ее, но и делает невозможным сколько-нибудь значительный подъем крайнего национализма. Ибо гражданские права и обязанности во всей их полноте и есть правовая основа развития как личности, так и общества, организации сознания и поведения в соответствии с вектором демократического развития. Конечно, не только государство должно много сделать для развития гражданственности своего народа. Но и сами люди, народ являются вершителями своей судьбы. Общее направление развития, пусть в самом общем виде, было проговорено в годы «перестройки» и выбрано в 1992 году. А это значит, что фантастические или ориентированные в прошлое рецепты решения проблем неприемлемы. Россияне в большинстве всегда были патриотами своей страны. А теперь мы начинаем все больше осознавать себя гражданами новой России. Сплетаясь воедино, гражданственность и патриотизм могут быть и стимулом в решении проблем возрождения нашей прекрасной Родины и заслоном националистическим соблазнам.

Вопрос о ключевых принципах и подходах к формированию системы патриотического и гражданского воспитания молодежи, имеющего в качестве главных целей и развитие социальной активности молодежи, и профилактику негативных проявлений в сознании и поведении молодежи, в современных условиях приобретает весьма важную роль. Ибо речь идет о создании не просто конгломерата форм и видов воспитания, объединенных общими целями, а *системы*, которая стала бы предметной основой общественно-государственной системы как социального института. Данный институт должен осуществлять свою деятельность в *системе социальных координат*, постоянно соприкасаясь в проблематикой прав и свобод личности, а также с деятельностью различных социальных институтов. Думается, что определение системы воспитания как *воспитания патриотического* и выбор в качестве цели этой системы *формирование человека-гражданина* вполне оправдан.

Опыт развития демократий показывает, что любое государство, избравшее данный путь, может быть только правовым. А это значит, что приоритет в многообразных отношениях в таком обществе принадлежит, в первую очередь, праву. Но было бы ошибкой, исходя из данной посылки, сводить все многообразие воспитания исключительно к праву, а само воспитание превращать в правовое. Понятие *гражданского* значительно шире *правового*, поскольку включает в себя и само правовое, и множественность связей и отношений, имеющих нравственную, социальную, экономическую, идеологическую, этническую и биологическую природу. *Гражданское*, в отличие от правового, предполагает не только исполнение действующих законов и законопослушание. Оно связано с генеральными векторами развития страны и государства и *отражает в себе перспективные национальные интересы государства и общества*. А если раскрыть еще более глубокий пласт, то базируется на такой значимой величине, без которой просто немислимо развитие, как *общенациональная идея*.

Именно поэтому *гражданское внутренне противоречиво*, ориентировано на перспективу и в силу этого *может в отдельных ситуациях противостоять правовому*. Такое происходит в периоды социальных переломов, изменяющих природу общества и характер действующих в нем отношений. В качестве примера можно привести период так называемой «перестройки», с одной стороны, подведшей черту под предыдущим развитием исторически исчерпавшего свои возможности Советского Союза и приведшей его к краху. Поведение лидирующих групп общества в этот период, несомненно, можно было характеризовать, с точки зрения действовавшего тогда советского законодательства как антигосударственную деятельность, включая и измену Родине. Но эта деятельность в своем *гражданском качестве* выражала бо-

лее высокий смысл, нежели правовые нормы и положения (типичная ситуация в переломные периоды общественного развития). Она была нацелена не на преобразования, а на слом отжившего строя, в то время как право выполняло свою функцию – защиты строя и его стабильности независимо от политической и иной конъюнктуры. Стабильности того, что уже не давало России никакой возможности нормально развиваться. Кстати, в схожей ситуации находились в 1787-93 гг. французские революционеры, а в 1825 г. декабристы.

По прошествии смутного времени и определенной стабилизации ситуации *гражданское* вновь начинает играть свою *конструктивную стабилизирующую роль*. Соответственно, между ним и правовым (как впрочем, и между другими составляющими – *гражданским и патриотическим, гражданским и национальным* и т.д.) преодолевается состояние непримиримого противоречия и устанавливается позитивное равновесие. Хотя определенная противоречивость сохраняется всегда. Именно в такой ситуации проявляется объективная потребность в гражданском воспитании.

Одним из ключевых принципов гражданского воспитания является его *естественность*. Постановка вопроса таким образом не случайна и возвращает нас к практике действовавшего в советское время *коммунистического воспитания*. В самом общем виде оно было зафиксировано в партийных документах того времени и имело следующий вид: формирование марксистско-ленинского мировоззрения; общественно-политическое воспитание; нравственное воспитание; эстетическое и художественное воспитание; трудовое воспитание; профессиональное воспитание; интернациональное воспитание; патриотическое воспитание; правовое воспитание; атеистическое воспитание; физическое воспитание. Не вдаваясь в детальный разбор данной структуры, отметим все же ряд его особенностей:

- данная структура не может характеризоваться как логически стройная и, скорее, представляет собою жестко зафиксированный (что контролировалось партийными органами) конгломерат основных составляющих, связанных основным направлением: «формирование марксистско-ленинского мировоззрения». Более того, в практике воспитания тех лет, по понятным причинам, и не предпринималось попыток поставить под сомнение и саму структуру, и иерархию ее элементов;
- хотя в данной структуре просматривается определенная иерархия, она небезупречна по целому ряду моментов. К примеру, трудно объяснить, почему интернациональное воспитание в такой многонациональной (и как показал опыт – высоконапряженной) стране, каким был СССР, отставлено на седьмое место;
- в данной системе напрочь отсутствуют жизненно важные направления воспитания, остро необходимые самой личности, особенно в детском и подростковом возрасте, такие, как половое и семейное. А физическое, важность которого бесспорна во всех возрастных периодах, вообще поставлено на последнее место. Лишь в последние годы существования Союза делались робкие, но в целом неудачные попытки полового и сексуального воспитания.
- но что самое главное, дело не столько в наборе направлений и их иерархии, а во взаимодействии и гибкости. А вот этого-то системе коммунистического воспитания явно не хватало.

Уже перечень этих позиций показывает, насколько далекой от жизни, от актуальных проблем развития самих воспитуемых, поставленной «с ног на голову» была выстроенная схема.

Говоря о принципах формирования *системы воспитания*, мы еще раз подчеркиваем, что в своем окончательном виде таковая *может быть только системой патриотического и гражданского воспитания*. Все остальное носит вспомогательный и дополняющий характер и может выступать в виде долгосрочных или краткосрочных составляющих. Кроме того, *структура воспитательной системы должна быть тесно увязана с основными этапами и законами развития личности* и с логикой их освоения.

Жизнь человека начинается с осознания себя, с освоения основных норм и правил, причем процесс этот невозможен вне активности самой формирующейся личности. Далее, формирующаяся личность должна быть крепкой, здоровой. А это значит, что физическое воспитание должно переместиться с последнего на первые места. И речь не только о физическом

воспитании, но и о *здоровом образе жизни*. Освоение правил и норм, начиная с самых простых истин, осознание и освоение собственных прав и обязанностей открывает дорогу гражданскому и нравственному воспитанию и т.д.

Огромное значение имеет *культурное сопровождение* воспитательного процесса, начиная с раннего детства. Задача воспитательной системы – создание адекватной, соответствующей параметрам российской национальной культуры (и национальных культур составляющих Россию народов) *эмоционально-культурной среды*. Вероятно, имеет смысл обсудить тему пропорций в национальной и иной тематике в наиболее значимых СМИ, об идеологическом обеспечении данного процесса. И конечно, с первых лет жизни ребенок должен познать ценность и смысл труда, без которого невозможно ничего достигнуть ничего совершить. При этом, ориентироваться следует не только на результат труда (как вознаграждение), но и на сам процесс. Что же касается идеологического наполнения воспитания, то оно определяется содержанием общенациональной идеи, национальных интересов, патриотического и гражданского долга.

Говоря о естественности системы и структуры воспитания, мы предполагаем выделение двух важнейших моментов, существующих в неразрывной взаимосвязи: *выделение в качестве несущих конструкций соответствующих природе человека направлений воспитания и соответствие этапам и законам развития личности*. В первом случае, подразумевается такое построение системы воспитания, когда структура ее основных составляющих выстроена в соответствии с объективными потребностями формирующейся личности. А во втором, в соответствии со спецификой этапов и законов формирования и развития личности. На каждом из них структура воспитания приобретает вид, присущий потребностям данного этапа, а также его целям и задачам. Искусство же реализации воспитательных задач заключается в диалектическом соответствии потребностей формирующейся личности с интересами государства и общества, как в конкретике, так и исходя из длительной перспективы. Особенность действия воспитательных систем в демократических или проходящих путь демократического становления государствах и обществах заключается в том, что сама система воспитания приобретает государственно-общественный характер независимо от форм и уровня ее институционализации. А это значит, что в данном процессе равнозначно и равноправно принимают участие и государственные институты, и общество в лице его организаций и инициатив. Беда в том, что в силу неразвитости институтов гражданского общества в современной России, данная часть воспитательной системы очень слабо выражена и зачастую становится ареной столкновения и реализации групповых интересов разного рода общественных организаций. Такие, как правило, больше громко заявляют о себе, чем работают. А реальный охват людей крайне незначителен. Кроме того, предметом их деятельности является воспитательная работа с детьми и подростками, требующая определенной квалификации и соблюдения ряда непреложных научно-обоснованных правил. А значит, требуется определенная регламентация и государственное лицензирование такой деятельности.

Выше уже говорилось о значении *национальной идеи*. Между тем, система патриотического и гражданского воспитания должна иметь в своей основе не просто идею, но своего рода сверхидею, способную логически выстроить всю систему на относительно дальнюю перспективу, а также «зажечь» своей энергией самих воспитуемых, сообщив им высшие позитивные цели жизни и сориентировав их на активную жизненную позицию в качестве реальных и значимых участников процесса возрождения великой России, а значит, и своей республики, региона, города, села. Учитывая различие интересов государства, его институтов, общественных организаций как, с одной стороны, естественное в силу различия их природы, целей, задач и т.д., а с другой стороны, в силу конъюнктурных претензий их лидеров в конкретной обстановке, складывающейся в стране, регионах имеет смысл поставить вопрос о достижении общенационального согласия по проблематике воспитания в общем виде, по целям и задачам, способам. Но при этом учесть, что достигнутое (на какой-то определенный срок) согласие должно быть обязательным для всех его участников.

Представляется, что в качестве целей воспитания можно в целом принять: формирование национального самосознания, гражданственности, патриотизма, уважения законности и правопорядка, внутренней свободы и чувства собственного достоинства; ориентация личности на гуманистические установки и смысложизненные ценности в новых социально-политических и экономических условиях, определение своего места и целей жизнедеятельности, формирование самосознания и гуманистически направленных высших потребностей; воспитание потребностей молодежи к освоению ценностей общечеловеческой и национальной культуры, формирование эстетических ценностей и вкуса, стремление к созданию и приумножению ценностей духовной культуры, участию в культурной жизни российского общества; приобщение молодежи к общечеловеческим нормам морали национальным традициям, кодексу профессиональной чести и моральным ценностям соответствующих социальных слоев и групп воспитание адекватной самооценки результатов своей деятельности; выявление и развитие задатков, формирование на их основе общих и специфических особенностей, индивидуальности личности, возвышение ее творческого потенциала и способности к саморазвитию; воспитание потребности к труду как первой жизненной необходимости, высшей жизненной ценности и главному способу достижения жизненного успеха, целеустремленности и предприимчивости, конкурентоспособности во всех сферах деятельности; воспитание потребности к физической культуре и здоровому образу жизни, стремления к созданию семьи, продолжению рода, материальному обеспечению и воспитанию нового поколения в духе гуманизма и демократии. В качестве основных принципов воспитания авторы рассматриваемой концепции предлагают и раскрывают: гуманизм, духовность, демократизм, патриотизм, конкурентоспособность, толерантность, индивидуализацию, вариативность.

К всему сказанному следует добавить необходимость не только утверждать в сознании патриотические и гражданские ценности, но и потребность и умение эти ценности отстаивать, защищать. Речь идет о *военно-патриотическом направлении воспитания*. Понятно, что, имея такую богатую событиями военную историю, мы закономерно получаем отражение ее опыта и в воспитании. Практически все элементы воспитания как бы пронизаны двумя заповедями, идущими к молодому человеку от его предков: а) помни о защитниках своей Родины; б) будь защитником ее. В нашу задачу вовсе не входит детальное описание данного направления воспитания, его функции, структуры и т.д. Тем более что есть работы, в которых авторы решили эту задачу блестяще¹. Мы полагаем, что куда более серьезной задачей является определение роли и места военно-патриотического воспитания в системе патриотического и гражданского воспитания в целом. На наш взгляд это просто необходимо в связи со стихийной тенденцией, идущей от советской системы воспитания, где военно-патриотическое было одной из ведущих составляющих, в соответствии с идеологической и оборонной доктриной тогдашнего государства. В условиях, когда страна была фактически превращена в огромную военную базу (что явно входило в противоречие и с тенденциями мирового развития, и с интересами развития страны), *военно-патриотическое воспитание по своей масштабности подменяло остальные направления* и, в определенной степени, способствовало маскировке разного рода недостатков.

В определенной степени это касалось и базовых понятий патриотизма. *Патриотизм* в основе своей имеет эмоционально-нравственную связь человека с его землей, историей, языком традициями, культурой как ценностями. Но если это ценности, то их следует, по необходимости, отстаивать, защищать. Вот здесь-то и заложено противоречие. Если в человеке не сформировалась данная связь, то, что он будет защищать и отстаивать? Еще одно противоречие, если можно сказать, латентного свойства, но дающее о себе знать. *Патриотизм – категория созидательная*, функционально настроенная на развитие и процветание. Военная сфера связана с разрушением. Причем, как мы знаем из истории, вовсе не всегда оправданным.

¹ См напр.: Лутовинов В.И. В патриотизме молодежи — будущее России. Пособие для педагогов, руководителей образовательных учреждений и организаторов работы с молодежью. М., 1999; Подготовка учащейся молодежи к защите Отечества и военной службе в условиях оборонно-спортивного оздоровительного лагеря. М., 2003; Лутовинов В.И., Мельниченко И.И. Развитие патриотизма в России XXI века. М., 2004.

Но есть еще одно соображение. *Военно-патриотическое воспитание не является собственно патриотическим.* Это, скорее, область гражданского воспитания, поскольку речь идет о долге молодого человека перед Отечеством. А категория долга, прав и обязанностей – все-таки предмет гражданского и правового воспитания. Конечно, в неразрывно связи с патриотическим и будучи пронизано им.

Теперь о защите Отечества. Тоже не простой вопрос. И подросток в свои 13-17 лет уже способен формулировать свое мнение относительно многих сложных даже для взрослых вопросов. Хотя бы относительно того, что вовсе не все войны, которые вела наша страна в разные периоды истории, были справедливыми. Особенно это относится к периодам гражданских войн. То же и о героях, которые формировались в соответствии с классовыми доктринами. Представляется, что огромный вред (если не самый существенный) нанесло так называемое ниспровергательство и *конъюнктурное переписывание истории* под известные социальные заказы последних лет. Сколько путаницы, сколько злобы, грязи накопилось в этих, выскочивших как чертики из бутылок, так называемых авторах. Кажется, не удалось. Но след остался. Мы не случайно говорим об этом. Поскольку *история и ее образы в значительной степени мифологизированы.* И так должно быть. Поэтому вовсе не всегда требуется некое, с душком, «правдокопательство», особенно под заказ.

В оценке роли и значения военно-патриотического воспитания требуется учитывать и сегодняшние реалии, в которых, с одной стороны, отражается потребность вооруженных сил в военнотружущих и резерве, а с другой стороны, те векторные процессы, характерные для всего мира, когда в высокотехнологичных армиях осуществляется переход на профессиональную основу. В таких условиях *пытаться возродить военно-патриотическое воспитание в его советском виде не только не реально, но и вредно.* Поэтому лучше оставить его одной из составляющих, не пытаясь придавать ему гипертрофированный вид.

У нас слишком много ценного и славного в нашей истории. И имена великих героев гармонически сочетаются с именами великих ученых, инженеров, деятелей культуры и искусства. Они – наша немеркнущая слава и гордость. Но перед нами стоят и задачи возрождения великой России. И думается, что образы прошлого, лики великих деятелей страны будут вдохновлять новые поколения россиян на свершения во имя своей великой Родины.

Т.С. Колябина, к.с.н. (ИСПИ РАН, Москва)

Социальная идентичность – патриотизм и гражданственность

Трансформация общественных структур и отношений естественным образом влечет за собой кризис старой системы ценностей и идеологием, а утверждение новых институциональных форм сопровождается ростом социальной потребности в обновленном соответственно духу происшедших перемен содержании базовых ценностей. Так произошло и в современном российском обществе: в ходе реформ были переоценены и отвергнуты официальные социокультурные ценности и идеалы, сохранявшиеся неизменными в течение всего советского периода, в том числе, представления о советском патриотизме и гражданственности. На первый план вышли активно пропагандируемые реформаторами «общечеловеческие ценности», в самом понимании которых явно ощущался глобалистский и отчасти космополитический оттенок. На идейной основе общечеловеческих ценностей планировалось осуществить экономическую и культурную интеграцию России и других постсоветских государств в мировое сообщество, включить их в сложившийся глобальный порядок.

Однако этот позитивный замысел имел своей оборотной стороной ослабление у значительной части населения законного чувства национального достоинства, развитие комплекса национальной неполноценности, раболепного преклонения перед Западом, иронического отношения к патриотическим ценностям. Трудности и негативные следствия реформирования сопровождались дальнейшим разочарованием в качествах россиян как этноса и ростом безразличия к исторической судьбе страны, политической и гражданской индифферентности. С другой стороны, утрата патриотизма способствовала усилению тенденций регионального се-

партизма, социальной безответственности властных структур и элит. Возникла угроза утраты российским обществом социальной идентичности.

Начало социально-экономической стабилизации поставило вопрос об идеологическом оформлении идущих в российском обществе процессов, прежде всего, процесса укрепления вертикали власти, преодоления тенденций регионализации. Насущной оказалась также проблема выхода из мировоззренческого и нравственного кризиса, воспитания молодых поколений на базе позитивных социокультурных ценностей. Для сохранения социальной идентичности российского общества необходимо восстановление значимости ценностей, связанных с идеями патриотизма и гражданственности. Но эта задача достаточно сложна, поскольку речь идет не о возвращении к прежним в содержательном отношении представлениям о патриотизме и гражданственности, восходящим к советскому времени, и не о возрождении «альтернативных» диссидентских идей патриотизма и гражданственности, которые при всей их духовной позитивности имели выраженный антигосударственный характер и потому непригодны для нового этапа социального строительства. Необходимо наполнение идей патриотизма и гражданственности новым содержанием, которое было бы адекватным времени и неуязвимым для критической рефлексии и в силу этого составляло бы надежную основу для интеграции российского общества и роста социального оптимизма.

В этой связи особую актуальность приобретает социологическое исследование патриотизма и гражданственности как социокультурных концептов, имеющих глубокое ценностное содержание, изучение их динамики в мировоззрении современных россиян. Актуальность обращения к данной теме обусловлена также необходимостью развития социокультурной рефлексии российского общества и его правящей элиты, углубления знаний общества о себе самом. Мировоззренческие процессы, затрагивающие представления об историческом, геополитическом, культурном статусе России, ее судьбе в современном глобализационном контексте, о сущности российского патриотизма и месте России в мировом сообществе, о том, что значит быть российским гражданином, тесно связаны с динамикой российской социальной идентичности, которая в настоящее время поставлена под вопрос. Рефлексивное познание российским обществом самого себя неотделимо от его самосохранения. В конечном счете, актуальность заявленной нами темы определяется ее значимостью в перспективе поддержания социальной идентичности.

Категория «социальная идентичность» применяется для описания индивидов, групп, общностей в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей. Социальная идентичность дает характеристику субъекту с точки зрения его принадлежности к различным формам социальной организации, начиная с семьи как микроячейки общества, до геополитических образований. Социальная идентичность индивида связана с сознательной ориентацией на определенный стиль жизни, выбирая который он формирует свою тождественность с определенной группой, ее ценностями и образом жизни. Возможность социальной идентификации помогает индивиду ответить себе самому на ряд жизненно важных вопросов: «Кто я?»; «Какое сообщество является моим?»; «Нужно ли оно мне?»; «Как оно связано с другими сообществами?» и т.д. Причем речь здесь идет не только о национальной идентичности, хотя в первую очередь исследования затрагивают именно эту проблему, но и о религиозной, этнической и других типах идентичности, то есть речь идет о разработке проблемы идентификации как таковой.

Мы можем охарактеризовать понятие «идентичности» как процесс осознания индивидом себя как части некоего сообщества, принятие системы ценностей, предлагаемой этим сообществом и деятельность, направленная на поддержание его (сообщества) существования. В роли объекта идентификации может выступать любое объединение людей: малая группа, этническая общность, нация и даже мир в целом. Более того, процесс идентификации может носить символический характер, если речь идет, например, об идентификации с референтной группой, в роли которой также могут выступать различные объединения людей. Однако необходимо учитывать, что самоидентификация практически не имеет ценности, если индивид не получает признания среди тех, к кому он хотел бы присоединиться, и, особенно, если это

люди пользующиеся авторитетом. Эта потребность принадлежать к определенной общности является одной из самых сильных в индивиде. Следовательно, для индивида принципиально важным является наличие обратной связи с той общностью, с которой он себя идентифицирует. Таким образом, проблема идентификации выводит нас на восприятие индивидом мира, себя в этом мире и на оценку событий, происходящих в нем, что обуславливает, в конечном счете, его поведение. В современных сверхсложных социальных организациях, каковыми являются индустриальные государства, в условиях продолжающихся процессов социально-экономической глобализации число форм и типов идентичностей все более возрастает. В процессе социализации индивид справляется со многими ролями, каждая из которых имеет свою идентичность.

В зависимости от того, какой объект является основанием идентификации, можно выделить различные типы социальных идентичностей: профессиональная (ученый, рабочий, фермер, учитель и т.д.); этническая (русский, еврей, украинец, немец, итальянец и т.п.); - региональная (москвич, каталонец, сибиряк, баварец и т.п.); политическая (коммунист, либерал, социалист, монархист); религиозная (верующий, колеблющийся между верой и неверием и т.п.); конфессиональная (мусульманин, христианин, буддист и т.п.); национальная (государственная) (американец, россиянин, советский человек, австралиец, бельгиец и т.п.) и др. Таким образом, индивид осознает себя членом сразу многих групп и общностей. Иерархия идентичностей в сознании индивида не является догмой и меняется в зависимости от ситуации, времени и места. Например, религиозно-конфессиональная идентичность. В одних условиях она не играет существенной роли и вообще не как не выражена в ролевой функции («религиозный индифферентизм»), в другой – выступает на первый план и даже доминирует, вытесняя другие идентификации индивида (исламские ваххабиты). Эта активизация конфессиональной идентичности может быть связана не с признаками «пробуждающейся» религиозности, а с признаками политической и этнической коллективной солидарности, стимулированной процессом социальных коммуникаций. Значительное место в теоретическом дискурсе относительно феномена патриотизма занимает тема возможности сосуществования национальной (государственной, российской) идентичности и идентичности этнической.

Этническая идентичность базируется на языке, культуре, традициях, обычаях предков, территории и др. Национальная (российская, гражданская) идентичность предполагает отождествление себя («Я») с определенным идентификационным пространством государства, политическим и культурно-историческим гражданским сообществом (образ «Мы»). Необходимо указать на непротиворечивость этих двух идентичностей. Характеризуя личность, мы говорим: «Этот русский человек Иванов – патриот своей страны, защитник Родины, истинный россиянин!». Поскольку большинство современных государств являются полиэтническими, гражданско-политические и культурные показатели национальной идентичности имеют приоритет над подобными показателями этнической идентичности. Тем не менее, в нашей стране, в условиях становления российской государственной идентичности, как показывают многочисленные социологические исследования, на уровне массового сознания приоритет остается за этнической, а не государственной идентичностью. Значительная часть населения не идентифицирует себя с гражданами России.

Социальную идентичность индивида можно рассматривать в двух ракурсах: личного (индивидуального) и группового. Личная, индивидуальная идентичность индивида является более устойчивой категорией, так как в условиях глобального социального переустройства индивид «сам» в большей степени, чем в групповой идентичности может определять выбор и глубину собственной идентификации. Исходя из предложенной проблематики, необходимо изучение принадлежности личности к групповым идентичностям на этническом, религиозном, социально-политическом, региональном и государственном уровнях. Нас интересует возможность расширения образа социального «Я» через преодоление сформированных идеологических и политических стереотипов мышления, а также трансформация ценностных отношений к государству, обществу, личности.

Социальная идентичность должна рассматриваться в следующих плоскостях:

- когнитивной (связанной с конкретным знанием о себе как члене общностей и с осознанием особенностей этих общностей, а также отличий «своих» и «чужих»);
- ценностной (различные ценностные представления о себе и своих общностях, разрешениях и запретах, нормах и требованиях);
- аффективной (оценка значимости своего членства в общности, определение позитивных и негативных установок по отношению к «своим» и «чужим»);
- защитной (упорядочивание социального опыта как реакция на дестабилизирующую социальную среду).

Это наиболее важные функции социальной идентичности. Поэтому она должна рассматриваться в качестве инструмента, оказывающего влияние на ценности, стратегию и нормы поведения личности. Этот «инструмент влияния» сам постоянно трансформируется в изменяющемся обществе.

Согласно модели социальной идентификации А. Тайфеля и Дж. Тернера¹, преодоление кризиса социальной идентичности и достижение более положительных социальных идентичностей возможны через ряд следующих стратегий:

- попытки оставить группу, утратившую, с точки зрения индивида, свою позитивную определенность («социальная мобильность»);
- попытки изменить ценности или фокус процесса сравнения («социальное творчество»);
- вызов или прямой конфликт с большинством («социальная конкуренция»).

Исходя из вышеизложенного, вполне логично, что сам кризис социальной идентичности можно рассматривать как «утрату позитивной определенности группового членства». Э. Эриксон рассматривает более широкий ракурс проблемы кризиса идентичности. Он анализирует кризис личной идентификации в социально-историческом контексте. Моменты перехода от одной личностной целостности к другой, знаменующие продвижение к новой стадии развития, он называет кризисами. Однако понятие «кризис» в концепции Эриксона не означает обязательно болезненный конфликт противоположных тенденций. Это, прежде всего, выбор личности между «прогрессом и регрессом, интеграцией и задержкой», и, главное, «нельзя разделять личный рост и изменение общества, кризис идентичностей в индивидуальной жизни и современные кризисы в историческом развитии». По мнению Эриксона, резкое изменение условий существования зрелой личности вызывает у нее потерю чувств личной тождественности и исторической непрерывности².

Для замены старой идентичности новой зрелая личность обязана включиться в новые социальные отношения, систему ценностей и оценок, сформировать новые цели. Какое понимание кризиса социальной идентичности предлагается социальными психологами, социологами, исследовавшими эти проблемы на постсоветском пространстве в последние годы? Следующие трактовки кризиса социальной идентичности представляются наиболее удачными: «Кризис социальной идентичности – отражение в сознании индивида несоответствия сложившейся идентификационной системы личности новым требованиям реальности (внешней и внутренней), которое актуализирует необходимость сознательного выбора новой идентичности, умение следовать этому выбору. Этот процесс сопровождается переоценкой имеющихся ценностей и выработкой новых, а также динамикой соотношения бессознательных и осознанных механизмов идентификации, которые проявляются в условиях кризиса». «Кризис социальной идентичности в ситуации нестабильности общества можно определить как ощущение утраты смысловой насыщенности прежних форм социальной идентификации и поиск новых, отвечающих потребности человека в смысле и способствующих наиболее адекватной адаптации в изменившейся социальной реальности». Так, если ранее самоидентификация индивида во многом зависела от позиции, занимаемой им в обществе и по большей части определялась от рождения, то в настоящем мы уже не можем однозначно утверждать,

¹ См.: Taifel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge, 1982; Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1978, 1985.

² См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис /пер. с англ. М., 2006.

что индивид, являясь гражданином данного государства, и воспринимает себя как гражданин, поскольку одновременно он может являться членом общественного движения, служащим транснациональной корпорации и т.д.

Мы уже не можем утверждать, что именно государственная принадлежность индивида является для него основополагающей. Помимо этого наблюдается рост взаимозависимости современного мира, что проявляется не только в сфере экономики, но, что может быть имеет еще большее значение и в сфере культуры, а в результате происходит размывание национальных идентичностей. Индивид «ощущает» существование глобального общества, но он не рассматривает себя как часть этого глобального общества. Жители этого общества выступают для него не как «мы», частью которых он мог бы считать себя, но как «они», которые могут быть для него не просто представителями чуждого сообщества, но и врагами. «Иными словами, социальная группа [также как и отдельные индивиды]... вместо ощущения включенности в существующие нормы глобального общества чувствует себя отличной от этого общества и болезненно переживает эту свою непохожесть и отличия, она переживает «драму отчуждения». Этот феномен, который характерен для развитого общественного сознания, получил название «не-идентификации». Возможно, как следствие подобного процесса мы можем рассматривать попытки возрождения своих национальных традиций в том виде, в каком они якобы существовали раньше, также как и замыкание внутри некоей локальной общности. Индивид, поддаваясь патерналистским настроениям, сознательно или неосознанно пытается спрятаться от враждебного мира. Ощущая ослабление влияния на него его собственной национальной идентичности и не будучи в состоянии рассматривать себя как часть глобального сообщества, он пытается изолироваться от окружающего его мира, создавая свои собственные мифы, и главным из которых является его миф о той прекрасной родине, которую он потерял и которой более не существует. Как следствие возникновения данного мифа в некоторых обществах наблюдается не только стремление к воссозданию национальных традиций, но и установка на изоляционизм. Более того, этот же феномен вызывает возникновение таких стихийных массовых протестов, которые направлены против различного рода международных организаций, как, например, МВФ, с чьей ролью индивиды и связывают само возникновение и развитие глобального общества.

Другой стороной данного процесса может служить стремление индивида к замыканию в рамках малой общности или корпорации, представители которой являются для него «своими», в противовес «чуждому миру». Таким образом, с позиций социальной психологии, общие закономерности кризиса социальной идентичности в период радикальных социальных изменений указывают на то, что кризис социальной идентификации проявляется в утрате смысловой определенности соотношения себя («Я») с теми или иными социальными группами и категориями. Это выражается в отсутствии или снижении уровня самоидентификации в некоторых ее типах, что стимулирует поиск других групп и социальных категорий, идентификация с которыми наиболее полно и адекватно отвечает на вопрос: «Кто я?» в изменившейся социальной реальности, реализуя основную потребность индивида в смысле жизни и способствуя более успешной адаптации в существующих реалиях. Главным критерием социального становления личности является «степень ее независимости, уверенности, самостоятельности, раскрепощенности, инициативности, незакомплексованности, проявляющаяся в реализации социального в индивидуальном, что обеспечивает реальное социокультурное воспроизводство человека и общества». Согласно современным теоретическим исследованиям, идентичность – изменяющаяся структура, она развивается на протяжении всей жизни, проходит через преодоление кризисов, может изменяться в прогрессивном или регрессивном направлениях, то есть быть «успешной» (эффективной) или «негативной» (индивид отклоняет любые взаимодействия). Собственно кризисной идентичностью разумно считать состояние людей, не способных в силу разных причин (в том числе и вследствие психологической ригидности) адаптироваться к меняющимся условиям жизни.

Неустойчивое, лабильное состояние социальной идентичности становится нормой современных обществ. Как замечает З. Бауман, ситуация в современных обществах существенно

отличается от той, что была до середины минувшего века, и важнейшим элементом этой перемены становится приход новой «краткосрочной» ментальности на смену «долгосрочной»¹.

Заслуживает внимания концепция идентичности разработанная известным британским социологом Э. Гидденсом. Он продолжает исследование идентичности не просто как психологической проблемы, а как проблемы современного мира и истории. В своей работе «Модерн и самоидентичность» Гидденс стремится показать идентичность и самоидентичность как явления современной культуры. По определению Гидденса, идентичность и самоидентичность не даны в процессе деятельности, а создаются и поддерживаются в рефлексивной активности повседневной жизни. Гидденс представляет собственную гипотезу структуры идентичности. Идентичность – это два полюса, с одной стороны, абсолютное приспособленчество (конформизм), с другой, – замкнутость на себя. Британский социолог предлагает понятие «общей идентичности», которую он характеризует как часто неосознаваемую уверенность в принадлежности к какому-либо коллективу, общие чувства и представления, разделяемые членами коллектива, выражаемые как в практическом, так и в дискурсивном сознании. В целом, Гидденс является противником постструктуралистских и большинства постмодернистских теорий, предрекающих кризис способности современного человека обрести свою идентичность. Итак, в зарубежной и отечественной гуманитарной мысли сложились определенные общие и особенные традиции исследования феномена идентичности как психологического и социокультурного феномена. Их суть заключается в том, что идентичность имеет структурное строение, основными параметрами которого являются целевой, содержательный и оценочный. Обычно происходит выделение двух аспектов идентичности: личного и социального. В современных теориях личностный аспект чаще всего трактуется как вторичный по отношению к социальному. Он формируется на основе использования выработанных в процессе социальной категоризации понятий.

В современном российском обществе наблюдается кризис социальной идентичности, связанный со сменой основных ценностей и стереотипов. Утрата обществом духовного единства и стабильности проявляются в том, что, согласно мнению психологов, «старшие поколения испытывают потерю идентичности, молодые – не могут определить свою идентичность»². Перед российским обществом в настоящее время остро стоит проблема новой социальной идентичности. Либо будет создана возможность для населения позитивно идентифицировать себя со своей страной и ее историей, стоящими перед ней культурными задачами, либо будут прерваны последние идентификационные связи и общество окончательно распадется. Необходимо установить правильную субординацию российской идентичности и «малых» этнических идентичностей и преодолеть тенденции регионального и этнического сепаратизма.

Центральное звено формирования новой российской макроидентичности – реактуализация патриотических и гражданских ценностей. Многоплановость патриотизма как составляющей личной и социальной идентичности находит отражение в многообразии имеющихся в научной литературе подходов к интерпретации этого понятия:

- *Эмоциональный подход* связан с классификацией патриотизма прежде всего или исключительно как возвышенного чувства любви к родине.
- *Деятельностный подход*, восходящий к общей деятельностной парадигме в отечественной психологии и философии, связывает патриотизм не только с чувством, но и с целенаправленной и осознанной деятельностью актёра по его практической реализации.
- Третий, также базирующийся на марксизме подход делает *акцент на социальной обусловленности сущности патриотизма*; к началу 1980-х гг. этот подход конкретизировался в понимании патриотизма как феномена общественного сознания. В постперестроечный период терминология была скорректирована и патриотизм стал рассматриваться многими исследователями

¹ См.: Бауман З. Возвышение и упадок труда // Социс. 2004. №5. С.77-86.

² Андреева Г.М., Шевелева А.Ю. К вопросу о проблеме группы в социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14 Психология. №1, 1998. С. 41-47.

дователями как одно из проявлений духовной жизни общества¹. Тогда же патриотизм начали исследовать в аспекте этнического и национального менталитета.

- Четвертый подход можно классифицировать как *государственный*, поскольку здесь патриотизм понимается исключительно как преданность государству.
- Согласно *личностному* подходу патриотизм интерпретируется как одно из измерений взаимоотношений общества, государства и личности, при этом личность рассматривается как приоритетное явление, а государство и общество – как структуры, существующие для обеспечения всестороннего развития и самореализации личности.
- Наконец, согласно еще одному из подходов, *духовно-религиозному*, патриотизм понимается как явление духовной природы, как важнейший этап духовного развития личности, проявление ее религиозного отношения к родине как носительнице определенного провиденциального замысла и идеи.

Оптимальным подходом к пониманию сущности патриотизма и гражданственности как социокультурных и духовных феноменов является диалектическое представление, отражающее неразрывное единство государственного и гражданского патриотизма, преданности отечеству и государству и сознательной активности в сфере строительства гражданского общества и обеспечения прав личности. Единство государственного и гражданского начал в понимании патриотизма способствует гармонизации ценностных приоритетов в решении проблемы отношений государства и личности, развитию культуры патриотизма как духовно-ценностной базы эффективного функционирования всех структур общества.

Патриотизм можно рассматривать как неотъемлемую составляющую российской ментальности. Тем не менее, в силу этносоциокультурных особенностей этой ментальности динамика патриотических ценностей в общественном сознании имеет маятниковый характер, что обусловило усиление внепатриотически-индивидуалистских ориентаций в ранний постперестроечный период. Высокий в настоящее время статус идеи патриотизма в общественном сознании и социально-практической деятельности россиян дает возможность использовать ее в качестве духовной базы для реинтеграции общества, формирования адекватных запросам времени смысложизненных установок.

Воспроизводство и поддержание высокого уровня патриотизма и гражданственности в обществе является одним из элементов целостной системы социокультурного воспроизводства, функционирование которой предполагает непрерывность следования установленным культурным образцам. Современное российское общество, находящееся в состоянии посттрансформационного духовного и нравственного кризиса, характеризуется, в том числе и дезадаптацией системы социокультурного воспроизводства, усилением межпоколенческого противостояния и ценностного раскола, что препятствует нормальной интернализации молодым поколением ценностей патриотизма и гражданственности.

Реактуализация в общественном сознании комплекса ценностей патриотизма и гражданственности органически связана с формированием новой социальной идентичности россиян на макро- и микроуровне, предполагающим восстановление утраченной личностью гражданской самоидентификации, преодоление отчуждения личности от государства и властных структур, выработку жизнеспособной национальной идеологии, решение «национального вопроса» как проблемы соотношения национальной российской идентичности и этнических «малых идентичностей», развитие политической и правовой культуры на всех уровнях общественной и частной жизни.

Формирование патриотизма и гражданственности у молодых поколений россиян представляет собой одну из основных задач пореформенного общества и необходимое условие его самосохранения и интеграции. В условиях трансформирующегося общества, углубления социокультурного раскола и распространения среди населения индивидуалистических ценностей специфика формирования патриотической и гражданской позиции определяется необходимостью культивирования и пропаганды традиционных ценностей коллективизма, со-

¹ См.: Платонов О.А. Русская цивилизация. М., 1995

циальной справедливости и созидания, критики и осуждения негативных явлений, в том числе и в практике государственных структур, восстановления доверия граждан к государству. Большое значение имеет единство воспитательных мер на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровне, направленное на создание у населения позитивного образа российского государства.

Патриотическое чувство – как экзистенциальное переживание – носит двусторонний характер: оно одновременно и входит в «Я-концепцию» личности в качестве одной из ее фундаментальных составляющих, образуя аспект личной идентичности, и как бы размыкает рамки индивидуальности и выводит личность в широкое сообщество, придавая ей грань социальной идентичности. В последнем случае патриотизм выступает как целенаправленно формируемое в ходе социализации осознанное чувство, связанное с ощущением ответственности, солидарности, интегрированности в конкретное, незаменимое сообщество.

**В.Н. Кузнецов, чл.-корр. РАН (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва).
Смысл Великой Победы¹**

В условиях войны общенациональная цель для страны и ее народа, для любого гражданина и патриота, для каждого солдата – это Победа. А смысл Победы – в достойной, благополучной и безопасной жизни людей в условиях мира. Для мирной жизни институционализация цели через средства ее достижения; через мотивацию деятельности и взаимодействия; через преодоление бедности, неравенства и преступности – это та же Победа. Это – человеческое счастье и удовлетворенность жизнью. На мой взгляд, фундаментальная особенность характеристики нынешней социокультурной реальности определяется формирующейся надеждой российского общества на счастливую жизнь именно сейчас, равно как и в ближайшей перспективе. Ведь прорыва и маневра в непонятную даль не бывает. Это – глубоко социологическая проблема. Возможно, такое массовое стремление и вера людей в счастье, в Победу и обусловят ныне предпринимаемый стратегический маневр, интеллектуальный и экономический прорыв, который как раз и мотивирован надеждой, уверенностью и волей к Победе. Поэтому так актуален и фундаментален запрос народов к отечественной науке – особенно в контексте институционализации общенациональной цели.

Уникальность социологического подхода к изучению феномена «Победа» обусловлена тем, что процесс движения от цели к результату (победе, счастью) включает в себя: мотивацию, поступки людей и их взаимосвязи, идеалы и ценности, российскую мечту, патриотизм, ответственность, идеологию, самоотверженность, сострадание, терпимость, безопасность, умения и навыки жить во имя Родины, волю к Победе, уважение права Другого человека и народа на жизнь и счастье.

Воспитание с детства и юности исторической памяти о величии и трагизме Победы в Великой Отечественной войне Советского Союза может быть дополнено выработкой мотивации и умений в формировании *мечты о служении России*; в создании *стойкой личной позиции* по поводу участия в жизнеобеспечении народов России; в выработке мотивов, энергии, воли и умений для осуществления *достойных личных поступков* для учреждения правды и справедливости. Важно и необходимо определить пути и способы её продвижения как конкретного, понятного и одобряемого гражданами движения России к достойной, благополучной и безопасной жизни для всех.

Первый шаг в этом направлении – формирование социологии Победы и предварительных подходов к рассмотрению миссии российской социологии в общем деле возрождения нашей страны².

¹ Прим.ред. : Статья подготовлена к 65-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне, но её смысл и пафос, на наш взгляд, выходят за рамки конкретной юбилейной даты. Одновременно мы посчитали не тактичным устранивать из статьи эту конкретику.

² Кузнецов В. Социология Победы // Безопасность Евразии. 2004. № 2.

Второй шаг – это изучение социологического смысла Победы для XXI в., которое можно назвать Общенациональной целью России в деле достижения безопасности и благополучия человека. Такая постановка вопроса о смысле жизни, о смысле побед и поражений обусловила новую научную проблему – новую интерпретацию Миссии Российской Социологии в XXI веке¹. Мы достигли многих позитивных результатов к 64-летию Великой Победы Советского народа над фашизмом. О них мечтали наши деды, прадеды, наши бабушки и прабабушки, завоевавшие эту Победу. Но многое в российской реальности апреля и мая 2009 г. их бы огорчило, а за эти реальности сегодня отвечаем мы: все вместе и каждый по отдельности.

Суть реальности: в стране около двух миллионов беспризорных детей, которые эксплуатируются организованной преступностью и терроризмом. Такого не было в годы войны и в трудные первые послевоенные годы. В России, через 64 года после Победы в страшной, разрушительной войне сотни тысяч обиженных, брошенных обществом и униженных пожилых людей: инвалидов, пенсионеров, очень бедных ещё работающих людей. Для многих из них монетизация льгот, стремительный рост оплаты жилищно-коммунальных услуг, отсутствие постоянного уважения и заботы со стороны общества и государства трансформировалось в деформацию и утрату смысла жизни.

Шестьдесят восемь лет назад, в 1941 г. народы СССР были разными: имели разные культуры, традиции, поклонялись разным богам. Был страх перед властью. Многие семьи потеряли отцов, матерей, детей, которые стали жертвами репрессий. Но в трудные дни начала фашистской агрессии разные люди, разные народы объединились и духовно, и организационно, чтобы победить, чтобы после 1945 г. восстановить страну.

Сегодня против каждого гражданина, против каждой семьи в России идёт объявленная война на всей территории страны: агрессоры – многоликая коррупция, организованная преступность и международный терроризм. Особенностью ситуации является состояние информационной, культурной, идеологической среды, создаваемой СМИ, в том числе и государственными. В ноябре 2004 г. учёные Петербургского университета осуществили анализ (просмотр) тех программ, которые были представлены в эфире главным городским телеканалом для всех телезрителей. Л. Вербицкая, ректор университета, так прокомментировала итоги исследования. «Никого не шокирует, – констатировала она, – что за один день нам показывают 160 драк, 202 убийства, 10 половых актов, 66 распитий спиртных напитков, 32 негативные новости. 39 раз звучит неприличная брань, но она стала нормой жизни»². Понятен поэтому ответ известной актрисы Ч. Хаматовой на заданный ей «Российской газетой» вопрос о том, как она защищает своих двух дочек от окружающего нас буквально повсюду негатива, развращающего и душу, и вкус. «Во-первых, я не даю им смотреть телевизор, – сказала она. – Надеюсь, что до пяти лет они не узнают, что это такое. Также все, что связано с компьютерными играми, появится в доме еще очень и очень не скоро. Сначала я хочу, чтобы они полюбили читать, смотреть определенные мультфильмы (которые проходят мой жесткий контроль). Я и куклы стремлюсь покупать им с позитивным выражением лица. Также стараюсь их учить быть добрыми и щедрыми на улице, несмотря ни на что»³.

Очень важно интерпретировать новую ситуацию внутри нашей страны, которая обусловлена реальными переменами в отношениях между людьми в российском обществе, между народом и властью. Пояснением могут стать отдельные итоги социологического исследования, осуществлённого Институтом комплексных социальных исследований (ИКСИ) РАН в начале 2005 г. и посвящённого 20-летию итогов перестройки (см.: Рис. 1, 2; Табл. 1) ⁴.

¹ Кузнецов В. Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека как фундаментальная проблема российских общественных наук. О некоторых дискуссионных аспектах новой интерпретации Миссии Российской Социологии в XXI веке // Безопасность Евразии. 2004. № 3.

² Приведено по: Шергина Н. Под властью рейтинга // Российская газета, 2004, 27 декабря. С. 5.

³ Приведено по: Головкин О. Чулпан Хаматова: «Не боюсь быть некрасивой» // Российская газета, 2005, 25 марта. С. 17.

⁴ Родная газета», 2005, 18–25 марта, № 10. С.8.

Рис.1. Что можно считать достижением России (СССР) за 1985–2005 гг.
(в % от числа опрошенных)

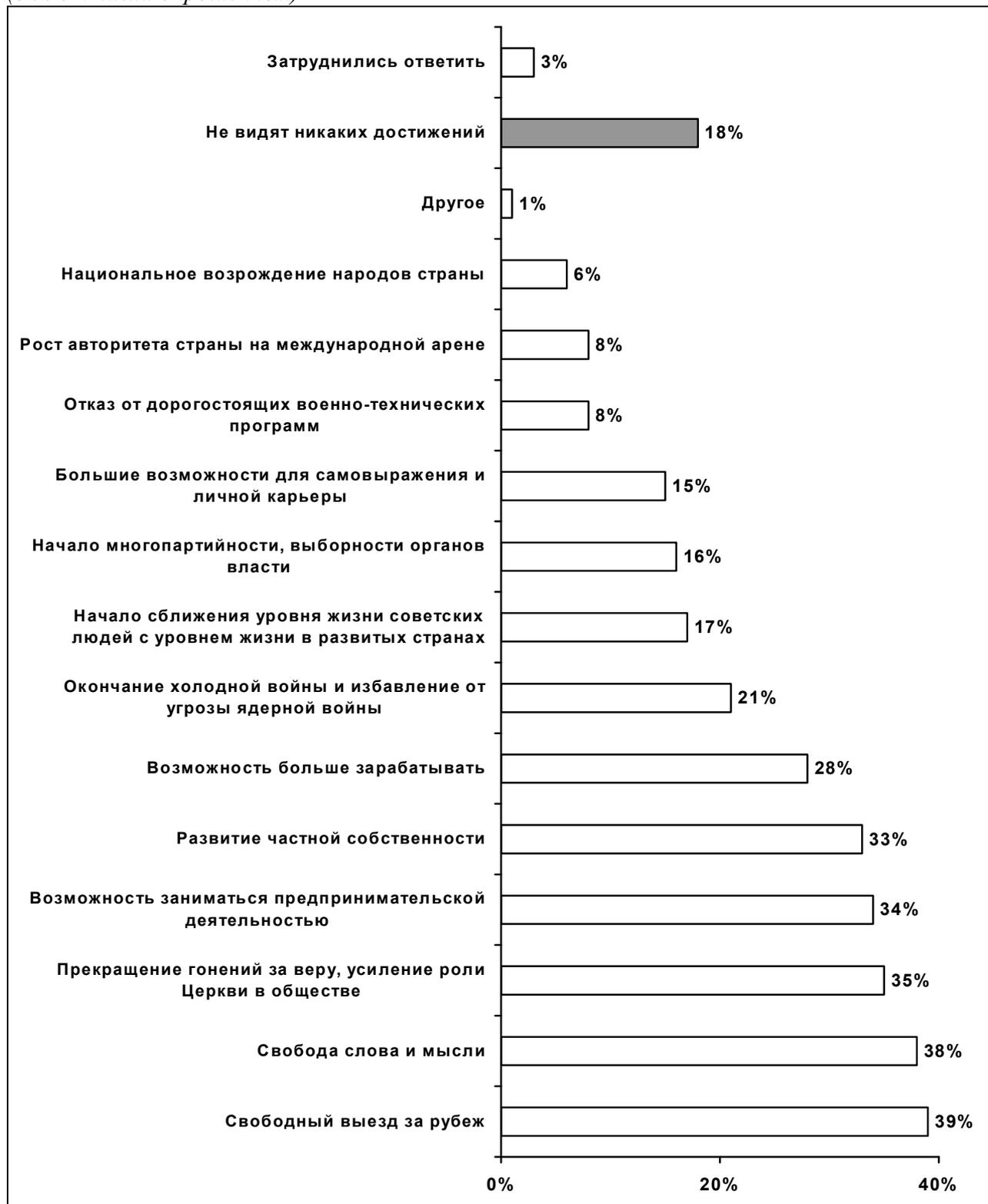

Рис. 2. Что можно отнести к главным потерям России (СССР) за 1985–2005 гг.
(в % от числа опрошенных)

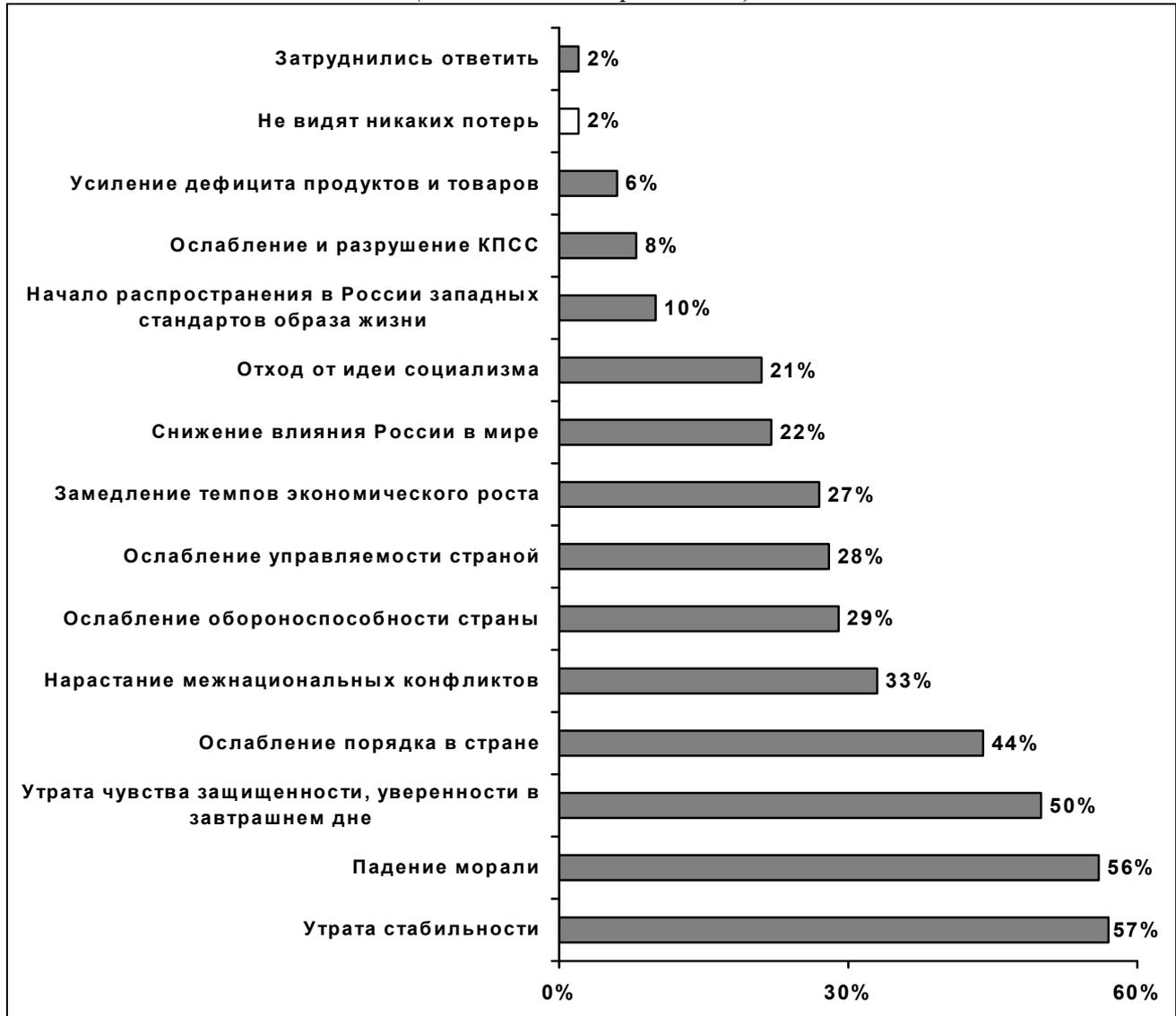

Таблица 1

Главные уроки, которые, по мнению россиян, должны извлечь Россия, её лидеры из опыта и практики перестройки в России (СССР) за 1985–2005 гг.
(в % от числа опрошенных)

Уроки	%
России надо идти своим путем, учитывая, но не повторяя опыт других стран	59
России нужна твердая и сильная власть	41
Реформы в обществе надо начинать с экономики, а не с политической системы и демократии	39
Нельзя менять жизнь методом революций, необходимы постепенные преобразования в обществе	34
Россия может процветать только тогда, когда во главе ее – сильная личность, хозяин	26
В России нельзя допускать чрезмерной концентрации власти в одних руках	17
Нельзя в недемократическом обществе проводить реформы демократическим путем	12
Не надо «изобретать велосипед»: западная модель развития наиболее эффективна, надо твердо ей следовать	8
В России любые реформы обречены на неудачу	6
Другое	1

Сумма цифр более 100%, так как можно было отметить до четырех ответов.

Известно, что после того, как уроки «извлечены», их надо, изучать, создавать такие программы деятельности, чтобы добиваться поставленных целей с минимальными потерями. И здесь, возможно, начало Миссии российской социологии.

Летом 2007 г. редакция газеты «Комсомольская правда» (тираж 725429 экземпляров) дала опытным и уважаемым как в России, так и во многих зарубежных странах экспертам (А. Владимирову, генерал-майору, вице-президенту Коллегии военных экспертов России; В. Есину, генерал-полковнику, первому вице-президенту Российской академии проблем безопасности, обороны и правопорядка; Л. Ивашову, генерал-полковнику, президенту академии геополитических проблем; А. Шаравину, директору Института политического и военного анализа), вопрос: «Возможно ли военное столкновение между США и Россией?» Итоги дискуссии с их участием были опубликованы в газете 17 июля 2007 г.

В. Есин, А. Шаравин представили обоснованную позицию о весьма слабой, «ничтожно малой» вероятности войны между Россией и США. Л. Ивашов считает, что «война США против России возможна». Я более полно приведу позицию А. Владимирова и её обоснование, так как она представляется весьма близкой к озабоченностям по поводу глобальной ядерной войны (катастрофы), которые прозвучали в Люксембурге (24–25 мая 2007 г.). «Война между Россией и США возможна уже в ближайшие 10–15 лет, – убеждён А. Владимиров. – И инициатором её, и прямым агрессором будут США. Основные причины войны – борьба за монопольное владение ресурсами России и недопущение к ним Китая. А цели такой войны очевидны уже сейчас. Это устранение самого мощного геополитического соперника, обладающего возможностью за 30 минут стереть США с лица земли. Это обеспечение беспрепятственного доступа США к ресурсам Сибири и Российского Дальнего Востока. Это утешение остального мира и Китая военной победой и мощью технологий и оружия... Эта война неизбежно перерастёт в ядерную. Независимо от того, какие средства будут применяться в её начале... Какими бы ни были сценарии возможной российско-американской войны, итог будет только один – наша полная победа! Эта война будет безусловным преступлением против человечества и закончится неминуемым национальным крахом Североамериканских штатов»¹.

Самое предварительное сопоставление содержания и структуры новой архитектуры мироустройства XXI века (Проект России) позволяет предложить пять тезисов.

1. Именно в многообразии практик по сохранению жизни оформилось новое качество дуальной оппозиции «компромиссность – бескомпромиссность» как необходимость сохранения традиций предотвращения противоречий и войн, как потребность в новых гуманитарных инновациях.

2. Оформленность в 2009 г. двух существенно разных проектов мироустройства обусловила «обнажённость» главного глобального движущего противоречия как главного антагонистического противоречия культуры жизни и культуры смерти.

Несколько лет тому назад Ч. Айтматов, размышляя об особенностях первого десятилетия XXI в., констатировал: наступают жестокие времена. «Самоуничтожение – таков диагноз» считает Дж. Къеза, подводя в послесловии книги итоги своих размышлений о возможном мироустройстве XXI в. «Без реформы международных институтов, которая позволила бы мирным путём прийти к общим решениям, – полагает он, – без своевременных обдуманных и согласованных решений очень скоро может наступить цейтнот, во время которого восторжествует склонность к использованию силы, к удару мечом как к единственному и неизбежному средству, способному разрубить узел. Самые сильные попытаются забрать себе то, что осталось. Неужели для безумных войн нас хотят мобилизовать? Однако это не будет банальным повторением войн в Косове, Афганистане, Ираке. Все они были мотивированы различными, но одинаково лживыми способами. Мы в них участвовали и продолжаем участвовать. Но теперь окажется, что это были всего лишь скромные подготовительные манёвры. Во всё более лихорадочном переделе основных ресурсов уже участвуют такие протагонисты, как

¹ Приведено по: Комсомольская правда, 2007, 17 июля. С. 14–15.

Китай, неколонизируемые страны, обладающие силой и способностью к сопротивлению, к защите своих интересов, к принятию автономных решений, не зависящих от Империи. Поэтому не случайно учёные, следящие за ядерным риском, вновь начали пристальное наблюдение за стрелками «атомных» часов, которые обратным отсчётом указывают время и вероятность, отделяющие нас от столкновения, в котором это оружие будет использовано»¹.

3. Всё более значимой для всего многообразия практик компромиссного становится проблема Понимания. Речь идёт не только о том круге специалистов, которые готовят компромиссы, осуществляют их, а потом оценивают результаты. Речь идёт о всё расширяющемся круге граждан, которые стремятся понять *смысл ситуации*, когда компромисс необходим и возможен; *содержание позиции* каждой стороны компромисса; смысл, содержание, структуру и *ценность* как *своих уступок* другой стороне компромисса, так и значительность, актуальность и *ценность уступок*, которые предлагает другая сторона компромисса; *процедуру и условия* «течения» компромисса, свою роль в этом процессе; *значимость и плодотворность результатов* компромисса, как для своей стороны компромисса, так и для другой стороны (других сторон) компромисса. По существу, в практиках осуществления компромиссного возрастает роль фактора Понимания. Сложность этой тенденции связана с общим планетарным процессом «осреднения, упрощения, примитивизации», по мнению великого русского социолога и философа, логика и писателя А.А. Зиновьева². В своём завещании всем нам, книге «Фактор понимания», А.А. Зиновьев социологически, логически, философски обосновал значительность и важность сохранения и повышения именно образовательного уровня для миллионов людей с тем, чтобы через практики компромиссов преодолевать реально идущие процессы упрощения познания³.

4. Именно необходимый и достаточный уровень понимания функционирования компромиссного обуславливает формирование, сохранение и позитивную трансформацию в осуществлении чувства Меры. Для компромисса понимание и осуществление феноменов «Мера», «Чувство меры» имеет исключительное значение для всех стадий восприятия дуальной оппозиции «компромиссность – бескомпромиссность». Это «касается» и оценки ситуации, требующей компромиссности к её разрешению; к уступкам; к процедуре; к результатам компромисса. Особенно значительна необходимость «чувства меры» на «границах» компромиссного, когда «переизбыток» компромиссности ведёт к конформизму, к бездеятельности; когда «слабость» компромисса превращает его в некомпромисс, в некомпромиссное.

5. Понимание природы практик компромиссного, его качественной определённости; понимание источников динамики компромиссного и его сущностных характеристик; понимание исключительной роли дуальной оппозиции «компромиссность – бескомпромиссность» и дуальной позиции «компромиссность – справедливость» в становлении новых моделей мироустройства XXI в. объективно и субъективно «складывает» убедительные основания для развёртывания борьбы за мир и безопасность в XXI в.

Интересная подробность. Весной 2009 г. в редакции «Комсомольской правды» прошёл «Круглый стол», в ходе которого известные эксперты представили свои соображения о предотвращении агрессивных нападений террористов. Поучительно суждение Л. Ивашова, президента Академии геополитических проблем. «Наиболее эффективное сотрудничество в борьбе с этим злом, – пояснил Л. Ивашов, – у нас осуществлялось совместно с мусульманскими странами: Йемен, Сирия, Египет, Иран... Если говорить о сотрудничестве с НАТО, пока я не знаю ни одного примера, ни одного совместно задержанного террориста или взятого совместно килограмма наркотиков. Регулярные теракты на Северном Кавказе раскалывают единство не только кавказских народов России, но и сами народы. Одновременно формируют негативный образ России как государства, не способного защитить своих граждан. Терроризм это глобально-системное средство геополитической борьбы, подчиненной идее ми-

¹ Къеза Дж. Война империй: Восток – Запад: Раздел сфер влияния. М., 2006. С. 317–318. (Выделено мною. – В.К.).

² Большаков В. Фактор понимания // Парламентская газета, 2007, 18 мая. С. 29.

³ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006.

рового господства и управляемой из единого центра, разнесенного через командные пункты, штабы по всем регионам планеты. Меня всегда спрашивают: а где же этот штаб? Я советую внимательно присмотреться к Лондону. Террористы находят поддержку в западных демократиях и в либеральной среде. Мировым прибежищем террористов всех мастей сегодня проявляет себя Британия. Лондону очень удобно влиять на многие другие страны, манипулируя изнутри террористическими сообществами»¹.

Смысл Великой Победы в Великой Отечественной войне Советского Союза весной 2009 г. воспринимается как Послание Победителей каждому человеку, всем народам мира жить достойно, по правде, по справедливости. Но это Послание постоянно напоминает, что сохранение и укрепление мира требует каждодневной работы по укреплению доверия между людьми, по личному учреждению каждый день через свои поступки честности и справедливости. Здесь и сейчас мы все оправдываем, очеловечиваем значимость, важность, необходимость Победы; мы подтверждаем каждый день простой факт: Смысл Великой Победы нами усвоен, понят – мы достойны итогов Великой Победы.

В Глобальной Игре, которую народы мира, народы России, развернули после 8 августа 2008 г. с международным и российским истеблишментом, ведущая роль принадлежит обоснованию стратегической гуманитарной цели как основанию глобальных Правил Игры для новой Повестки Дня. Ещё никогда ранее не соединялись в гуманитарном взаимодействии доверие, честность и справедливость. Для мирового истеблишмента это объективно противоречит главным смыслам культуры капитализма, культуры войны и культуры смерти.

Соединение исторической памяти с активной и достойной жизненной позицией, ориентированной через доверие, честность и справедливость на сохранение и упрочение мира и безопасности, позволяет оформить и наполнить динамикой глобальную Повестку Дня, посвящённую Великой Победе в войне 1941–1945 гг. против фашизма.

А.В. Кузнецова, к.соц.н. (ИСПИ РАН, Москва)

Культура патриотизма как фактор консолидации российского общества

XXI столетие – это век развертывания глобальных процессов и перехода к постиндустриальному информационному обществу, что выдвигает на первый план проблему выработки и реализации стратегии устойчивого развития общества на основе принципов коэволюции природы и общества, социального гуманизма, свободы, справедливости и солидарности. Главный вызов нашего времени – необходимость совершения «человеческой, духовной революции», смысл которой состоит в превращении человечества в *единый субъект истории*.

Переход от понятной всем парадигмы личного потребления к парадигме общечеловеческого жизнеустройства, разумеется, вовсе не прост. Если бы он реально произошел, то это было бы невиданным скачком, космическим прорывом, по своему значению равным появлению самого человека, который сегодня все более должен становиться субъектом решения проблем своего собственного «жизненного мира» и при этом, одновременно, испытывать воздействие социальных процессов планетарного масштаба². Однако сложнейшие проблемы планетарного масштаба все-таки решаются в пределах своего отечества, страны, государства. И решение вопроса о том, быть или не быть и человеку, и его родине, и всей планете Земля, во многом зависит от того, как удастся соединить человеку судьбу Отчизны и планеты со своей личной судьбой.

Возможен ли, реален подобный синтез в принципе? Он определенно *невозможен*, если основную ставку делать по-прежнему исключительно на социально-экономические проекты и программы, на развитие социума как такового, безотносительно и безразлично к качеству воспроизводимой им личности и бытующей в нем культуры. Приходится с сожалением констатировать, что современная политика и стратегия управления сосредоточены в основном на наращивании научно-технической, индустриальной и военной мощи, что объективно спо-

¹ Овчинников А. Штаб мирового терроризма ищите в Лондоне // Комсомольская правда, 2009, 13 апреля.

² Здравый смысл. 1999. № 11. С.37; Гонеева В.В. Патриотизм и нравственность // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 3. С.187.

собствует и служит усилению позиций идеологов «технотронной цивилизации», ратующих в целях установления и поддержания общественного порядка за тотальный контроль над поведением людей с помощью новейших технологических средств.

Было бы серьезной ошибкой призывать сегодня к противопоставлению научно-технологического, социального и личностного развития, но необходимость преодоления кризисного состояния мирового сообщества в целом и составляющих его отдельных обществ, переход их к качественно новому типу социальных изменений требуют отказа от силового, технократического подхода к социальному управлению и овладения социокультурным (гуманистическим) подходом. Именно так вопрос о целях управления выносится на уровень социально-политической дилеммы: формирование общества как зрелой *социокультурной системы*, способствующей достижению его единства на основе солидарных отношений, диалога и согласия между людьми, склонными к ответственности и к самоконтролю, или создание развитой *материально-технологической системы*, основанной на лояльности к власти, силовом управлении и безусловном подчинении.

Сегодня нетрудно понять правоту Э. Фромма в том, что единство современного мира представляет собой, скорее, «единое потенциальное поле битвы»¹. Живая ткань такого мира разьедается недоверием и антагонизмом. Преодоление подобного состояния общества, сопряженного с феноменом отчуждения, начинается с поворота к другой системе познания мира, к другому представлению о месте и роли человека в этом мире и другой системе ценностей, противостоящих тенденции варваризации общества и господству в обществе «массового человека». Если общество стремится устранить социальное зло и установить гуманистический социальный порядок, оно должно создавать условия для того, чтобы делать жизнь людей и их самих лучше.

Постиндустриальная цивилизация становится возможной лишь при условии формирования зрелой способности общества к воспроизводству и развитию духовной личности. Чтобы не подвергнуться саморазрушению, человечеству предстоит научиться возвращать, воспитывать именно такую личность, способную к самопроявлению, самоорганизации и социальной ответственности, к саморазвитию на основе культуры, что, в свою очередь, предполагает усиление воздействия духовной культуры на общественную жизнь. «Как, однако, могло случиться, – задает справедливый вопрос А. Швейцер, – что мы дошли до такой крайней степени пренебрежения духовной сущностью культуры? ... Культура – совокупность прогресса человека и человечества во всех областях и направлениях при условии, что этот прогресс служит духовному совершенствованию индивида... Не подлежит никакому сомнению, что мы утратили необходимые для культуры этические принципы. В течение многих десятилетий мы все больше приучаем себя пользоваться относительными этическими критериями и избегать этического толкования любых проблем. Отказ от последовательной этической оценки вещей мы истолковываем как прогресс нашей объективности... Все больше и больше мы скатываемся к состоянию, характеризующемуся отсутствием мировоззрения. Отсутствие же мировоззрения предопределяет и отсутствие культуры ... Таким образом, перед нами стоит великий вопрос: как долго сможем мы обходиться без мировоззрения, несущего в себе идеалы совершенствования человека?»²

Эти глубокие мысли замечательного ученого, лауреата Нобелевской премии, имеют непосредственное отношение к исследуемой нами проблеме. Высокая культура патриотизма, прежде всего, выражает духовную сущность отношения человека к своей Отчизне и человечеству в целом. Такой патриотизм включает в себя мировоззрение, гуманистическим идеалом которого является духовное развитие личности в процессе деятельности на благо Родины как части всего человечества. При этом высшим их благом и самоценностью выступает сам человек.

¹ Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С.367.

² Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. С.94-96.

Отвечает ли этим критериям и требованиям современная российская действительность? К сожалению, на этот вопрос мы не можем сегодня дать положительного ответа. Экономическая дезинтеграция, социальная дифференциация общества, девальвация духовных ценностей оказали негативное влияние на общественное сознание большинства социальных и возрастных групп населения страны, резко снизили воспитательное воздействие российской культуры, искусства и образования как важнейших факторов формирования патриотизма. Стала все более заметной постепенная утрата нашим обществом традиционно российского патриотического сознания. Объективные и субъективные процессы существенно обострили национальный вопрос. Патриотизм кое-где стал перерождаться в национализм. Во многом утрачено истинное значение и понимание интернационализма. В общественном сознании получили широкое распространение равнодушие, эгоизм, индивидуализм, цинизм, немотивированная агрессия, неуважительное отношение к государству и социальным институтам. Проявляется устойчивая тенденция падения престижа военной и государственной службы. Острота ситуации состоит в том, что в стране уже мало кто верит в какие-либо политические режимы и общенациональные идеологии. Разочарование в несостоявшихся коммунизме и демократии сопровождается духовным разладом и полным ощущением того, что человек в нашей стране оказался забытым и брошенным на произвол судьбы.

С такими умонастроениями чрезвычайно трудно добиться повышения энтузиазма в преобразовании общества и формирования его духовного единства на основе высокой культуры патриотизма как общезначимой, первостепенной ценности нашего народа.

Однако чрезвычайная трудность, сложность и острота современного положения в России во все не означает его *инфернальности*. Это положение совершенно неверно, с нашей точки зрения, интерпретировать как полностью безнадежную и абсолютно катастрофичную ситуацию. Не согласны мы и с известными оценками наших политических оппонентов за рубежом, вроде «нам пора начать думать о мире без России», или что «существование России есть не данность, а проблема» и т.д. и т.п. По нашему мнению, современная стратегия мышления и действия немыслима «вне России и без России». Мы разделяем позицию, согласно которой Россия все еще обладает *значительным потенциалом ускоренного и устойчивого развития*. В стране формируется ситуация, открывающая «окна возможностей» для реализации стремления прогрессивных сил общества, не откладывая далее решения накопившихся проблем, преодолеть кризис, переломить негативные тенденции и создать условия для позитивных изменений.

Налицо *огромный человеческий капитал*, обширные природные ресурсы, производственная и коммуникационная инфраструктура, накопленные финансовые сбережения, а также крепнущий частный сектор и упорно пробивающие дорогу рыночные отношения. Стабилизировалась политическая ситуация, наблюдается некоторое оживление экономики, складывается общественный консенсус по поводу желаемого социального порядка. Важнейшей стратегической задачей является выбор основного пути, ведущего к реализации имеющегося потенциала и к сбалансированному развитию, а также определение наиболее «слабых звеньев», мешающих воспользоваться предоставленными «окнами возможностей». Достижение этих целей требует преодоления как *«антиобщественности государства»*, так и *«антигосударственности общества»*. Государство для человека, а не наоборот. Необходимо осуществить переход от человекозатратного к человекосберегающему характеру изменения общества, к управлению, опирающемуся не только на волю, жесткие нормы и правила, учет и контроль, но и, в первую очередь, на культуру. Вне опоры на нее нет ни личности, ни нации, ни государства. Вне такой *объединительной силы, как национальная духовная культура*, все разговоры о патриотизме, о порядке, о гуманизме, свободе и демократии превращаются или в пустой звук или содержат в себе серьезные угрозы для общества.

Разумеется, решение задачи соединения продуктивной деятельности государственной власти, всего общества с культурой невозможно решить без отсеечения различного рода патоло-

гий, проявлений паразитизма и варварства, без установления консенсуса на основе принципов ненанесения ущерба друг другу и «*позитивного плюрализма*» (П.А.Сорокин)¹.

Социологические исследования последних лет показывают, что в нашей стране в современный период сложилась остро-проблемная ситуация: с одной стороны, налицо «утрата в процессе межсистемной трансформации политической и социальной субъективности – способности ставить перед собой общественно значимые цели и добиваться их реализации. В результате распада прежней советской идентичности, фактического отказа нового российского государства от выполнения одной из основных функций целеполагания самопроизвольно и противоречиво начался процесс складывания больших социальных групп с различным «социокультурным кодом». Тем не менее есть основания предполагать: между этими формирующимися социальными группами существуют «перекрестные идентичности», т.е. нечто общее, что позволяет говорить о наличии некой интегративной, социокультурной, мировоззренческо-деятельностной рамки, которая в перспективе может стать основой для консолидации российского общества»². Речь, следовательно, идет о существовании в России ментальных предпосылок к формированию «*новой общественной субъективности*», о возможности определения реального пути выхода из ментального кризиса общества.

Таким образом, в настоящее время в российском обществе складывается *дискурс*, связанный с проблемами преодоления кризиса и определением путей возрождения Отечества. Однако имеющиеся разработки пока еще не стали, к сожалению, реальной стратегией и тактикой движения России к процветанию всех россиян. Некоторые известные российские ученые считают, что основная причина этого состоит в отсутствии консолидации, сосредоточения общества и, прежде всего, объединяющей российской идеологии. Более того, необходимо и важно, с их точки зрения, обосновать общенациональный проект под названием «Стратегический маневр», концептуальным и смысловым ядром которого может стать «*россиянизм*» как объединяющая российская идеология XXI в.³ Именно она, как показывают жизнь и исследования, именно *объединяющая патриотическая идеология*, как это было не раз в самые тяжелые и смутные времена в истории России, и сегодня реально востребована народами и различными социальными слоями. Она объективно необходима, так как только идеология консолидации общества на основе достижения единой цели – выхода их из кризиса и возрождения Отечества, созидания общего блага и достойной жизни каждого россиянина, обогащает и наполняет глубоким жизненным смыслом идеалы и ценности граждан, соединяя их с российской мечтой и исторической миссией, благодаря сохранению и упрочению исторической памяти, а также повышению культуры патриотизма⁴.

В смысловом «ядре» новой российской идеологии патриотизма особо выделяется *духовность*. Именно в ней видится ключ к нравственной самоидентификации, к нравственному самоопределению народов Российской Федерации, к формированию способности страны решать сложнейшие проблемы современности, чтобы занять достойное место в мире. При этом следует иметь в виду, что именно антироссийские идеологии становятся ныне наиболее эффективным средством овладения инфраструктурой, интеллектуальным капиталом, энергоресурсами, российскими землями.

Патриотизм во все времена занимал особое место в жизнедеятельности российского общества, выступая ключевой проблемой становления российской государственности, ее защиты от внешней экспансии, осуществления национальных отношений и духовной жизни. Вот почему социально-гуманитарная мысль, политическая теория (идеология), религия, литература и

¹ См.: Андреев Э.М. Новейшие российские реальности: интегративный социологический анализ // Гуманитарный ежегодник. 1. Ростов н/Д., 2002. С.186.

² Рябов А., Курбангалеева Е. Введение // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М., 2003. С.11.

³ См.: Кузнецов В.Н. Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии XXI века. М., 2004. С.10-19.

⁴ Справедливы и сегодня слова В.В. Путина: «Если говорить про объединяющую идеологию, то для такой страны, как Россия, – это, конечно, патриотизм. Нам недостаточно вспоминать, какими мы были великими, талантливыми и красивыми. Надо, чтобы мы и сегодня были такими» (Коммерсантъ. 2003, 18 июля).

искусство, публицистика *вопросы генезиса, содержания и форм проявления патриотизма* всегда держали в центре своего внимания. Можно сказать, что неразрывная связь всей истории России с таким социокультурным феноменом, как патриотизм, является отличительной чертой самого существования и развития нашей страны. Вся история России убедительно свидетельствует о том, что на всех этапах ее развития государственно-патриотическая идея была одним из приоритетных факторов, обеспечивающих консолидацию общества и позволяющих ему преодолевать самые трудные и тяжелые состояния. Необходимо заметить, что в России исторически сложилось так, что *государственно-патриотическая идея* выступала не только как официальная идеология правящего класса, но и находила отражение в программных документах общественно-политических движений и партий, в общественных настроениях, которые не только были проникнуты любовью к Родине, но и преследовали определенную цель: государственного переустройства с последующими коренными изменениями в обществе.

Можно выделить ряд исторических этапов становления и развития представлений о патриотизме.

Первый этап – собирание русских земель, зарождение и формирование русского государства. Он характеризуется историческими рамками X-XV вв.: от принятия христианства на Руси до царствования Ивана Грозного. Духовным стержнем этого этапа было утверждение *идеи святой Руси*, объединение удельно-княжеских земель на православной основе. Русь на данном этапе духовно идентифицировала себя с православием. Отказаться от православия означало перестать быть русским. Так, Александр Невский, например, решительно отверг помощь западных союзников в борьбе с татаро-монголами, поскольку их условием при этом было принятие католической веры. Упоминание о патриотизме как явлении общественной жизни встречалось уже в летописях IX в., он проявлялся в преданности своему князю и дружине. Верность всегда высоко ценилась в русском воинстве. Для дружинников считалось позором оставить поле сражения, а в свою очередь, князь и воевода считали постыдным бросить свое воинство. Патриотическая идея глубоко пронизывает древнейший памятник русской литературы, дающий представление о зарождении и развитии общественно-политической мысли Киевской Руси, «Повесть временных лет» (начало XII в.). Автор летописи, с любовью отзываясь о родной земле и прославляя ее защитников, решительно осуждает княжеские междоусобицы и призывает к объединению, к совместной охране отчего края. Еще более яркое представление о месте и роли патриотизма в жизни русского народа дает «Слово о полку Игореве» (конец XII в.). Главная его идея: на основе патриотического служения общенациональным интересам объединение, укрепление, единство Руси, которое мыслится автором «Слова» в виде союзных отношений всех русских князей, опирающихся на добрую волю и патриотизм. Испытания, выпавшие на долю русского народа, военная мощь его врагов, татаро-монгольское нашествие ускорили накопление в народе патриотической силы и энергии, развили понимание необходимости национального объединения. Личностный патриотизм соединялся с идеей национального единства и постепенно приобретал общенациональное и социальное значение. Ведь именно патриотизм, национальное достоинство и единство во многом обусловили победу русских воинов на Куликовом поле в 1380 г. Оборона Смоленска боярином Шейным в «смутное время», борьба против польского короля Сигизмунда и Лжедмитриев, другие исторические события в жизни русского народа свидетельствуют, что *идея защиты Отечества* стала великой и несокрушимой силой.

Второй этап – утверждение и укрепление русского централизованного государства во главе с единым центром - Москвой. Временные рамки данного этапа XVI -XVII вв., вплоть до реформ Петра I. На этом этапе идея святой православной Руси получила дальнейшее усиление и развитие, превратилась в *мессианскую концептуальную идею под названием «Москва – третий Рим»*. Исторически сложилось, что после падения в 1453 г. Константинополя как второго Рима Русь становилась единственной православной страной. Это дало основание псковскому монаху Филофею в «Посланиях» первой половины XVI в. одним из первых воплотить и обосновать данную концепцию. После падения Византии русская мысль провоз-

гласила третьим Римом Москву. С этого времени Русь уже не только духовно отождествляла себя с православием, но и вместе с тем провозгласила себя его единственной опорой, центром духовного притяжения народов. Национально-государственное объединение на патриотической основе резко повысило могущество Московского царства, одновременно укрепив и саму патриотическую идею, прочно соединив ее с государственностью. «Устав ратных и пушечных дел» (начало XVII в.) закрепляет патриотизм как военно-профессиональное качество и норму поведения воинов.

Третий этап – существование и развитие Российской империи как самодержавно-монархического государства. Этот этап охватывает время от реформ Петра I (начало XVII в.) до падения царской власти и осуществления социалистической революции в октябре 1917 г. Для него свойственно, с одной стороны, усиление светской самодержавно-монархической власти, возвышение ее над властью духовной, а с другой – сохранение основ российской духовности. К этому периоду исторического развития Россия окончательно осознает себя как единое Отечество для всех населяющих ее народов. *Духовный стержень России получил свое выражение в триаде «Самодержавие. Православие. Народность»*. В период реформаторских преобразований Петра I государственный патриотизм становится выше всех ценностей и добродетелей. Служба Отечеству, усердие в делах государственных были объявлены главной добродетелью и даже закреплены в «Табели о рангах» как неперемное условие получения чинов, наград, званий. Мотивы единства и сплоченности народов на основе патриотизма находят свое отражение в трудах Ф. Прокоповича, И.Т. Посошкова, В.Н. Татищева, во многих работах других русских авторов XVII-XVIII вв. При этом патриотическая идея разрабатывалась отечественными исследователями этого периода как целый комплекс идей. Так, А.Н. Радищев был одним из первых, кто поднял вопрос о существовании патриотических качеств русского народа. В «Беседе о том, что есть сын Отечества» он утверждает идею бескорыстного служения людей делу процветания Родины, установления в ней демократического порядка, развития культуры. А.Н. Радищев, обращая внимание на содержание патриотических качеств русского человека, отмечал: «Твердость в предприятии, неутомимость в исполнении – суть качества, отличающие патриотизм русского народа»¹. Российские гуманисты показали взаимосвязь патриотизма с политической жизнью общества. Не случайно представление о национальной чести и достоинстве у них сочеталось с деятельностью по завоеванию политической свободы, а любовь к Родине – с неприятием унижения и деспотии по отношению к личности, народу в целом. Именно о таком патриотизме Н.М. Карамзин еще в 1802 г. написал в «Вестнике Европы»: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения и потому не все люди имеют его... Любовь к собственному благу производит в нас любовь к отечеству, а личное самолюбие – гордость народную, которая служит опорой патриотизма...»².

Много новых мыслей и идей было высказано в 19 столетии, в эту эпоху «золотого века» русской культуры. Этот период истории России был богат на различные события, так или иначе повлиявшие на формирование концепции Русской идеи. Это и война 1812, и декабристское движение и появление многочисленных кружков, возникновение различных идейных течений и направлений в общественной мысли, а затем и Крымская война, сложная внешняя политика России. 19 век - это время жизни и творчества выдающихся деятелей культуры, которые и по сей день остаются гордостью России, чьи мысли продолжают развиваться в современном мире, помогая нам понять настоящее, проследить связь некоторых событий. Формировавшаяся на рубеже 18-19 вв. российская интеллигенция предприняла в 19 столетии грандиозную попытку осознания культурно-исторического своеобразия, «самобытности» российской жизни. Россия вступила на путь самоидентификации, направленной на выявление и глубинное понимание своей индивидуальной сущности. Это была благородная задача, которая по мере ее осуществления вела к становлению подлинно национального самосозна-

¹ Цит. по: Троицкий Е.С. Русская нация. М., 1993. С.257.

² Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости // «Вестник Европы. 1802, № 4.с. 59-61.

ния и определению места Российского государства в историческом процессе среди других стран. Интерес к своему прошлому, оживление памяти говорили о пробуждении национального светского самосознания, в процессе которого образованное русское общество пока еще интуитивно осознает, что живет в рамках иной культурно-цивилизационной общности, чем народы Западной Европы. Историческое сознание своей *инаковости* побуждает к выработке такого понимания истории, в которой нашлось бы место и России. Именно в XIX в. в рамках единого потока становления российского национального самосознания наметились различные течения, такие, как *западничество* и *славянофильство*. Среди людей середины XIX в., мыслителей, говоривших и писавших о России, выдвигавших оригинальные концепции русской истории, ее судьбы, места в мировой цивилизации, можно выделить таких корифеев культуры, философии и истории России, как А.С. Пушкин, П.Я. Чаадаев, славянофилы братья Аксаковы и Киреевские, А.С. Хомяков, западники К.Д. Кавелин, Т.Н. Грановский, П.В. Анненков; таких деятелей, как В.Г. Белинский, А.И. Герцен, великих русских поэтов В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова, К.Н. Батюшкова, А.А. Фета, Н.А. Некрасова, поэта, дипломата и общественного деятеля Ф.И. Тютчева, а также идеологов официальной доктрины С.С. Уварова, М.П. Погодина и др.

Говоря о влиянии событий во внутренней и внешней политике России на формирование русской национальной идеи, общественной мысли, нельзя забывать и том, что западноевропейские идеи также в той или иной мере оказали воздействие на развитие общественной мысли в России. Интеллигенция тех лет восприняла философию истории Гегеля с ее идеями единства и преимущества развития мировой истории, Шеллинга с его интересом к духовной жизни отдельных народов, Фихте – с идеей формирования национального самосознания.

Все эти черты можно пронаблюдать и в мыслях русской интеллигенции 1830-1840-х гг. Русские мыслители, литераторы, общественные деятели складывали свое представление о Родине из целого ряда образов, это и история родного народа, героизм предков, национальные традиции, пришедшие из древности, это и все то, что названо гениальным Пушкиным как «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», это и современная Россия: ее природа, национальная идея, вера. Здесь нужно отметить и мысли о будущем России, ее месте и роли в мире.

Для многих мыслителей середины XIX в. Россия была живым организмом, который представляет из себя духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национальными младшими братьями, это «оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия». Эту мысль в основном поддерживали идеологи официальной доктрины, а также славянофилы, для которых Родина – это святая Русь православная, богатырская земля. Славянофилы (Хомяков, Аксаковы, Киреевские, Самарин) верили в принципиально мировоззренческое отличие русского пути от чересчур рационального западного, ощущали православие как определяющую координату самого российского жизненного уклада. Призвание России – облагородить европейскую цивилизацию. А.С. Хомяков отмечал, что перед Западом Россия имеет неисчислимые выгоды, т.к. на нашей истории не лежит пятно завоевания, «кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщения». Особенность России состоит, по словам И.В. Киреевского, в том, что русская национальная идея исходит из чистого христианства и когда-нибудь Россия вернется к «тому живительному духу, которым дышит ее церковь».

Напротив, П.Я. Чаадаев критически оценивает прошлое России. Трагизм судеб своей Родины П.Я. Чаадаев связывает с оторванностью от человечества: «Опыт времен для нас не существует. Одинокие в мире мы ничего миру не дали». Но П.Я. Чаадаев, незаслуженно причисленный к ярким западникам, считал, что Россия, благодаря своей оторванности от Запада, может разрешить величайшие проблемы мысли и общества, вывести весь мир на новый уровень, Россия «получила в удел задачу дать в свое время разгадку человеческой загадки». Проанализировав наследие русской интеллигенции 1830-1840-х гг., можно сказать, что уже тогда *Родина не олицетворялась с государством*. Н.А. Бердяев, говоря об этом времени, отмечал,

что XIX в. – это время «столкновения между сознанием империи, носителем которого была власть, и сознанием интеллигенции». Но для всех мыслителей XIX в. свойственно отношение к своей Родине как к «державе». Это является отличительной чертой русской интеллигенции этого периода. «Державность» – это не государство, не институты власти, это своего рода рационализация этнических чувств, основа этноисторического сознания. Ф.И. Тютчев под «державностью» понимал способность подчинять частные индивидуалистические интересы и стремления высшим интересам, стремлениям целого общества, народа.

Проследив представления о Родине в среде русской интеллигенции 1830-1840-х гг., можно как бы нарисовать ряд образов, олицетворявших Родину для людей тех лет. Для них Россия – это не только бескрайние просторы, родная природа, климат, но и целая совокупность идей, особый дух народа, традиции, это родная история. Мыслители этого периода определяют роль и место современной им России в мировой цивилизации как равной Западной Европе, не уступающей ни в культурном, ни в историческом плане. Но они не боятся говорить о многочисленных проблемах России. Интеллигенция 1830-1840-х гг. сыграла большую роль в признании России в качестве великой державы, отметив многие достижения русского народа. Лучшие представители русской мысли этого периода призывали соотечественников к серьезному изучению своей страны, к постижению души народа со всеми ее светлыми и темными свойствами, считая это одной из важнейших нравственных обязанностей каждого. *Патриотизм* людей этого поколения – *общероссийский* (а не патриотизм «малой родины»), а подчас и *общеславянский*, что говорит об их необычайном духовном и культурном богатстве. Во взглядах российских ученых подчеркивалась идея о том, что *любовь к родине* – это черта, свойственная *настоящему гражданину*, т.е. человеку, который искренне и самоотверженно защищает принцип «общего блага». «Что такое патриотизм и патриоты всякий знает. Но не всякий знает, – писал В.Г. Белинский, что патриоты разделяются на два разряда. Одни получают имя патриот за свои заслуги от общества в истории, как получили его Минин и Пожарский, Сусанин и другие... Другие сами себя провозглашают патриотами, чтобы громче других говорить о любви и ревности ко всему отечественному»¹. Между тем именно В.Г. Белинский отметил необходимость видеть *связь между патриотизмом как любовью к своей родине с общечеловеческим*, свойственным другим народам и странам. «Любовь к отечеству, – считал Белинский, – должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего. Любить свою родину значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих способствовать этому»².

Подлинный патриотизм, по взглядам русских философов, связан не только с любовью к своему отечеству, но и с реальной оценкой состояния жизни народа в нем, истинным отражением положения дел в государстве, степенью его демократизации. Об этом ярко сказал П.Я. Чаадаев, который замечал: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы, прежде всего, обязаны Родине истиной. Я люблю мое Отечество, как Петр Великий учил любить его»³.

Глубокие идеи по проблеме содержания и специфике патриотизма высказали русские философы в конце XIX - начале XX вв. Среди них В.С. Соловьев, И.А. Ильин С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Л.Ф. Лосев, П.И. Новгородцев, В.В. Розанов и др.

В работе В.С. Соловьева «Оправдание добра» в сжатой форме представляется *сущность патриотизма, отражающая, во-первых, осознанное отношение личности к своим обязанностям по отношению к Отечеству, во-вторых, активно-деятельностное, а не созерцательное отношение к ним в реальной действительности*. Он подчеркнул связь патриотической идеи с поступками высоконравственного содержания во имя своей Родины. По мнению В.С. Соловьева, сущность патриотизма образуют две доминирующие составляющие «ясное соз-

¹ Белинский В.Г. Собр. соч. в 8 т. Т.6. М., 1995. С.374.

² Белинский В.Г. Соч. Т.4. М., 1954. С.489.

³ Чаадаев П.Я. Соч. М.: 1989, с. 150-151.

вание своих обязанностей по отношению к Отечеству и верное их исполнение»¹. По взглядам В. Соловьева, патриотизм как социальное явление, выражая любовь человека к своей Родине, своему народу не означает пренебрежительного отношения к другим народам. Более того, он обращает внимание на сочетание патриотизма с уважительным отношением к истории и традициям других народов. «Мы должны любить все народности, как свою собственную. Этой заповедью утверждается патриотизм как естественное и основное чувство, как прямая обязанность лица к своему ближайшему собирательному целому, а в то же время это чувство освобождается от зоологических свойств народного эгоизма, становясь основой и мерилем для положительного отношения ко всем другим народностям сообразно безусловному и всеобъемлющему нравственному началу»². В.В. Розанов, обращая внимание на социально-политическую ценность патриотизма в общественном сознании народа, заметил: «Любить, верить и служить России – вот программа. Пусть это будет ломоносовский путь»³.

Близкие положения по вопросу патриотизма, связи индивидуального и социального в нем отразил С.Н. Булгаков в труде «Моя Родина», который вышел в свет лишь в 1990-е гг. «Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение... Нужно особое проникновение и, может быть, наиболее трудное и глубокое, чтобы познать самого себя в своей природной индивидуальности, уметь полюбить свое, род и родину, постигнуть в ней самого себя, узнать в ней свой образ Божий... Родина-святыня для всякого, и, как таковая, она всегда дорога и прекрасна», – отмечал он⁴.

Известный русский философ А.Ф. Лосев в своих трактатах патриотизма обращает внимание на следующую мысль – *ощущение слитности индивида с Родиной, готовность разделить с ней свою судьбу*. Он подчеркивал: «Благородный гражданин любит свою Родину также не за то, что она везде и всегда, во всем и непременно велика, высока, богата, прекрасна и пр. Нет. Мы знаем весь тернистый путь нашей страны; мы знаем многие и томительные годы борьбы, недостатка, страданий. Но для сына своей Родины все это – свое, неотъемлемое свое, родное: он с ним живет, с этим погибает; он и есть это самое, а это самое родное, и есть он сам»⁵²⁰.

Близкие идеи на сущность и связь патриотизма с конкретными делами человека, служением Родине развивает И.А. Ильин. Он обращал внимание, что подлинный патриотизм человека проявляется тогда, когда его высшая цель жизни не отличается от цели его родного государства, когда между ними обнаруживается истинное и живое тождество. «Мое дело есть дело моей родины и моего государства, так что, с одной стороны, все вредное моей родине и государству не может стать моим делом; с другой стороны, дело моего народа и моего государства мне настолько близко и важно, как если бы оно касалось меня самого и моей судьбы – вот формула истинного патриотизма, гражданства»⁶. Философ обращал внимание на то обстоятельство, что обретение родины должно быть пережито каждым гражданином самостоятельно и специфично, в зависимости от духовного мира личности. «Никто не может предписать другому человеку его родину – ни воспитатели, ни друзья, ни общественное мнение, ни государственная власть: ибо любить и радоваться, и научить по предписанию вообще невозможно»⁷. Он также обращает внимание на то положение, что патриотизм в духовном мире личности опирается на ее нравственные ценности. А они в свою очередь на всем протяжении российской истории были свойственны русскому народу. «Патриотизм может жить и будет жить лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, которая живым опы-

¹ Цит. по: Государственно-патриотическая идеология как фактор формирования духовного потенциала армии и флота. М., 1999. С.36.

² Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т.1. М.: 1988, с. 378.

³ Цит. по: Русская идея. М., 1992. С.260.

⁴ Цит. по: Русская идея. М., 1992. С.364, 373.

⁵ Там же. С.426.

⁶ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С.265.

⁷ Там же. С.228.

том испытала объективность и безусловное достоинство этого священного - и узнала его в святынях своего народа», – писал И.А. Ильин¹.

Русский философ, раскрывая положения о *подлинном*, а не *мнимом патриотизме*, подчеркнул такое его качество, как *критическое отношение к тому, что в истории и в современной ему России вызывает обоснованное недовольство и неприятие*. «Духовная любовь вообще не предается беспочвенной идеализации, но созерцает трезво и видит с предметной остротой, – указывал И.А. Ильин. – Любить свой народ – не значит льстить ему или утаивать от него слабые стороны, но честно и мужественно выговаривать их и неустанно бороться с ними. *Национальная гордость* не должна вырождаться в *тупое самомнение и плоское самодовольство*; она не должна внушать народу манию величия. Настоящий патриот учится на политических ошибках своего народа, на недостатках его характера и его культуры, на его исторических крушениях и на неудачах его хозяйства. Именно потому, что он любит свою родину, он пристально и ответственно следит за тем, где и в чем его народ не находится на надлежащей высоте; он не боится указывать на это².

Оригинальные положения по вопросу патриотизма и его социальной роли высказал известный русский философ *Н.А. Бердяев*. В своей фундаментальной работе «Судьба России» он обратил внимание на такие положения, как особенности российского патриотизма, вытекающие из пройденного страной исторического пути; его роль в созидательной (мирной) жизни и в условиях ведения войн; воздействие гражданского патриотизма россиян на культуру других народов и взаимоотношений с ними. Он, как и другие отечественные ученые, подчеркивал активно-деятельностную сторону реализации патриотизма в обществе, в его развитии. В своей трактовке этой стороны патриотизма как феномена Бердяев отмечал его проявление в политической жизни российского общества. «Все наши политические достижения, – писал он, – находятся в прямой зависимости от степени нашего патриотического воодушевления, от роста ответственности национального сознания в русском обществе и народе... Русский народ должен сейчас сделать величайшее напряжение духа, чтобы доказать миру, что в России есть патриотизм, есть национальное сознание, есть гражданское достоинство... Патриотизм есть великая школа гражданственности в опасный для родины час»³.

Вообще заметим, проблема патриотизма привлекала огромное внимание мыслителей русского зарубежья, которые чуть ли не впервые на научном уровне проанализировали вопросы, касающиеся понятия Родины, основных представлений о ней. Здесь можно привести целый ряд работ И.А. Ильина («Родина и мы» /1926/; «О России. Три речи» /1934/; «Основы борьбы за национальную Россию» /1938/ и др.), Г.П. Федотова («Письма о русской культуре» /1938/), Н.А. Бердяева («Судьба России», «Самопознание» /1918/), а также произведения В.В. Розанова, Н.О. Лосского, А.Ф. Лосева, Л.П. Карсавина, Б.К. Зайцева, С.Н. Булгакова.

Заметное место в разработке проблемы патриотизма занимает *советский период отечественной истории*, т.е. с конца 1917 г. до начала 1990-х гг. В этот период советской официальной наукой было создано большое количество работ по самым различным аспектам рассматриваемой проблемы. Большинство из них были подвержены воздействию господствующей классово-партийной идеологии и отражали одностороннее и весьма идеологизированное постулирование ею сущности патриотизма. Это проявлялось, прежде всего, в том, что утвердившееся в официальной общественной науке понимание феномена *советского патриотизма* ограничивало его объект лишь одним из компонентов Отечества, который отождествлялся, главным образом, с основами социалистической системы, общественного и государственного строя. Вследствие этого исследование советского патриотизма сводилось, прежде всего, к его конкретно-историческому содержанию, нередко оторванному от реальной действительности. Вместе с тем в целом ряде исследований, особенно фундаментальных, были

¹ Цит. по: Патриотическая идея накануне XXI века: прошлое или будущее России. Материалы межд. научно-практической конференции. Волгоград. 19-20 ноября 1998 г. 1999. С.5.

² Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С.234-235.

³ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М., 1918. С.96.

достигнуты определенные теоретические и практические результаты. Среди представителей официальной науки, уделявших большое внимание изучению патриотизма как одного из социально значимых явлений советской действительности выделяются: А.Л. Агаев, А.Н. Выршиков, Н.И. Губанов, С.Д. Емец, В.М. Зарванский, А.Н. Колесников, М.М. Кучуков, В.В. Макаров, Р.Я. Мирский, В.Ш. Нахушев, Ю.С. Петросян, П.Н. Поспелов, П.М. Рогачев, П.Е. Сапегин, М.А. Свердлин, Л.П. Стариков, С.В. Хмелевский и др. В работах этих авторов, в частности, рассмотрены некоторые стороны, особенности и закономерности исторического развития патриотической идеи, разработаны отдельные подходы к уяснению ряда существенных признаков патриотизма, большое внимание уделено анализу его содержания и структуры. Применительно к задачам социалистического строительства и проблемам развития общества и государства был осуществлен *функциональный подход* к пониманию патриотизма с учетом его роли и значения в конкретных исторических условиях.

Немало научных работ было посвящено изучению *проблемы патриотизма через призму взаимосвязанных с ним категорий, ценностей, принципов*. Огромное внимание уделялось рассмотрению *военного аспекта патриотизма*, его взаимосвязи с защитой социалистического Отечества, необходимостью обеспечения его экономической, социально-политической и оборонной мощи, изучению и созданию всех условий для развития патриотических сознания, чувств, качеств у подрастающего поколения, формированию у него готовности к военной службе.

В целом можно констатировать, что позитивное знание о патриотизме, получившее определенное приращение по ряду направлений в условиях советского периода развития, не должно игнорироваться, а тем более отвергаться по причине резко изменившихся социально-политических, экономических и иных факторов, детерминирующих смену ценностей и приоритетов в общественных науках на рубеже конца 1980-х – начала 1990-х гг. Результаты научных исследований, представляющие собой базу для более глубокого и всестороннего социального анализа патриотизма в новых изменившихся условиях, должны быть, безусловно, творчески использованы. Отказ же от принципа *исторической преемственности в научном исследовании* (столь сложной, неоднозначно понимаемой в наши дни проблемы) крайне затруднит достижение тех результатов, которые должны быть получены в ближайшей, а тем более – в отдаленной перспективе.

Основные задачи уже завершенных и продолжающихся научных исследований по проблеме патриотизма остаются в большинстве своем нерешенными. Сущность, содержание, структура, критерии этого феномена, его объект, субъект, проявления и функции исследованы пока неглубоко, несистемно, вне тесной связи с постоянно изменяющимися реалиями и теми конкретными проблемами, которые могут и должны быть решены с помощью развития патриотизма как фактора, воздействующего на многие процессы в обществе и государстве. Важно отметить, что без выяснения сущности патриотизма, его роли и места в нашей жизни невозможно правильно определить, принимая во внимание его тесную взаимосвязь с другими очень сложными явлениями и процессами сегодняшнего бытия, отношение к отечественной истории и культуре, к религии и национализму, стратегию и пути возрождения России в период трансформации, обеспечения ее безопасности и защиты, предназначение государства, сущность идеологии, роль и значение воспитания, проблемы развития и самореализации личности и целый ряд других актуальнейших вопросов.

Статус проблемы патриотизма в общественном сознании, в социально-гуманитарных науках, в социально-практической деятельности людей по-прежнему очень высок. Это связано с тем, что по своим истокам, содержанию и значению *патриотизм является общесоциальным институтом*, который обеспечивает единство и целостность, устойчивость и целенаправленность развития общества как самоорганизующей системы. Он относится к числу внутренних механизмов сплочения социальных индивидов и групп, обеспечивая их взаимопонимание и единение в социальной деятельности. В условиях реального социального пространства и времени патриотизм объединяет массы людей смысложизненными установками

и ориентациями поведения по отношению к своему Отечеству, помогают этим массам стать единым народом и развивать свое общество.

Среди исследований, посвященных непосредственно современному патриотизму, следует, прежде всего, назвать работы А.В. Абрамова, Х.Х. Бокова, Е.Т. Бородина, В.В. Гонеевой, Н.И. Зинчукова, В.А. Зорькина, Г.А. Зюганова, С.Ю. Ивановой, А.М. Ковалева, И.А. Козикова, В.Н. Кузнецова, М.М. Кромма, В.И. Лутовина, В.В. Макарова, А.Н. Метина, С.Е. Микуленко, Л.Е. Морозовой, В.Ш. Нахушева, Ю. Олещук, А.А. Преображенского, М. Раца, В.К. Селивановой, Е.С. Троицкого, Р.Г. Яновского и др.

Если проанализировать всю совокупность источников, посвященных проблеме патриотизма, ее изучению, осмыслению в различные периоды Российской истории, то можно прийти к следующим выводам. Анализ содержания патриотической идеи, разрабатывавшейся отечественными мыслителями на протяжении нескольких веков, показывает, что,

- патриотизм не только является неотъемлемым компонентом русской идеи, но и одновременно представляет собой глубокую традицию отечественной гуманитарной науки и культуры;
- патриотизм почти всегда рассматривался как необходимое условие силы русского народа, единства и величия России, могущества Российского государства;
- сущность патриотизма по-разному трактовалась различными мыслителями, прежде всего, в плане его духовного выражения и деятельностного проявления. Характерно, что рассмотрение проблемы патриотизма почти всегда находилось под воздействием немалого числа оппонентов, которые в различных формах ограничивали возможности ее конструктивной и более основательной разработки.

Современное понимание патриотизма характеризуется многовариантностью, разнообразием и неоднозначностью. Во многом это объясняется сложной природой данного явления, многоаспектностью его содержания, структуры и многообразием форм проявления. Кроме того, проблема патриотизма рассматривается разными исследователями в различных исторических, социально-экономических и политических условиях в зависимости от их личной гражданской позиции, отношения к своему Отечеству, от использования ими различных сфер знаний и т.п. С разрушением идеологической оболочки патриотизма на волне переоценки ценностей были утрачены, потеряны многие его корни, уходящие в глубину веков. Этот негативный процесс, объективный в силу продолжающихся катаклизмов, присущий различным сферам нашей жизни, связанный с разрушением, распадом советской командно-административной системы, во многом был инициирован «перестроечной» конъюнктурой, политическими спекуляциями, внутренним, идущим «сверху» антикоммунизмом, который расшатал фундамент не только социалистического, но и общероссийского здания.

В исследовании проблемы нового российского патриотизма, анализе иных элементов его содержания с учетом важнейших изменений, происшедших в нашем обществе, сделаны лишь первые шаги. Пока еще не реализован *многомерный* подход к формированию идеологии «россиянизма», не раскрыт ее *социологический смысл* как фактора консолидации общества, не исследована культура патриотизма как социологическая категория. Таким образом, разработка новой, научно обоснованной концепции российского патриотизма, его теоретических и прикладных аспектов, соответствующих изменившимся условиям, является актуальной задачей отечественной науки. В соответствии с этим были определены цели и задачи данного диссертационного исследования.

С одной стороны, наличие и действие факторов социальной дезорганизации, звеньев уязвимости (социальной поляризации, конфликта ценностей, кризиса экономико-технологического и интеллектуального развития, снижения уровня и качества жизни, роста преступности и криминализации общества, неблагоприятной экономической и демографической ситуации и т.д. и т.п.), делают консолидацию российского общества в современный период нереальной.

С другой стороны, сегодняшний «субъект массового сознания и коллективного поведения» существенно изменился, более того, как показывают результаты социологических ис-

следований, ныне можно говорить о существовании ментальных предпосылок к формированию «новой общественной субъективности», о зарождении пусть пока еще весьма слабой, но очевидной тенденции к новому гражданскому объединению общества на нетрадиционных для России основаниях, о взаимном тяготении друг к другу субъектов социальной жизни (индивидуальных и коллективных) и готовности их к компромиссным решениям на пути к общественному согласию.

Поэтому, если основную ставку по-прежнему делать на социально-экономические проекты и программы, сосредоточенные в основном на наращивании научно-технической, экономико-индустриальной и военной мощи, на развитии социума как такового, безотносительно и безразлично к качеству воспроизводимой им личности и бытующей в нем культуры, то консолидация общества и формирование объединяющей его идеологии, разумеется, невозможны. Однако при условии трансформации основных систем общественной жизни в направлении: управления – на развитие человеческого потенциала; социальной сферы – на повышение качества жизни; идеосферы – на формирование нового мировоззрения, положение существенно меняется, и на этой основе формирование культуры патриотизма и консолидация общества становятся возможными.

Научное изучение и формирование знаний и представлений о культуре патриотизма как явлении духовно-практической жизни предполагает комплексный, междисциплинарный анализ данного феномена познавательными и методологическими средствами, прежде всего, социально-гуманитарных дисциплин. Целостные представления о культуре патриотизма, ее сущности, содержании, роли, которую она играет в жизнедеятельности общества, можно составить, лишь опираясь на новые научные подходы, отражающие динамично изменяющиеся потребности конкретной социальной практики, используя весь арсенал исследовательских средств, обращенных к духовной проблематике России.

Переход к парадигме общечеловеческого жизнеустройства, соединение личной судьбы каждого человека с судьбами своего Отечества и планеты Земля в целом зависит от зрелой способности общества к формированию гражданских качеств личности на основе духовной культуры патриотизма. Высокая *культура патриотизма* выражает духовную, нравственную сущность отношения человека к своему Отечеству как части человечества в целом и предполагает творческую деятельность во имя их блага. Эта культура является общезначимой, первостепенной ценностью нашего народа. Вне опоры на нее нет ни личности, ни нации, ни государства, наоборот, возникают серьезные угрозы для общества. Как показывают жизнь и социологические исследования, именно культура патриотизма и как часть ее – новая патриотическая идеология способны стать в современный период основой консолидации общества для преодоления кризиса и определения путей возрождения страны, для реализации стратегии движения России к процветанию ее граждан.

Социологическим смыслом качественно иного характера трансформационных изменений в России в целом является формирование социального взаимодействия нового типа, который все больше включает в себя *социокультурные* составляющие и все больше подчиняется логике духовно-культурной коммуникации. Сама культура при этом, включая культуру патриотизма, является способом ценностного, смыслового понимания действительности, качественной оценки и освоения гуманистических норм жизни, проявления и развития сущностных сил личности, т.е. сферой поиска, проектирования и конструирования новых социальных и личностных источников и устоев человеческого мира.

Н.Н. Кузьмин – д.и.н. (ЛНУ им. Т. Шевченко, Луганск, Украина).
Историческая память в различных типах обществ

Историческая память в том или ином виде *присутствует в социальном, политическом дискурсе любого общества*. При помощи исторической памяти социальные объекты создают и при ее помощи их разрушают или трансформируют. Поэтому исследование исторической памяти актуальны при обращении к различным измерениям социальности. Историческая па-

мять представляет собой универсалию социокультурной реальности или, пользуясь терминологией К.Л. Пайка¹, этик-конструирования социальных представлений. К сфере исторической памяти можно отнести мифологические построения, объясняющие через прошлое текущее состояние общества и мироздания, конкуренцию исторических хроник, обосновавших те или иные преимущественные права, этнические истории эпохи торжества национального государства, марксистскую интерпретацию истории, разнообразные современные конструкции. То, что историческая память является инвариантом среди элементов, формирующих картину мира различных обществ, не означает того, что *историческая память в разные социокультурные эпохи* не обладала существенной спецификой. Поскольку разные исторические варианты обществ различаются по способам формирования картины мира, обоснования легитимности властных отношений, социальной структуры и т.д., логичным будет утверждать, что можно выделить *типы исторической памяти*.

Можно предположить, что существовала *историческая память традиционного общества, общества эпохи модерна, и что современное состояние общества (Второй модерн, поздний модерн, зрелый модерн, постмодерн и т.д.)*, которое явно отлично от предыдущих, также конституирует *специфический тип исторической памяти*. Обосновать это предположение возможно за счет выявления специфики исторической памяти в каждом из указанных выше типов социальности.

Традиционное общество изначально строило свою картину мира на конструировании истории возникновения мира, появления первых людей, первых типичных социальных взаимодействий, первых технологий и государств. Существовавшее в тот или иной исторический момент состояние государства, общества обосновывалось через связь с событиями в прошлом. Претензии в конкурентной борьбе часто опирались на исторические аргументы. Так, например, новгородская летопись называет основателя Киева Кия простым перевозчиком, а в киевской традиции летописания он является князем, которому уделяет внимание сам византийский император. Таких примеров можно найти великое множество. Подобное использование исторической памяти являлось правилом, одним из основных методов политической аргументации в традиционном обществе. Для культур, основывающихся на традиции, характерна более высокая ценность того, что было в прошлом, обоснование новаций за счет исторических прецедентов, аналогий. Так, в 1871 г. японский император Мэйдзи издал указ, в котором предписывалось всем чиновникам носить одежду европейского стиля. Обосновывалось же эта новация следующим образом²: «Полагаем Мы, что одежам следует меняться в лучшую сторону во времена перемен, а мужи государственные должны своим авторитетом определять их. Нынешние одеяния и головные уборы были определены по примеру установлений, существовавших в древнем государстве Тан. Они скроены ниспадающими и оставляют впечатление слабости. Считаем это весьма прискорбным. В нашей божественной стране с самого начала управление осуществлялось с опорой на военных. Сын Неба являлся главнокомандующим войсками, а люд поклонялся его обличью... Выгляда слабым, как можно управлять Поднебесной хотя бы один день? Так что теперь Мы желаем решительно изменить установления относительно одежды и обновить их, возвратиться к временам предков и построить государство с почтением к военному». То есть переход к европейскому мундиру преподносился как возврат к одежде предков. Тем самым реформа становилась легитимной в глазах людей, чьи представления, ценности сформированы традиционной культурой.

Поскольку традиционное общество было весьма сегментировано (высокая социальная дистанция между группами и иерархичность, отсутствие единой системы права и наличие множества отдельных прав), то *историческая память приобретала множество направленностей*. Правящие династии, спонсируя создание исторических хроник, обосновывали свои исключительные права, общины апеллировали к историческим прецедентам для защиты

¹ Триандис Г.К. Культура и социальное поведение: учебное пособие / пер. с англ. В.А. Соснина. М., 2007. С.40.

² Мещеряков А.Н. Открытие Японии и реформа японского тела (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. [Электронный ресурс]– Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/me20.html>.

своих прав и привилегий, аналогично простой народ сопротивлялся росту повинностей, обосновывая это более высокой ценностью сохранения старых порядков. Традиционное общество в целом было весьма чувствительно к историческим прецедентам – на то оно и традиционное. Таким образом, главным существенным признаком исторической памяти традиционного общества было то, что оно *«погружено» в историческую память*. Исторический прецедент являлся в нем, наряду с суждениями о сакральном, одним из самых весомых аргументов. Очень часто *пространство исторической памяти переплеталось с пространством сакральных знаний*.

Историческая память продолжает играть важную роль и *в обществе модерна*. В некоторых аспектах ее значение даже больше, поскольку модерну свойственно рациональное конструирование *метанарративов* (либерализм, национализм, марксизм), которые, с одной стороны, значительно изменяли социальную реальность, а с другой – основывались на конструктах исторической памяти. Однако историческая память в эпоху модерна приобретает иные характеристики, поскольку происходит *полная инверсия ценностных приоритетов: замена традиции прогрессом*. Поэтому рост исторических обоснований в эпоху современного национального государства парадоксален. Почему в культуре, которая одной из главных ценностей объявила новацию, в которой новое изначально ценнее старого, а вера в прогресс фактически получила сакральный статус, историческое обоснование главной политической структуры – государства – приобрело такую важность? Разве недостаточно для обоснования национального государства наличия языкового и культурного единства. Национализм, ориентируясь на исторические конструкты, был не одинок. Его главный соперник в борьбе за поддержку масс – марксизм – также «открыл» в многообразии исторических фактов извечную борьбу эксплуататоров и эксплуатируемых. Мог ли марксизм состояться как успешная идеология без конструирования исторического процесса, только лишь на основе экономических и философско-антропологических изысканий? Вопрос риторический – исторический век предписывает свои законы. Не следуя им, нельзя попасть в мейстрим. Продолжая эту традицию, современный неомарксист И. Валлерстайн, отказавшись от устаревшей формационной теории, пытается создать новую картину исторического процесса. Возможно, *историзм в модерне представляет собой своеобразную компенсацию за устремленность общества в будущее*. Тогда значимость исторической памяти в обществах модерна – это обратная сторона их прогрессизма. Иными словами историзм и прогрессизм представляют собой две стороны одной медали. Отсюда и ставшие расхожими утверждения, подчеркивающие *единство прошлого и будущего*. Данный парадокс можно объяснить тем, что XIX в. – век победоносного шествия национального государства, это еще и век торжества научного мировоззрения. Для обоснования любого социально и политически значимого конструкта в это время требовалось прибегать к ссылкам на научное знание. Типичный пример – марксизм, который одновременно выступал как идеология и как научная теория (вспомним, что сформировавшаяся в XVII-XVIII вв. идеология либерализма обосновалась традиционными философскими средствами и не нуждалась в сциентизме). Национализм, как и марксизм, не мог найти свое обоснование в экономических статистических выкладках и поэтому обратился к исторической науке. Благодаря трудам историков, национальное строительство обрело научное обоснование. В модерне историческая память уже не переплетена с сакральным, а выступает эрзацем сакрального в секуляризованном обществе. Наиболее ярко это проявляется в идеологии национализма, о которой У. Альтермат справедливо сказал следующее: «В XIX и XX вв. национализм занял место религии. Национальное чувство в качестве функционального элемента взяло на себя интегративную функцию религии. Национализм идет навстречу религиозному состоянию человека и заменяет собой религию в качестве силы современного общества, формирующей общности. Более подробный анализ национализма показывает на самом деле, что он содержит псевдорелигиозные элементы. Это выражается, например, в том, что он действует с помощью тех же средств, что и церковь, и имеет сакрально-литургические

формы. Люди приветствуют национальный флаг как самое святое, они поют гимны стран»¹. *История в модерне стала инструментом трансцендирования государства*. Перед главами государств всегда возникала проблема превращения их из посястороннего института, инструмента, задача которого политическая организация общества, защита его членов от внутренних и внешних угроз, в нечто независимое от граждан (или подданных). В традиционной культуре трансцендирование осуществлялось за счет божественного происхождения правителя (или его сакральной сопричастности – помазание), а конструирование истории играло вспомогательную роль. Строительство национального государства также нуждалось в трансцендировании, поскольку с обычными функциями государства неплохо справлялись наднациональные империи и династические государства. В условиях секуляризации сакральное обоснование не работало.

Интересно, что одно из первых использований *националистического дискурса* в Европе в период, когда секуляризация еще не стала актуальным социокультурным процессом, основывалось на сакрализации нации. Это утверждение о том, что Бог был англичанином². Однако в XIX в. такой вариант уже не проходил, поэтому в качестве инструментов трансцендирования использовалась историческая память, которую пришлось усилить новой исторической наукой. Последняя, перейдя от жанра жизнеописаний и политических событий к исследованию истории народов, стала помимо своей воли способом формирования нового качества исторической памяти, на основе которой и осуществлялось трансцендирование национального государства. Конструировать историю пытались и при построении либеральной политико-правовой доктрины, одной из исходных посылок которой стал миф о договорном происхождении государства (это миф в полном смысле этого слова, поскольку ничего подобного в истории никогда не было). XVII столетие – это еще переходный период от традиционного общества к модерну, поэтому здесь, с одной стороны, работает логика предшествующей культуры (чисто мифологического конструирования), а с другой – ярко выражена характерная для модерна особенность использования исторической памяти для создания идеологий. Эта особенность заключается в том, что при конструировании тех или иных социальных представлений в современных обществах исторической памяти служит в качестве предпосылки построения социально-политических нарративов.

Общества модерна имели историческую память в качестве исходного тезиса обоснования своего существования. От мифа о договорном происхождении государства оттолкнулся либерализм. Национализм обнаруживал национальное единство в прошлом. Марксизм видел в проектируемом социально-политическом устройстве завершение исторического процесса борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами. Таким образом, если традиционное общество «погружено» в историческую память, то *общество модерна опирается на историческую память, отталкивается от нее*. Именно этот тезис снимает противоречие между важной ролью исторической памяти в обществе модерна и устремленностью этого общества в будущее. Основываясь на исторической памяти, общества модерна выстраивали своеобразный линейный график, соединявший прошлое, настоящее и будущее. Проиллюстрировать процесс, когда историческая память служит предпосылкой, от которой отталкиваются при конструировании социальной реальности, можно при помощи высказываний современных строителей национального государства в Украине (здесь нет никакой иронии, это стандартный процесс, через который проходили многие народы). На круглом столе «Каким должен быть современный учебник по истории Украины», который был организован Комитетом Верховной Рады Украины по вопросам науки и образования и проходил 19 мая 2010 г. профессор Ю.И. Шаповал высказал следующее мнение: «Чтобы легитимизировать понятия «независимая («незалежна») Украина», «Украинское государство», в публикациях историков, особенно в учебниках по истории, при описании определенных эпох, событий и людей, должны

¹ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе /пер. с нем. С.В. Базарнова. М., 2000. С.140-141.

² В 1559 г. будущий епископ Лондона Джин Эймер провозгласил, что Бог – англичанин и призвал своих соотечественников семь раз в день благодарить Его, что они родились англичанами (Лурье С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов. М., 1997. С.297).

приводиться доказательства существования собственной (власної) истории, которая корнями уходит в древность (старовину)». А председатель Института национальной памяти И.Р. Юхновский заявил, что «Историческую память делает власть. Цель исторической памяти – консолидация украинского народа и создание украинской политической нации»¹. Эти высказывания с очевидностью показывают, что Историческая память выступает как исходная предпосылка «легитимизации понятия» и «консолидации народа». В целом эти высказывания соответствуют характеристикам исторической памяти модерна, но одновременно своей открытостью они демонстрируют изменение роли и места исторической памяти в современных обществах, культура, системы социального взаимодействия которых уже по многим параметрам отлична от классического модерна, но для которых в социологической мысли еще не выработан общепринятый термин. Пользуясь терминологией У. Бека, современное общество можно обозначить как *Второй модерн*.

Для понимания изменения характеристик исторической памяти необходимо обратиться к существенным признакам социокультурных трансформаций современности. Их подробный анализ требует отдельного исследования. Мы же здесь их только перечислим, применительно к исследуемой проблематике.

Во-первых, это *кризис метатеорий социальной и политической жизни*: уже не имеют решающего значения концептуализированные предписания, какие в прошлом предоставляли индивиду религиозные и мифологические системы, метанарративы либерализма и марксизма. Бауман видит сущность эпохи постмодерна в переходе от «законодательного» разума к «интерпретирующему»². Конечно, данный процесс можно оценивать как некое восхождение. Но более точным будет понимание, что выход на первый план интерпретации есть следствие утраты метанарративов, дававших в прошлом полное понимание всех социальных, политических, экономических процессов и явлений.

Во-вторых, в результате вышеизложенного, *у членов современных обществ нет однозначного представления о функциях политической власти, ее роли в жизни общества*. В свою очередь, политическая власть на рубеже тысячелетий все менее и менее чувствует себя обязанной обществу. Главным направлением ее деятельности в сфере установления контактов с обществом стали *различные манипулятивные технологии*. Борьба идей исчезла, а пришедший ей на смену конфликт интерпретаций открывает дорогу манипуляциям. Как осуществление власти, так и отношение людей к государству, политическим силам становится реактивным. Неопределенность социальной и политической жизни, отсутствие четкой картины развития, изначально заданных врагов и союзников порождают реактивное социально-политическое бытие.

В-третьих, это *изменение отношения ко времени*. Политическое сознание модерна четко структурировало прошлое и было нацелено в будущее. Настоящее было лишь этапом. В ситуации резкого усложнения текущих событий, в условиях, когда в прошлом стало невозможно разобраться и дать общепринятую оценку историческим фактам, когда будущее неопределенно и пугает, настоящее становится, как подчеркивает К. Монгардини, привилегированной территорией³.

В-четвертых, *значительно изменились функциональные характеристики современного государства*. А. Турен справедливо утверждает, что современное государство воспринимается не как «агент интеграции действующих лиц общества», а скорее как руководитель предприятия, верховный бюрократ⁴. Ослабление значимости государственной власти в условиях

¹ «Яким має бути сучасний підручник з історії України». Круглий стіл з цього питання було організовано Комітетом Верховної Ради України з питань науки і освіти 19 травня 2010 р. [Електронний ресурс] Режим доступу: http://lb.ua/article/society/2010/05/26/46211_yakim_maie_buti_suchasniy.htm

² Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии. 1993. №3. С.47.

³ Монгардини К. Культура настоящего: изменение отношений в эпоху позднего модерна // Социологический журнал. 1995. №2.

⁴ Турен А. Возвращение человека действующего / пер. с фр. Е.А. Самарской]. М., 1998. С.47.

глобализации привело к тому, что люди столкнулись с неопределенностью чувств преданности, лояльности, идентичности¹.

В-пятых, *трансформировалась социальная структура, которая уже не разделена четко на страты и классы, а представляет собой причудливую мозаику множества групп и субкультур*. В такой ситуации исчезает четко выраженное групповое сознание – оно становится ситуативным, индивид одновременно входит во множество социальных групп и, соответственно, в его сознании одновременно присутствуют различные и даже противоречащие друг другу установки. Как указывалось выше, историческая память в эпоху модерна была составляющей различных метанарративов. Распад последних привел к тому, что историческая память не встроена в них в качестве фундамента. Соответственно *историческая память*, как и остальные элементы социальной, политической культуры современных обществ, *является реактивной и ситуативной*, она легко становится частью манипулятивных технологий. Те или иные ее составляющие легко извлекаются на свет при необходимости, вызванной изменчивым ходом обстоятельств.

Если в рамках современной исторической памяти подразумевалось, что славное прошлое обуславливает не менее славное настоящее и будущее, то отсутствие в современной картине мира такой однозначной связи, приоритет задач настоящего позволяет полностью *подчинить историческую память сиюминутным проблемам*. Понятно, что и ранее историческую память извлекали на свет целесообразно, но она использовалась для решения глобальных проблем национального строительства, обоснования территориальных претензий, мобилизации масс на решение важных задач. Примером такого манипулятивного обращения с прошлым, подчинение его сиюминутным проблемам является то, как греки в ситуации кризиса весны 2010 г., в ответ на упреки собратьев по Евросоюзу в том, что греческие граждане явно живут не по средствам, быстренько припомнили европейцам значимость достижений своих античных предков для современной европейской цивилизации. Среагировали и оправдались. Блестящий ход с точки зрения пиартехнологий. Но какое отношение имеет неэффективность греческой экономики и государственного управления к деятельности и идеям Солона, Перикла, Аристотеля? Может наоборот, современным грекам должно быть стыдно, что они, говоря словами Т. Шевченко, «плохие правнуки славных великих прадедов»? Однако задаваться такими вопросами в современном мире не принято, сейчас главное – правильно среагировать на ситуацию. С точки зрения современной исторической памяти великое прошлое Греции должно было обеспечить достойное настоящее. Но в обществе потребления историческая память стала товаром, разменной монетой, которую легко можно использовать на рынке политических манипуляций. Результатом усложнения социальной структуры стала *плюрализация исторической памяти* в рамках прежде однородных обществ. Сохранение важной роли исторической памяти связано с ростом значимости меньшинств, субкультурных групп, гендерной проблематики. Борющиеся за свои права группы, движения ищут истоки легитимности в истории. П. Нора называет в числе причин «*расцвета памяти*» «демократизацию» истории. Под этим он подразумевает «мощное движение освобождения и эмансипации народов, этносов, групп и даже отдельных личностей в современном мире. Речь идет о быстром возникновении разнообразных форм памяти меньшинств, для которых отвоение собственного прошлого является необходимой составляющей утверждения собственной идентичности»². Для национальных меньшинств это обычное дело, однако сейчас нередкими стали попытки *переконструирования истории*, например, с точки зрения гендерного неравенства. Яркий пример такого подхода – обнаружение американским археологом М. Гимбутас³ матриархального устройства в неолитической Европе, разрушенное в результате вторжения кочевников-индоевропейцев, для которых, наоборот, свойственен ярко выраженный патри-

¹ Фергюсон Й. Глобальное общество в конце двадцатого столетия // Международные отношения: социологические подходы. М.1998. С. 195–221.

² Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40–41). [Электронный ресурс] Режим доступа.: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>.

³ Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы /пер. с англ. М.С. Неклюдовой. М., 2006.

архат. М. Гимбутас не просто обосновывает наличие матриархата в Древней Европе, но и постоянно проводит в своей работе идею, что под руководством женщин неолитические сообщества Европы 5-4 тысячелетий до н.э. (культуры Винча, Бутмир, Триполье-Кукутени и др.) достигли значительного экономического процветания, успехов в искусстве и социальной гармонии. Вторжение патриархальных индоевропейцев, наоборот, привело цивилизацию Древней Европы к упадку. Можно найти и множество других примеров конструирования ИП для обоснования особых прав и статусов разнообразных меньшинств. Результатом этого стала *резкая плюрализация исторической памяти*, делающая невозможным создание последовательных и общепринятых мемориально-исторических конструктов. Приветствуя неоднородность социальной структуры общества Второго модерна, создают принципиально *плюралистичное пространство исторической памяти*. Если в классическом модерне существенные разногласия в области интерпретации истории подавлялись, то, например, политика мультикультурализма фактически означает право на сосуществование и равную ценность различных версий исторической памяти. Это приводит к тому, что она приобретает относительные характеристики: *историческая истина заменяется исторической правдой, которая, как известно, у каждого (каждой культурной группы) своя*. Постоянное соприкосновение с иной исторической памятью имеет следствием утрату уверенности в своей. В такой ситуации устойчивость исторической памяти определяется уже технологическим воздействием. Другим следствием плюралистичности пространства исторической памяти является возникновение конфликтов в этой сфере, чему мы в Украине являемся свидетелями. *Ослабление государства привело к тому, что оно перестало быть основным актором формирования исторической памяти*. Это характерно для молодых государств, где отсутствует *инерция* созданной в прошлом исторической памяти. Украина – классический пример такого плюрализма. Даже современная Россия с ее вертикалью и прочими властными достопримечательностями не может прийти к согласию в области интерпретации истории. В начале 2010 г. журнал «Форбс» составил десятку лучших профессий на американском рынке труда в 2010 г.¹ Интересно, что в список лучших вошла профессия историка, соседями которой оказались профессии, также имеющие непосредственное отношение к научной деятельности: биолог и математик. То, что историк в оценке американских экспертов равноценен специалистам, деятельность которых имеет прямое практическое применение, демонстрирует значение истории. Скорее всего, это значение и *связано с возможностью при помощи исторического знания воздействовать на человеческие сообщества. Историческая память стала использоваться как некое концептуальное оружие, задачей которого может быть конструирование или деконструирование социальных общностей*. Глобализация имеет еще одно следствие для исторической памяти. Если ранее она была *герметична* в рамках одного государства, то *открытость современных информационных потоков, миграции, когда люди, воспитанные в рамках одной исторической памяти, вынуждены жить в пространстве другой*, привели к тому, что *возникла потребность согласования историй взаимодействующих обществ*. Отсюда идея создания учебников истории, которые не вызывали бы идиосинкразии у носителей другой исторической памяти. Чем закончится этот процесс пока непонятно, однако вряд ли следует ожидать радикальных трансформаций исторической памяти различных обществ, ее полного согласования. Скорее всего, просто появятся новые варианты исторических конструктов и плюрализм исторической памяти только усилится. Современное состояние исторической науки и квазинаучные построения предлагают потребителю набор исторических смыслов, из которых он может выбрать то, что необходимо в конкретной ситуации.

Историческая память Второго модерна в чем-то напоминает традиционное общество – она постоянно присутствует в социально-политическом дискурсе и касается разнообразных проблем. Однако современность уже не погружена в историю, а потребляет ее, удовлетворяя сиюминутные потребности. Таким образом, в обществах, расставшихся с модерном, историческая память является не средой, в которой осуществляется социально-политическая дея-

¹ FORBES: ТОП-10 лучших и худших профессий [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ua-reporter.com/novosti/77788>

тельность и не ее концептуальный фундамент. Историческая память в современном мире – это легко трансформирующийся инструмент, своеобразный «софт», инсталлируемый в те или иные институты в зависимости от актуальных потребностей. Наблюдая рост значимости исторической памяти в социальном и политическом дискурсе, мы должны понимать, что в значительной степени он связан с попытками манипуляции общественным мнением, с отсутствием у его трансляторов иных аргументов. Сталкиваясь с конкретными проявлениями использования исторической памяти необходимо задавать себе вопрос – с какой целью это делается?

А. Ластовский к.соц.н. (ИС НАН Беларуси, Минск)

**Между советским прошлым и национальной перспективой:
особенности исторической памяти жителей современной Беларуси**

Согласно исследованиям социологов, для большинства постсоветских обществ характерна острая необходимость переосмыслить свое прошлое. Так, историческая память жителей современной Беларуси крайне неоднородна: с одной стороны, она сложилась на основе официального образа истории, много лет насаждавшегося советской властью. С другой стороны, уже в независимой республике советский образ истории претерпел бурные трансформации, что вызвало у населения всплеск интереса к своему прошлому и желание «переписать» всю историю белорусского государства.

Особенно острая необходимость переосмысления своей истории и поиска общей перспективы возникает в государствах, которые претерпевают радикальные трансформации в своем социокультурном развитии. В качестве примера можно привести новые государства в Восточной Европе (в том числе Беларусь), где распад советского образа истории потребовал *пересмотра и переопределения национального исторического нарратива, поиска объединяющих способов осмысления своей истории*. Каковы же особенности исторической памяти жителей Беларуси, которые сложились в результате длительного упорядочивания официального образа истории советскими властями и бурных трансформаций описаний прошлого уже в независимой республике.

Исходной в анализе является теоретическая рамка исследований памяти, распространенная в современном социальном знании, где *историческая память рассматривается как представления о прошлом, которые подтверждают для членов общества их коллективную идентичность и символически обозначают их единство во времени и пространстве благодаря созданию общей истории*. Соответственно, и сама историческая память нами рассматривается в тесной связке с формированием и воспроизведением национальной идентичности. Вместе с тем существование множества трактовок и версий в междисциплинарном пространстве исследований памяти (весомым свидетельством чему является и разнообразие используемой терминологии – «коллективная память», «социальная память», «историческая память», «культурная память») предполагает необходимость уточнить избранный теоретический подход. Наиболее продуктивным в данном контексте представляется использование общего термина «историческая память», отсылающего ко всей совокупности представлений о прошлом. При этом для аналитических целей необходимо *выделение нескольких уровней исторической памяти, обусловленных дискурсивной стратификацией социума*.

Прежде всего, стоит отметить *уровень памяти, который формируется властным дискурсом и представляет собой кодифицированный набор описаний, идей и образов прошлого*. Здесь очевидна параллель с концепцией культурной памяти Я. Ассмана как «коллективного концепта для всего знания, которое определяет поведение и опыт в интерактивной рамке общества и которое передается через поколения в повторяющихся социальных практиках и инициациях»¹. Культурная память характеризуется дистанцией от повседневности. У нее есть фиксированные точки, в которых прошлое сворачивается в символические фигуры, к которым прикрепляются воспоминания. Как пишет Ассман, память о судьбоносных собы-

¹ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 44.

тиях прошлого укрепляется с помощью культурных формаций (тексты, ритуалы, монументы) и институциональной коммуникации (повторение, практика, соблюдение). В современном обществе важнейшими институтами трансляции культурной памяти выступают институт образования (чаще всего непосредственно контролируемый государством) и средства массовой информации.

Другой уровень исторической памяти формируется в результате инкорпорации и усвоения культурной памяти в массовом сознании, это обыденные представления о прошлом, зачастую фрагментарные и противоречивые. Здесь вполне рациональным выглядит предложение И.М. Савельевой и А.В. Полетаева воспользоваться терминологией французского социолога С. Московичи и употребить для категоризации данного уровня исторической памяти определение «социальные представления о прошлом»¹.

И наконец, *третий уровень в исторической памяти вновь может быть связан с подходом Я. Ассмана, который ввел различие между коммуникативной и культурной памятью, связанное «с различием между повседневностью и праздником, между профанным и сакральным, между эфемерным и прочно-обоснованным, между частным и общим»*². Повседневная коммуникация характеризуется высокой степенью тематической нестабильности, обоюдностью ролей и неорганизованностью. В такой коммуникации каждый индивид формирует память, которая социально опосредована и соединяет индивида с группой. Наиболее важная характеристика коммуникативной памяти – это ограниченный временной горизонт, который с течением времени постоянно смещается. Два вышеупомянутых уровня исторической памяти отсылают к восприятию прошлого, опосредованному через институциональные каналы, а коммуникативная память – к личному опыту прошлого. Наиболее связными и целостными предстают нарративы прошлого, которые формируются как индивидуальные биографии либо как семейные предания.

Стоит отметить, что все эти уровни разделяются только аналитически, в социальной практике они взаимосвязаны. Например, даже рассказ о личном травматическом опыте повседневной жизни в период войны не может быть полностью дифференцирован от тех представлений, которые циркулируют в культурной памяти. Эта взаимосвязь обязательно должна учитываться при проведении соответствующих исследований.

Изучение каждого из выделенных уровней предполагает и использование различного методологического инструментария. Так, наиболее приемлемыми методами для изучения культурной памяти, по нашему мнению, будут дискурс-анализ и контент-анализ, тогда как социальные представления о прошлом вполне могут исследоваться с помощью опросов общественного мнения. Для изучения же коммуникативной памяти несомненным преимуществом обладает методология устной истории. Уточним, что в рамках данной статьи мы будем анализировать в первую очередь именно второй уровень исторической памяти, т. е. социальные представления о прошлом, опираясь на результаты различных опросов общественного мнения. Но при этом все равно приходится учитывать и описывать дискурсивное пространство знания о прошлом в Беларуси.

Естественно, что общие представления о прошлом могут происходить из различных источников. Это может быть и устная память, передаваемая в рамках семьи из поколения в поколение, или коммуникативная память различных социальных групп.

Но при формировании исторической памяти о прошлом народа главенствующую роль занимают все же официальные институты – система образования, СМИ, музеи и архивы и т.д. Поэтому *дискурс исторической памяти чаще всего политизирован*, он обусловлен конфигурацией актуальных политических интересов. Соответственно, смена курса государственной политики приводит к тому, что история переписывается, а социальные представления о прошлом подвергаются трансформации. Так, главной задачей дискурса исторической па-

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Обыденные представления о прошлом: теоретические подходы // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Ред. Л.П. Репина. М., 2008. С.50–76.

² Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 44.

мяти в советский период было создание общей истории «советского народа» с акцентированием классовых интересов низших социальных страт. После 1991 г. молодое белорусское государство столкнулось с проблемой формирования национальной исторической памяти, что потребовало радикальных изменений в системе образования¹ и вызвало оживленный интерес к различным вопросам белорусской истории на страницах прессы. Содержание и значения официального дискурса памяти на протяжении всего нескольких лет (1989–1991 гг.) полностью изменились, но коллективное сознание не поддается такой легкой ломке. *В коллективных представлениях о прошлом наслаиваются как актуальные идеологемы, так и обломки, остатки прежних постулатов, которые ушли с поверхности публичного дискурса, но остались в сознании социальных групп.* Поэтому в качестве рабочей гипотезы нами выдвигалось предположение, что *историческая память* жителей Беларуси не выступает некой гомогенной целостностью, она имеет свою специфику, в первую очередь, среди различных возрастных групп, что обусловлено сменой образовательных парадигм в советское и постсоветское время.

В основу работы положены материалы специального социологического исследования, проведенного сектором социальной и этнической психологии Института социологии НАН Беларуси в июне 2008 г. (республиканская репрезентативная выборка – 1147 респондентов, анкетный опрос). Для подтверждения этих данных мы будем также ссылаться на результаты исследования «Восприятие населением новых независимых государств истории и постсоветского периодов», проведенного в апреле-мае 2009 г. в рамках проекта «Евразийский монитор» на территории постсоветских государств (в Беларуси за осуществление этого исследования отвечала социологическая лаборатория «Новак»). Также будут использоваться результаты исследования «Национальная идентичность белорусов: кто мы и какими будем?», осуществленного летом 2009 г. социологической лабораторией «Новак» в кооперации с Белорусским институтом стратегических исследований и инициативой «Будзьма».

Мы остановимся на анализе трех индикаторов исторической памяти: *истоки белорусской государственности; выделение ключевых событий в истории Беларуси (как вызывающих гордость, так и горечь и стыд); оценка важнейших исторических персоналий*². При обработке ответов на открытые вопросы каждый уникальный вариант ответа рассматривался как категория. Количество упоминаний каждой категории могло существенно отличаться, категории могли быть как уникальными, т. е. упоминаться 1 раз, так и достаточно распространенными, упоминаться множество раз (например, «Победа в ВОВ»). *Категории, близкие по своему семантическому значению, объединялись в общие темы.*

В первую очередь обратимся к проблеме истоков белорусской государственности. Каждое национальное государство пытается утвердить себя в истории, представить свои истоки уходящими далеко в прошлое, что повышает статус значимости национальной идентичности. Соответственно, история любой нации представляется уходящей в глубокую древность, при этом национальная история обычно имеет свой «золотой век» и эпоху упадка. Такие построения подвергаются деконструкции со стороны современных исследователей национализма, которые утверждают, что современные нации – это явление эпохи модерна, они появляются в Европе только в период Великой французской революции³.

Соответственно, и белорусская нация (именно как «модерная» нация) возникла лишь в XIX в. Но уже первые попытки написать историю Беларуси в конце этого столетия выводили истоки белорусской государственности к эпохе Полоцкого княжества. Великое Княже-

¹ См.: Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада. СПб., 2005. С. 437–445. Гл. «Школьныя падручнікі: перагляд і новая цензура».

² Для того чтобы более детально и полно выявить особенности и противоречия исторической памяти среди жителей Беларуси, был использован список различных исторических деятелей, респондентам предлагалось оценить их вклад в историю Беларуси по шкале «положительно/противоречиво/отрицательно». В опросе также использовались фигуры исторических деятелей, позаимствованные из более широкого исторического контекста (российского или советского), но оказавшие самое непосредственное влияние на ход истории Беларуси.

³ Более подробно см.: Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.

ство Литовское в первых националистических исторических нарративах соответствовало мифологеме «золотого века» для белорусского народа¹. В марте 1918 г. белорусскими националистами была предпринята попытка создания независимого государства – Белорусской Народной Республики, впрочем, не увенчавшаяся успехом.

Позже в советские времена националистическая версия белорусской истории была пересмотрена (в том числе «благодаря» репрессиям среди историков), а период Полоцкого княжества был вписан в контекст существования Киевской Руси и древнерусской народности. Великое Княжество Литовское рассматривалось как государство литовских феодалов. Возникновение ВКЛ описывалось следующим образом: «Литовские князья, воспользовавшись тяжелой борьбой русского народа с татаро-монголами на востоке и немецкими агрессорами на западе, стали подчинять своей власти западные земли Руси... Этим было положено начало созданию Литовского государства. Образование его определялось интересами литовских феодалов, которые хотели укрепить свое господство над литовским крестьянством и упрочить свою власть в соседних землях Руси»².

Особое значение придавалось включению белорусских земель в состав Российской империи, но фактически в советской исторической науке утверждалось, что полноценное существование белорусская нация получила только в форме Белорусской Советской Социалистической Республики³. Естественно, такая концепция развития белорусской государственности была радикально пересмотрена после распада Советского Союза. В исторической науке и затем в системе образования вновь возобладали взгляды, возводящие истоки белорусской государственности к временам Полоцкого княжества, а «золотым веком» снова стал период Великого Княжества Литовского. Но такой националистический ренессанс в преподавании истории во второй половине 1990-х гг. в результате исторической политики президента Беларуси А. Лукашенко вновь сменился реактивацией советских исторических мифологем, в том числе и «БССР как первого белорусского государства». Как мы подчеркивали, такие резкие смены в дискурсе исторической памяти должны были закономерно повлечь «разнобой» в коллективных представлениях. Вопрос об истоках белорусской государственности, заданный в ходе проведенного исследования, выявил отсутствие единства мнений в общественном сознании по этому вопросу.

Итак, мы видим, что единства мнений по этому поводу не наблюдается. Следует выделить следующие существенные моменты: (1) для значительного числа респондентов оказалось затруднительным ответить на данный вопрос; (2) преобладают все же мнения, которые возводят историю Беларуси к далекому историческому прошлому (Полоцкое княжество, Великое Княжество Литовское).

В соответствии с нашей гипотезой, у представителей старшего поколения должны были бы преобладать взгляды, сформированные при советской образовательной системе, где первым белорусским государственным образованием считалось БССР.

Далее мы рассмотрим различия в оценке генеалогии белорусской государственности среди различных возрастных групп (уже основываясь только на данных исследования Института социологии НАН Беларуси). Действительно, люди в возрасте старше 50 лет более склонны отдавать предпочтение именно БССР как первому белорусскому государству (15%), чем респонденты более молодого возраста (5%). Но при этом представители старших возрастных групп также предпочитают возводить генеалогию белорусской государственности к Полоцкому княжеству или к периоду Великого Княжества Литовского. Таким образом, в этом вопросе существенных линий разрыва во взглядах на историческую память между различными возрастными группами выявить не удается.

¹ См.: Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада. СПб., 2005. С. 437–445. Гл. «Школьныя падручнікі: перагляд і новая цэнзура».

² См.: История Белорусской ССР. Минск, 1961. Т.1).

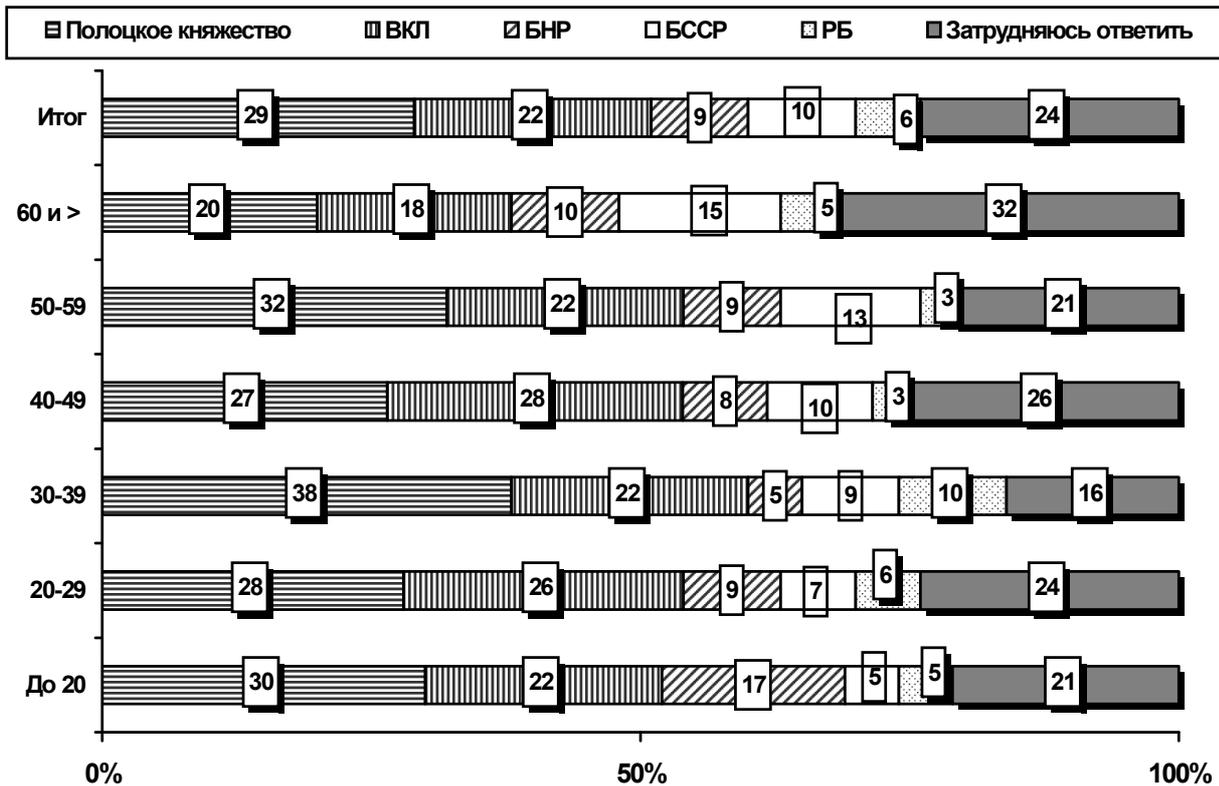
³ Утварэнне БССР мела вялікае гістарычнае значэнне. Упершыню за шматвяковую гісторыю беларускі народ набыў сваю дзяржаўнасць» (Абецадарскі Л.С., Баранав М.П., Паўлава Н.Г. Гісторыя БССР: Вучэбны дапаможнік для вучняў сярэдняй школы. Минск, 1961. С. 126).

Таблица 1.

Истоки белорусской государственности по мнению жителей Республики Беларусь (в % от числа опрошенных в каждом исследовании)¹

исследования	Полоцкое княжество	ВКЛ	БНР	БССР	РБ	Затрудняюсь ответить
Институт социологии (июнь 2008)	29	22	9	10	6	24
«Новак» (лето 2009)	18	38	5	12	9	18

Рис.1. С какого периода начинается, по Вашему мнению, история белорусской государственности?

Представления о прошлом жителей Беларуси мы покажем с помощью группировки по историческим периодам. Выделяются следующие исторические периоды: *современная история*, хронологические рамки которой располагаются от обретения Республикой Беларусь независимости и до нынешнего момента; *история советского периода*; *история до начала XX столетия* (т.е. история до Октябрьской революции 1917 г.). Вместе с тем эту периодизацию приходится скорректировать с помощью выделения отдельного топоса Великой Отечественной Войны, поскольку восприятие этого события является чрезвычайно важным для сознания жителей Беларуси. Многие исследователи отмечали, что комплекс представлений о Великой Отечественной войне является наиболее значимым для становления белорусской национальной идентичности². Центральность именно этого события для исторической памяти присуща многим европейским странам. «Сегодня переоценка прошлого – Второй мировой войны, оккупации, коллаборационизма и Сопротивления – входит

¹ В исследовании «Национальная идентичность белорусов: кто мы и какими будем?» в закрытом вопросе первый вариант был сформулирован несколько иначе: «Полоцкое и Туровское княжество».

² См.: Rudling P. «For a Heroic Belarus!»: The Great Patriotic War as Identity Marker in the Lukashenka and Soviet Belarusian Discourses // Sprawy Narodowosciowe (Nationalities Affairs). 2008. № 32. P. 43–62; Марплз Д., Падгол У. Палітыка новай памяці ў другой расійскамоўнай дзяржаве // ARCHE. 2008. № 11. С. 91–100.

в число главных тем публичного дискурса всех европейских обществ». Вместе с тем осмысливается эта война в различных странах по-разному¹.

Но даже при такой общей для европейских стран «одержимости войной» белорусский случай выглядит особым. Наиболее близкие параллели в памяти о ВОВ существуют с современным российским обществом. Для наших стран эта война по-прежнему «отечественная», а не «мировая», началась она в 1941-м г., а не в 1939-м, да и празднуем победу мы 9-го мая, а не 8-го, как во всем остальном мире².

Легко заметна значительная доля преемственности между образом войны, который артикулируется в государственном дискурсе современной Беларуси, и тем, как Великая Отечественная война использовалась для легитимации коммунистической власти. «Война с ее многочисленными реальными и мифическими проявлениями героизма и жертвенности представляла собой замечательный материал для создания патриотических символов и образцов коллективной памяти. Более того, общая борьба советских народов давала возможность, не игнорируя, а скорее наоборот, акцентируя внимание на местной специфике, создавать модель общего патриотизма – общей советской идентичности. Таким образом, миф о Великой Отечественной войне, базовую основу которого составляли идеологемы о морально-политическом единстве советского общества, о руководящей роли коммунистической партии, о единстве партии и народа, фронта и тыла, о пламенном советском патриотизме и массовом героизме, о дружбе народов и тому подобное, призван был сыграть особую роль в единении советского общества»³.

Память о войне продолжает активно воспроизводиться и в современном белорусском обществе, где для ее трансляции активизированы практически все возможные каналы культурной политики. Особое внимание формированию патриотического воспитания с помощью героических примеров времен Великой Отечественной войны уделяется в системе образования⁴. Медиакультура также переполнена материалами, отсылающими к этому событию, особо стоит упомянуть постоянные трансляции фильмов о войне на телевидении, некоторые из них пользуются неувядающей массовой популярностью (например, сериал «Семнадцать мгновений весны»). Киностудия «Беларусьфильм» еще в советский период получила неофициальное название «Партизанфильм», и по-прежнему тема войны доминирует в белорусском кинопроизводстве. Также стоит отметить, что важнейшие государственные праздники в Республике Беларусь – День Независимости и День Победы – непосредственно связаны с триумфальными моментами периода Великой Отечественной войны. Поэтому совершенно неудивительным выглядит тот факт, что, по результатам социологического исследования, наиболее значимым событием в истории Беларуси, которым можно гордиться, выступает победа в Великой Отечественной войне.

Вместе с тем можно говорить о том, что белорусский образ войны отличается от советского и имеет свою специфику, которая начала складываться еще в СССР. Во-первых, отмечается огромное число жертв среди белорусского народа, который приобретает статус не только *народа-героя*, но и *народа-мученика*, чья победа в войне была оплачена трагической ценой (этому способствует постоянное воспроизведение риторической фигуры о каждом четвертом белорусе, погибшем во время войны). Во-вторых подчеркивается исключительная заслуга именно белорусского народа в победе над фашизмом, при этом особую роль играет так называемый *«партизанский миф»*. Постепенно уходит в тень *«советский народ как победитель фашизма»*, и это почетное место занимает белорусский народ. Великая Отечественная война предстает в сознании белорусов событием трагическим

¹ Вельцер Х., Ленц К. Поколение дедов в Европе // Отечественные записки. 2008. № 5. С. 12; Требст Ш. Может ли «1945 год» стать общеевропейским местом памяти? // Отечественные записки. 2008. № 5. С. 23–32.

² Дубин Б. «Кровавая война» и «великая» победа // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 68–84.

³ Гриневич В. Расколота память: Вторая мировая война в историческом сознании украинского общества // Неприкосновенный запас. 2005. № 40–41.

⁴ См.: Смалянчук А. Школьны падручнік гісторыі Беларусі як «месца памяці / месца забыцця» пра Другую Сусветную вайну // Homo Historicus. Гадавік антрапалагічнай гісторыі. 2008. С. 370–383.

(«первый самый страшный удар в Великой Отечественной войне приняла на себя Беларусь»), как некое страшное испытание, доказывающее право народа не только на существование, но и на всеобщее уважение, *и вместе с тем героическим*. С другой стороны, у Великой Отечественной войны есть и негативные стороны – тяжелые потери, провальное начало войны, период оккупации и связанная с этим проблема коллаборационизма, да и само партизанское движение в неофициальной памяти, транслируемой преимущественно по семейным каналам в белорусской деревне, характеризуется вполне неоднозначно¹. Эти негативные моменты остро обсуждались в СМИ в конце 1980–начале 1990-х гг., но в последнее время практически исчезли из публичного дискурса в Беларуси.

Таким образом, память о победе в Великой Отечественной войне среди жителей Беларуси является достаточно целостной и не вызывающей противоречивых интерпретаций. В массовом сознании она представляется тяжелым испытанием для белорусского народа, проявившего в этот период невиданный героизм, что можно расценивать как неопределимый вклад в победу над фашизмом. Эти социальные представления о прошлом полностью согласуются с тем образом войны, который функционирует в государственном дискурсе²: «Скажите, какое самое великое достояние нашего народа, за которое просто в ноги надо ему кланяться? Это победа над фашизмом... На алтарь победы в той войне мы положили миллионы людей. И самым свободолюбивым и честным народом был белорусский народ. Да, у нас были факты предательства. Но это были единичные факты. Наш народ сражался честно и гордо».

Стоит отметить, что при этом актуализируется связь прошлого и настоящего. Победа в войне – достояние народа, которым можно и нужно гордиться в наши дни. Это способствует выработке устойчивой положительной эмоциональной связи с национальной общностью, чей вклад в историю столь героичен. Упрощенность и непротиворечивость этого образа лишь способствуют его более успешному закреплению в массовом сознании. Можно согласиться, что историческая память о Великой Отечественной войне является ключевой для формирования белорусской национальной идентичности, наиболее устойчивым и артикулированным комплексом в представлениях о прошлом жителей Беларуси. При этом акцентирование внимания некоторых авторов на преемственности советского мифа о войне не позволяет увидеть, что в современной Беларуси память о войне наполнена иным содержанием: укреплению национальной идентичности способствует концентрация риторики на роли белорусского народа в победе над фашизмом.

Наиболее разнообразным и насыщенным в представлениях о прошлом жителей Беларуси является топос, формируемый событиями современной истории. В нем можно выделить несколько важных тем, которые вызывают у жителей страны гордость.

Некоторые из них получают выраженную положительную интерпретацию:

- достижение независимости, которое, по мнению жителей Беларуси, уступает по значимости в истории страны лишь победе в войне;
- строительство новых сооружений, среди которых респонденты отмечают возведение Национальной библиотеки и ледовых дворцов. Есть и негативные реакции на масштабные стройки («строение дворцов и спортивных сооружений, когда население живет в бедности», «помпезность в строительстве»), но они менее распространены (всего лишь 4 ответа);
- спортивные достижения, при этом особо выделяют победы хоккейной сборной («победа белорусов над шведами в хоккее», «4-е место на ЧМ по хоккею») и победу Юлии Нестеренко на Олимпийских играх («белорусская бегунья, которая выиграла на Олимпиаде», «победа Нестеренко над американской гегемонией»). Отметим, что в современном мире спортивные

¹ См.: Шаталава В. Цені вайны: паліцэйскія і партызаны ў памяці насельніцтва беларускай вёскі // Homo Historicus. Гадавік антрапалагічнай гісторыі. 2008. С. 384–389.

² Лукашенко А.Г. Исторический выбор Беларуси: Лекция Президента Республики Беларусь в Белорусском государственном университете, Минск, 14 марта 2003 г. Минск, 2003. С. 35–36.

достижения давно стали символом национальной гордости, способствуя сплочению общества и укреплению национальной идентичности¹;

- победы белорусских артистов на международном музыкальном конкурсе «Евровидение», в первую очередь победа К. Ситник на детском конкурсе и успешное выступление Д. Колдуна. Отметим, что в данном случае важно признание белорусской культуры в международном масштабе, что опять же способствует выработке положительной эмоциональной связи с национальной общностью. С другой стороны, неудачные выступления наших артистов вызывают горечь и стыд;
- различные фестивали, среди которых особо выделяется фестиваль «Славянский базар» в Витебске.

Таблица 2

Темы современной истории Беларуси, вызывающие у жителей страны гордость

Темы в исторической памяти жителей Беларуси	Количество категорий	Количество ответов
Достижение независимости	70	200
Строительство новых сооружений	34	76
Спортивные достижения	49	70
Победы на «Евровидении»	20	56
Фестивали	12	52
Экономическое благополучие	50	51
Президентское правление А.Г. Лукашенко	23	34
День независимости	4	32
Культурные достижения	18	19
Праздники	13	18
Научно-технические достижения	10	10

Но некоторые сферы современной белорусской жизни вызывают противоречивые реакции у жителей страны:

- социально-экономическая жизнь современной Беларуси. Жители страны отмечают как рост производства, так и связывают его непосредственно со своим благосостоянием. Стоит отметить, что порою жизненные стандарты белорусов выглядят очень скромно. Но среди ответов достаточно много и негативных оценок экономического развития, и жалоб на высокий уровень цен. Нужно учитывать, что опрос проводился еще до того, как на Беларуси сказались последствия мирового финансового кризиса;
- политическая жизнь, которая вызывает также много противоречивых интерпретаций. Итоги президентских и парламентских выборов у части населения вызывают гордость, другая же часть населения относит эти итоги к событиям, вызывающим горечь и стыд. Часто упоминаются и несогласия с репрессивными и жесткими мерами власти по отношению к оппозиционным силам (разгоны демонстраций, аресты и т.д.).

Определенные же темы практически присутствуют только среди событий, которые вызывают негативные чувства. В первую очередь это внешняя политика. Среди ответов нередко встречаются указания на сложность взаимоотношений как с Западом («непризнание западными странами», «Беларусь считается недемократическим государством», «конфликты с США», «никак не войдем в ЕС», «отсутствие Беларуси в Евросоюзе»), так и с Россией («несбыточность союза России и Беларуси», «неурядицы с Россией по поводу газа», «нефтяные конфликты с Россией»). Также одним из однозначно негативных событий в современной истории для жителей Беларуси стала отмена льгот².

¹ См.: Sport and National Identity in the Post-War World / Ed by A. Smith, D. Porter, L.; N. Y.: Routledge, 2004.

² В Беларуси в 2007 г. была проведена социальная реформа, резко сократившая число категорий граждан страны, которые могли пользоваться льготами; в частности льгот были лишены пенсионеры и студенты.

В списке исторических персоналий присутствовала и фигура А. Лукашенко как наиболее яркой личности в истории Беларуси современного периода. В отличие от других фигур из этого списка присутствие среди перечисленных лиц действующего президента РБ вызывает определенные методологические затруднения. А. Лукашенко является наиболее значимым лицом в актуальной политической жизни, поэтому представляется весьма затруднительным отделить оценку его роли в истории Беларуси от оценки политики, проводимой им на данном этапе. Впрочем, заданная формулировка вопроса и включение в контекст из других исторических деятелей позволяют в какой-то степени рассчитывать на получение оценки роли А. Лукашенко в истории Беларуси. Носит она преимущественно положительный характер (58%). 24% оценивают её как противоречивую, 8% – как негативную. 10% воздержались от оценки. Однако эта оценка достаточно дифференцирована. Наиболее высокую положительную оценку роли А. Лукашенко в истории Беларуси дают жители страны старше 60 лет – 67%; в то же время положительная оценка менее выражена у респондентов в возрасте от 20 до 29 лет – 47%. Таким образом, если комплекс представлений о Великой Отечественной войне в сознании жителей Беларуси однороден и стабилен, характеризуется устойчивым набором метафор и выражений, то современная история порождает богатство интерпретаций. Некоторые темы из актуальной истории (установление независимости, спортивные достижения, строительство новых сооружений, победы на «Евровидении») вызывают наименее спорное восприятие в массовом сознании и могут рассматриваться как способствующие консолидации и сплоченности белорусской нации. В то же время оценки социально-экономического и политического развития Республики Беларусь противоречивы и вряд ли могут служить каким-то объединяющим началом.

Данные исследования Института социологии НАН Беларуси свидетельствуют, что в плане выработки положительного образа прошлого советский период отмечен преобладанием акцентированной и выраженной памяти о победе в Великой Отечественной войне, в тени которой другие события этого периода становятся малозначительными.

Октябрьская революция была упомянута лишь один раз, и это при том, что в Советском Союзе революционный миф составлял одно из важнейших оснований общесоветской идентичности. Хотя и в нынешней Республике Беларусь 7 ноября является государственным праздником, но смысл и происхождение этого праздника уже практически заретуширован¹. Примечательно, что этот процесс идет гораздо интенсивнее, чем в России. Если в 1989 г. Октябрьскую революцию относили к главным событиям века 62% россиян (2-е место после победы в войне), то в 2003 г. – 40% (4-е место)².

Лишь несколько исторических событий из советского прошлого, помимо Великой Отечественной войны, упоминались респондентами как вызывающие чувство гордости.

Таблица 3

Темы советской истории Беларуси, вызывающие у жителей страны гордость

Темы в исторической памяти жителей Беларуси	Количество категорий	Количество ответов
Победа в Великой Отечественной войне	89	567
Восстановление после войны	10	12
Участие в освоении космоса	10	11
Участие в создании ООН	6	6
Жизнь в составе СССР	5	5
Объединение Западной Беларуси с БССР	5	5
Образование БССР	2	4

¹ По данным «Евразийского монитора», приход к власти Ленина и партии большевиков в 1917 г. положительно оценивают 31% респондентов, опрошенных в Беларуси, противоречиво – 26%, отрицательно – 25%, не дали ответ – 17%.

² См.: Дубин Б. Память, война, память о войне // Отечественные записки. 2008. № 4. С. 6–21.

Любопытно, что все эти события связаны непосредственно с местом Беларуси советской истории. Даже при упоминания освоения космоса акцент ставится не на первопроходческом полете Гагарина, а на участии именно белорусов в космических программах («белорусские космонавты», «космонавты Климук и Коваленок», «полеты в космос белорусов»). Общая же категория «жизнь в составе СССР» упоминается лишь 5 раз (при этом некоторые респонденты отсылают именно к периоду, «когда главой был Машеров»¹, что опять же указывает именно на белорусский контекст). Это свидетельствует о том, что история 1917–1991 гг. в массовом сознании белорусов воспринимается скорее не как прошлое советского народа, а именно как прошлое белорусского народа в советском государстве. Вместе с тем распад Советского Союза по-прежнему болезненно воспринимается частью населения Беларуси, особенно представителями старшего поколения, которые дают наиболее резкую отрицательную оценку деятельности М. Горбачева и С. Шушкевича. Среди негативных событий в истории Беларуси фигурируют и «распад СССР», «подписание Беловежского договора», «соглашение в Вискулях» (хотя справедливости ради нужно отметить, что эти же события также упоминаются и в числе тех событий, которые у жителей Беларуси вызывают гордость)².

Оценка роли важнейших исторических деятелей советского периода также является неоднозначной.

Таблица 4.

Оценка роли в истории Беларуси разных политических деятелей советского периода

Деятели	Опрос*	Положительно	Противоречиво	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Ленин	ИС	18	32	25	25
	ЕМ	39	29	23	9
Сталин	ИС	8	27	44	21
	ЕМ	19	18	55	9
Машеров**	ИС	68	7	3	22
Горбачев	ИС	11	34	31	24
	ЕМ	23	29	39	8

* В строках, помеченных ИС, приводятся данные исследования Института социологии НАН Беларуси в июне 2008 г., помеченных же ЕМ — данные «Евразийского монитора» в апреле-мае 2009 г.

** В материалах исследования «Евразийского монитора» присутствует только обобщенная оценка П. Машерова, впрочем, также подтверждающая, что население страны воспринимает его безусловно положительно.

Таблица 5

Оценка роли в истории Беларуси Петра Машерова среди различных возрастных групп жителей Беларуси (в % от числа опрошенных)

Оценка	Возрастные группы						Итого
	до 20	20–29	30–39	40–49	50–59	> 60	
Положительно	38	56	64	80	79	74	68
Противоречиво	18	12	7	4	4	5	7
Отрицательно	8	5	2	2	3	3	3
Не знаю	36	27	27	14	14	18	22

Как мы видим, лишь оценка роли Машерова является безусловно позитивной. Но наиболее положительно его роль оценивают жители Беларуси старше 40 лет, которые и застали период нахождения Машерова во главе белорусского правительства

¹ П. Машеров в годы войны был одним из лидеров партизанского движения, в 1970-е гг. был руководителем белорусской коммунистической партии, пользовался большой самостоятельностью и публичным признанием. При Лукашенко Машеров стал одной из наиболее раскрученных исторических фигур, поскольку отсылал как к положительному опыту советского прошлого, так и к «независимости» проводимой политики.

² По данным «Евразийского монитора», распад Советского Союза положительно оценивают 16% респондентов, противоречиво – 13%, отрицательно – 59%.

Для них положительная оценка этого исторического деятеля достигает 80%, но для младшего поколения (до 20 лет) эта фигура уже не является такой значимой, уровень положительной оценки падает практически в два раза (до 38%), зато более трети представителей этого поколения (36%) не готовы дать оценку роли этого исторического деятеля.

Таким образом, даже позитивное восприятие фигуры П. Машерова не является объединяющим фактором для социальных представлений о прошлом жителей Беларуси, поскольку оно присуще в первую очередь старшим поколениям и приводит к поколенческому разрыву в исторической памяти.

Таблица 6

Темы в советской истории Беларуси, вызывающие у жителей страны горечь и стыд

Темы в исторической памяти жителей Беларуси	Количество категорий	Количество ответов
Чернобыльская катастрофа	17	184
Развал СССР	17	93
Великая Отечественная война	17	50
Сталинские репрессии	19	34
Коллективизация	5	16
Период СССР	10	11
Афганская война	5	9

При этом в советском периоде имеется несколько болевых точек для социальных представлений о прошлом жителей Беларуси.

- авария на Чернобыльской АЭС, это событие лидирует в «черном списке» событий, вызывающих чувства горечи и стыда («авария на ЧАЭС», «взрыв на АЭС Чернобыльском», «горечь: Чернобыль», «за взрыв на ЧАЭС», «малая информация о радиоактивном заражении», «переселение людей из загрязненной зоны», «чернобыльская катастрофа»);
- война в Афганистане; («афганская война», «война в Афганистане», «участие белорусов в войне в Афганистане»);
- сталинские репрессии («репрессии 1917–1953 гг.», «репрессии сталинского времени», «репрессии, убийства», «Курапаты»);
- коллективизация («годы коллективизации», «коллективизация 30-х годов», «коллективизация и ее последствия», «раскулачивание»).

Таким образом, советский период в белорусской исторической памяти воспринимается далеко не однозначно. Как мы уже отмечали, позитивный образ советского прошлого формируется в основном за счет преобладания памяти о победе в Великой Отечественной войне, в то время как другие события советского периода воспринимаются противоречиво. Стоит отметить, что даже то, что Сталин руководил страной во время войны, не спасло деятельность этого исторического лица от ярко выраженной негативной оценки жителями Беларуси.

У старшего поколения жителей Беларуси сохраняются ностальгические воспоминания о правлении Машерова, но для младшего поколения этот период прошлого уже утрачивает значимость. Таким образом, память о советском прошлом (за исключением памяти о победе в Великой Отечественной войне) вряд ли может выступить консолидирующим фактором для укрепления белорусской национальной идентичности, поскольку порождает противоречивые интерпретации и серьезные разногласия в оценках среди жителей Беларуси.

Наиболее слабо представлена в массовом сознании жителей Беларуси *история страны досоветского периода*. Правда, далекое прошлое белорусского народа не вызывает и каких-то негативных реакций. Из этого периода лишь четыре события были упомянуты в качестве тех в истории Беларуси, что вызывают горечь и стыд: Люблинская уния (приведшая к ограничению независимости Великого Княжества Литовского и созданию Речи Посполитой), разделы Речи Посполитой, подавление восстания под руководством Кастуся Калиновского, а также единичное упоминание Ливонской войны. Куда более часты упоминания событий из белорусской истории, которые вызывают гордость:

Таблица 7.

Темы досоветской истории Беларуси, вызывающие у жителей страны гордость

Темы в исторической памяти жителей Беларуси	Количество категорий	Количество ответов*
Деятельность просветителей	27	32
Период ВКЛ	13	23
Грюнвальдская битва 1410 г.	10	17
Восстание под руководством К. Калиновского	5	12
Создание БНР	4	8
Битва под Оршей 1514 г.	4	5

* В таблице приведены данные по темам, где количество ответов превышает 5

Наибольшее количество категорий относится к деятельности просветителей («создание первой книги Ф. Скориной», «издание первой книги в Восточной Европе», «просветители: Е. Полоцкая, К. Туровский» – всего 26 категорий) и периоду ВКЛ («создание ВКЛ», «нахождение в составе ВКЛ», «расцвет культуры во времена ВКЛ» — 13 категорий). Также упоминаются период существования Полоцкого княжества, битва на Немиге, Грюнвальдская битва, битва под Оршей, конституция 1791 г., война 1812 г., восстания Костюшко и Калиновского, выпуск «Нашей нивы», Первая мировая война.

Стоит отметить, что некоторые события, в частности война 1812 г. и Первая мировая война, с исторической точки зрения, вряд ли могут относиться к достижениям белорусской национальной истории. Упоминание этих событий демонстрирует то, что по-прежнему в исторической памяти жителей Беларуси существуют представления о включенности истории нашей страны в более широкий историко-культурный ареал с Россией (истоки этих представлений могут сохраняться как к форме пережитков советского образования, но могут формироваться и благодаря актуальному мощному информационному воздействию на Беларусь российского культурного поля).

Наконец, обратимся к оценке роли тех деятелей, которых можно отнести к категории национальных героев. Наиболее положительно в этом ряду оценивается лидер освободительного восстания 1863–1864 гг. К. Калиновский, что может быть обусловлено тем, что и в советский период руководитель восстания из-за своих радикально-демократических взглядов рассматривался в положительном ключе. Наряду с Ф. Скориной, это одна из ключевых фигур белорусской истории. С другой стороны, К. Калиновский куда менее известен жителям Беларуси, чем первопечатник из Полоцка. Положительно его роль в истории Беларуси оценивают чуть более половины опрошенных (52%), в то время как треть опрошенных (31%) затрудняются дать какую-либо оценку. Тем не менее наиболее положительно его роль оценивает младшее поколение (60%), а среди представителей старшего поколения положительная оценка падает до 47%. Самые позитивные оценки получила деятельность исторических личностей, которые занимались культурно-просветительской деятельностью. Наиболее положительно население Беларуси воспринимает вклад в историю нашей страны таких выдающихся просветителей, как Ф. Скорина (85%) и Е. Полоцкая (84%). При этом их восприятие практически полностью лишено негативных коннотаций, они на самом деле объединяют всех жителей Беларуси, поскольку все социально-демографические группы неизменно позитивны в своей оценке роли этих исторических персон. Полоцкий князь Всеслав Чародей и литовский князь Витовт составляют пару исторических деятелей, чья роль в истории Беларуси оценивается населением страны практически одинаково. С увеличением возраста уменьшается положительная оценка их роли в истории страны (в случае Витовта – с 54 до 24%, в случае Всеслава Чародея – с 49 до 28%) и увеличивается и доля затруднившихся оценить их труды (в случае Витовта – от 27 до 59%, в случае Всеслава Чародея – от 30 до 61%). Следует учесть, что эти исторические персонажи фактически отсутствовали в советских учебниках по истории БССР, они появились там лишь в конце 1980-х гг., когда

уже начала вздыматься волна национального возрождения, поэтому подобные тенденции вполне объяснимы.

При этом нам кажется важным, что фигуры национальной истории не вызывают какого-либо отторжения или неприятия у старшего поколения. Несмотря на слабую актуализированность представлений о прошлом Беларуси досоветского периода, именно этот исторический период имеет наибольший потенциал для укрепления национальной идентичности. Отдаленность в прошлом для репрезентации исторических событий имеет неоспоримые преимущества: здесь снимается возможное противоречие между культурной и коммуникативной памятью (или, другими словами, между официальной и не-официальной памятью), что дает большую свободу для создания позитивного образа событий прошлого.

Слабое знание жителями Беларуси истории своей страны до начала XX в. можно трактовать как «чистую доску», которая вполне может быть заполнена сконструированной памятью, и в этом преимущество старины перед современной историей, которая неизбежно будет вызывать противоречивые интерпретации. Этот потенциал начинает использоваться как в сфере образования, так и в СМИ (например, исторические публикации в газете «Беларусь сегодня», циклы исторических передач на государственных каналах телевидения), но возможности исторической памяти в данном случае, как свидетельствуют данные опроса, пока не используются полностью. В этой связи стоит еще раз отметить, что среди всех исторических деятелей, оказавших влияние на ход истории Беларуси, именно просветители эпохи Средневековья Франциск Скорина и Евфросинья Полоцкая получили однозначно положительную оценку. Следовательно, упор на деятельности известных просветителей может служить объединяющим фактором, способствующим согласованности исторической памяти белорусов.

Таким образом, анализ степени конфликтности/согласованности основных топосов в исторической памяти жителей Беларуси позволяет прийти к следующим выводам. Зафиксирована определенная дифференциация в социальных представлениях о прошлом населения Беларуси, которая основывается преимущественно на смене поколений. Впрочем, такие различия закономерно вытекают из вышеописанной смены образовательных парадигм. Старшие поколения гораздо более позитивно воспринимают советский период белорусской истории, тогда как досоветское прошлое для них (за исключением деятельности просветителей) практически неизвестно, хотя и не вызывает каких-либо негативных реакций. Младшее же поколение весьма осведомлено о различных событиях и персоналиях белорусской истории. Хотя этот разрыв, по нашему мнению, не является столь уж существенным, о «конфликте поколений» говорить сложно, поскольку есть объединяющие темы, которые воспринимаются разными поколениями одинаково. Важнейшим историческим мифом, конституирующим современную белорусскую национальную идентичность, является память о победе в Великой Отечественной войне, непротиворечивость и упрощенность этой памяти лишь способствует согласованности представлений о прошлом. Наиболее насыщен и разнообразен в белорусской исторической памяти топос современной истории, но за это приходится платить противоречивостью оценок и интерпретаций. Определенные темы современной истории (установление независимости, спортивные достижения, строительство сооружений, предназначенных служить в сферах культуры и спорта, победы на музыкальном конкурсе «Евровидение») могут расцениваться как способствующие консолидации массового сознания, но интерпретация социально-экономического и политического развития Республики Беларусь не является однородной.

Память о советском периоде в истории Беларуси отмечена преобладанием памяти о войне, оттесняющей из памяти народа другие события. Вместе с тем негативная (либо противоречивая) оценка жителями Беларуси политических руководителей этого периода, за исключением Петра Машерова, свидетельствует о том, что советская история не может выступать в качестве объединяющего фактора для целостной исторической памяти.

Наибольшим потенциалом для укрепления белорусской национальной идентичности обладает топос социальных представлений об истории Беларуси до начала XX в, он обладает

двумя важнейшими характеристиками: (1) незаполненность (что позволяет без особых проблем привнести в него нужное содержание) и (2) позитивно-нейтральное восприятие в массовом сознании. Консолидирующая роль оценки просветителей Франциска Скорины и Евфросиньи Полоцкой указывает на то, что досоветская белорусская история вполне эффективно может использоваться для формирования общности представлений о прошлом и настоящем белорусской нации.

В.К. Левашов, д.соц.н. (ИСПИ РАН, Москва).

Патриотизм и становление гражданского общества

В конце XX – начале XXI вв. в России в очередной раз на фоне острого социально-экономического и политического кризисов разразился духовный, в частности, кризис патриотических чувств, сознания и поведения. Отказ от службы в армии, дезертирство, массовое распространение отношений «дедовщины» в армии, проявление в молодежной среде фашистской и националистической идеологии – наиболее очевидные стороны этого процесса, которые вышли наружу. Положение с «дефицитом» патриотизма у граждан и молодежи стало настолько серьезным, что 18 июля 2005 г. Правительство РФ вновь приняло Государственную программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006 – 2010 годы». В 2005 г. завершился первый этап действия этой программы, однако вряд ли можно признать, что она сумела мобилизовать и реализовать резервы патриотизма в обществе. Более того, складывается впечатление, что различные социальные группы и слои общества, политики и государственные деятели по-разному трактуют, понимают и используют это явление. На чувствах патриотизма зачастую осуществляются политические спекуляции и разжигается социальная вражда. В этой связи полезно с позиции социологии взглянуть на проблему и попробовать отыскать методы и инструменты ее решения с учетом традиций социальной и политической жизни российского общества и государства и новых условий.

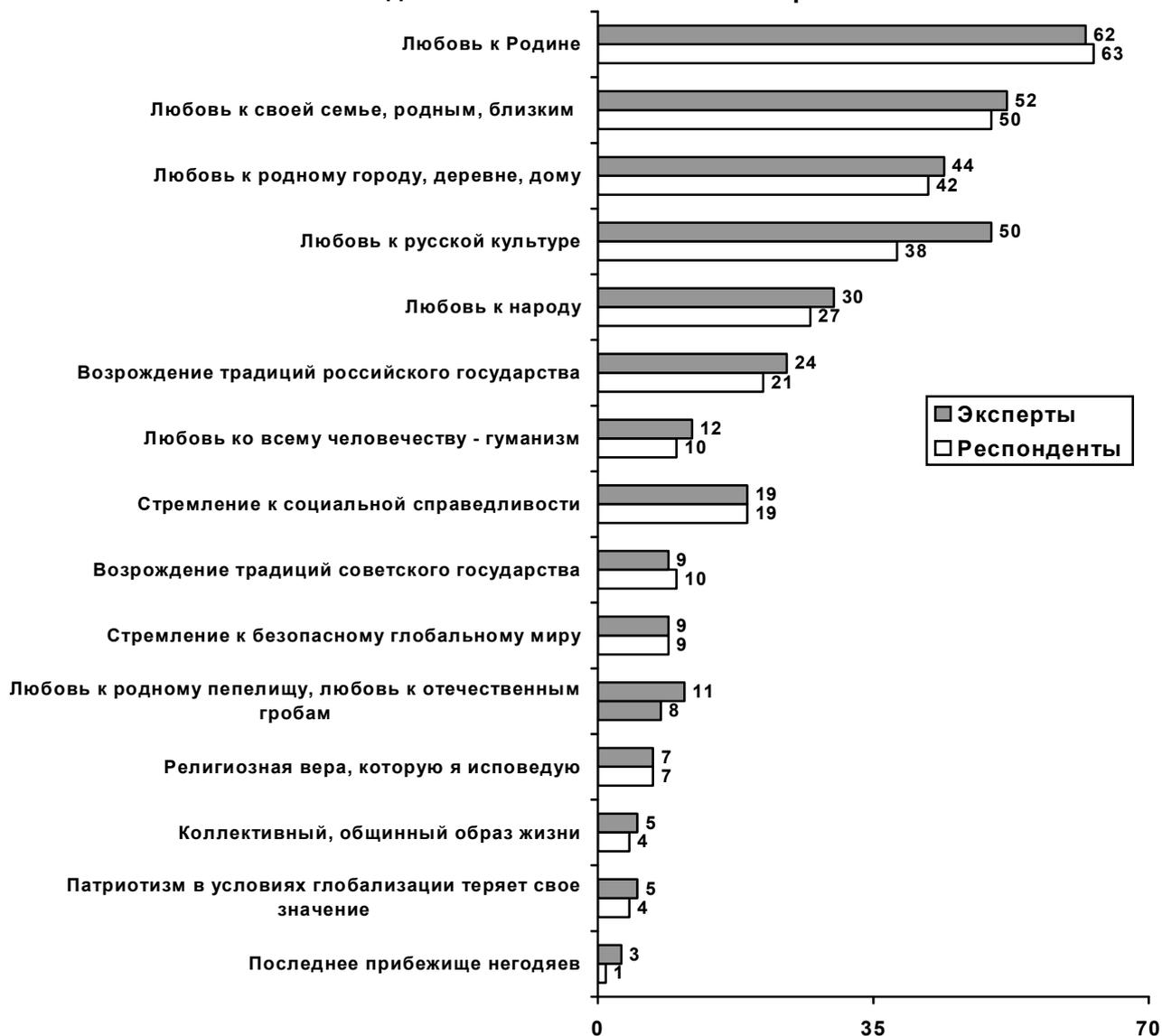
В общепринятом смысле патриотизм понимается как общественный и нравственный принцип, характеризующий отношение граждан к своей стране. В жизни это отношение проявляется в сложном комплексе чувств, знаний, ценностных ориентаций, установок, действий, обычно артикулируемым как любовь к Родине. Словарь В. Даля определяет патриота как «любителя отечества, ревнителя о благе его...»¹. Ключевое, удачно найденное В.И. Далем слово в этом определении, – ревнитель, то есть усердный защитник, поборник интересов Родины. Если мы попытаемся провести простейшую социологическую операционализацию, то увидим, что под любовью к Родине следует понимать: заботу об интересах и исторической судьбе своей страны; гордость ее достижениями и критика недостатков; сочувствие к страданиям и социальным нуждам народа; уважение к историческому прошлому и традициям своей родины; привязанность к месту рождения, жительства – «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»; готовность к самопожертвованию, борьбе с врагами отечества, защита интересов Родины.

Обратимся к понятиям и определениям патриотизма, которые циркулируют в каналах массовой информации, транслируются политическими и общественными организациями, зафиксированы в учебной, научной, справочной литературе и электронных источниках. Эти понятия отражаются в сознании обычных граждан и экспертов следующим образом² (см.: Рис.1).

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т.3. С.24.

² Здесь и далее приводятся результаты Всероссийского социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» (научный руководитель В.К. Левашов). В исследовании использована квотно-пропорциональная выборка. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312-1851 респондент. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России. В июле 2004 г. опрошено 1627 респондентов, 438 экспертов. (В состав экспертной группы вошли ученые, преподаватели вузов, активисты политических партий и движений, предприниматели, работающие в сфере международного бизнеса.) Опрос респондентов и экспертов проводился с помощью одного и того же инструментария.

Рис. 1. Что для Вас означает слово "патриотизм"?

Первые два ответа у рядовых граждан и экспертов совпали. Как и следовало ожидать, самым востребованным оказался вариант ответа «Патриотизм – это любовь к Родине» – наиболее распространенное смысловое клише в массовом сознании и пропаганде. Любовь к своей семье, родным, близким – на втором месте. Далее предпочтения у экспертов и респондентов несколько разнятся по рангам: «любовь к русской культуре» – 3-е место у экспертов (50%) и 4-е у рядовых респондентов (38%); «любовь к родному городу, деревне, дому» – 4-е место у экспертов (44%) и 3-е у респондентов (42%). Последующие распределения в рангах либо совпадают, либо в них наблюдаются несущественные различия. Сложившееся распределение ответов имеет свою логику. Для большинства респондентов слово «патриотизм» в первую очередь совпадает с «малой Родиной» – ближним социальным окружением: семьей, близкими, родным городом, деревней, домом. Эти ценности и составляют ядро патриотизма в современном российском обществе. Национально-государственные, социально-политические ценности отступили на дальний план, занимают 5–9 места. Произошло это в силу обвального падения доверия граждан к государству, его политике. На наших глазах в кратчайшие сроки, за несколько лет радикальных реформ протекал процесс «разгосударствления» политического сознания, патриотизма российского населения. Сегодня общество и его эксперты имеют сложившуюся, вполне определенную точку зрения о том, чьи интересы выражает и защищает российское государство:

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?» (% от числа опрошенных)

Время опросов	Гос. бюрократии	Богатых	Всех граждан России	Средних слоев	Бедных слоев	Затруднились ответить
2000, декабрь	44	46	9	8	1	9
2001, декабрь	38	40	9	6	0	21
2002, декабрь	54	61	6	7	1	10
2003, октябрь	54	53	9	8	1	13
2004, июнь:						
Респонденты	52	50	9	8	1	15
Эксперты	74	50	8	10	1	8
2005, сентябрь	52	54	8	8	1	15
2006, январь	51	50	10	8	0	12

Рядовые российские граждане считают, что современное российское государство почти в равной степени отражает интересы государственной бюрократии (52%) и богатых слоев общества (50%). Практически так же, с тем лишь различием, что на первом месте у современного российского государства все же стоят интересы бюрократии (74%) и лишь на втором – богатых граждан (50%) выразили свое мнение эксперты. 9% респондентов и 10% экспертов считают, что политическая практика современного российского государства отвечает идеалу социального государства. Итак, по мнению подавляющего числа респондентов, мы живем в государстве, которое не отражает интересы большинства граждан и общества в целом.

Богатство и распоряжение им, управление материальными ресурсами страны – в чьих интересах протекают в обществе фундаментальные социально-политические процессы в этой области? Какой характер они принимают? *Приведенные выше данные показывают – к сожалению, антагонистический.* И эта особенность не может не сказываться на всем комплексе нравственных отношений в социуме. Патриотизм как сложный феномен социально-классовых отношений в антагонистическом обществе имеет диалектическую, противоречивую природу. Он характеризует отношение людей к стране, государству, его лидерам, власти, обществу в целом, в то время как оно разделено на антагонистические и неантагонистические классы. Одна часть может быть солидарной или отчуждаться от другой части. Конкретный пример таких отношений можно найти в российском обществе, большая часть которого явно не одобряет деятельности «героев нашего времени», преуспевших на ниве приватизации.

Интересно, что однажды в истории России обострение конфликта интересов в праве владеть и распоряжаться собственностью и тем самым добывать себе средства существования позволили Л.Н.Толстому охарактеризовать патриотизм в России как ничтожное чувство. Приведем в силу необходимости обширную цитату из известной, написанной в 1894 г. статьи «Христианство и патриотизм», где великий русский писатель со свойственной ему ясностью социального видения реальности показывает сущность и пределы русского патриотизма на рубеже XIX и XX веков: «Я прожил полвека среди русского народа и в большой массе настоящего русского народа в продолжение всего этого времени ни разу не видал и не слышал проявления или выражения этого чувства патриотизма, если не считать тех заученных на солдатской службе или повторяемых из книг патриотических фраз самыми легкомысленными и испорченными людьми народа. Я никогда не слыхал от народа выражений чувств патриотизма, но, напротив, беспрестанно от самых серьезных, почтенных людей народа слышал выражения совершенного равнодушия и даже презрения ко всякого рода проявлениям патриотизма. То же самое я наблюдал и в рабочем народе других государств, и то же подтверждали мне не раз образованные французы, немцы и англичане о своем рабочем народе». Л.Н. Толстой дал столь резкую характеристику русского патриотизма через призму системы

отношений капиталистического мирохозяйствования. По его мнению, происходит то, что, несмотря на все усиленные средства, употребляемые правительствами для привития народам не свойственного им патриотизма и подавления в народах развивающихся в них идей социализма, – социализм все более и более проникает в народные массы, а патриотизм, так старательно прививаемый правительствами, не только не усваивается народом, но все более и более исчезает и держится только в высших классах, которым он выгоден»¹.

Традиционный национально-религиозный патриотизм, во многом сформировавшийся в социально-политических условиях становления национально-государственного мироустройства Вестфальской системы, трансформировался и уступал место светскому патриотизму эпохи империалистических отношений. *Патриотизм, еще питаемый идеологиями межнациональной и религиозной розни*, уступал место современному светскому патриотизму в многообразии социальных форм своего проявления, который уже не скрывал экономической природы в своей экспансии, в том числе в форме захвата чужих территорий. Светский патриотизм во многом стал результатом внутреннего диалектического противоречия Вестфальской системы между принципами защиты государственного суверенитета и стремления наций к самоопределению. I мировая война нанесла сокрушительный удар по принципам национально-государственного устройства Вестфальской системы и идеологии национально-религиозной интерпретации патриотизма. Во II мировой войне уже в полной мере проявился светский патриотизм, выстроенный на принципах непримиримой вооруженной борьбы многих народов, наций и государств за гуманистические ценности, против идеологии фашизма. В последней трети XX в. научно-технический прогресс резко интенсифицировал процессы в социальной, экономической, политической и информационной сферах жизни общества. Современный патриотизм проявляется и функционирует в условиях расширяющейся и углубляющейся коммуникационной взаимосвязанности человеческого общества; ресурсной и технологической взаимозависимости мирового хозяйства; диффузии материальных и духовных культур, проявляющейся в многообразии форм интеграции, дифференциации, конвергенции; разгосударствления – социализации системы международных отношений. Объективный процесс транснационализации поставил в повестку дня всех стран вопрос о патриотизме внешней политики правительств национальных государств. В условиях глобализации резко возросло значение патриотической ценности их политики. Имеет ли эта политика широкую социальную базу, или она проводится в узкокорпоративных интересах политического и экономического топ-менеджмента страны и действующих на ее территории ТНК? Почти полтора десятилетия тому назад ответ на вопрос *о соотношении ценностей патриотизма и мировой цивилизации* уже давала русская философская общественная мысль. Н.А. Добролюбов писал, что «патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только может быть ему полезен. Ограничение своей деятельности в пределах своей страны является у него вследствие сознания, что именно здесь настоящее место, на котором он может быть наиболее полезен... Настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, не уживается с неприязнью к отдельным народностям»². Мнение Н.А. Добролюбова ценно еще и потому, что оно, на наш взгляд, адекватно отражает идеал русского национального самосознания, которое впитало в себя ценности тысячелетнего исторического опыта социокультурной коммуникации с другими народами, политическую культуру самого большого в мире государства эпохи модерна и постмодерна. Русское национальное сознание на протяжении многих веков формировалось в условиях сменяющих друг друга военных побед и поражений. Многократное чередование социальных и экономических подъемов и спадов в развитии, периодическое прохождение общества и государства через кризисы и катастрофы, социополитические «оттепели» и «зимы» сформировало и составило сущностное своеобразие великой русской культуры, привело к закалке русского духа: памяти, ценностных ориентаций, веры, воли и знаний к достижению цели. Время и ин-

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 39. С.53-54.

² Добролюбов Н.А. Избр. филос. произв. М., 1948. Т. 2. С. 567.

тенсивный исторический опыт выковали русский национальный характер и его стратегию жизни: довольствоваться малым и собирать ресурсы для великого во имя правды и социальной справедливости. Эта жизненная патриотическая стратегия продолжает работать и сегодня в обстановке «радостей» и «ужасов» современного русского российского капитализма, в условиях углубляющихся процессов глобализации.

Весь XX в. на нашей планете протекал под знаком противостояния двух социально-политических систем – капиталистической и социалистической. В процессе взаимодействия две общественные системы претерпевали существенные изменения, принимали отдельные качества друг друга. Это происходило и в силу того обстоятельства, что общественно-экономическая формация капитализма, утвердившаяся в основном в странах Западной Европы, Северной Америки и Японии, породила внутри себя и в остальном мире глобальные социальные противоречия, а формация социализма, возникшая как реакция на эти противоречия в странах экономически слабо развитых, достаточно часто являла собой результаты субъективной политики и носила черты социального эксперимента. В этих условиях происходил и происходит своеобразный обмен культурами и ценностями между общественными формациями. Этот процесс не закончился и продолжается в наши дни. Многие исследователи отмечали и считают, что он носит конвергентный характер. Уникальность современной исследовательской ситуации в России заключается в том, что большая часть общества успела пожить и при социализме, и при капитализме и имеет сейчас уходящую возможность сравнить эти два способа общественного устройства и жизни. Сегодня граждане еще могут выступить в роли экспертов-практиков и научных экспертов, вооруженных специальными теоретическими знаниями. Динамика мнений граждан России о том, что для них означают два известных понятия «социализм» и «капитализм», выглядит следующим образом:

Таблица 2

Что означают для Вас понятия «капитализм» и «социализм»? (% от числа опрошенных)

Признаки	Социализм - это		Капитализм - это	
	Респонденты	Эксперты	Респонденты	Эксперты
Коллективизм	53	64	2	2
Порядок	41	31	13	12
Патриотизм	38	41	2	2
Справедливость	34	27	4	2
Нравственность	21	23	1	1
Права человека	20	9	17	24
Подавление личности	20	31	23	17
Власть узкой группы людей	19	26	42	42
Бедность	18	19	31	22
Народовластие	18	25	2	1
Духовность	17	17	3	2
Технический прогресс	15	13	29	41
Свобода	14	7	29	32
Экономическая отсталость	14	21	7	1
Высокий уровень жизни	13	6	24	31
Социальная незащищенность	12	14	37	34
Гуманизм	9	7	3	2
Преступность	3	4	39	33
Частная собственность	1	1	67	83

Проводя интерпретацию понятия «социализм» на основании наиболее часто употребляемых в массовой информации определений, нетрудно заметить, что граждане и эксперты бы-

ли единодушны в том, что для них социализм в первую очередь означает коллективизм (соответственно 53% и 64%). На второе место граждане поставили порядок (41%), а эксперты патриотизм (41%). Именно в такой пропорции общество ощущает дефицит двух фундаментальных ценностей сегодняшней жизни. Общество и государство основаны на порядке, – и его дефицит ощущают (41%) граждане во всех частях страны. Специализированное сознание экспертов выделяет дефицит патриотизма как социально-политическое инструментальное средство, с помощью которого можно исправить ситуацию в стране. У граждан на третьем месте патриотизм (38%), у экспертов – порядок (31%) и тут же подавление личности (31%). Такая иерархия социальных приоритетов вполне понятна. Можно предположить, что творческая структура личности экспертов чувствительнее ощущает проявления догматизма, косности и слепого диктата. Альтернатива «подавление личности» у граждан оказалась на 6-7 месте. Вперед поставлены такие социально-позитивные качества, как справедливость (4-й ранг – 34%) и нравственность (5-й – 21%).

Эксперты на пятое место ставят позитивное свойство «справедливость» (27%), а на шестом вновь появляется негативная характеристика социализма – «власть узкой группы людей» (26%). В целом у граждан первая пятерка когнитивных определений социализма состоит только из позитивных качеств, у экспертов – из четырех позитивных и одного негативного – «подавление личности». Далее, на наш взгляд, приоритеты распределились в силу социальной чувствительности респондентов, определяемой местом в социальной структуре общества и родом профессиональной деятельности. В целом, как видно из полученных данных, граждане склонны наделять свою прошлую жизнь при социализме более позитивными качествами, чем эксперты.

Первая пятерка понятий о капитализме у граждан состоит только из нейтральных (частная собственность) и негативных определений и выглядит следующим образом: «частная собственность» (67%), «власть узкой группы людей» (42%), «преступность» (39%), «социальная незащищенность» (37%), «бедность» (31%). У экспертов в такой же порядок определений вклинивается на третье место «технический прогресс». Такой выбор экспертов представляется логичным, отражая их профессиональный ракурс видения проблемы.

Структура ответов граждан на вопрос о том, в каком обществе они хотели бы жить, на протяжении последних пяти лет остается приблизительно одинаковой. В 2004 и 2006 гг. приблизительно одна треть респондентов хотели бы жить в социалистическом обществе, одна пятая (19-22%) – в капиталистическом, около 10% в каком-то другом и 36-39% затруднились ответить на этот вопрос. Последние значения индикатора свидетельствует о том, что сама по себе дихотомия «капитализм – социализм» становится не столь очевидной для современного массового политического сознания. Что касается экспертов, то их мнение несколько отлично. На 10% меньше число экспертов, которые хотели бы жить в социалистическом обществе. На столько же больше их хотели бы жить в другом. В каком? Ответ на этот вопрос отчасти дает следующий индикатор.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос: «В каком обществе Вы хотели бы жить?»
(% от числа опрошенных)**

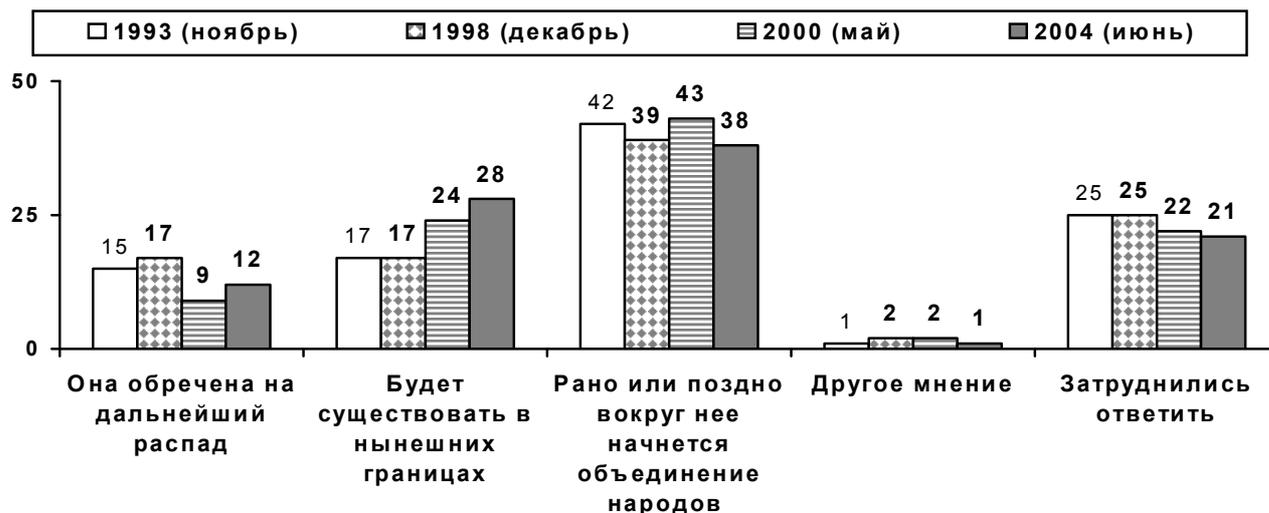
Время опросов	Социалистическом	Капиталистическом	В каком-то другом	Затруднились ответить
1998, декабрь	38	22	10	30
2000, май	31	21	12	36
2000, декабрь	31	21	18	31
2002, декабрь	29	19	14	38
2003, октябрь	31	23	11	35
2004, июнь:				
Респонденты	34	22	8	36
Эксперты	23	20	19	38
2006, январь	32	19	10	39

Какой путь экономического развития наиболее приемлем для России?
(% от числа опрошенных)

Пути развития	1992, август	1996, май	2004, июль	
			Респонденты	Эксперты
Свободная рыночная экономика (как в США, Великобритании, ФРГ, Франции)	11	7	9	12
Социально-ориентированная экономика (как в Швеции)	8	11	14	28
Экономика с преобладанием государственных форм собственности (по образцу Китая)	5	8	9	13
У России должен быть свой особый путь развития, основанный на традиционных представлениях россиян об отношениях людей и земной справедливости	52	53	44	38
Другое мнение	2	1	1	1
Затруднились ответить	22	20	23	8

Граждане (44%) и эксперты (38%) в своем большинстве считают, что у России должен быть свой особый путь развития. На втором месте у тех и других выбор в пользу социально-ориентированной экономики наподобие шведской. На третьем у экспертов путь развития по образцу Китая, у граждан – свободная рыночная экономика, как в США, Великобритании, ФРГ. Какое будущее ожидает Россию? Представления респондентов и экспертов говорят не только о социальной эффективности реформ, но и настроениях пессимизма или оптимизма в обществе (см.: Рис.2). Полученные данные показывают, что на протяжении последних двенадцати лет количество пессимистов незначительно уменьшилось, количество реалистов («Россия будет существовать в нынешних границах») увеличилось приблизительно вдвое, а количество оптимистов, считающих, что вокруг России начнется процесс объединения народов, имеют признаки к снижению. Среди экспертов в 2004 г. заметно больше «реалистов» (34%), считающих, что Россия сохранится в нынешних границах.

Рис.2. Какое будущее ожидает Россию?

Измерение общественных настроений на ближайшую перспективу показало, что оптимистов обществе явно недостаточно. Отметим, что эксперты в ближнесрочном прогнозе оптимистичнее, чем рядовые респонденты. Но в целом необходимо констатировать, что сумма мнений затруднившихся ответить и пессимистов указывает на то, что общество испытывает явный дефицит уверенности в будущем. На каких направлениях политики следовало бы искать резервы уверенности общества? (см.: Таблицы 5, 6).

Таблица 5

Каким жизненно важным проблемам развития нашей страны сегодня уделяется мало внимания со стороны государства (% от числа опрошенных)

Направления	Население	Эксперты
Проблемы социальной жизни	13,5	12,3
Уровень и качество жизни	11,4	4,9
Развитие экономики	10,7	12,2
Проблемы образования, воспитания, духовной жизни	10,3	11,1
Проблемы здравоохранения	9,8	7,1
Оплата труда	5,3	1,9
Политическое управление	5,2	8,3
Безработица	4,8	1,6
Борьба с бедностью, нищетой	4,2	4
Социальные гарантии	4,1	4,7
Борьба с преступностью	3,2	2,1
Борьба с коррупцией	2,7	3,6
Экологические проблемы	2,7	4,5
Борьба с наркоманией	1,9	1,2
Проблемы безопасности жизни	1,8	4,7
Проблемы науки	1,8	5
Соблюдение прав человека	1,7	3,8
Мировые социальные стандарты	1	0
Культура	1	2,8
Патриотизм	0,8	0,9
Международные отношения	0,6	0,5
Борьба с терроризмом	0,5	0,3
Борьба с алкоголизмом	0,3	0,5
Борьба за мир	0,3	0,5
Информационные технологии	0,2	0,5
Торговля	0,2	0,2
Проблемы мировой экономики	0,2	0,2
Охрана труда	0,1	0,3
Миграция	0	0,2

Граждане и эксперты активно отвечали на открытые вопросы об актуальных направлениях и проблемах развития нашей страны, политики государства, актуальных сторонах глобализации в будущем. Анализ и группировка ответов на открытый вопрос о жизненно важных проблемах развития нашей страны, которым сегодня уделяется недостаточное внимание со стороны государства, показывает, что дефицит внимания, воли и результативности государственной политики ощущается по самому широкому кругу вопросов.

Особого внимания требуют проблемы развития экономики и тесно связанного с ней уровня и качества жизни населения, сельского хозяйства, малого и среднего бизнеса, армии, социальной сферы жизни, здравоохранения, образования, воспитания. Экспертов и респондентов особо тревожит положение дел с ценами на продукты и товары первой необходимости, тарифы ЖКХ, размеры пенсий, проблемы молодого поколения, его трудоустройство, беспризорничество. Сегодня круг актуальных вопросов политики пока еще по-прежнему задается доминантой стратегии выживания. В будущем, по мнению респондентов и экспертов, в первую очередь актуализируются такие стороны процессов глобализации, как охрана окружающей среды, борьба с бедностью, нищетой, терроризмом.

Таблица 6

Какие проблемы актуальны для российского общества и Вас лично в ближайшие годы (% от числа опрошенных)

Направления	Население	Эксперты
Борьба с бедностью, нищетой	11,3	5,1
Развитие экономики	9,6	13,9
Экологические проблемы	9,2	10
Уровень и качество жизни	8,3	5,8
Соблюдение прав человека	4,9	2,8
Оплата труда	4,9	2,1
Борьба за мир	4,9	3
Проблемы здравоохранения	4,7	3,2
Проблемы образования, воспитания, духовной жизни	4,4	5,8
Мировые социальные стандарты	3,7	5,3
Борьба с терроризмом	3,7	3
Международные отношения	3,6	5,6
Политическое управление	3,3	3,8
Проблемы социальной жизни	3,3	4,3
Социальные гарантии	3,2	0,9
Проблемы мировой экономики	2,6	9,4
Безработица	2,1	0,2
Проблемы безопасности жизни	1,8	2,4
Торговля	1,5	3,8
Культура	1,5	1,9
Охрана труда	1,3	0,4
Информационные технологии	1	2,6
Борьба с преступностью	1	0,4
Миграция	0,8	0,9
Борьба с коррупцией	0,8	0,4
Патриотизм	0,8	1,1
Борьба с наркоманией	0,5	0,6
Борьба с алкоголизмом	0,1	0
Проблемы науки	0,1	1,1

Интегрально мнение респондентов по проблемам развития в будущем можно было бы интерпретировать следующим образом. Возникновение глобальных проблем человечества требует проведения скоординированной в границах мирового сообщества политики государств. Стратегической целью этой политики на всей планете становится устойчивая коэволюция человека, общества и природы. Направления политики концентрируются и гармонизируются в единстве антропо-, социо- и экосферной составляющих.

Проблемы развития гражданского общества широко обсуждаются российским политическим классом и научным сообществом. Что следует понимать под гражданским обществом? Сущностным признаком социального феномена «гражданское общество» является значимая социальная общность граждан, образовавшаяся на принципах самоорганизации для реализации с помощью государства своих жизненных интересов и защиты гражданских прав, то есть прав, связанных с владением и распоряжением имуществом. Гражданское общество должно состоять из граждан, т.е. владеющих имуществом свободных членов общества, которые осознают, заявляют, декларируют и с помощью инструментов гражданского права и государства могут реализовать свои интересы. Если им не удастся это сделать, то они являются частичными гражданами. А, следовательно, совокупность таких граждан не может называться

ся состоявшимся гражданским обществом. В таком случае оно является незрелым, социально и политически неэффективным, т.е., имеет развивающийся характер.

Гражданское общество не может остановиться в своем развитии. Дело в том, что далеко не во всяком обществе все его члены являются гражданами, даже если они постоянно или большую часть жизни живут в той или иной стране. В силу разных причин и обстоятельств они могут не быть гражданами или частично обладать гражданскими правами и обязанностями. Вся история гражданского общества есть цивилизационный процесс изменения пропорции «граждан/неграждан» в каждой стране и на планете в целом. Продуктивной является постановка вопроса не о том, состоялось или не состоялось гражданское общество, а на какой стадии своего развития оно находится.

Гражданское общество находится в теснейшей причинно-следственной связи с инструментом своей власти – государством. Одной из древнейших форм социополитических отношений между обществом и государством является демократия. На протяжении большей части своего исторического развития гражданское общество состояло из меньшей части всего общества. Даже во многих т.н. развитых странах еще в XIX-XX вв. большая часть общества – женщины не являлись «полноценными» гражданами, были частично или полностью исключены из политического процесса, не обладали избирательным правом, не могли по своей воле распоряжаться имуществом.

В недавнем прошлом государство в своей политике, как правило, выражало интересы меньшей части общества. Но именно эта социально-политическая практика стала неприемлемой в условиях индустриального общества, требующего больших степеней свободы, и положила начало процессу формирования современной гражданской демократии. Государство все в большей степени, все для большего числа граждан начинает выполнять функцию реализации их интересов. Государство, которое выражает интересы господствующей группы граждан, является классовым, т.е., как правило, отражающим интересы меньшинства. Государство, которое стремится отражать и реализует права большинства членов общества – граждан, перестает в своем принципиальном признаке оставаться классовым. Существование гражданского государства предполагает, что классовое господство меньшинства превращается в социальное, всенародное, гражданское по своему социальному и политическому характеру государство большинства.

Статья 7 Конституции РФ гласит, что Россия является социальным государством, политика которого «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». А в какой мере наше государство является социальным, т.е. гражданским по своей сути и проводит политику в интересах большинства граждан?

Согласно результатам социологических исследований, а также мониторинга «Как живешь Россия»? ИСПИ РАН достаточно значимая часть граждан РФ сомневается в гражданской направленности проводимых реформ: считают, что они проводятся в интересах бюрократии или в интересах крупного финансового, торгового и промышленного бизнеса.

Таблица 7

Отвечают или нет проводимые экономические преобразования интересам большинства населения (% от числа опрошенных)

	1992, август	2004, декабрь	2005, сентябрь	2006, январь
Да, отвечают	11	10	11	12
Нет	66	63	66	64
Затруднились ответить	22	27	24	24

За годы проведения либеральных реформ около 65% респондентов так и не изменили своего мнения об их социальном характере. Они считают, что проводимые экономические преобразования не отвечают интересам большинства населения. Сегодня российское общество не является в полной мере гражданским. Только 12% опрошенных граждан дает утвердительный ответ. Вот они и составляют реальный потенциал гражданского общества, существующего сегодня в России, по признаку совпадения интересов граждан и социальной на-

правленности проводимой экономической политики. Еще определеннее ответы на вопрос: «Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?» (см.: Таблица1). Только около 10% респондентов – граждан РФ считают, что российское государство защищает их интересы. Практически в своем количественном выражении значения двух последних приведенных индикаторов совпадают.

Еще один важнейший признак гражданского общества – собственность. Ею граждане владеют и свободно распоряжаются. Именно в этих целях государство проводило либеральные реформы приватизации собственности. А что думают о её результатах граждане?

Таблица 8

Кто в первую очередь выиграл в результате приватизации государственной собственности? (% от числа опрошенных)

Пути развития	199 2 VIII	199 5 I	199 7 VIII	199 9 XI	200 0 XII	200 2 XII	200 3 X	200 6 I
Теневые дельцы	35	53	53	68	40	51	48	41
Работники управления, чиновники	16	15	36	42	39	42	41	37
Предприниматели	-	14	22	32	19	19	21	20
Демократы, новая номенклатура	18	19	14	9	17	12	13	19
Партократы, старая номенклатура	15	10	22	32	17	19	18	18
Мафия вне России	14	11	20	33	16	16	16	12
Представители иностранного капитала	7	5	22	37	19	18	12	12
Работники торговли	12	2	10	20	10	10	5	6
Я и моя семья	-	1	2	4	4	3	4	4
Представители других стран СНГ	1	1	5	5	1	1	1	2
Интеллигенция, служащие	1	0	1	2	1	1	1	1
Трудовые коллективы	3	1	2	4	2	2	1	1
Рабочие, крестьяне	1	0	1	0,5	0	1	0	1
Кооператоры	8	-	-	-	-	-	-	-

«-» - альтернатива не входила в шкалу индикатора.

Всего 5% граждан считают, что от проведенной приватизации выиграло все общество.

Обратимся еще к одной стороне жизнедеятельности гражданского общества – классовой самоидентификации. Социальную основу гражданского общества составляет т.н. средний класс. От того, каким образом граждане понимают и оценивают свое место, роль, статус, материальное положение в структуре социальных отношений, и тем самым формируют стратегию развития социальных отношений, во многом зависит характер траектории гражданского развития страны в будущем. Какое место отводят себе российские граждане в структуре социальных и политических отношений общества? Российские граждане в среднем по совокупности всех признаков достаточно скромны в определении своего места в обществе. В этом смысле можно говорить о заниженном уровне их социальных претензий. Респонденты оценивают свое место в обществе по полученному образованию. На этом же уровне они оценивают свой социальный статус по квалификации, выполняемой работе и профессии. Налицо противоречие между уровнем социальных претензий, ожиданий, исходя из достаточно высокой самооценки по образованию, квалификации, выполняемой работе, профессии и степенью удовлетворенности качеством жизни, уровнем зарплаты и участием в политической жизни.

Как видно из представленных ниже данных, в картине социальной и политической самоидентификации респондентов можно выделить, по крайней мере, две доминирующие особенности. Российские граждане в среднем по совокупности всех признаков достаточно скромны в определении своего места в обществе. Свое место на шкале жизненных успехов они определили где-то на середине 10-балльного континуума.

Социальная самоидентификация респондентов (РФ, баллы)

Место в обществе	2002	2003
по образованию	5,44	5,85
по квалификации	5,90	5,82
по выполняемой работе	5,32	5,60
по профессии	5,49	5,58
по качеству жизни	3,70	3,84
по размеру зарплаты	3,39	3,32
по участию в политической жизни страны	2,52	2,48
в целом	4,53	4,64

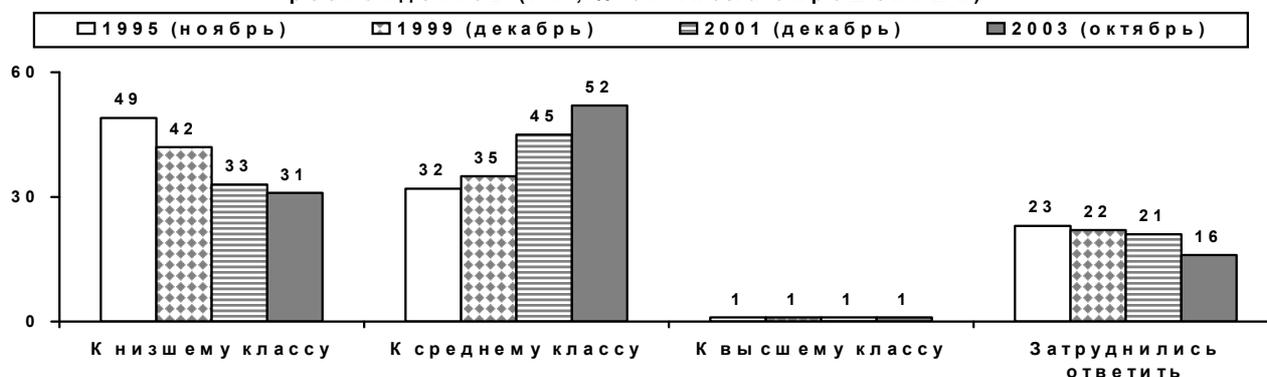
По 10-балльной шкале (10 – высшая ступень, 1 – низшая ступень)

В этом смысле можно говорить о заниженном уровне социальных претензий российских граждан. Высший балл по 10-балльной шкале составил всего лишь 5,85. Таким образом, респонденты оценивают свое место в обществе по полученному образованию. Далее приблизительно на этом же уровне они оценивают свой социальный статус по квалификации, выполняемой работе и профессии. В совокупности значения этих признаков показывают самооценку возможностей общества для своей самореализации в различных областях жизнедеятельности. Но как раз в этом главном своем функциональном предназначении гражданское общество терпит фиаско. Самооценка своего места в обществе по качеству жизни составила всего лишь 3,84, по размеру зарплаты – 3,32, а по участию в политической жизни страны самооценка зафиксирована на самом низком уровне 2,48 балла.

Налицо противоречие между уровнем социальных претензий, ожиданий, исходя из достаточно высокой самооценки по образованию, квалификации, выполняемой работе, профессии и степени удовлетворенности качеством жизни, уровнем зарплаты и участием в политической жизни страны. Обозначившийся перекокс в самооценке социального статуса делает неустойчивой всю структуру социальных отношений. Возникшее напряжение, по всей вероятности, должно быть снято за счет повышения качества жизни в материальной и политической сфере жизнедеятельности общества.

Прямой индикатор классовой самоидентификации подтверждает вскрывшееся между самооценкой и степенью её реализации в жизни. С одной стороны, за прошедшие 10 лет увеличилась группа респондентов, указавших на свою принадлежность к среднему классу. Но в то же время треть респондентов относят себя к низшему классу, а в совокупности с группой респондентов, которые затруднились ответить, – это почти половина населения. Величина значимая, а в совокупности с группой респондентов, которые затруднились ответить, она репрезентирует почти половину населения.

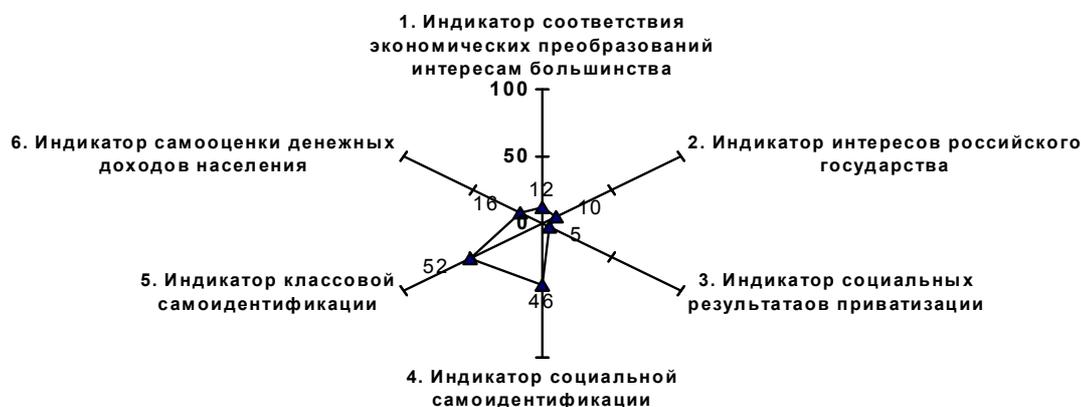
Рис. 3. Самоидентификация классовой принадлежности респондентов (РФ, % от числа опрошенных)

Каковы особенности социальной структуры групп респондентов, определивших свое место в жизни по выделенным четырем классовым признакам? Согласно полученному распределению ответов, к высшему классу чаще склонны относить себя женщины, молодежь, студенты, руководители, «богатые», жители городов. К среднему классу в большей степени относит себя молодежь, студенты, служащие, «обеспеченные» и «ограниченные в средствах», горожане. С низшим классом идентифицируют себя в большей степени люди старших возрастов, рабочие, пенсионеры, «бедные» и «нищие». Как следует из полученных ответов, сегодня мы живем в обществе, в котором униженными и оскорбленными чувствуют себя значительное число населения. Структуру социальной самоидентификации общества определяет материальное положение составляющих его групп населения. Большая часть общества (до 90%) явно испытывают нехватку денежных средств и попадают в группы «ограниченные в средствах», «бедные», «нищие». Социальную основу среднего класса составляет группа «обеспеченных» граждан (до 16%).

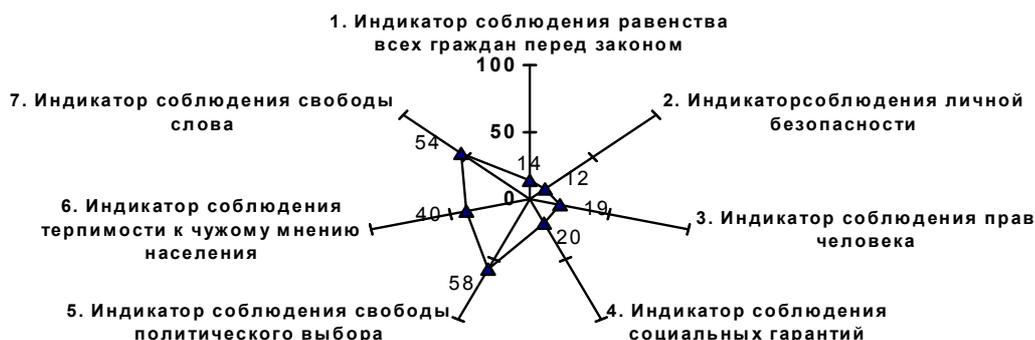
Сегодняшний потенциал гражданского общества в России можно измерить с помощью метода агрегирования значений приведенных выше индикаторов. Сведем все измерения в единую диаграмму.

Рис.4. Гражданский потенциал общества в России

Конечно, гражданское общество как сложный социальный феномен многолико в проявлениях своих разнообразных качеств. Контур гражданского общества определяются признаками функционирования многих социальных и политических институтов: правового государства, собственности граждан, демократических свобод, политического и идеологического плюрализма, экономической и политической стабильности, общественной активности граждан. Измерим потенциал гражданского общества с помощью сложного индикатора «Обеспечение государством норм демократической жизни», динамика значений представлена в таблице. Построим диаграмму по этому индикатору по значениям измерения в январе 2006.

Рис.5. Гражданский потенциал общества в России

Ее показатели позволяют составить представление о потенциале гражданского общества. Гражданское общество в России достигло пока скромных показателей, которые измеряются

площадью сложного многоугольника. В своём полном 100% потенциале гражданское общество определяется площадью многоугольника. Конечно, абсолютное гражданское общество вряд ли когда-нибудь и кому-либо удастся построить, но социополитический процесс будет стремиться в своём развитии к бесконечному приближению к его идеальному пространству, т.е. к 100% площади многоугольника. В первом случае измерения площадь российского гражданского общества в соответствии со значениями измеренных индикаторов составила чуть больше 6% шестиугольника. Потенциал гражданского общества по индикатору обеспечения государством норм демократической жизни составил немногим больше 10%. Статистические данные и социологические измерения показывают, что приблизительно такая доля граждан страны владеет значительной собственностью, занимает высокий социальный статус, считает, что проводимые преобразования отвечают интересам большинства членов общества, разделяет ценности политического и идеологического плюрализма, правового государства и является политически активными гражданами. Итак, для 10% граждан России сегодня гражданское общество состоялось. Остальная часть населения страны проживает в другом обществе. Их ощущения, оценки и мнения не позволяют идентифицировать его как гражданское.

В.К. Левашов, И.С. Шушпанова, к.соц.н., В.А.Афанасьев, О.П.Новоженкина (ИСПИ РАН)
Гражданское общество в России: устойчивость и потенциал¹

Доминировавшая до середины 2009 г. структура тревожности российского общества претерпела некоторые изменения. Актуальность материальных проблем по-прежнему сохранилась, но экономический кризис вернул тревоги, связанные с преступностью и произволом чиновников. Острее стали восприниматься проблемы социокультурного характера. Социально-политическая ситуация в России середины 2010 г. продолжала задаваться последствиями мирового экономического кризиса, а также оперативными и долгосрочными, рассчитанными на стратегическую перспективу, антикризисными действиями и планами Правительства и Президента РФ. Совокупность объективных и субъективных факторов социально-политической жизни сформировала сложную композицию тревожностей общества.

В декабре 2009 г. экономические факторы тревожности были потеснены нарастающими проблемами безопасности общества и государства. По данным мониторинга, для трети респондентов (34%) стала актуальна проблема преступности. Острее начало реагировать массовое сознание на произвол чиновников (33%). Уровень обеспокоенности россиян этой проблемой к концу 2009 г. достиг максимума за все время включения ее в инструментарий опроса. В то же время наблюдалось некоторое снижение доли экономических факторов в структуре тревожности. Наименьшего значения за период наблюдений достигла обеспокоенность россиян повышением цен на продукты питания (32%), повышением тарифов на услуги ЖКХ (31%).

Летом 2010 г. дороговизна жизни (51%) и повышение тарифов на услуги ЖКХ (38%) остались доминирующими тревогами массового сознания, только увеличившими свой удельный вес за последние полгода.

Далее структура актуальных тревог не претерпела изменений: преступность (33%), экологическая обстановка (32%), произвол чиновников (31%), повышение цен на продукты питания (29%), безработица (26%), падение нравов, культуры (25%), безопасность близких (24%), терроризм (23%), наркомания (22%), алкоголизм (20%), разделение общества на богатых и бедных (14%), закрытие, простой предприятий (13%), высокая инфляция (9%), мировой экономический кризис (9%), обострение международных отношений (8%), задержка выплаты зарплаты, пенсий (8%), монетизация льгот (5%). Из всего приведенного ряда тревог

¹ По материалам XXXI и XXXII этапов мониторинга «Как живешь, Россия?», проводимого Отделом стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН. Объем выборочной совокупности в декабре 2009 г. составил 1848 респондентов, в июне 2010 г. – 1826 респондентов. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №08-03-00143 «Гражданское общество в современной России: социологическое измерение»).

обращает внимание увеличение тревоги граждан по поводу проявлений терроризма – рост с 9% в июне 2009 г. до 17% в декабре 2009 г. и до 24% в июне 2010 г. Тревожные настроения, связанные с безопасностью, ростом преступности, угрозой терроризма постепенно нарастают в массовом сознании, как следствие кризисного положения не только в экономической, но и в социополитической сферах жизнедеятельности общества.

Структура и характер тревог в обществе в значительной мере зависит от социальной эффективности экономической политики, проводимой государством. Антикризисная политика государства обнажила ряд проблем социального характера. Обеспокоенность россиян своим материальным положением дополнилась тревогами в отношении безопасности, нарастающей угрозы терроризма, преступности. По мнению граждан, сложившиеся условия привели к активизации произвола чиновников, обострились проблемы падения нравов и культуры, алкоголизма и наркомании. Отметим, что факторы материального неблагополучия продолжали оставаться доминирующими в структуре тревожности россиян.

Экономическое состояние общества в долгосрочной стратегической перспективе определяет основные элементы и философию политической системы государства. В краткосрочной перспективе экономическое состояние общества не может не сказываться на отношении граждан к политической системе государства. За прошедший год это отношение существенно не изменилось.

В этой сфере общественных отношений ситуация развивалась в русле сложившихся в последние три-четыре года доминирующих тенденций. Приблизительно половина граждан (49%) считали, что в нашем обществе существует много недостатков, но их можно устранить реформами. Остальные три тенденции имеют схожую волнообразную форму проявления и стремятся к уравненной средней величине 15-17%. Количество радикально настроенных граждан за прошедшие годы сократилось в два раза, с 43% до 22%. Доля граждан, поддерживающих политическую систему (консерваторов) в существующем виде, выросла с 3% до 13%. А число затруднившихся ответить остановилось на значении 13%. Что касается динамики поддержки различных форм защиты социальных интересов, то здесь не произошло серьезных изменений. Мнения граждан относительно поддержки различных форм защиты социальных интересов варьировались от отказа защиты своих интересов до активных протестных настроений. Наибольшее число респондентов предпочли социально пассивную позицию. Доля россиян, уверенных в защищенности своих интересов, в июне 2009 г. впервые превысила 10% от числа опрошенных.

В.И.Лесняк, к.юрид.н.

Структура и сущность патриотизма и патриотического воспитания в новых социально-экономических условиях

Проведенный нами контент-анализ более чем трех десятков определений патриотизма и патриотического воспитания, а также опора на аффективную философию, разрабатываемую челябинским профессором Г.М. Брагиным, позволили определить, иерархически выстроить и содержательно наполнить компоненты такого сложного структурного образования, каким является патриотизм.

А.Ф. Харламов выделил следующие структурные компоненты патриотизма: потребностно-мотивационный, интеллектуально-чувственный (знания, взгляды, убеждения), поведенческий и волевой¹. Н.В. Ипполитова в структуру патриотизма включила интеллектуальный, эмоционально-волевой и действенно-практический элементы². Анализируя приведенные структуры патриотизма, приходишь к выводу, что и в первом, и во втором случае не ясна логика построения структурных конструкций. У А.Ф. Харламова поведенческий компонент предшествует волевому, а интеллектуальный объединен с чувственным. Создается впечатление, что вышеназванный автор, определявший структуру патриотизма еще в годы тоталитар-

¹ Харламов И.Ф. Педагогика: Учеб. пос. 2-е изд. М., 1990. С.389.

² Ипполитова Н.В. Теория и практика подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся: Дис. д-ра пед. наук. Челябинск, 2000. С.38.

ного режима, забыл классическое «от живого созерцания к абстрактному мышлению, а от него – к практике». Хотя эта ленинская цитата относилась к процессу познания, но нам представляется, что и в феномене патриотизма патриотические чувства зачастую предшествуют патриотическим знаниям.

Таблица 1

Содержание компонентов патриотизма

Компоненты патриотизма	Содержание
Эмоциональный	Любовь к Родине, к родным местам, родному языку, родной природе; уважение к героическому прошлому своей Родины, к традициям и обычаям своего народа, уважение к другим народам, их обычаям и культуре, нетерпимость к расовой и национальной неприязни, классово-розовой розни; стремление к укреплению чести и достоинства Родины; уважение к силовым структурам; гордость (национальная; за достоинства страны).
Интеллектуальный	Знание истории Родины, понимание задач, стоящих перед страной, и своего патриотического долга.
Интенциональный (потребностно-мотивационный; волевой)	Готовность защищать Родину, служить ее интересам, умножать своим трудом достоинства страны; следование российским традициям, нравам, обычаям; сохранение прогрессивных традиций; верность Отечеству, общественному строю, сыновнему долгу; стремление ставить общественные интересы выше личных.
Деятельностный	Активное и сознательное участие в трудовой деятельности при сочетании личных и общественных интересов; бережное отношение к собственности

В структурной триаде Н.В. Ипполитовой та же последовательность элементов: интеллектуальный элемент предшествует эмоционально-волевому. Непонятно, почему эмоции и воля слиты в один элемент.

Выделение эмоционального компонента обусловлено эмоционально-чувственным началом патриотизма. Это начало, прежде всего, проявляется в переживаниях в отношении «мое», а затем – «наше». Эти чувства и эмоции произрастают из хватательного рефлекса. Беря что-то, человек присваивает (делает своим) ранее чуждый (чужой, ничей и т.д.) объект. Не случайно так много авторов (В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, В.И. Ленин, П.М. Рогачев, А.В. Русецкий, М.А. Свердлов, И.О. Харламов, Н.Е. Щуркова и др.) определяют патриотизм через понятие «чувство». Наиболее сильным чувством в анализируемом компоненте является чувство любви к Родине.

Следующим компонентом в структуре патриотизма, который мы выделяем вслед за большинством исследователей, является интеллектуальный компонент. Он характеризует знания, взгляды, убеждения человека. Основу патриотического сознания составляют знания патриотического характера, на основе которых вырабатываются патриотические взгляды и убеждения. В убеждениях проявляется единство моральных знаний и чувств человека. Они являются идейно-психологическим компонентом сознания, непосредственно стимулирующим поведение человека, выбор действий и поступков. В современных философских исследованиях отмечается, что человеческое поведение определяется взаимодействием внешних объективных условий и системы внутренней детерминации, которая включает в себя три основных подсистемы: потребности, субъективные возможности (способности, знания-умения, качества характера) и жизненная позиция (диспозиция, готовность). Каждый из этих компонентов выполняет свою функцию. Подсистема потребностей задает модели потребного будущего и исходные импульсы к их реализации; подсистема возможностей дает средства для удовлетворения потребностей; а подсистема жизненной позиции осуществляет выбор предпочтительных потребностей и способов их удовлетворения и обеспечивает непосредственную го-

товность к определенному типу деятельности, определенного рода поступкам. В совокупности данные компоненты являются необходимыми и достаточными для обеспечения внутренней детерминации поведения¹. Именно внутренняя детерминация поведения выступает в качестве содержания интенционального компонента героико-патриотического воспитания. Знания, умения, навыки, полученные на когнитивной стадии воспитания, в процессе интенциональной стадии превращаются в идеалы, принципы, готовность к героико-патриотическому поведению, поступкам, действиям, которые осуществляются на праксиологической (деятельностной, практической) стадии.

Превращение социальных ценностей в личностные осуществляется на основе активной деятельности самой личности в процессе героико-патриотического воспитания и самовоспитания. Формы этой активности различны в разных сферах жизнедеятельности личности. Особое значение имеет деятельность, в процессе которой происходит интенсивный обмен социальным опытом и осваивается система данного общества. Выступая стимулятором активного жизненного проявления личности, ценности служат средством повышения продуктивности ее жизнедеятельности, возвышения ее нравственного потенциала. Человек проявляет свои убеждения, формирует необходимые умения и навыки только в практической деятельности. Человек-патриот проявляет свою жизненную позицию в практической деятельности человека на благо Родины, в служении Отечеству. Все это дает основание выделить в структуре данного понятия деятельностный компонент.

Основой формирования патриотического сознания сотрудников органов внутренних дел является: практическая деятельность, направленная на прогрессивное политическое, социально-экономическое и культурное развитие Родины; общественно-государственная подготовка, осуществляемая соответствующими кадровыми службами; воспитательная работа; самообразование.

Как отмечает Н.В. Ипполитова, «в процессе патриотической деятельности используются, расширяются и углубляются патриотические знания, формируются патриотические убеждения, проявляются патриотические чувства, реализуются потребности и интересы личности. Положительные эмоциональные переживания, связанные с деятельностью патриотического характера, побуждают человека к дальнейшей деятельности, к преодолению препятствий на пути к поставленной цели. Это в свою очередь способствует формированию умений и навыков, необходимых для практической деятельности, и развитию чувств и мотивации более высокого уровня»².

В современных условиях возникает настоятельная необходимость уточнить сущность патриотизма, поскольку успешность проведения воспитательной работы напрямую зависит от правильного определения исходных понятий и положений.

Так, большинство философов определяют патриотизм как высшее нравственное чувство (Н.И. Матюшкин, М.Б. Митин, П.М. Рогачев, М.А. Свердлов и др.) со ссылкой на ленинское определение («патриотизм – одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячами обособленных отечеств»³). Другие ученые-философы рассматривают патриотизм как нравственный и политический принцип (И.В. Блауберг, И.К. Пантин и др.). В педагогических исследованиях по данной проблеме эти точки зрения также представлены: В.В. Белорусова, Н.Е. Щуркова и др. относят патриотизм к нравственным чувствам, а Н.И. Болдырев, И.П. Тукаев и др. считают патриотизм нравственным принципом. Но большинство педагогов (Н.П. Егоров, Л.Р. Болотина, Т.А. Ильина, Т.Н. Мальковская, И.С. Марьенко, А.Д. Солдатенков и др.) определяют патриотизм как сложное нравственное качество. Наряду с этим существуют и другие точки зрения: совокупность нравственных чувств и черт поведе-

¹ Культура жизни личности: Проблемы теории и методологии социально-психологического исследования. Киев, 1988. С.131.

² Ипполитова Н.В. Теория и практика подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся: Дис. д-ра пед. наук. Челябинск, 2000. С.42.

³ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т.37. С.190.

ния (И.О. Харламов); совокупность чувств, принципов и качеств (Л.И. Мищенко); часть духовности личности (Ш.Ш. Хайрулин). Такой разброс мнений, видимо, обусловлен сложностью рассматриваемого явления.

На основании выделенной структуры патриотизма и его содержания попытаемся определить его сущность.

Отнесение данного феномена к разряду социально-нравственных чувств (В.В. Белорусова, Н.Е. Щуркова и др.) не отражает со всей полнотой его сущности, хотя и отражает наиболее существенный признак, ибо чувства рассматриваются как «переживание человеком своего отношения к окружающей действительности»¹. С учетом выделенной нами структуры патриотизма слишком узким представляется его определение как политического и (или) нравственного принципа (Н.И. Болдырев, И.П. Тукаев и др.). Эти определения политизируют и обедняют понятие патриотизма, не затрагивая, в частности, эмоциональную составляющую патриотизма. Так, политический принцип как основополагающее положение, которым человек руководствуется в деятельности, предполагает, прежде всего, отношение к Отечеству (верность, готовность к защите), рассматриваемому как социально-политическое явление. Как установлено Х.Г. Голотвиным и Р.Я. Мирским, понятие «Отечество» используется в неразрывной связи с понятием «Родина», характеризующим естественную привязанность человека к родной земле². Определение патриотизма через политический принцип нарушает эту связь.

На этом фоне представляется более правомерным определение патриотизма как совокупности чувств, принципов и качеств (Л.И. Мищенко и другие). Но и такая трактовка не вполне отражает сущность патриотизма, ибо упускает из виду знаниевую и деятельностьную составляющие этого интегративного понятия, поскольку подлинный патриотизм предполагает не только переживание человеком своего отношения к Родине и Отечеству, но и осознание им своего патриотического долга и его реализацию в патриотически направленной деятельности. Более приемлемой представляется позиция Н.В. Ипполитовой, связывающей сущность патриотизма с интегративностью свойств личности, что дает основание рассматривать патриотизм как неотъемлемую часть социально-нравственной направленности личности³.

Таблица 2

Проявление патриотизма и его связь с социально-нравственной направленностью личности

Компоненты патриотизма	Их проявление	Социально-нравственная направленность
Эмоциональный	Высшее моральное чувство	Порывы, влечения, желания
Интеллектуальный	Интерес к познанию истории Отечества, знание отечественной истории	Знания, идеалы, убеждения, мировоззрение
Интенциональный (потребностно-мотивационный, волевой)	Социально-нравственный принцип, готовность встать на защиту Родины	Потребности, интересы, мотивы
Деятельностный	Поведение и деятельность по обеспечению правопорядка и охране личности, общества и государства	Деятельность, общение, поведение

¹ Ипполитова Н.В. Теория и практика подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся: Дис. д-ра пед. наук. Челябинск, 2000. С.503.

² Голотвин Х.Г, Мирский Р.Я. Традиции советского патриотизма. М., 1975. С.49-52.

³ Ипполитова Н.В. Теория и практика подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся: Дис. д-ра пед. наук. Челябинск, 2000.

Под направленностью в современной психологии понимают:

- совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих деятельность личности и относительно независимых от наличных ситуаций¹;
- важнейшую характеристику личности, определяющую цели, которые ставит перед собой человек, стремления, которые ему свойственны, мотивы, в соответствии с КОТОРЫМИ он действует, интересы, которыми он руководствуется в деятельности²;
- субординированную систему отношений, взаимосвязанных между собой и характеризующих со стороны содержания, качественных проявлений, организационных форм и выполняемых функций. Авторы последнего из приведенных определений (М.Е. Дуранов и В.Б. Орлов) представляют направленность как совокупность уровней: побуждения (порывов, желаний и лечений; интересов и потребностей; идеалов и убеждений); установки (представлений и мотивов; принципов); перспектив реализации (жизненной позиции; целеполагания, ценностных ориентаций и мировоззрения) и реализации (деятельности)³.

Имея в виду социальную обусловленность патриотизма, его значение для развития не только личности, но и общества и государства, а также наличие в структуре не только эмоциональной, интеллектуальной, деятельностной, но и интенциональной составляющих, позволяет рассматривать патриотизм как одну из характеристик социально-нравственной направленности личности. Введенное Н.В. Ипполитовой такое понимание патриотизма позволяет дать его целостную характеристику и определить его сущность.

Как сложное структурное образование патриотизм проявляется на различных уровнях: на эмоциональном – как высшее моральное чувство; на интеллектуальном (когнитивном) – как интерес к познанию истории Отечества, знание отечественной истории; на интенциональном – как социально-нравственный принцип, как готовность встать на защиту Родины; на деятельностном (праксиологическом) – в поведении и деятельности по обеспечению правопорядка и охране личности, общества и государства.

Выявляя педагогический смысл обновленного понятия «патриотизм», Г.А. Коновалова пишет: «Исходной теоретической установкой и методологическим положением для исследования проблемы патриотического воспитания... является понимание того, что новые реалии мира (глобализация, интеграционные процессы, создание единого мирового) сообщества, становление поликультурности и т.п.) и страны (распад СССР возникновение СНГ, изменение границ и геополитического пространства Родины) изменили само понятие патриотизма». С приведенной выше цитатой трудно не согласиться. Однако далее, на наш взгляд, автор допускает ряд ошибок. Продолжим цитировать: «Патриотизм в его традиционном понимании как любовь к Родине и как идеологически ангажированное чувство, предполагающее доминирование общественных интересов над личными, личностное самопожертвование, ощущение собственного «я» деталью огромной государственной машины, – все это ушло в прошлое вместе с советским временем»⁴.

Анализируя эту часть цитаты, укажем, что любовь к Родине была, есть и будет сердцевинной патриотизма. Что касается патриотизма как идеологически ангажированного чувства, заметим, что это чувство, прежде всего, без всякого ангажемента присуще человеку, а во-вторых, до тех пор, пока существует государство, патриотизм выступает и будет выступать в качестве идеологического стержня. Чем более демократично общество и государство, тем большая роль отводится патриотизму. Без него не смогут существовать ни государство, ни общество, ни личности, составляющие моральный и деятельностный континуум данного общества.

¹ Общая психология /Под ред. А.В. Петровского. М., 1986. С.401.

² Психология: Учеб. пособие для учащихся пед. училищ /Под ред. В.А. Крутецкого. М., 1974. С.43.

³ Дуранов М.Е., Орлов В.Б. Личность обучающегося и ее развитие: Учебное пособие. Челябинск, 1997. С.41;

⁴ Коновалова Г.А. Организационно-педагогические условия патриотического воспитания учащихся в современной общеобразовательной школе: Дис. ...канд. пед. наук. Томск, 2003. С.68.

Определение сущности понятия «патриотизм» позволяет перейти к рассмотрению сущности процесса героико-патриотического воспитания. Сущность отражает внутренние связи и отношения, характерные для данного процесса, и проявляется в закономерностях и тенденциях. Воспитание – процесс, направленный на формирование личности. В связи с этим сущность воспитания заключается в создании условий для приобретения опыта поведения и основ общечеловеческой культуры. В процессе воспитания внешнее (объективное) воздействие становится достоянием внутреннего (субъективного), то есть переводится в область индивидуального сознания, чтобы впоследствии выразиться в отношениях, поведении и деятельности. Рассматривая героико-патриотическое воспитание как составную часть воспитательного процесса, можно отметить, что внешнее (объективное) воздействие связано с целеустремленной и систематической деятельностью органов государственной власти, институтов государства и общественных организаций, направленной на формирование у граждан: чувства любви к Родине, верности своему Отечеству; высокого патриотического сознания; готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Отечества.

В.В. Дьяченко определил сущность идеи патриотического воспитания подрастающего поколения в необходимости выполнения социального заказа общества и государства на целенаправленное воспитание личности в ее интересах¹. Нам представляется, что сущность патриотического воспитания определена названным автором не полностью. Как нельзя жить в обществе и быть свободным от общества, также невозможно жить в государстве и быть свободным от государства. Следовательно, ни общество, ни тем более государство не должно, в силу наличия своих (социальных и государственных) интересов, замыкать воспитание личности лишь на интересах этой личности. Памятуя о том, что, по ныне действующей Конституции РФ, образование личности (а под образованием, согласно определению ЮНЕСКО, подразумевается единство четырех процессов: обучения, воспитания, развития и здоровьесбережения) осуществляется в интересах личности, общества и государства, то и сущность патриотического воспитания должна учитывать и диалектически сочетать все эти интересы. Таким образом, сущность патриотического воспитания нам видится в создании условий, обеспечивающих привитие личности чувства сыновней любви к Родине, верности своему Отечеству и жертвенного поведения во имя интересов Родины и Отечества.

Начальной стадией патриотического воспитания является стадия эмоционально-интеллектуального напряжения («заражения»). В пользу нашего утверждения свидетельствуют все исследователи, определяющие патриотизм через понятие «чувство». Сознание включается в процесс патриотического воспитания нередко позже, чем начинают работать чувства и эмоции. Огромное значение для формирования чувства патриотизма оказывают семья, родная территория, история народа, политическая, культурная и социальная среда, что впоследствии находит отражение на различных уровнях сознания - психологическом и идеологическом. Далее проходит когнитивная стадия, затем – интенциональная стадия как освоение способов мобилизации активности на изменение реальности, и, наконец, – операциональная стадия, – предполагающая действие с объектами реальности. И, следовательно, нам представляется, что при наличии хорошо отлаженного механизма государственно- патриотической идеологии патриотические чувства и идеи воплощаются в деятельности по преобразованию социальной реальности.

Е.В. Лобова к.соц.н. (УрГПУ, Екатеринбург)

Патриотические установки студентов вузов

Неотъемлемыми элементами гражданской культуры человека являются отношение к своей Родине, к государству, его традициям. Мнение студенческой аудитории здесь представляет особый интерес, ведь большая часть мероприятий патриотической направленности, про-

¹ Дьяченко В.В. Теория и практика патриотического воспитания в современной России: Дис. д-ра. пед. наук. М., 2001. С.18.

водимых государственными и общественными организациями, рассчитана именно на эту категорию молодежи.

В апреле-июне 2007 г. исследовательская группа факультета социологии Уральского государственного педагогического университета (М.А. Арапова, Е.В. Лобова, И.В. Шапко) провела исследование, посвященное вопросам патриотического воспитания молодежи в Свердловской области. Мы исходили из того, что патриотические установки могут проявляться на трех уровнях:

- Когнитивный: интерес к событиям, происходящим в стране; знание важных для России дат, ее истории; наличие размышлений о своей стране.
- Эмоциональный: отношение к своей стране, к людям, в ней живущим.
- Поведенческий: готовность к каким-то конкретным делам, видение того, «как я могу послужить Отечеству».

В ряду задач, для решения которых был выбран метод фокус-групп, были следующие:

1. Раскрыть понимание патриотизма студентами, выявить мировоззренческие установки студентов на служение Отечеству, в том числе отношение к службе в армии.
2. Охарактеризовать отношение студентов к государственным символам и государственным праздникам.

Фокус-группы (групповые дискуссии) со студентами двух вузов – УрГПУ) и УГТУ-УПИ) – проходили в июне 2007 г. Всего в исследовании приняло участие 15 человек.

Необходимо отметить, что понимание студентами патриотизма весьма стереотипизировано: первые слова, которые звучали во всех дискуссиях – «это любовь к Родине»¹. Но студенты в дальнейшей дискуссии уточняли, что это любовь «не к государству, а именно к стране: к людям, к природе», «любовь к земле, на которой мы родились и выросли». Таким образом, патриотизм связывается в сознании студентов, в первую очередь, с «малой родиной». Это очень яркое эмоциональное отношение, потому что подразумевает нечто конкретное, близкое и понятное.

Второй смысловой блок в понимании патриотизма – чувство долга перед страной, готовность отстаивать ее честь, что-то сделать для нее: *«Каждый человек должен что-то внести в создание русской идеи». «Патриотизм – это чувство ответственности за будущее своей страны, своего государства. Но не государства в смысле госаппарата, а русского, российского народа, национального государства».* Размышления о долге, начинаясь с достаточно абстрактных общих высказываний, постепенно переходят к осознанию собственного возможного вклада в судьбу России: *«болеть за свою страну на играх олимпийских», «новости смотреть», «выполнять добросовестно свои обязанности».*

В рассуждениях студентов о долге патриотизм, служение Отечеству намеренно разводятся со службой в армии и каким-либо героизмом. Быть патриотом, служить России – не исключительное, а ежедневное занятие, оно доступно каждому и предполагает *добросовестную работу*, отстаивание интересов страны в любой сфере: будь то наука, спорт, воспитание детей, или защита родины с оружием в руках. Отношение к армии у большинства студентов, как юношей, так и девушек, отрицательное. Причем, это проявляется как на эмоциональном, так и на деятельностном уровнях: студенты негативно высказываются о службе в армии, не один из них не хотел бы служить после вуза или отпускать в армию своих детей. Армия в сознании студентов связывается с дедовщиной, с покалеченными молодыми парнями, неблагополучными слоями общества: *«...подразумевается не служба в армии, а защита страны в тяжелых условиях, к примеру, военное время. Разумеется, если человек патриот, он будет защищать свою страну... А именно службу в армии я не включаю в патриотизм».* «Служить в армии – это не от большого ума. У нас в армии сейчас ситуация вообще проблематичная». Лишь немногие высказали мнение, что служить в армии полезно для формирования личности молодых людей. Но даже эти высказывания прозвучали с оговоркой: *«в каком состоянии она сейчас находится – это, разумеется, для молодых людей не самый лучший*

¹ Здесь и далее по тексту курсивом выделены цитаты из фокус-групп.

вариант». В целом же большинство студентов придерживаются мнения: вовсе не обязательно служить в армии, чтобы быть патриотом.

Таким образом, в деятельности составляющей патриотизма подчеркивается добровольность: человек сам должен выбирать, каким образом он может приносить пользу своей Родине и в какой сфере. Служение отечеству не может быть обязанностью.

Еще один смысл, вкладываемый в понятие патриотизм – это гордость за свою страну, сопереживание ее успехам и неудачам. Интересно отметить, что 5 лет назад особых причин для гордости молодые люди не видели, исследователи отмечали лишь наличие «потребности в гордости за Родину»¹. Нынешние студенты уже отмечают конкретные поводы для гордости: наши спортивные победы в олимпиадах, наша военная техника, научные достижения. Чувство гордости за свою страну, таким образом, перестает быть просто неотъемлемой характеристикой патриота, а перерастает в лично окрашенное чувство, которое испытывают и сами студенты. Важно отметить, что встречается и противоположное чувство – стеснение своей национальности, чаще всего, при выезде за границу. Это связано со стереотипным представлением о некультурном, развязном поведении русских. В представлениях студентов, патриот своей страны не должен *«стыдиться того, что ты живешь в этой стране, не стесняться символики русской, своей национальности»*.

Наконец, еще один аспект, с которым связывается понимание патриотизма, – это любовь и уважение к культуре, традициям, символам, знание истории своей страны. Данный аспект имеет три проявления: когнитивный – знание традиций, государственных праздников, истории России; поведенческий – поддержание, соблюдение традиций, празднование знаменательных дат; и эмоциональный – отношение к этим традициям, праздникам, уважительное отношение к символам.

Когнитивный уровень: большая часть студентов легко рассуждают о российских традициях (имея в виду, в первую очередь, православные традиции и праздники), уверенно называют государственные праздники, лишь часть студентов демонстрирует знание российской истории и может назвать знаменательные для России даты, вспоминает, с чем они связаны.

Поведенческий уровень: практически все праздники студенты с готовностью отмечают. Но здесь фиксируется разделение: есть праздники, которые стали не столько государственными, сколько семейными (День защитника Отечества, 8 марта, День Победы). Их относят к народным праздникам, отражающим культуру нации. Практически в каждой семье сложились определенные традиции в отмечании этих праздников. Другая категория праздников – значимые государственные даты, такие как День Конституции, День народного единения, День принятия Декларации о суверенитете РФ. Эти праздники студенты называют *«непонятными»*: *«Было понятно, что это был дополнительный выходной, но общее непонимание было, зачем и для чего»*. *«Я принципиально не отмечаю 12 июня. Потому, что я не понимаю, от кого мы отделились в конце 90-х годов. По-моему, все от нас, а мы от всех в ответ»*.

Эмоциональный уровень: праздники, традиции празднования которых прививаются еще в школе и поддерживаются в семье, воспринимаются студентами как истинно народные праздники, когда ощущается единение народа. К таковым относятся День защитника Отечества, Международный женский день, День весны и труда. Особенный праздник – День Победы. Особые чувства вызывают и его традиции – парад военной техники и салют: *«чувство духа, чувство мощи»*, *«чувствуешь причастность»*, *«гордость за свою Родину, за Россию, чувствуешь локоть соседа, который также счастлив и рад»*. Подобное отношение во многом формируется СМИ, которые активно поддерживают определенный *«праздничный дух»*, создают настроение еще до наступления самого праздника. Что немаловажно, во многом благодаря СМИ эти праздники связываются в сознании молодежи и с определенными символами (в том числе, государственными): с государственным флагом, с определенными песнями, с парадом и салютом, с георгиевской лентой и гвоздиками, с орденами. Существование общенародных праздников и символов позволяет, хотя бы не надолго, ощутить единство

¹ Исследование Л.Я. Рубиной, М.Г. Бурлуцкой, И.В. Шапко «Понимание патриотизма и отношение к патриотическому воспитанию в молодежной среде», январь 2002 г. (УрГПУ).

русского народа, почувствовать гордость от того, что являешься гражданином России. Остальные государственные праздники воспринимаются как обычный выходной день. Многие студенты не знают даже даты их празднования (например, День народного единения, День принятия Декларации о суверенитете РФ). Данная ситуация объясняется тем, что подобные праздники не являются традиционными: сегодня празднуются, а завтра отменили, не складываются и определенные традиции их празднования. *«Если есть праздники, то должна быть какая-то система празднования. И вот что государство подразумевает: День народного единения – и что мы должны делать? Вот, День Победы – салюты, парад».*

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Отношение студентов к своей Родине, к России, безусловно, патриотично. Причем по сравнению с более ранними нашими исследованиями, у современной молодежи патриотизм проявляется не просто на эмоциональном уровне – в любви к Родине, гордости за достижения России в различных сферах. Но и, отчасти, на деятельностном – студенческая молодежь пытается представить свой собственный вклад в формирование образа России как сильного государства.

Патриотизм связывается в сознании студентов с приверженностью группе, общности. Ощущение Родины есть, когда есть ощущение других людей рядом. Именно этого чувства единства недостает российскому народу, именно поэтому россияне, по мнению студентов, непатриотичны. Однако любовь к России и ее людям, гордость за российский народ не всегда подкрепляются действиями на межличностном уровне, например, помощью ветеранам, тем, кто нуждается в защите и поддержке.

Важную роль в воспитании уважения и любви к близким, знакомым людям играет семья. Именно в семье закладываются основы любви к малой Родине и уважения к ближним, которые потом могут быть развиты в школе. Воспитание этих чувств в школьном коллективе уже менее эффективно, т.к. авторитет учителя снижается, и его роль современные школьники лишь в незначительной мере связывают с воспитательным воздействием³.

Наконец, еще одна значимая характеристика патриотизма в молодежной интерпретации – его личностная избирательность. Нельзя воспитать патриота через обязательное участие в мероприятиях, в том числе службу в армии. Каждый может сам решать, как реализовать свои патриотические чувства, свой потенциал, и в какой сфере.

В.И. Лутовинов, д.филол.н. (РАГС, Москва).

Концептуальный анализ российского патриотизма

Как показывает анализ исследований, в которых рассматривается проблема патриотизма, использование и трактовка самого термина характеризуется многовариантностью, весьма разнообразно и неоднозначно. Во многом это объясняется сложной природой данного явления, многоаспектностью его содержания, неординарностью структуры, многообразием форм проявлений и т.д. Кроме того, проблема патриотизма рассматривается различными авторами в различных исторических, социально-экономических и политических условиях, в зависимости от их личной гражданской позиции, отношения к своему Отечеству, в силу использования ими различных сфер знаний и т.п.

В научно-исследовательской литературе проблеме патриотизма уделяется явно недостаточно внимания. В изложении его природы, изученности содержания, с учетом важнейших изменений, происходящих в нашем обществе, сделаны лишь первые шаги. Вследствие этого, разработка строго научной дефиниции патриотизма, рассмотрение ряда важнейших сторон данной проблемы является одной из задач отечественной науки в период реформирования Российской армии. Все многообразие подходов к пониманию патриотизма, имеющееся в научно-исследовательской литературе, можно искусственно дифференцировать по ряду направлений.

³ Исследование: Рубина Л.Я., Прямикова Е.В., Лобова Е.В. Взаимодействие учащихся, учителей, руководителей, родителей в образовательной деятельности. Екатеринбург, 2006.

К первому из них относятся получившие наибольшее распространение в научно-исследовательской, публицистической, художественной литературе дефиниции, суждения, определяющие патриотизм как возвышенное чувство любви к Родине, Отечеству, что в значительной степени предопределяется этимологическими значениями самого термина «патриотизм». Это направление, фиксирующее определенное, хотя и безусловно позитивное, нередко ярко выраженное отношение к Отечеству ограничивается главным образом уровнем эмоционального отражения, проявления в абстрактной форме любви к природе, родному краю, отчужденности, к картинам детства и т.д. Именно таким является понимание патриотизма многими людьми, в том числе представляющими творческую интеллектуальную, культурную элиту. Данное направление может быть названо возвышенно-эмоциональным. В нем выделяется направленность, сила, возвышенность самого чувства безотносительно к характеристике субъекта к объекту, который имеет для него (кем бы он ни был) исключительное значение.

С этим направлением тесно связано второе, которое также основывается на понимании патриотизма как одного из высших, наиболее значимых чувств. Однако наряду с эмоциональной стороной рассматриваемое направление включает также деятельностный момент. Сила патриотического чувства не ограничивается лишь глубиной и возвышенностью любви к Отечеству. Это чувство должно побуждать личность, группу, нацию (субъект опять-таки не определяется) к активным действиям, поступкам на благо своей Родины. Такого рода деятельность является не только непременным условием истинного патриотизма, но и его критерием. Оттого, каков вклад той или иной личности, группы в дело Отечества, насколько та или иная деятельность соответствует интересам его развития, укрепления, зависит и патриотизм, уровень его сформированности и степень проявления у конкретного субъекта. Отмечая эту характерную особенность данного направления, выражающуюся в необходимости конкретной реализации патриотичности посредством конкретных действий, поступков в интересах Отечества, можно назвать его реализационно-деятельностным.

В третьем направлении патриотизм рассматривается как общественное явление. При этом различные точки зрения в отношении конкретной определенности такого явления образуют весьма широкий спектр. Содержание и характер данного направления в значительной степени обусловились особенностями исторического развития общества, государства, политикой его правящей элиты. В условиях более жесткого руководства и регламентированного функционирования советской общественной системы патриотизм представлял собой одну из ее важнейших идеологических основ, выступал в числе стержневых направлений воспитания подрастающего поколения.

В более поздний период, в конце 1960-х – начале 1980-х гг., в ряде общественных наук, особенно в философских, значительное развитие получила точка зрения, согласно которой патриотизм исследовался как явление общественного сознания. Примерно с середины 1980-х гг. стала преобладать тенденция осмысления патриотизма как одного из явлений духовной жизни общества. В некоторых исследованиях он изучался в контексте развития отечественной истории как проявление специфических черт менталитета, психики различных обществ и т.д.

Следующее, четвертое направление характеризуется тем, что объектом патриотизма является государство. Вследствие этого оно с полным основанием может быть названо «государственным патриотизмом». Появление такой разновидности патриотизма было востребовано достаточно определенными историческими условиями, а именно: необходимостью консолидации усилий для создания, укрепления государства, различных форм государственной власти. Не случайно поэтому, что одним из первых, кто разработал теоретические предпосылки данного направления, явился Гегель. Будучи убежденным сторонником прусской конституционной монархии, он завершает свою философскую систему ее идеализированным изображением. Как известно, данный исторический период будущей Германии (первые десятилетия XIX в.) был насыщен бурными событиями, в результате чего в центре Европы появилось крупнейшее государство со всеми его атрибутами, активная политика которого отра-

зились впоследствии на судьбах многих народов мира. Гегелевское понимание патриотизма означает стремление к общим целям и интересам государства, которые являются, безусловно, приоритетными по отношению к любым другим, будь то интересы общества, группы или личности. Государство же, как высшая форма организации и высшая ценность, выступает главным объектом высших чувств и помыслов личности и общества, и, прежде всего, патриотических.

Пятое направление в определенной мере является альтернативным по отношению к предыдущему. Его представители, раскрывая сущность патриотизма, делают это в неразрывной связи именно с личностью, которая является для них высшей ценностью (в том числе по отношению к обществу, не говоря уже о государстве). Поэтому данное направление может называться личностным патриотизмом. Существенной стороной, отличающей его от предыдущего направления, для которого важнейшим компонентом является объект патриотизма (государство), является то, что в нем первостепенная роль отводится субъекту, т.е. личности. Она в этом плане занимает доминирующее положение, не возвышаясь над коллективом и не противопоставляя себя большинству. Идея понимания патриотизма в личностном ракурсе получила свое теоретическое обоснование еще у Флоровского. Он рассматривал патриотизм как культурное творчество и национальное напряжение собственных сил. Именно этот личностный акт, а не голая военная мощь, создает, по мнению Флоровского, величие России, формирует праведную и благословенную любовь к Родине.

Шестое, последнее направление во многом связано с предыдущим. Эта связь выражается в том, что очень часто (хотя и не всегда) субъектом патриотизма выступает личность. Сам же патриотизм рассматривается как важнейший момент, этап развития личности, а именно – ее духовного развития, самовыражения. При этом уровень такого развития является очень высоким, поскольку духовная самореализация личности предполагает проявление его целого ряда важнейших сторон, качеств, характеризующихся полнотой, целостностью, оптимальностью их сформированности. Содержание же этих качеств личности, самого акта духовности ее патриотизма является глубоко религиозным. Поэтому данное направление может быть определено как духовно-религиозное. Данное направление имеет самую богатую традицию, глубокие и мощные корни. Это объясняется не только огромным, более чем тысячелетним периодом развития религиозно-патриотических взглядов, чувств, но и величественным вкладом в разработку данного направления со стороны многих и многих видных представителей власти, Русской Православной Церкви, литературы, философских и других наук.

Таким образом, из анализа основного содержания каждого из этих направлений, по которым различаются рассмотренные подходы к пониманию патриотизма, можно сделать вывод о спектральности, значительном разбросе точек зрения в отношении данного феномена. Это объясняется, в частности, его сложностью и многоаспектностью, многокомпонентностью содержания, разноплановостью структуры, многообразием форм проявления, изменением отношения к нему государственного руководства и общественной элиты, особенностями научных исследований проблемы патриотизма (осуществленных в разных исторических, социально-политических условиях, на базе различных наук и т.д.).

Каковы же наиболее сильные, существенные стороны, раскрывающие те или иные свойства, черты патриотизма, рассматриваемого в том или ином аспекте, содержатся в каждом из этих направлений?

Для первого направления характерно понимание патриотизма как одного из важнейших, наиболее возвышенных чувств. Природа этого чувства, очень богатого по содержанию, многообразного, сильного и устойчивого по проявлению, не ограничивается лишь эмоциональным началом. В связи с исключительной значительностью объекта патриотизма – Отечества, Родины – чувство, испытываемое к нему, имеет выраженную социальную направленность.

Второе направление рассматривает природу патриотического чувства во многом аналогичным образом, однако, по сравнению с предыдущим направлением, такое чувство обладает еще и побудительной силой. Вследствие этого патриотизм, благодаря силе и действительности чувства, является еще и деятельностным. Реальное же воплощение патриотического чув-

ства в конкретные дела, поступки, действия в интересах Отечества является критерием патриотизма, признанием его истинности.

В третьем направлении подчеркивается тесная взаимосвязь и взаимозависимость патриотизма и общества. В этом соотношении патриотизм рассматривается одновременно в разных ракурсах: как одна из составляющих общественного сознания, менталитета, национального самосознания, как компонент идеологии, культуры, истории, общественной психологии, как одна из высших ценностей, как направление воспитания, как источник благополучия, благосостояния и успешного развития важнейших сфер жизни. Существенно и то, что в качестве объекта патриотизма выступает та или иная сфера общества, а также оно само как социум.

В четвертом направлении в качестве объекта патриотизма выступает государство. Тем самым учитывается своеобразие исторического пути России, в развитии которой огромную роль сыграло именно государство. В современных условиях укрепление государства, государственности на основе патриотизма не только способствовало бы созданию правового общества, но и возрождению России как великой державы. Только в набирающем силу Российском государстве станет возможным рост национального самосознания, национальной гордости, достоинства всех граждан.

В пятом направлении особое, приоритетное значение принадлежит личности. Во-первых, она является субъектом патриотизма. При этом ее активная созидательная роль проявляется в процессе саморазвития – интеллектуального, нравственного, духовно-творческого, деятельностного – качеств, свойств гражданина-защитника Отечества. Во-вторых, крайне важно, что ключевым моментом активной самореализации личности патриота является отождествление ее высших интересов, целей, идеалов и т.д. с Отечеством, отношение к которому определяется возвышенностью любви к нему и силой долга. В своей основе исходные положения данного направления проникнуты гуманизмом, утвержденным в качестве высших ценностей любви, свободы выбора, творчества, возможности самоопределения и др.

Многие из этих позитивных моментов, характеризующих личностный патриотизм, в полной мере относятся и к шестому направлению, в котором во всей глубине раскрывается духовная природа патриотизма. Духовное предстает как наивысшая ценность, только через него и благодаря ему человек способен подняться до высоты истинного патриотизма. Особая значимость духовного не только в божественности его природы, но и в огромном богатстве культурного, исторического и собственно богословского содержания патриотизма, которое на протяжении тысячелетия развивалось в лоне православия. Высшие проявления духовного, такие как истинный патриотизм – результат сложного и длительного развития общества, этноса, личности. Содержание, направленность и особенно уровень духовного патриотизма, его реальное воплощение являются наиболее глубокой, существенной стороной данного подхода в теоретическом отношении.

Итак, исходные установки, в которых конкретизируются вышерассмотренные теоретические основы патриотизма для его более полного и всестороннего понимания и выведения нового варианта определения, в своей совокупности представляются в следующем виде.

- патриотизм, если иметь в виду его генезис, возникает и проявляется как чувство, все более социализируясь и возвышаясь посредством духовно-нравственного обогащения;
- понимание высшего развития чувства патриотизма неразрывно связано с его действительностью, что в более конкретном плане проявляется в активной социальной деятельности, действиях и поступках, осуществляемых субъектом на благо Отечества;
- патриотизм, будучи глубоко социальным по своей природе явлением, представляет собой не только важнейшую грань жизни общества, но и источник его существования и развития, выступает как атрибут жизнеспособности, а иногда и выживаемости социума;
- одним из характерных проявлений патриотизма является принцип державности, отражающий специфику исторического развития нашего общества, важнейшим фактором которого выступало государство, как относительно самодовлеющая сила. На современном этапе развития российского общества возрождение патриотизма во многом ассоциируется в качестве важнейшего условия возрождения России как великой державы;

- в качестве первоосновного субъекта патриотизма выступает личность, приоритетной социально-нравственной задачей которой является осознание своей исторической, культурной, национальной, духовной и иной принадлежности к Родине как высшего принципа, определяющего смысл и стратегию ее жизни, исполненной служения Отечеству;
- истинный патриотизм – в его духовности. Патриотизм как возвышенное чувство, незаменимая ценность и источник, важнейший мотив социально-значимой деятельности наиболее полно проявляется в личности, социальной группе, достигшей высшего уровня духовно-нравственного и культурного развития. Истинный, духовный в своей основе патриотизм предполагает бескорыстное, беззаветное, вплоть до самопожертвования, служение Отечеству, которое по своей значимости уступает лишь служению Богу.

Исходя из этих установок, в которых в концентрированном виде представлены основы понимания патриотизма как важнейшего явления нашей жизни, становится возможным, обобщив их наиболее существенные стороны, моменты, сформулировать его определение. Патриотизм понимается как одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущих всем сферам жизни общества и государства, является важнейшим духовным достоянием личности, характеризует высший уровень ее развития и проявляется в ее активно-деятельностной самореализации на благо Отечества. Патриотизм представляет собой своего рода фундамент общественного и государственного здания, идеологическую опору его жизнеспособности, одно из первоосновных условий эффективного функционирования всей системы социальных и государственных институтов.

В историческом плане патриотизм является необходимым и важным аспектом духовной и нравственной силы и здоровья общества, что особенно мощно и неудержимо проявляется на переломных этапах развития, во время больших, исторически значимых событий, в годы трудных испытаний. В процессе своего развития патриотизм зарождается и формируется как чувство, связанное с мирозерцанием родного края, ближнего окружения в раннем детском возрасте, а в более зрелом оно социализируется, возвышается, особенно благодаря осуществлению конкретных видов общественно-полезной деятельности.

Формирование истинного патриотизма связано с высшим уровнем развития личности, особенно в социально-духовном и нравственном плане. На этом уровне развития личность идентифицирует себя с Родиной, Отечеством. Ее «Я» становится частицей, неразрывно связанной со множеством других «Я» социума, что в реальной действительности и конкретной деятельности проявляется в единении их чувств, ценностей, взглядов, норм, идеалов, целей, действий и поступков, интегрирующим моментом которого выступают высшие интересы общества, активная реализация идеи служения Отечеству.

Истинный патриотизм предполагает формирование и длительное развитие целого комплекса позитивных качеств личности. Стержнем этого развития являются духовно-нравственный и социокультурный компоненты. Истинный патриотизм проявляется в единстве глубочайшего духовного освоения его субъектами истории и культуры своего народа и их активно-деятельностного участия в решении важнейших проблем современного общества, высокой гражданственности и социальной активности личности, осознающей свою нераздельность, неразрывность с Отечеством.

Малинкин А.Н. к.филос.н. (ИС РАН, Москва)

Понятие патриотизма: эссе по социологии знания

Патриотизм, во-первых и прежде всего, – *любовь к родине*, отечеству (*patria*). Это изначально социальное чувство – чувство общности, единства, солидарности с родными и близкими, чувство сопричастности их судьбе, поскольку «родина» как *родные люди* (мать, отец, близкие родственники или те, кто их фактически заменяет) и «родина» как исторически определенное *место и время* рождения поначалу образуют единый и нераздельный феноменологически первичный *мир современников и жизненный мир*¹. «Знание каждого человека о

¹ О понятии «жизненный мир» (*Lebenswelt*) см.: Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendentalen Phänomenologie // Husserliana. Den Haag. Bd. 6. 1954; Grathoff R. Milieu und Lebenswelt: Einfüh-

том, что он – «член» общества, – это не эмпирическое знание, а «*a priori*», – гласит первая аксиома социологии знания М. Шелера. – Оно генетически *предшествует* этапам его так называемого самосознания и сознания собственной ценности: нет никакого «я» без «мы», и «мы» генетически всегда раньше наполнено содержанием, чем «я»¹.

Любовь к родине есть особая разновидность *чувства любви*². Она представляет собой *первичное эмоциональное выражение души и духа интимно-личностного характера*. Считать ее чем-то вторичным, искусственно создаваемым, производным было бы ошибкой. Формируясь в процессе социализации человеческой личности на базе множества социальных отношений, питаясь их энергией и отдавая им свою, любовь к родине является самобытным способом человеческого мироотношения. Даже те социальные отношения, которые оказывают существенное и решающее влияние на формирование патриотических чувств (скажем, национальные, политические, культурные), не могут заменить эмоционального отношения к родине – гордости, презрения, ревности, равнодушия, восторга, негодования, жалости, досады и т.д. Первоисточником любого эмоционального отношения к родине, в том числе негативного (например, ненависти), всегда является любовь. Как первичная *целостная* эмоция любовь к родине может быть источником и лежать в основе комплекса переживаний, воззрений и идей. Они могут иметь чрезвычайно сложную структуру и – будучи выражены в общезначимых символических формах – поддаваться объективному наблюдению и анализу, но сама по себе любовь к родине не может быть собрана или разобрана на составные части, как механический агрегат.

Во-вторых, патриотизм глубоко укоренен в человеческой *свободе*. Любовь к родине всегда есть дело свободного («автономного») самоопределения индивидуальной человеческой личности. Она либо есть, либо ее нет: заставить любить кого-то или что-то нельзя: «насильно мил не будешь». Любовь возникает и развивается, появляется или исчезает спонтанно, не по принуждению и не намеренно. Волевая сторона патриотизма в принципе производна от любви к родине, но фактически неотделима от нее, поскольку сущность подлинной любви проявляется в деятельном и жертвенном участии в бытии предмета любви.

В некоторых проблемных или критических жизненных ситуациях волевой компонент патриотизма выходит на первый план, вытесняя большую часть спектра патриотических переживаний, и требует активных социальных действий (как в случае защиты родного дома, края, отечества; в миграции или эмиграции). Аналогичный процесс происходит и в социальных общностях, когда возникает и проявляется коллективная воля к формированию или сплочению нации (народа), которая обычно направлена на выбор «лучшей доли», на то, чтобы взять «свою судьбу в собственные руки». Этот процесс Р. Михельс квалифицирует как *ирредентизм*³.

В нормальных жизненных и исторических ситуациях патриотизм представляет собой единый эмоционально-волевой комплекс. Именно любовь к родине *пробуждает* волю к сплочению, единению всех, кто любит родину, ради активного, деятельного, а в определенных ситуациях жертвенного ей служения, в результате чего между патриотами устанавлива-

rung in die phänomenologische Soziologie und die sozial-phänomenologische Forschung. Frankfurt a/Main, 1995; о понятии «мир современников» (Mitwelt) см.: Scheler M. Probleme einer Soziologie des Wissens // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 8. Bern, 1980.; Schütz A. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt – Eine Einleitung in die verstehende Soziologie. Frankfurt a/Main, 1981; См. также: Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996. С.69-75.

¹ Scheler M. Probleme einer Soziologie des Wissens // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 8. Bern, 1980. S.52

² О понятии «любви» в предполагаемом здесь смысле см.: Августин Блаженный. Энхиридион Лаврентию. О вере, надежде и любви // Августин Блаженный. Творения. Том 2. Теологические трактаты. СПб., 1998; Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 2. Bern, 1980; Scheler M. Wesen und Formen der Sympathie // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 7. Bern, 1973; Scheler M. Liebe und Erkenntnis. Bd. 6. Bonn, 1986; Шелер М. Ordo amoris // М. Шелер. Избранные произведения. М., 1994; Малинкин А.Н. Учение Макса Шелера о ресентименте и его значение для социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С.116-150; Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С.221-222.

³Michels R. Patriotismus // Handwörterbuch für Soziologie / Hrsg. von A. Vierkandt. Stuttgart, 1959. S. 439; Michels R. Der Patriotismus: Prolegomena zu seiner soziologischen Analyse. München und Leipzig, 1929.

ется органическая солидарность на основе взаимного доверия, бессознательного или осознанного. Обратный процесс – когда социально-групповая или общенациональная солидаризация вызывает «волну патриотизма» – разумеется, возможен и происходит в действительности; однако было бы ошибкой отождествлять его с патриотизмом как таковым. Эмоционально-волевой импульс, который индивиды получают в процессе солидаризации через социально-психологическое заражение, *не порождает* их любовь к родине, а лишь *актуализирует* их отношение (любовь, ненависть и т.д.) к ней, заставляет его осознать, стимулирует его или подавляет.

В-третьих, патриотизм находит *интеллектуальное* выражение в понятиях. В патриотических взглядах под определенным углом зрения осмысливаются те или иные социальные отношения, намечаются пути и способы их изменения в интересах отечества. Социальные идеи и теории, открыто провозглашающие свою патриотическую направленность (то есть зависимость от интересов отечества), можно охарактеризовать как «патриотически-идеологические».

Существует множество социальных идей и теорий, декларирующих свою независимость от каких-либо жизненно-практических ценностей и интересов, в частности, от патриотических, и претендующих, таким образом, на научную объективность. Должны и могут ли научно-теоретические конструкции, осмысляющие реалии человеческого социума, быть свободными от ценностей и интересов социума, к которому принадлежит их автор, – такова центральная проблема социологии знания. На примере исследования патриотизма мы попытаемся показать, как нам видится ее решение.

Любое социальное отношение может стать фактором формирования патриотических взглядов, идей, теорий и их последующей эволюции, либо их носителем. Вот почему, чтобы сделать первый шаг к *differentia specifica* понятия патриотизма, следует с самого начала провести принципиальное разграничение между социальными отношениями как факторами или носителями патриотизма и собственно патриотизмом как социальным феноменом (нас интересует именно последний). Так, патриотические взгляды, идеи, теории могут найти выражение в сфере политики, экономики, культуры и т.д.; тогда их носителями станут, соответственно, политические, хозяйственные, культурные и другие отношения. Здесь мы имеем дело с известным социальным явлением, когда одно социальное отношение выполняет функцию основы, базиса или носителя другого социального отношения¹. С некоторой натяжкой можно сказать, что патриотизм в чистом виде, «без примеси» других социальных отношений существует только в виде эмоционально-волевого выражения. Натяжка состоит в том, что сами человеческие чувства, в первую очередь патриотические аффекты и эмоции, социально-культурно опосредованы; более того – культурно-исторический элемент составляет их сущность. Когда отстаивают обратный взгляд – то есть утверждают внесоциальную этиологию патриотических аффектов и эмоций и их интимно-личностный характер, – ссылаются, с одной стороны, на переживание явлений природы, особенности климата, ландшафта и т.п. и, с другой – на экзистенциальную неповторимость жизненного опыта, индивидуальность его переживания. Если верно, что патриотические переживания, подобно мистическим, на самом деле невыразимы, и попытки передать их в общезначимых символических формах заведомо обречены на извращение их подлинной сущности («мысль изреченная есть ложь»), то у социологии на самом деле нет доступа к «патриотизму» как сверхиндивидуальной реальности. Тогда то, что называется «патриотизмом», не может быть предметом социологии, поскольку таковым является социальная, – стало быть, сверхиндивидуальная – реальность. Самое большее, на что социология может рассчитывать, – это описывать и анализировать «патриотизмы» как искусственные рациональные «конструкты», как элементы политических, интел-

¹ Идеологизация этого социального явления привела к «материалистическому пониманию истории». Более конструктивным, с социологической точки зрения, представляется его теоретическое осмысление в онтологии Н. Гартмана. См.: Гартман Н. Проблема духовного бытия: Исследования к обоснованию философии истории наук о духе: Введение // Культурология. XX век: Антология. М., 1995. С.621-631.

лектуальных, литературных, религиозных, социальных и прочих «полей»¹. На наш взгляд, это не так, и оба приведенных выше аргумента не выдерживают критики. Органическая естественность чувства любви к родине, связанная с особенностями ландшафта, климата и т.п., на наш взгляд, еще не свидетельствует о внесоциальности такой формы «первобытного» исконного патриотического чувства. Например, «русская березка»: этот символ России дорог сердцу каждого русского человека. Однако известно, что «белая береза» (*Betula alba*) не является отличительной особенностью российского ландшафта и широко распространена во многих странах мира. *Значит, дело не в дереве, а в том, почему оно стало национальным символом, а это – уже другая, не естественнонаучная (ботаническая), а социологическая проблема*². То же самое можно было бы сказать о «русской зиме», «русских лесах и полях», «русском медведе» и даже о так называемой «русской душе» (в той мере, в какой она – естественный феномен народной жизни).

С другой стороны, индивидуально-личностный, глубоко интимный характер некоторых чувств – а к ним в большой мере относятся и патриотические – вовсе не исключает их культурно-исторической обусловленности и социальной значимости. Так, у каждого нормального человека есть потаенные уголки души, о которых, как он полагает, не должен знать никто, даже самый близкий человек. Но сокровенным мы не делимся с другими не потому, что «этого» больше ни у кого, кроме нас, нет. Скорей наоборот, действительная основа, объективная событийная канва интимных переживаний, как правило, банальна. При открытии, обнародовании она утрачивает ореол таинственности, а вместе с ним и магическое влияние на нас. Мы держим сокровенное при себе потому, что «это» имеет *отношение* лично к нам и *значимо* только для нас. Не факты, события, вещи, а их *особая индивидуальная значимость* являются кирпичиками в фундаменте нашей личности. Вольно или невольно, сознательно или бессознательно в течение всей жизни мы «культивируем» собственную личность, и важный элемент такого культа – соблюдение некоторых интимно-личных табу и ритуалов; мы бдительно следим за неприкосновенностью того, что для нас дорого, свято, или занимает место дорогого, святого в нашей ценностной иерархии³.

Итак, и субъективные смыслы бывают разные, и сама субъективность не однородна: уже при первом приближении внутри нее выделяется то, что можно назвать *материей и формой переживаний*⁴. В описанной выше интроспективной картине главное заключается не в том, что составляет материю интимно-личных переживаний («это событие», продукт объективирующей интенции) некоего «я», но в том, *как оно «это событие» переживает и что «это» значит лично для него* («индивидуальное я», продукт субъективирующей интенции).

Между тем, социологию – а феноменологическая социология с ее ориентацией на интерсубъективность здесь не исключение – в отличие от глубинной психологии, например, психоанализа, интересует как раз не индивидуально-личностная значимость события, а его социальная значимость и общезначимость (которые, разумеется, также «проходят» через индивидуально-личностные переживания). Социологию может интересовать лишь *материя* пе-

¹ Bourdieu P. Sozialer Sinn: Kritik der theoretischen Vernunft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1987.

² Берестяные грамоты, лапти, березовые веники, березовые лучины, деготь из березовой коры, лечебные березовые почки, крепкая березовая древесина – это лишь некоторые и, возможно, не главные причины превращения белой березы в национальный русский символ. Более глубокий пласт этой социологической проблемы (символизации) открывается при осмыслении того факта, что многие народы, живущие на территории России (например, якуты) почитали березу как *священное* дерево.

³ Разумеется, кроме эмоционально-позитивных переживаний (о «хорошем»), интимно-личностную сферу образуют также эмоционально-негативные переживания (о «плохом»), например, чувства вины, стыда, раскаяния в связи с теми или иными поступками. Но известно, что даже у самого отпетого негодяя, матерого преступника, у которого, казалось бы, давно атрофировались нормальные человеческие эмоции, в глубине души всегда сохраняется что-то «святое».

⁴ Категориальное различие материи и формы переживаний основывается на различении материи и формы познания в «феноменологии научного познания» Э. Кассирера. См.: Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. Bd. 1-3. Berlin (Bd. 1. Die Sprache. 1923; Bd. 2. Das mythische Denken. 1925; Bd. 3. Phänomenologie der Erkenntnis). 1929; Кассирер Э. Философия символических форм: Введение и постановка проблемы // Культурология. XX век: Антология. М., 1995.

реживаний. Последняя в принципе социально значима и общезначима, потому что (через объективацию) представляет собой объективно существующую социальную связь между людьми⁷. Другими словами, материя переживаний социальна – в той мере, в какой человек является социальным существом – и *поэтому* интерсубъективна.

Например, величайшее достижение СССР – полет Юрия Гагарина в космос – имело огромную социальную (общественную, государственную, идеологическую и пр.) значимость, сплотив в патриотическом порыве миллионы советских людей. Вместе с тем это событие имело большую индивидуальную значимость для каждого советского человека в отдельности, поскольку вызывало индивидуально переживаемое чувство национальной гордости. Или другой, в некотором смысле обратный, пример: для А. хруст снега под ногами в морозную зиму, когда все утопает в сугробах, искрящихся на солнце, с детства – символ родины, России. Его переживания (особое восприятие хруста снега) имеют, как он полагает, исключительно интимно-личностный характер, поскольку связаны с детскими воспоминаниями о месте, где он родился, о близких и друзьях. А. никому никогда об этом не говорил и не скажет. Но его родные, близкие, друзья, да и каждый житель России, наделенный чувством прекрасного, – все когда-то переживали *подобное* тому, что переживал он (ведь все они родились и выросли в России) и поэтому хорошо понимают А. Им не требуется объяснять, почему в ясный морозный день глаза А. излучают восторг, почему он, ступая на хрустящий снег, радуется как ребенок. Им не надо приходить к консенсусу относительно общезначимых верифицируемых критериев, которые отличают «настоящую» русскую зиму от «ненастоящей», – ведь у них одна и та же родина.

Итак, патриотические чувства интерсубъективны. Вот почему патриотизм, будучи глубоко интимным индивидуальным чувством любви, одновременно способен спланивать, объединять многих людей в единые, внутренне солидарные общности, в «мы»: дело в том, что он – не продукт *субъективного произвола* чувственной фантазии или мышления (то есть не каприз, не химера, не мания), а выражение *сущностной воли*¹, проявляющейся в индивиде, роде, народе, нации естественно и произвольно². И по этой же причине – благодаря объективности и объективной ценности предмета патриотического отношения – социология как социология «понимающая» *в принципе способна понять и познать* такой интимно-личностный и субъективный феномен как патриотизм.

Далее мы попытаемся выявить и определить *сущностное ядро* патриотизма как социального феномена, установить его *основные формы и типы*, а также квалифицировать с точки зрения социологии знания социальные явления, сущностно-необходимо связанные с патриотизмом, но имеющие противоположный ценностный вектор. Таким образом, мы ограничиваемся рассмотрением собственно патриотизма в его философско-социологическом аспекте.

Патриотизм начинается с естественной бессознательной привязанности человека к отчужденному дому и родному краю. Чувство любви к родительскому дому, к родным и близким, к сверстникам и ближайшему взрослому окружению всегда глубоко индивидуально, за ним стоит уникальный жизненный опыт. Тем не менее, оно – источник формирования у человека в более зрелом возрасте патриотических и других социальных чувств и взглядов. Их объекты постепенно генерализируются, расширяясь концентрическими кругами (отчий дом – отчий край – отчество; родители – род – народ). Такое расширение происходит в ходе социализации личности, обусловлено половозрастными жизненными циклами, которые, в свою очередь, зависят от культурно-цивилизационных характеристик общества, или, проще говоря, от степени его развитости.

Формально-социологической особенностью социализации патриотических чувств и взглядов всегда является выход за границы той части социального пространства, которая на-

¹ Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft // Handwörterbuch für Soziologie / Hrsg. von A. Vierkandt. Stuttgart, 1959. S. 180-191.

² Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С.228.

зывается «жизненным пространством» и интуитивно отождествляется с «родиной»¹. Выход за границы «родины» приводит к осознанию различия между «своей» и «чужой» территорией, к делению людей на «своих» и «чужих»; если он не имеет отрицательных последствий для личности (со стороны «чужих» или «своих»), то «чужие» не становятся «врагами», а их территория начинает восприниматься как «общая». Так впервые патриотическое сознание дифференцируется на «малую» и «большую» родину. В основе этого различия лежат не физическо-географические размеры территории, а социально-феноменологический смысл, который личность вкладывает в эти понятия сообразно масштабам своего жизненного мира². То, что вчера для личности было «большой» родиной, завтра может стать «малой», поскольку она окажется включенной в еще больший круг социального пространства (отчий дом – отчизна; национальное государство – «мировое общество»; планетарная цивилизация – вселенная). Между любовью к так называемой «малой» родине (местным патриотизмом³), изначально более сильной и вещественно-конкретной, и любовью к родине «большой» (собственно патриотизмом) на первых этапах социализации может возникнуть ревностное, внутренне противоречивое чувство. В свете последнего «большая» родина представляется чем-то абстрактным, возвышающимся над привычным домашним и семейным кругом. Выход из него сопряжен с появлением отчужденности, которая в дальнейшем – по мере включения индивида в общегражданские и светские отношения – обычно исчезает. Таким образом, при нормальном процессе социализации местный патриотизм не «отмирает» и не «упраздняется»: поначалу он служит мостиком для перехода к собственно патриотизму, а впоследствии образует его базис.

В определенных обстоятельствах (расово-этническая дискриминация и сегрегация, гражданские войны, конфликты между регионом и центром и т.д.) нормальный процесс эмоциональной социализации нарушается – и отчужденность сохраняется или даже углубляется. Тогда местный патриотизм может послужить источником сепаратистских настроений, причиной миграции или эмиграции. Но и в стабильных условиях процесс генерализации объекта патриотических чувств не всегда идет гладко, поскольку зависит от огромного числа факторов, в частности, расовой и национально-этнической принадлежности, языка, вероисповедания, культурных традиций, исторической судьбы и экономического положения родного края, формы государства, политической системы и т.д. Не удивительно, что в современном большом многонациональном государстве (особенно в таком, как Россия) местный патриотизм бывает нередко более силен, чем патриотизм общегосударственный.

В процессе социализации личности патриотические эмоции дифференцируются и усложняются под действием рефлексии, попыток взрослого человека, с одной стороны, вычленив себя как сознательную индивидуальную личность из тех общностей, частью которых он, сам того не сознавая, являлся с рождения, а с другой стороны, «разобраться в собственных чувствах». Это стремление ведет к активному осмыслению пережитого опыта, переживаемого момента и антиципации будущего, к осознанию своего места в обществе и проектированию желаемого. Делаются первые шаги в направлении расовой, национально-этнической, религиозной, культурной, классовой и социально-групповой самоидентификации. Именно так – через социализацию мышления в ходе реструктуризации жизненного мира – впервые формируются и наполняются конкретным содержанием абстрактные понятия⁴. Прогрессирующая интеллектуализация этого процесса типична для нормального процесса

¹ Обратное заключение «материя переживаний объективна, потому что имеет социальную значимость и общезначимость, то есть признается всеми, а стало быть значит для всех одно и то же» было бы неверно и свидетельствовало бы об отказе от принципов феноменологии в пользу принципов неокантианства.

² В этом смысле и надо понимать выражения «крупная» или «масштабная» личность.

³ Под «местным» патриотизмом мы не имеем в виду патриотизм в метафорическом смысле – корпоративный дух, солидарность, круговую поруку работников одного предприятия, фирмы.

⁴ Это направление исследований, лежащее на стыке социологии, логики и социальной психологии, намечает в своем наброске «теории социального генезиса абстракции» К. Мангейм (Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 252-253).

социализации, хотя его первоначальная эмоциональная основа может не только сохраниться, но и упрочиться.

Анализирующему свои переживания человеку зачастую кажется, будто путь их осмысления и осознания – это путь их полной рационализации, интеллектуального "снятия". Создается впечатление, будто происходит превращение интимно-личностной эмоциональной энергии в общезначимые символические формы, будто в этом размене чувств на слова, религиозные верования, обществоведческие понятия, политические идеи, правовые термины и т.д. эмоции сублимируются и пропадают. Но их периодические взрывы, происходящие во время войн, политических конфликтов и событий, природных и социальных катастроф, международных спортивных состязаний, небывалых национальных достижений и т.п., свидетельствуют, что дело обстоит намного сложнее. Львиная доля оценок, взглядов, убеждений, идей и даже теорий возникает под непосредственным воздействием патриотических порывов, «волн патриотизма».

Рациональные конструкты, имеющие аффективное происхождение, всегда образуют поверхностный, периферический слой индивидуального, группового и общественного сознания. Если бы влияние патриотизма и других «социальных эмоций» на общественную жизнь ограничивалось только этим, то следовало бы признать полную правоту сторонников естественнонаучной (позитивистской) парадигмы в социологии. Влияние патриотических, равно как и антипатриотических порывов мало отличалось бы тогда от воздействия *аффектов и страстей*, пагубного для непредвзятого исследования и научной объективности. Да это и было бы, скорее всего, проявлением аффектов и страстей. Ради познания истины от такого – аффективного – патриотизма следовало бы освободиться, как учил Б. Спиноза, считавший человеческое бессилие в укрощении и ограничении аффектов формой рабства¹. Однако проблема заключается не в том, нужно ли идентифицировать и элиминировать аффективный патриотизм как замутняющий социально-научное познание фактор – это, бесспорно, необходимо, пока мы полагаем, что находимся в рамках социальной науки, – а в идентификации конкретной идейно-теоретической конструкции как социально-научной в отличие от политико-идеологической, социально-философской, религиозно-философской, социально-мифологической и т.д. То есть проблема заключается в полагании границ научности социального познания, а также в том, кем и откуда они полагаются – субъектом познания из самого познания, стремящегося к объективности, или, скажем, субъектом политического действия из политической сферы.

Аффективный патриотизм – важная составная часть множества авторитарно ориентированных политических идеологий (расистских, националистическо-экстремистских, религиозно-фундаменталистских и т.д.). Большинство из них не озабочено поиском истины (она им «известна»), равно как и соблюдением процедур научности познания, по сути своей демократических. Стало быть, задача в том, чтобы осознать и соотнести наши собственные ценности, заложенные в позиции, с которой мы производим идентификацию и квалификацию идейно-теоретической конструкции, с ценностями последней. Такое пропедевтическое реляционирование необходимо, чтобы разобраться, в каком контексте следует рассматривать знание, представленное в данной идейно-теоретической конструкции, – в контексте научного познания или практической деятельности, например, политики².

Между тем, представление о том, что патриотизм – только аффективный фактор, служащий помехой социально-научному познанию, но конститутивный для ненаучного знания, так же поверхностно, как и взгляд, согласно которому социально-научная истина в полной мере

¹ См. два последних раздела «Этики» – «О человеческом рабстве или о силах аффектов» и «О могуществе разума или о человеческой свободе». Б. Спиноза внес огромный вклад в создание естественнонаучной парадигмы познания и соответствующего ей образа «ученого» – «человека познающего» как высшей формы *homo sapiens* и *animal rationale*. Для Спинозы «любовь, желание и всякие другие так называемые аффекты души» – «модусы мышления» (Спиноза Б. Этика. М.-Л., 1933. С. 197-222; Бубер М. Проблема человека. М., 1992).

² На значимость социального контекста знания обратил внимание еще Б. Спиноза. В трактатах, посвященных политике, его отношение к аффектам и страстям совсем иное, чем изложенное в «Этике» (хотя он еще не проводит различия между «аффектами» и «чувствами»). См.: Спиноза Б. Политический трактат. М., 1910. С.3.

объективна лишь тогда, когда целиком исключает индивидуально-личностную субъективность¹. Существенное и суверенное влияние патриотических чувств выражается не в их непосредственном воздействии на процесс мышления и его результат, а совсем другим способом. Они участвуют в формировании системы ценностных предпочтений человека, являются важнейшей составной частью *этоса* индивидуальной человеческой личности. Они входят в состав того, что Бл. Августин называет «*ordo amoris*», а Б. Паскаль – «*ordre du coeur*». Другими словами, если любовь к родине как необходимая составная часть ценностного отношения к миру детерминирует всю человеческую жизнь (в том числе способ мышления), мы имеем дело с *этологическим* патриотизмом. Он находит выражение в определенной жизненной позиции, а она, в свою очередь, – в образе и стиле жизни. Говоря о жизненной позиции, мы имеем в виду не декларативное утверждение патриотических взглядов, а определенную структуру жизненного мира, способ организации жизнедеятельности, повседневного поведения². Патриотические аффекты, эмоции и взгляды являются, с этой точки зрения, всего лишь поверхностной оболочкой более глубокого, бессознательного и подсознательного пласта человеческого бытия в социуме.

Попробуем пояснить, что такое этологический патриотизм. Любящий свою родину человек с самого начала иначе понимает свое предназначение в жизни, избирает иную стезю, иные цели и стратегию их достижения, он изначально ведет себя, мыслит и переживает иначе, чем тот, кто не питает к родине теплых чувств, а тем более тот, кто в глубине души ненавидит страну, в которой родился. Высшим проявлением его патриотизма бывает добровольная жертва собственной жизни ради спасения родины. Соответственно, у истинного патриота по-другому складывается жизненный путь – то, что называется судьбой, «биографией». Как правило, его судьба во многом переплетается с судьбами родины³.

Так, во время войны истинный патриот идет на фронт защищать родину; совершая этот поступок, он не нуждается в публичной декларации своих патриотических чувств и взглядов, она для него – дело второстепенное. Но и в мирное время его патриотическая, или активная гражданская, позиция выражается в поступках, свидетельствующих о его готовности разделить судьбу родины, какой бы она ни была. Обыватель, настроенный патриотически индифферентно или антипатриотически, будучи сторонним наблюдателем, увидит в стремлении к самопожертвованию из любви к родине только пренебрежение здравым смыслом и личными интересами, то есть недостаток ума. Для истинного же патриота, совершающего патриотический поступок, наоборот, сомнения и раздумья о *целесообразности* совершения этого по-

¹ В этой связи показательна эволюция неопозитивизма до постпозитивизма, например, концепция «личностного знания» М. Полани (Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М., 1985) или образ науки и «свободного общества» П. Фейерабенда (Фейерабэнд П. Против методологического принуждения // Фейерабэнд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С.465-466; Фейерабэнд П. Наука в свободном обществе // Фейерабэнд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С.470). Эта эволюция – запоздалое возвращение окольными путями к истине, которая стала очевидной для многих мыслителей еще в начале XX в. (например, для Э. Кассирера, М. Шелера, Э. Гуссерля, Г. Риккерта). А именно, субъективность бывает разная: одна имманентна и конститутивна для социального познания, ее исключение лишает его смысла; другая трансцендентна и деструктивна, ее исключение необходимо для сохранения специфики социального познания в отличие от обыденного и других форм сознания.

² Наше понимание патриотизма перекликается с концепцией И.А. Ильина. «Патриотизм, – пишет он, – ... уходит корнями в глубину человеческого бессознательного, в жилище инстинкта...» (Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 228). И.А. Ильин различает «инстинктивный» и «духовный» патриотизм, воспроизводя метафизический дуализм «духа» и «порыва» М. Шелера: «Патриотизм всегда инстинктивен. Но он не всегда духовен. И то, что должно быть достигнуто, – есть взаимное проникновение инстинкта и духа в обращении к родине» (Там же. С.219).

³ Согласно И.А. Ильину, любить родину – значит соединить свою жизнь с жизнью народа и свою судьбу с его судьбой (Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. с. 226-227). Ср. определение патриотизма, которое дает А. Солженицын: «Патриотизм – это цельное и настойчивое чувство любви к своей родине, с готовностью жертвовать ей, делить невзгоды, но со служением не угодливым, не подержкою несправедливых притязаний, а откровенным в оценке ее пороков, грехов и в раскаянии за них». Патриотизм, в понимании А. Солженицына, «чувство органическое, естественное, оно не требует никаких оправданий, обоснований» (Солженицын А. Россия в обвале. М., 1998. С.152).

ступка – первый признак личностной ущербности, нравственной слабости. Осмысливая пройденные пути, патриот и антипатриот обнаруживают, что их взгляды и разделяемые ими идеи соответствуют их практическому жизненному опыту. При этом оба склонны думать, что это происходит потому, что «практика определяет теорию». В действительности, социально-практический и социально-познавательный опыт человека равно изначально и в одинаковой мере (хотя и не фатально) предопределен той глубинно-психологической структурой, которую можно назвать этологической конституцией человека. Она как раз и объясняет тот неоспоримый факт, что у каждого человека «своя жизненная правда», несоизмеримая с «правдой» другого и «подтверждаемая» именно таким, а не иным стечением обстоятельств жизни – судьбой¹. У патриота всегда есть аргументы и факты в пользу верности избранного пути; у антипатриота – тоже. Речь идет не об искажении правды (обмане, лжи) из-за аффектов и страстей, потребностей и интересов, а о разных правдах, или перспективах видения реальности.

Тот факт, что дети часто повторяют судьбу родителей, следуя по проторенной ими жизненной колее, словно на них лежит «родовое проклятие» или, наоборот, счастливая печать избранности, известен давно. Впрочем, судьба человека может сложиться не через повторение судьбы родителей и близкого окружения, а, наоборот, через сопротивление и преодоление ее мифической неотвратимости. Однако и в этом случае сохраняется зависимость представителей молодого поколения от «наследия предков», хотя и в отрицательной форме. В этом смысле феномен индивидуальной, или «собственной», жизни представляет интересную социологическую проблему², исследование которой с помощью биографического метода начато сравнительно недавно. Дело в том, что сама ее постановка возможна только в обществе с высоким уровнем развития, когда уже не единицам, а большому числу людей удается выйти за пределы влияния традиционных жизненных образцов и «взять свою судьбу в собственные руки».

Попытки объяснить судьбу, не прибегая к традиционному суеверию (например, хиромантии), повериям обыденного сознания, мифическо-астрологическому истолкованию¹⁶ или религиозному фатализму и мистике, начали предприниматься лишь в XX веке. Одними из первых и, на наш взгляд, наиболее основательных являются философско-социологическое учение М. Шелера об этосе и образцах³, теория Э. Шпрангера о «жизненных формах»⁴, но, прежде всего, постановка Г. Зиммелем – как философско-социологической – «проблемы судьбы». Зиммель определяет судьбу как результат взаимодействия объективных случайных причинно-следственных цепочек и субъективных внутренних жизненных интенций человека. «Точно так же с помощью понятия судьбы становится понятным то, что казалось промыслом «провидения», так как судьба человека и его индивидуальная сущность удивительным образом соответствуют друг другу, – пишет он. – Подобно тому, как мир определяет содержание нашего познания – но лишь потому, что познание ранее определило, каким может быть для нас мир, – так и судьба определяет жизнь индивида, но лишь потому, что этот последний избирал эти события по некоторому сродству, равно как и тот смысл, в котором они могут сделаться его судьбой»⁵. Далее Зиммель делает наблюдение чрезвычайно важное; оно

¹ Влияние места (и времени) рождения человека на его дальнейшую судьбу рассматриваются здесь с точки зрения феноменологически обоснованной социологии знания. Критику астрологического фатализма как особой разновидности мифического сознания см. в программной работе Э. Кассирера «Понятийная форма мифического мышления» (Кассирер Э. Понятийная форма в мифическом мышлении // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998).

² Beck U., Vossenkuhl W., Rautert T. Eigenes Leben: Ausflüge in die unbekannte Gesellschaft, in der wir leben. München, 1995.

³ Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 2. Bern, 1980. Шелер М. Ordo amoris // М. Шелер. Избранные произведения. М., 1994.

⁴ На основе шести биопсихических типов Э. Шпрангер выделяет шесть типов человеческой личности: 1) теоретический человек, 2) экономический человек, 3) эстетический человек, 4) общественный (социальный) человек, 5) властный человек, 6) религиозный человек (Spranger E. Lebensformen. Geisteswissenschaftliche Psychologie und Ethik der Persönlichkeit. Tübingen, 1914).

⁵ Зиммель Г. Проблема судьбы // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996. С.190-191.

прямо выводит нас к проблеме интерсубъективности, о которой мы говорили выше в связи с патриотизмом: «Если некоторые события становятся судьбой любого числа индивидов, то это происходит потому, что какие-то важные жизненные интенции предполагаются у всех людей»¹.

Ключевыми для философско-социологической интерпретации судьбы, являются, на наш взгляд, понятия этоса и жизненного образца. *Этос* – это система ценностей субъекта (человека, класса, народа и т.д.), сложившаяся на основе ценностных предпочтений по определенным правилам предпочтения одних ценностей и небрежения другими². Этос человека в значительной степени архетипичен, он является источником ценностно-бессознательного отношения к миру, в котором сознательное отношение (в том числе интроспективное самопознание) – лишь надводная часть айсберга³. Изменения в нем происходят медленно, они обусловлены прежде всего сменой поколений, расовыми и этническими смешениями, большими социальными потрясениями и природными катаклизмами. Обычной формой передачи этоса являются, на наш взгляд, жизненные образцы⁴, прежде всего традиционные, "наследуемые" детьми в первую очередь от родителей.

Так, типы этосов, существующие внутри русского этноса, хорошо известны как бытовые типажы, сказочные и литературные образы. Их объединяет одно: они персонифицируют разные формы человеческого бытия в социуме (социальные ниши), а именно способы жизнеустройства разных биопсихических типов, относительно независимые от общественно-экономического строя и политических порядков. За каждым из них стоит свой жизненный мир, своя жизненная «правда», более или менее определенная социальная среда⁵. *Жизненные образцы* – это персонифицированные жизненные программы, стратегии и тактики жизни. Для большинства людей они служат если не предначертанием их судьбы, то во всяком случае выполняют в их жизни символическую функцию предупреждающих указателей, маяков, пограничных столбов. Жизненные образцы – в отличие от моральных образцов, которые демонстрируют, как жить должно, – показывают, как жить можно⁶.

Вероятно, нечто подобное имел в виду И.А. Ильин, когда писал, что «каждый народ имеет свои специфические особенности, образующие его национальный духовный уклад, или, выражаясь философически, – его национальный духовный акт». «Само собой разумеется, –

¹ Там же. С.191.

² Более подробно о понятии этоса см.: Малинкин А.Н. Учение Макса Шелера о ресентименте и его значение для социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 116-150.

³ Обзор наиболее влиятельных точек зрения этнологов и культурных антропологов на то, что такое «этос» см.: Лурье С.В. Двойное дно этничности: Теоретические подходы к исследованию // Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания: Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб, 1994. С.40-41. С.В. Лурье обращается к понятию этоса в связи с проблемой адекватной понятийной квалификации «этнического бессознательного», играющего роль «центральной зоны» («образа в себе») в процессе самоструктурирования этноса.

⁴ Культурные антропологи, этнологи и культурологи предпочитают говорить о «культурных образцах». Последние, несмотря на сходство, отличаются от «жизненных образцов» в нашем понимании.

⁵ Этнопсихологи давно пришли к выводу, что этническая культура не гомогенна. Речь идет о вариациях этнической идентичности внутри определенного этноса. Количество и качество этих вариаций не случайно. На наш взгляд, правомерно говорить о существовании внутри этноса (в синхроническом и диахроническом измерениях) жизнеспособных, воспроизводящихся «социоэтологических систем», в рамках которых одинаково необходимы – по принципу взаимодополнения – и «хорошие», и «плохие», и, на первый взгляд, совсем «никчемные» жизненные образцы.

⁶ В своем учении об образцах М. Шелер говорит также об «образцах-моделях» – априорных идеях личностных образцов, дедуктивно выводимые из основных типов ценностей. Так, ценностям религиозным (или ценностям священного), духовным (или ценностям культуры), витальным (или ценностям жизни), утилитарным (или ценностям полезного), гедонистическим (или ценностям приятного) соответствуют образцы-модели святого, гения, героя, пионера цивилизации, искусника наслаждений (см.: Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 2. Bern, 1980; Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 10. Schriften aus dem Nachlass. Bd. 1. Zur Ethik und Erkenntnislehre. Bonn, 1986; Малинкин А.Н. Уроки истории. Политологическая концепция Макса Шелера и позднебуржуазный консерватизм // Социс. 1986. № 3. С. 78-87). Жизненные образцы, наоборот, апостериорны, они индуктивно выводятся как персонифицированные узлы реально существовавших и существующих социоэтологических взаимосвязей.

продолжает он в примечании, – что этот «акт» включает в себя и всю глубину бессознательного, жизнь инстинкта, страстей и наследственного уклада жизни». Что здесь подразумевается конкретно? «Так, каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему ленится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горюет, плачет, сердится и отчаивается; по-своему улыбается, смеется и радуется» и т.д.¹

Итак, с помощью понятий этоса и жизненного образца мы хотели показать, во-первых, что отношение к родине формируется на самом глубоком уровне практического сознания; этот слой человеческой психики граничит с ее бессознательными – архетипическими и, вероятно, даже прафеноменальными – пластами, поэтому социологу знания, исследующему факты сознания, необходимо различать *аффективный и этологический патриотизм*. Во-вторых, отношение к родине является составной частью этоса личности и через него оказывает существенное влияние на всю человеческую жизнь (судьбу человека), в том числе на его образ мыслей и мировоззрение. Этологический патриотизм конститутивен социально-научному познанию, поскольку последнее осуществляется индивидуальными человеческими личностями. Однако этологический патриотизм, в отличие от аффективного, не является фактором, «замутняющим» или, наоборот, «просветляющим» научную истину. Ибо речь идет уже не о фальсификации или прямом обмане из патриотических (антипатриотических и т.д.) соображений, а о качественно разных мировосприятиях и картинах мира, выстроенных на различных ценностных, мировоззренческих основаниях².

Так, можно любить родину, но в стремлении помочь ей совершить нелепый или даже социально вредный поступок, создать теоретически несостоятельную или практически опасную идейную программу. С другой стороны, во всемирной истории и истории России немало примеров того, когда жизненная позиция, поступки, чувства и взгляды людей, настроенных, к примеру, антипатриотически, помогли привлечь внимание общественности к наболевшим проблемам и способствовали их решению.

По отношению к этологическому патриотизму не будет преувеличением сказать, что он «впитывается с молоком матери». Люди с малых лет бессознательно перенимают не только традиционные народные архетипы, но и личностные образцы из ближайшего окружения, за которыми стоят целые жизненные программы. Прежде всего образцами для них служат – вольно или невольно, к счастью или несчастью – отец и мать. Разумеется, экзистенциально обусловленный патриотизм, бессознательно воспринятый от родителей как жизненная программа, было бы неверно оценивать словами «хорошо» или «плохо» – он либо есть, либо его нет. Квалифицировать этологический пласт социального бытия в моральных терминах все равно, что порицать или хвалить воду за то, что она «мокрая». Господствующая в обществе мораль, а также действующее право во многих отношениях производны от господствующих типов этоса или находятся с ними в *отношении лицемерного лжепатриотического взаимодополнения*³.

Осознание этологического патриотизма – если оно вообще происходит – не всегда имеет позитивные последствия, то есть ведет к зрелым патриотическим чувствам и убеждениям. Оно может вызвать защитную реакцию протеста, отказа покорно повторять участь родных и близких, друзей и знакомых, а вместе с тем – разделить судьбу родины. Человек чувствует

¹ Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С.229-230.

² Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994.

³ Например, нигде воровство так не клеймят позором на словах (среди «чужих») и нигде к нему так терпимо не относятся на деле (среди «своих»), как в России. Воровство – в широком, исконно русском смысле этого слова – никогда не покрывалось у нас сферой уголовного права, играя роль компенсаторного социально-экономического противовеса жестокому политическому абсолютизму и архаичным (феодальным) экономическим порядкам: без казнокрадства, взяточничества, мздоимства, жульничества, вымогательства, мошенничества, грабежа, разбоя и т.д. выжить было просто невозможно. Воровство давно вошло в плоть и кровь народной жизни, а после «перестройки», взяв общество в клещи сверху (казнокрадство, коррупция) и снизу (кражи, бандализм), стало конститутивным элементом социально-экономического строя. См. о «новом русском» «клептократическом» капитализме (Малинкин А.Н. Учение Макса Шелера о ресентименте и его значение для социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 143-146).

себя жертвой – жертвой обстоятельств. Появляется стремление разорвать фатально сплетенный ими порочный круг, вырваться на свободу из затхлой, унижающей человеческое достоинство или криминогенной социальной среды, из тесного мирка «малой» или «большой» родины, которая, кажется, грозит задушить в своих объятиях. Из такой критической ситуации может быть много выходов, однако в любом случае происходит большая или меньшая деформация душевно-духовного строя личности, ведущая к появлению, так сказать, искаженных и превращенных форм патриотического сознания. На наш взгляд, их не следует уподоблять девиантному, или отклоняющемуся, сознанию, ибо у такой аналогии нет общего основания. Последнее понятие, необходимо связанное с социологией права и морали, ориентировано на теоретически обоснованные юридические и этические нормы, а потому предполагает общезначимый рациональный критерий, позволяющий различать «благие» и «злые», «законопослушные» и «преступные» замыслы, устремления, намерения, мотивы и т.п.

Выработка и применение общезначимого рационального критерия по отношению к любви к родине в принципе невозможны, если только они не осуществляются в рамках «казенного патриотизма» – составной части государственно-политической идеологии, которая учит, как «правильно» любить родину¹. Но заставить любить родину нельзя, тем более, нельзя заставить любить ее по правилам, предлагаемым государством, – каждый любит или ненавидит ее не так, как надо, а так, как он может и хочет. Поэтому квалификацию патриотических чувств и форм сознания как «искаженных», «извращенных» и т.п. надо понимать не в абсолютном, а всегда лишь в соотносительном смысле. Убеждение в необходимости соотношения оценки чужих патриотических чувств и взглядов с собственными и собственными – с чужими возникает по мере осознания того факта, что даже отрицание канона подлинной и чистой любви (выработанного, например, христианской религией) еще не означает отрицания самой любви.

Феноменологию форм патриотических чувств и сознания можно начать с простейшего и самого распространенного феномена – безразличного, равнодушного отношения к родине или даже вообще отсутствия определенного отношения к ней. Бывает, люди проживают всю жизнь, но так и не поднимаются до осознания своего отношения к родине. Патриотический индифферентизм – одна из основных причин непатриотических высказываний, поступков, решений. Непатриотизм, в отличие от антипатриотизма, означает не ненависть к родине, а забвение родины – ее исчезновение из поля предметов возможного внимания. Непатриотично ведут себя личность, социальная группа, партия, государство, которые не учитывают отечественные интересы там, где это необходимо или желательно.

Ненависть к родине – результат естественной протестной реакции человека, стремящегося вырваться из сложившегося жизненного мира, но временно не способного это сделать (например, путем изменения социально-экономических условий, миграции или эмиграции). Человек либо примиряется со средой, воспринимаемой им как «порочный круг», «ловушка» и т.п., либо продолжает с ней бороться, стремясь нейтрализовать влияние чуждого или враждебного социального окружения. В ответ на вязкое или агрессивное сопротивление среды у человека, ощущающего себя на родине «чужим», возникает ненависть по отношению ко всему, что ее олицетворяет, – родителям, родному дому, друзьям, знакомым и незнакомым людям, природному ландшафту, улице, городу, климату и т.д. Расширяясь концентрическими кругами, ненависть переходит на «большую» родину и все, что ее олицетворяет, – страну, народ, государство, его историю, государственно-образующую нацию, государственные символы и т.д.

Проявления антипатриотизма, хотя и не редки в быту, но в доктринальной форме встречаются не так часто. Гораздо чаще горячая и ревнивая любовь к родине принимает форму

¹ Например, рожать побольше детей, ехать на освоение целинных земель, осушать болота российского Нечерноземья, строить БАМ, выполнять интернациональный долг в Афганистане, наводить конституционный порядок в Чечне и т.д.

*ложного антипатриотизма*¹ («Люблю отчизну я, но странною любовью»), а ненависть и презрение к родине нередко маскируются в особого рода любовь – *лжепатриотизм*, или *псевдопатриотизм*. Разумеется, между двумя крайними формами патриотизма и антипатриотизма существует множество переходных форм. Все они находятся в динамике, так что под действием различных внешних или внутренних причин вчерашний ложный антипатриот может преобразиться в горячего патриота и наоборот. Точно так же, хотя и реже, вчерашний антипатриот становится патриотом и наоборот.

При неблагоприятных условиях, в первую очередь тогда, когда нет никакой реальной возможности – объективной или субъективной – вырваться из унаследованного жизненного мира и создать новый, на почве бессильной ненависти к родине может сформироваться *ресентимент*. Ресентиментный антипатриотизм перерастает в патриотический нигилизм. *Патриотический нигилизм* – это уже не ненависть к родине (специфичная для антипатриотизма), а отрицание позитивной ценности родины как таковой, то есть отрицание особого и незаменимого места родины в системе человеческих ценностей. Симптомы патриотического нигилизма свидетельствуют о необратимых изменениях в эмоциональной конституции и умонастроении человека, которые в принципе исключают возрождение любви к родине. Патриотический нигилизм выражается в слепом поклонении всему иностранному, фанатической преданности какой-либо чужой или древней культуре (умонастроение, специфичное для романтизма) и т.п.² Однако основными эпифеноменами или во всяком случае сопутствующими проявлениями патриотического нигилизма всегда выступают два «близких родственника» – гуманитаризм и космополитизм.

Гуманитаризм, сущностно-необходимо связанный с патриотическим нигилизмом, есть абстрактная любовь ко всему, что в глазах таким образом любящего имеет человеческое лицо (даже если это морда «друга человека» – собаки, кошки, свинки и т.д.). Гуманитаризм индифферентен по отношению к расовой, национальной, этнической, культурной и прочей принадлежности человека к конкретным группам, так как в его основе лежит ограниченная и исторически себя изжившая³ идея равенства природы всех людей (разумная сущность человека), а также более чем двусмысленная идея «общечеловеческих» ценностей. Одним из первых – после Ф. Ницше – и, на наш взгляд, непревзойденных критиков гуманитаризма был М. Шелер. В работе «Ресентимент в структуре моралей»⁴ он подверг «современное человеколюбие» вкупе с указанными выше идеями глубокой и всесторонней критике⁵. Шелер солидаризируется с Ницше, когда тот сводит идею «любви к человечеству», особенно в том виде, какой она приобрела в «социальном движении» конца XIX – начала XX вв. (социализме, феминизме, рабочем движении и т.д.), «к исторически аккумулятивному и накапливающемуся благодаря традиции ресентименту и видит в ней симптом и выражение деградирующей жизни», однако не соглашается с ним в том, что источник современного человеколюбия – идея христианской любви.

¹ Ложный антипатриотизм типичен для русских, склонных к национальному «самобичеванию». Он часто сбивает с толку иностранцев, недоумевающих, как можно любить свою родину и свой народ и одновременно ругать их последними словами. Одна из причин такого «самобичевания» – естественная широта и недоразвитость национального самосознания, характерные для большой нации, рассеянной на огромной территории. Однако есть у него и глубокие социальные корни.

² Герой комедии Грибоедова «Горе от ума» Чацкий, за которым просматривается известный прототип, автор «Философических писем», – не продукт ущербного воспитания, а один из первых патриотических нигилистов и *поэтому* «лишних людей». Впрочем, является ли Чацкий действительно патриотическим нигилистом или только ложным (показным) антипатриотом, – спорный литературоведческий вопрос.

³ На этот факт справедливо указывает, в частности, Н. Луман, говоря о тенденции «современного общества» к постепенному превращению в «мировое» (Luhmann N. Die Weltgesellschaft // Soziologische Aufklärung 2. Aufsätze zur Theorie der Gesellschaft. 3. Aufl., Opladen: Westdeutscher Verlag, 1986. S.51-53).

⁴ Scheler M. Ressentiment im Aufbau der Moralen // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 3. Bern: A. Francke AG Verlag, 1972; Шелер М. Ресентимент в структуре моралей: Введение и глава 1 / Пер. нем. А.Н. Малинкина // Социологический журнал. 1997. № 4.

⁵ Её обзор дан нами – см.: Малинкин А.Н. Учение Макса Шелера о ресентименте и его значение для социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С.116-150.

Приведем два важных фрагмента из этой работы. В первом из них вскрывается сама сущность гуманизма, его центральный нерв. «Ресентимент является ядром в движении современного всеобщего человеколюбия уже хотя бы потому, – пишет М. Шелер, – что основу этого социально-исторического движения душ образует отнюдь не первичное и спонтанное стремление к какой-либо позитивной ценности, а протест, импульс отрицания (то есть ненависть, зависть, мстительность и т.д.) по отношению к господствующим меньшинствам, обладающим позитивными ценностями. Непосредственный объект любви в нем – не «человечество» (потому что вызвать любовь может только нечто наглядное); человечество – просто карта, которая *разыгрывается* им против того, что ненавидят. Человеколюбие есть прежде всего форма выражения вытесненного отрицания Бога, импульса, направленного против Него¹. Оно есть форма проявления вытесненной ненависти к Богу. Оно все время пытается повернуть разговор к тому, что-де «не так много в мире любви», чтобы можно было отдать часть ее какому-то вне-человеческому существу, – поворот, явно продиктованный ресентиментом. Ожесточенность против идеи Господа как высшего существа, невыносимость «всевидающего ока», позы к мятежу против «Бога» как символического единства и суммы всех позитивных ценностей и их оправданного господства – вот что в нем *на первом месте*; «любовное» преклонение перед человеком как *природным существом*, таким, которое из собственной боли, зла и страдания тотчас *радостно* выводит протест против «мудрого и доброго правления» Бога, – вот что *на втором!* Повсюду, где я встречаю исторические свидетельства этих чувств, я нахожу тайное удовольствие от возможности возвысить голос против божественного правления². Так как позитивные ценности по крайней мере уже в силу традиции укоренены – причем и у неверующих тоже – в идее Бога, то понятно, почему внимание и интерес «човеколюбия», основанного на отрицании и протесте, обращены в первую очередь на самые *низменные, животные* стороны человеческой природы: ведь они суть то, что у «всех» людей одинаково. Эта тенденция до сих пор отчетливо видна в тех случаях, когда хотят буквально определить «человеческое» в индивидууме. Во всяком случае, на «человеческое» ссылаются намного реже для объяснения чего-то доброго и разумного, того, что *отличает* человека от других людей в позитивном смысле, чем в тех случаях, когда его хотят оправдать перед лицом упрека или обвинения: «он ведь тоже человек», «все мы люди», «людям свойственно ошибаться» и т.п. Кто ничего из себя не представляет и ничего не имеет, тот, согласно эмоциональной направленности современного человеколюбия, – «все-таки человек». Уже одна эта ориентированность человеколюбия на *родовое* делает его нацеленным в сущности на низменное, на то, что следует «понять» и «простить». Ну, как не разглядеть здесь тайно тлеющей *ненависти* по отношению к более высоким позитивным ценностям, которые сущностно как раз и *не* связаны с «родовым», – ненависти, скрытой где-то глубоко под этим «мягким», «понимающим», «человеческим» отношением!»³.

Для рассматриваемой нами темы еще более важен другой фрагмент, в котором гуманизм предстает в виде ненависти к родным и родине, вытесненной и сублимировавшейся через ресентимент в «любовь к человечеству». «Но «всеобщее человеколюбие», обязано ресентименту своим происхождением еще и в другом смысле, причем *двояком*. Во-первых, его источником является ресентимент как форма проявления внутренней противопоставленности и антипатии по отношению к имеющемуся в каждом конкретном случае *ближайшему кругу* сообщества и к *его* внутреннему ценностному содержанию; имеется в виду «сообщество», в котором человек формируется физически и духовно. Опыт показывает, что, как правило, у детей, тщетно добивавшихся родительской ласки, или страдавших от того, что их притязания

¹ Эту идею описал Достоевский в мировоззрении и образе мыслей Ивана Карамазова. (Прим. М. Шелера).

² Там, где религия и церковь полагают смысл и ценность Божией любви основанными на существующих в мире, эмпирически доступных позитивных благах и рациональных учреждениях (а не наоборот, любовь к миру – основанной на том, что он – «мир Божий»), там идея Божией любви уже и самой религией фальсифицируется в духе современного человеколюбия; и уж тогда «човеколюбие» с полным правом обрушивается на нее с обвинениями (Прим. М. Шелера).

³ Scheler M. Ressentiment im Aufbau der Moralen // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 3. Bern, 1972. S. 103-104.

на ласку не находили должного отклика, у детей, чувствовавших себя в родном доме по какой-то причине «чужими», внутренний *протест* очень рано перерастает в обостренное, доходящее до экзальтации чувство сопричастности «человечеству». Эта неопределенная, смутная экзальтированность – следствие вытесненной *ненависти* к семье, ближайшему окружению¹. Если взглянуть на это в макромасштабе, то именно так в дряхлеющей Римской империи родилась лишенная всяческой опоры и такая же одинокая, как индивидуум, вырванный из питательной среды города-государства, любовь к «человечеству», тот «космополитический» аффект, которым пронизаны сочинения представителей ранней Стои². И вот теперь этот мотив возродился в "современном человеколюбии". Это означает, что оно возникло прежде всего как *протест против любви к родине* и в итоге стало протестом против всякого организованного сообщества. Так что второй источник современного человеколюбия – вытесненная ненависть к родине. Во-вторых, корни современного человеколюбия уходят в ресентимент еще и потому, что оно является – по выражению его самого значительного представителя, О. Конта – «альтруизмом»³.

Нет нужды рассказывать о случаях, когда из-за абстрактной любви к человеку убивали конкретных людей, – всемирная история и особенно отечественная история XX в. ими переполнена. Гуманитаризм и так называемый «абстрактный гуманизм», как и «всеобщее человеколюбие», «любовь к человечеству» – в сущности одно и то же, поскольку подлинный гуманизм, то есть духовная, жертвенная любовь человека к человеку и людям, всегда по необходимости конкретен. Отличие подлинного гуманизма от гуманитаризма как феномена, родственного космополитизму, превосходно сформулировал Ю.Н. Давыдов. Говоря о литературных персонажах, «рожденных из духа нашей великой нравственной философии», он пишет: «Это – тип мироощущения, который только и можно назвать истинно нравственным: ощущение причастности миру, взятому не абстрактно-«глобалистским» или универсально-«космическим» образом, но непосредственно-человечески: как реальный мир их родных и близких, их соседей и сослуживцев, их *со*-отечественников и *со*-временников; чувство тревоги и ответственности за все, происходящее в мире, вовсе не чуждое сокрушению человека по поводу себя самого, своих собственных ошибок и прегрешений»⁴.

Космополитизм, в нашем понимании, – явление, в сущности, негативное, хотя в своих конкретных исторических формах далеко не однозначное. Он возник как умонастроение космической экзистенциальной бездомности («у философа нет отечества»), индивидуально-эгоистической отчужденности от родины и циничного безразличия по отношению к ней («ubi bene, ibi patria» – «где хорошо, там и отечество»). Так, для киников Антисфена и Диогена Синопского космополитизм был негативной реакцией на порядки и уклад жизни античного полиса. Космополит чувствует и считает себя «гражданином мира» не потому, что любовь к родине – «малой» и «большой» – настолько в нем крепка и сильна, что естественно перерастает в любовь ко всему миру, ко всем людям, человеку вообще, а, наоборот, потому, что явно или тайно ненавидит и презирает родину. У космополита любовь к отечеству либо

¹ Лучшего примера, чем история жизни, особенно юности, князя Кропоткина (см. «Автобиографию»), я просто не знаю. Ранний конфликт с отцом, который после смерти любимой сыном матери взял вторую жену, довел этого в сущности благородного и мягкого по натуре юношу до того, что он, начав с заступничества за слуг в родном доме, постепенно пришел к принципиальному отрицанию всех традиционных ценностей и идеалов русского народа и государства, пока – в конце концов – не оказался на идейных тропях анархизма (Прим. М. Шелера).

² Вообще, учение ранней Стои, в особенности Эпиктета и Марка Аврелия, необычайно сильно окрашено ресентиментом, и было бы интересно рассмотреть его с этой точки зрения детально (Прим. М. Шелера).

³ Альтруизм Шелер считает «формой ненависти к самому себе», которая «лишь *выдаёт себя* в иллюзорном притворстве сознания за то, что противоположно ненависти – за «любовь» к другим людям» (Малинкин А.Н. Учение Макса Шелера о ресентименте и его значение для социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 116-150; Scheler M. Ressentiment im Aufbau der Moralen // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 3. Bern, 1972. S. 82; Шелер М. Ресентимент в структуре моралей: Введение и глава 1 / Пер. нем. А.Н. Малинкина // Социологический журнал. 1997. № 4).

Scheler M. Ressentiment im Aufbau der Moralen // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 3. Bern, 1972. S. 103-104

⁴ Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия. (Проблемы нравственной философии). М., 1982. С.274.

ничтожно слаба, либо вообще атрофировалась, так как яд ресентимента вытравил ее, дав взамен иллюзию причастности к общности более высокого порядка и значимости, – ко всему миру, человечеству. Но объективно более высокая ценность этой общности (самой по себе, конечно, не иллюзорной) для космополита не самоцель, не предмет любви и деятельного, жертвенного служения, а всего лишь средство – основание и повод для высокомерного, презрительного отношения к своему народу и родной стране. Но когда люди говорят о своей привязанности, приобщенности (эмоциональной или интеллектуальной) к тому, что выходит за рамки национальных и государственных границ, гордо называя себя «космополитами», они, очевидно, имеют в виду что-то совсем другое. Задачей социологии знания является как раз выявление разных, подчас противоположных смысловых пластов одного и того же понятия, что позволяет на уровне социологического мышления избежать смешения понятий, столь характерного для обыденного сознания.

Космополитизм и планетаризм – в принципе противоположные феномены. Планетаризм – это сверхнациональное сознание принадлежности к человеческой общности на планете Земля, чувство любви ко всем живущим и всему живому на ней и солидарности с ними, готовность деятельно и жертвенно им служить. В основе этого позитивного чувства и сознания необходимо лежит патриотизм, естественно перерастающий свои локальные и национальные границы. В случае, если речь идет о неполном, фрагментарном планетаризме, например, когда глобальное мышление еще формируется или уже сформировано так, что распространяется не на весь мир, а только на какие-то отдельные национально-культурные регионы, страны или по крайней мере одну чужую страну, видимо, более уместен термин «сверхнационализм», предложенный И.А. Ильиным¹.

Глобализация экономики, политики, культуры, образа и стиля жизни, в значительной мере стимулируемая электронными средствами массовой информации и Интернетом, – всемирно-историческая тенденция. Она неотвратимо ведет к формированию планетарной цивилизации и тому, что Н. Луман, делая акцент на коммуникации и приоритете когнитивных ожиданий над нормативными, называет «мировым обществом». Но глобализация не только не означает универсализацию и унификацию, но как раз во многом исключает их. Глобализация основывается на планетаризме, то есть предполагает патриотизм, интенсификацию развития национальных культур, еще более бережное отношение к их самобытности. Универсализация базируется на космополитизме, индифферентном или даже враждебном по отношению к национально-культурным различиям, ведет к их стиранию, забвению традиционных ценностей, самобытных устоев и обычаев.

Подобно тому, как любовь к «большой» родине основывается на любви к родине «малой», основой и необходимым условием планетаризма всегда был и будет патриотизм. Видеть в патриотизме то, что должно быть «преодолено» как нечто низменное (инстинктивная привязанность, восходящая к территориальному инстинкту животных), либо «изжито» как возрастное явление, либо «отвергнуто» как консервативная изоляционистская тенденция, – глубокое заблуждение. Любовь к отечеству не изолирует от мира, а как раз открывает мир в подлинном свете: позволяет увидеть планету Земля не как внутренне индифферентное, а потому не способное к развитию, общечеловеческое единство, но как плодотворное единство многообразия, ориентированное на инновации. С точки зрения социальной феноменологии, любовь к родине – «вечный» социальный феномен и непреходящая человеческая ценность. Она не подлежит ни психологическому «изжитию», ни диалектическому «снятию», основан-

¹ «Сверхнационализм, – пишет И.А. Ильин, – утверждает родину, и национальную культуру, и самый национализм, и особенно – духовный акт своеобразно-национального строения. (...) Ибо сверхнационализм доступен только настоящему националисту: только он сумеет увидеть ширь *духовной вселенскости* и не соблазниться ею – не соскользнуть в *духовную беспочвенность*» (Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С.242).

ному на мифической силе отрицания. От чего на самом деле необходимо отрешиться, так это от «морфологического шовинизма» и «националистического мессианизма»¹.

Особой – политико-идеологической – разновидностью космополитизма является интернационализм. Свое теоретическое обоснование он получил, как известно, в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и других теоретиков международного коммунистического и рабочего движения как социально-классовый интернационализм – интернационализм капитала и интернационализм труда, капиталистов и рабочего класса. «Так как положение рабочих всех стран одинаково, – говорил Ф. Энгельс, – так как их интересы одинаковы, враги у них одни и те же, то и бороться они должны сообща»². Поскольку интернационализм рабочих (трудящихся), так называемый «пролетарский интернационализм», ставит классовые интересы (то есть политическо-экономические) выше интересов национальных (прежде всего национально-государственных), а стало быть – выше интересов отечества, постольку он отрицает патриотизм. Согласно большевистскому «социально-революционному» принципу, сознательный пролетарий должен предавать свою «родину» и в мирное время, и особенно во время войны, работая на ее разложение и на победу рабочего Интернационала. Так, большевики во главе с В.И. Лениным выступили за поражение России в Первой мировой войне, поскольку оно ослабляло царизм, национальную буржуазию и приближало социалистическую революцию. Казуистичность концепции «пролетарского интернационализма» состоит в том, что отрицание любви к родине через отрицание ценностного приоритета интересов родной страны перед классовыми интересами маскируется псевдогуманной заботой о народе, точнее говоря, его «лучшей части» – трудящихся. Предательство интересов родной страны во имя трудящегося народа преподносится как особая, «истинная», любовь к родине («предаю тебя, но на твое же благо»). Однако подлинной целью разделения родины на родную страну и трудящийся народ, предпринимаемого коммунистической идеологией, является не забота об интересах народа (в нем видят лишь носителя классовой ненависти, подрывающей гражданский мир и ведущей сначала к «холодной», или скрытой, а затем «горячей», или открытой, гражданской войне, то есть орудие классовой борьбы, навоз истории), – подлинной целью такого разделения является захват политической власти в государстве с помощью социалистической революции и подготовка «мировой революции». Идея «мировой революции» (о ней ввиду ее откровенно утопического, саморазоблачительного характера коммунисты давно предпочитают помалкивать) образует главный нерв концепции «пролетарского интернационализма». Именно эта идея, как никакая другая, выражает мессианский, эсхатологический – и что особенно важно в свете нашей темы – космополитический дух марксистского учения. Перевернуть, разрушить «до основания» весь мир, сломать все ненавистные, помогающие угнетать народы национально-государственные перегородки, разрушить и выбросить на свалку истории вековые национальные уклады жизни и духа, а затем на обломках старого мира построить, *сотворить* новый мир, охватывающий, подобно «мировому государству», весь земной шар (ибо как отрицание старого он в принципе несовместим со старым и мирится с ним только по необходимости и временно), – таково идейное ядро марксистской коммунистической утопии, позволяющее рассматривать интернационализм как особую разновидность космополитизма³.

¹ Эту задачу в контексте «философии планетаризма» ставит Я.В. Сиверц ван Рейзема (Сиверц ван Рейзема Я.В. Философия планетаризма. М., 1995. С.14-15). «Любовь к отечествам, Родине не должна противоречить долгу перед Небом, Землей, Мыслью», – справедливо замечает И.А. Аргутинский-Долгорукий [Аргутинский-Долгорукий А.И. Путь России: Итоги тысячелетия. XXI век. М., 1997. С.63]. Добавим только, что исполнение долга на уровне этих более высоких ценностных порядков не исключает, а предполагает исполнение правильно понятого долга перед родиной.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С.373.

³ Наше понимание интернационализма близко его толкованию И.А. Ильиным (Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С.216, 242), с той разницей, что мы усматриваем существенно-необходимую связь между космополитизмом и интернационализмом, считая космополитизм феноменологически и исторически первичным феноменом, интернационализм – феноменологически и исторически вторичным. И.А. Ильин фактически признает эту связь, критикуя интернационализм и космополитизм (как псев-

С точки зрения социологии знания весьма важен тот факт, что идеологический интернационализм во всех его разновидностях – социально-классовый («капиталистический», «пролетарский»), в области международных отношений («империалистический», «социалистический»), научно-мировоззренческий, с одной стороны, и интернационализм, в том виде, в каком последний существовал в социальной практике стран реального социализма, с другой – на самом деле вещи не только не одинаковые, но во многом даже несовместимые. То, что обычно называли и сейчас продолжают упорно называть «интернационализмом», подразумеваемая либо реальный социально-педагогический опыт, либо опыт межнациональных и межэтнических коммуникаций, есть по сути дела этически-культурный сверхнационализм, который не имеет ничего общего с гуманитаристским интернационализмом как идейно-теоретическим принципом марксизма.

На наш взгляд, едва ли не все позитивное, что обычно приписывают достижениям «пролетарского» и «социалистического» интернационализма в указанных выше опытах «реального интернационализма», можно и нужно отнести на счет национальных нравственных культур и культур общения. Представители разных народов представляли друг для друга интерес, ценили друг друга, дружили между собой и уважительно относились друг к другу в годы советской власти (как, впрочем, и сейчас) не вопреки их самобытным культурам и национальным особенностям, а именно благодаря им.

Так, опыт «интернационального воспитания» в СССР наложился на традиционную русскую и российскую национальную этику и культуру общения, для которых были характерны добротолубие, стремление к справедливости, соборность, нестяжательство, трудолюбие, гостеприимство и т.д., а также на этику и культуру общения других славянских и неславянских народов бывшей Российской империи с не менее богатыми и нравственно высокими традициями. На наш взгляд, нет оснований записывать в достижения «интернационального воспитания» эпохи СССР то, что на самом деле есть выражение открытости, «всемирной отзывчивости» русской души, прирожденного идеализма и «всечеловечества» русских, – качеств, о которых говорили Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев.

Для большинства народов СССР, но особенно для русского народа, «реальный интернационализм» означал на деле восприятие представителей других государств, наций, рас, этносов как равных, уважение к их национальному достоинству, самобытной культуре; отсутствие национального шовинизма – будь то великодержавного, или основанного на богоизбранности и особой миссии какого-то народа; жертвенную «интернациональную помощь» – военную, экономическую и культурную (в области образования и науки), – а также ряд других позитивных черт, идущих из глубин здорового национализма этих народов. Подчеркнем: под национализмом мы понимаем любовь к самобытному духу своего народа, развивающуюся в национальное самосознание, сохраняющую и творящую национальный уклад жизни. Между тем, официальные идеологи СССР понимали под «национализмом» только его политизированные, крайние и извращенные формы выражения. Однозначно негативный смысл термина «национализм» утвердился настолько прочно, что кажется сегодня единственно верным и незыблемым. Могло ли это быть случайностью? Разумеется, нет. «Пролетарский», а затем и

дохристианскую позицию «гражданина вселенной», как ложное «всечеловечество»): «Интернационалист, – пишет он, – будучи духовно *никем*, желает стать сразу «всечеловеком»; и это не удастся ему, ибо всечеловечество есть духовное состояние, которое может быть доступно только духовно и национально самоутвердившемуся человеку. То, что откроется бездуховному интернационалисту, будет не «всечеловечество», а элементарная животная низина, которая даст не культурный подъем и расцвет, а *всеснижение и всесмещение*». На существенно-необходимую связь интернационализма и космополитизма обращают внимание Г.С. Батыгин и И.Ф. Девятко, исследуя антисемитскую кампанию против «безродных космополитов» в конце 1940-х гг.: «Следует заметить, – пишут они, – что коммунистическая доктрина традиционно прослыла космополитической, но в данном случае ярлык был переадресован буржуазии в стиле несложного пропагандистского эквилибра. К тому времени большевизм если не окончательно расстался с претензией на мировую революцию – идеей пролетарского интернационализма, – то не настаивал на ее немедленном осуществлении. Слова из «Коммунистического манифеста»: «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет» уже не цитировались. Декларировались патриотические установки» (Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Еврейский вопрос: хроника сороковых годов // Вестник Российской академии наук. 1993. № 1. С. 62).

«социалистический» интернационализм требовали лишь такого понимания национализма и лишь в таком толковании нуждались. Например, «Толковый словарь русского языка» (С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) определяет «национализм» как «1) идеологию и политику, исходящую из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим; 2) проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости». Здесь «национализм» фактически отождествляется с проявлениями «национального шовинизма», «национального экстремизма», «национального изоляционизма» и другими отклонениями в национальном самосознании. Общепринятость термина «национализм» в таком однозначно негативном смысле необходимо приводит к следующей альтернативе: либо в национальном аспекте социального бытия на самом деле нет и не может быть ничего позитивного; либо отсутствует понятие, обозначающее действительное позитивное содержание национального аспекта социального бытия. Так как наличие указанного позитивного содержания является, на наш взгляд, очевидным фактом, не требующим доказательств, следует признать, что понятие, которое могло бы его обозначать, попросту отсутствует.

Исследование вопроса, почему в данную конкретно-историческую эпоху в данном обществе в данное время отсутствует, казалось бы, необходимое понятие (между тем как существующие реалии прямо-таки «взывают» к нему), представляет собой, как писал еще К. Мангейм, один из методов социологии знания – выявление «аспекта мышления», характеризующего «*стиль мышления*» эпохи¹. В интернационалистский стиль мышления, господствовавший в России 70 лет, понятие «национализм», разумеется, не вписывалось. Вот почему «национализм», «националист», «националистический» стали ругательными словами, точнее, политико-идеологическими языковыми метками – инструментами «национальной политики», которая имела двойной стандарт для внутреннего и внешнего пользования: если внутри СССР национальная эмансипация подавлялась, то на международной арене СССР был «лучшим другом» национально-освободительных движений.

Не удивительно, что советское «интернациональное воспитание» вело на практике к забвению «малой родины», к пренебрежительному отношению к ней как «провинциальной глубинке» Союза ССР, нивелированию национальных особенностей, препятствовало полноценному развитию национального самосознания. Малейший рост последнего вызывал тревогу и озабоченность как фактор, потенциально опасный для унитарного тоталитарного государства. Родину, Советский Союз, каждому надлежало любить не как представителю своего этноса – русскому, украинцу, белорусу, татарину, еврею, грузину, узбеку, якуту и т.д., – а как члену и гражданину мифической «новой исторической общности людей». Систематическое подавление естественного роста национального самосознания народов СССР привело в конце 1980-х – начале 1990-х гг. к взрывному выходу национальных чувств в радикальных формах (национально-освободительные движения протестного характера, политический экстремизм на националистической почве, сепаратизм). Этот порок сердца Союза ССР в «национальном вопросе» стал одной из главных причин его быстрого распада в 1991 г.

Миграция или эмиграция – радикальные способы решения проблемной жизненной ситуации, когда социальная среда начинает восприниматься личностью как чуждая, враждебная². Они снимают внутреннее психологическое напряжение, приостанавливают или обращают вспять процесс аккумуляции ненависти, так что впоследствии некоторые мигранты или эмигранты внутренне примиряются с покинутой ими родиной и даже начинают скучать по ней. Они испытывают целый комплекс чувств, покрываемый одним словом «ностальгия». В обыденном словоупотреблении оно означает тоску по родине, страдание и боль от невозможности в данный момент воссоединиться с ней и полноценно любить и ненавидеть ее.

Социологический смысл ностальгии намного сложнее. В основе этого комплекса переживаний лежит чувство утраты «родной почвы» – той социальной реальности, с которой

¹ Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С.227.

² Об эмиграции и миграции в России и на постсоветском пространстве за 1991-1995 гг. см.: Локосов В.В., Орлова И.Б. Пятилетка № 13. Взлеты и падения. М., 1996. С.73-85.

эмигрант (мигрант) находился ранее в отношении *социоэтологического изоморфизма*. Под последним имеется в виду взаимосоответствие структуры низших инстинктивных влечений и высших духовных устремлений, простейших условных рефлексов и социально-психологических установок человека, то есть его фактического этоса, структуре жизненного мира, следствие вращающегося индивида как определенного биопсихического типа в определенную социальную среду¹. Так как речь идет именно о естественно-историческом процессе «вращения» или «вырастания», а не о «приспособлении» или адаптации, то здесь уместна следующая метафора: эмигранта (мигранта) можно сравнить с трансплантированным органом, который, приживаясь в чужом организме, сталкивается с несоответствием своих тканей (биосоциальных «корней», этоса) тканям чужого организма (социальной реальности)². Переживание этой «нестыковки» выражается в чувстве неуютности, неприкаянности, неустроенности, пустоты (даже при благоустроенном быте); безотчетном страхе, неуверенности в себе и в завтрашнем дне (даже при наличии твердых социальных гарантий со стороны «новой родины»); «непонимании» или, точнее говоря, чувстве внутреннего протеста, отказе понимать слова, образ мыслей и действий коренных жителей «новой родины» (даже при хорошем знании ее государственного языка и обычаев)³. В результате у многих эмигрантов (и части мигрантов) появляется умонастроение космической, экзистенциальной бездомности⁴, заброшенности, и если оно сохраняется и укрепляется, то возникает опасность отторжения не только «новой родины», но и ожесточения или ненависти по отношению к «старой родине». Случаи, когда эмигранты, потеряв «старую родину», так и не обретают «новую», широко известны.

Бывают и такие случаи, когда люди теряют «старую» родину и не обретают «новую», не будучи ни эмигрантами, ни мигрантами. Речь идет о «ностальгии по старым добрым временам». Это не метафорическая, а вполне реальная боль и тоска по ушедшей в историческое прошлое родине (общественному строю, культурной эпохе, «духу времени») на почве неприятия новейших социальных реалий и нежелания к ним приспособляться. Если это чувство испытывают в течение длительного времени многие люди (причем не обязательно пожилого возраста), и оно находит понимание среди представителей разных слоев общества, то складывается устойчивое социальное умонастроение, которое К. Мангейм описал в «Консервативном мышлении»⁵. Футуристическая проекция романтического консерватизма, его, так сказать, «опрокинутость» на будущее выражает стремление реставрировать родину в прежнем виде, и даже сделать ее лучше – чтобы исключить саму возможность произошедшего изменения, переживаемого как «измена». Готовность к активному преобразованию существующего в отечестве общественного строя конституирует, согласно К. Мангейму, утопическое сознание⁶.

Разумеется, утопическое сознание может сформироваться не только на основе ностальгии по прошлому, но и других чувств и идей самого разного происхождения (например, стремления «восстановить» чистоту расы, сделать общество монорасовым и моноэтническим; «вернуть» былое имперское могущество и величие; «возродить» древнюю культуру или мертвый язык и т.п.), а также на базе предчувствий, ожиданий, верований, надежд относи-

¹ Grathoff R. Milieu und Lebenswelt: Einführung in die phänomenologische Soziologie und die sozialphänomenologische Forschung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995.

² Говорят, что ампутированная нога продолжает болеть; эмигрантская ностальгия, наоборот, – боль продолжающего жить ампутированного органа.

³ Такое непонимание (следствие отсутствия intersубъективности, т.е. «жизненно-мировой» основы) – важный, психологический, фактор *реиммиграции*. О трактовке понятия «intersубъективность» Дж.Г. Мидом, А. Гурвичем и А. Шюцем см.: Vaitkus S. How is society possible? Intersubjectivity and fiduciary attitude as problems of the social group in Mead, Gurwitsch, and Schutz. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1991.

⁴ Философской манифестацией умонастроения космической бездомности стал экзистенциализм (прежде всего М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, А. Камю). Философско-антропологическую интерпретацию этой интеллектуальной моды XX в. см. в работе М. Бубера.

⁵ Мангейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М., 1994.

⁶ Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С.167-168.

тельно того, чего никогда в реальной истории не было и чему нет аналога в прошлом (мессианизм, идея тысячелетнего царства праведников, идея мыслящего универсума и т.п.). Но в любом случае общей чертой утопического сознания является более или менее выраженное влечение к реваншу, даже если оно откладывается «до второго пришествия» или сублимируется в оптимистические футурологические конструкции.

Если утопическое сознание необходимо связывает осуществление утопии с судьбами родины, возникает явление, которое можно назвать *контрпатриотизмом*, – это любовь к идеальному (утопическому) образу родины, которая оборачивается ревностью или ненавистью при столкновении с родиной, данной в виде социальной реальности, не соответствующей ее идеальному (утопическому) образу. Для контрпатриотизма характерно, далее, ясно осознанное различие между «родиной» (к ней сохраняется теплое чувство, сыновнее или дочернее отношение) и «теми, кто говорит и действует от ее имени» (к ним возникает стойкая неприязнь или ненависть). Более конкретной формой контрпатриотизма является четко осознанное различие между «родиной» и «государством, говорящим и действующим от ее имени». Таковой, например, была позиция оставшихся в стране участников «белогвардейского движения» и сочувствующих «белым» граждан по отношению к новой «социалистической» России: они горячо любили старую, царскую, Россию, хотели реставрировать ее путем контрреволюции и *поэтому* ненавидели большевистский режим. Таковой была позиция некоторых диссидентов по отношению к «советскому государству»: они любили свою родину, Россию, хотели сделать ее путем подрыва существующего строя свободной, процветающей страной и *поэтому* ненавидели коммунистический режим. Таково отношение к новой, «демократической» и «капиталистической» России большей части представителей политической оппозиции, прежде всего левой и радикально-левой: они любят свою родину, СССР, хотят путем контрреформирования или контрреволюции частично или в полной мере реставрировать Советское государство и *поэтому* ненавидят «демократический» режим.

С социологической точки зрения принципиально важно, что феноменологически первичный образ «родины» формируется под влиянием исторически конкретного государства («государственно оформленной родины») со всеми его слабостями, пороками и изъянами, а не только и не столько под действием идеального образа родины. Пройдя все «круги» социализации, не каждый становится приверженцем того государства, в котором живет, тем более не каждый стремится войти в реальную государственную власть, ибо нередко это означает не обрести соратников в борьбе за осуществление общепольных программ и возвышенных идеалов, а стать *сообщником* гражданских, хозяйственных или уголовных преступников. Отсюда – неизбежность таких распространенных социальных явлений, как антипатриотизм и контрпатриотизм. На первый взгляд, борьба с «плохим» государством, его законами, идеологией и политикой, ведущаяся цивилизованными средствами, гражданская или политическая оппозиция к нему суть выражения подлинного патриотизма и говорить о контрпатриотизме в данном случае не уместно. Однако ответы на вопросы «а судьи кто?» и действительно ли государство «плохо» всегда даются в контексте разных мировоззрений и политических идеологий, с разных социальных позиций, в разных социально-исторических конstellациях. Но преимуществом формально-социологического понятия «контрпатриотизм» является универсальный характер его применения. Так, например, современное государство России, в котором реальная власть принадлежит государственной бюрократии, представителям «естественных» монополий, финансовой олигархии и криминального мира, кажется «хорошим» чиновнику, директору (или владельцу) предприятия-монополиста, банкиру, «вору в законе», но большей части рабочих, служащих, крестьян, интеллигенции – «плохим». И наоборот, сильное государство, ведущее страну к процветанию во всех отношениях, является «хорошим» для большей части народа, но может быть «плохим» для отдельных групп населения, например, анархистов, террористов, политических экстремистов, расистов, сепаратистов и т.д. Но в обоих случаях позиция тех, кто борется против господствующего режима, желая видеть свое отечество в преображенном виде, соответствующем его идеальному (утопическому) образу, можно назвать контрпатриотической.

С человеческой и гражданской точек зрения, закономерен вопрос: как надлежит оценивать антипатриотизм, возникающий вследствие стихийного или осознанного протеста против «роковой» неотвратимости собственной участи, обреченности жить в данном социальном окружении, в данном обществе и государстве? Будучи перевернутым, вопрос не меняет своей сути: как следует оценивать патриотизм, проявляемый, например, в условиях кровавой диктатуры или тоталитарного государства? Эти вопросы связаны с тем, что называется «нормальностью», и тем, как ее понимать.

На наш взгляд, осознание личностью собственного этологического патриотизма не только не всегда ведет к сознательному патриотизму *de facto*, но и не должно к нему вести. Результатами такого осознания могут быть антипатриотизм, контрпатриотизм, патриотический нигилизм и другие формы отношения к родине. Их появление нормально или ненормально в том смысле, что является манифестацией индивидуальной человеческой свободы, а не следованием общепринятой норме или отклонением от нее. Система норм полагается системой ценностей, а не наоборот. Вопрос о нормальности или «ненормальности» любви к родине лежит, как уже говорилось, не в нормативной сфере, а в аксиологической. Но и внутри аксиологической сферы возникает проблема нормальности, как только речь заходит о ценностных предпочтениях: какие системы ценностей надлежит считать предпочтительными – индивидуально-личностные, социально-групповые, классовые, государственные, общенациональные, общечеловеческие, вселенские? Ответ на этот метафизический вопрос не может быть дан в рамках настоящей статьи. Следует лишь сказать, что его социологическая постановка должна быть конкретной.

В нормальном состоянии современного общества индивидуальная человеческая личность, ее жизнь, свобода и независимость – ценности более высокого порядка и качества, чем ценности рода, народа и родины. Сначала такая позиция может показаться по меньшей мере непатриотичной. Но все гораздо сложнее – причем настолько, насколько сложнее сама человеческая жизнь. Дело в том, что под «нормальным состоянием современного общества» имеется в виду состояние *мира*. Между тем, для социозтологии – социологической дисциплины, исследующей социальную феноменологию человеческих этосов, – граница между войной и миром чрезвычайно важна и переход из ситуации мира к войне имеет принципиальное значение. Во время войны угроза уничтожения рода, народа и родины нарушает не только привычное течение жизни, но и совершает переворот в ценностях: меняется их «нормальный» порядок. Принесение в жертву жизни человека, как и добровольное самопожертвование ради спасения рода, народа, родины становятся «нормальными» – точно так же, как умерщвление врага родины рассматривается уже не как «убийство», а как проявление мужества, доблести, отваги и героизма. Спрашивается: насколько такой переворот в ценностях, характерный для этоса всех социальных живых существ, сам по себе «естественен» и «нормален»? Отрицательный ответ на него дает гуманитаристски и космополитически ориентированный *пацифизм*. При этом он исходит, помимо всего прочего, из «противоестественности» и «ненормальности» войны и ее неизбежных следствий. С пацифистской точки зрения, индивидуальная любовь к родине, остающаяся втуне, сама по себе нормальна¹. Но если дело доходит до публичной артикуляции и теоретизации любви к родине, – значит в обществе сложилась ненормальная обстановка. Так, политизация и милитаризация патриотических чувств, в том числе направленная на мобилизацию массового сознания перед лицом внешней агрессии против общества или в условиях его внутреннего распада, рассматривается пацифизмом как социальная патология или реакция, а рост патриотических настроений в обществе – как явление социально тревожное и потенциально опасное².

¹ Неявленная любовь к родине ни в коей мере не является добродетелью, а, скорее, терпима из соображений гуманности. Вполне закономерно, что автор сочинения "К вечному миру" (1795) И. Кант определял любовь как «чувственный патологический аффект».

² Известно высказывание О. Уальда «Патриотизм – это религия бешеных». Критика пацифизма не входит в нашу задачу. Рост патриотических настроений и появление так называемого "ура-патриотизма" (крайней формы аффективного патриотизма) может быть симптомом социальной болезни или унижения национального досто-

Насколько же поворот в ценностях нормален? По нашему убеждению, такой переворот является сущностной особенностью человеческого этоса, поскольку человек есть *живое социальное существо*. Во время войны добровольное самопожертвование ради спасения родины – высший патриотический акт – это в то же время высшее проявление свободы и независимости индивидуальной человеческой личности. И наоборот, отказ жертвовать собой во имя рода, народа и родины в целях спасения собственной жизни есть высшее проявление антипатриотизма – то, что у всех народов называется одинаково: предательство родины, изменничество¹.

Оценка радикально меняется применительно к состоянию мира в современном обществе. В мирное время отдельная личность не должна быть жертвой социальной среды, класса, общества – и наоборот. Не заслуживает любви «родина», которая с помощью идеологии и лжи выдает мирное время за военное или доводит общество до состояния «холодной» (скрытой) гражданской войны, требуя в ходе милитаризации социального бытия и сознания все новых жертв. Она, а точнее говоря, те, кто ее олицетворяет, – государство, правящая клика и ее приспешники (обычно представители высших классов и сословий), – как правило, преследуют при этом своекорыстные интересы и заслуживают ненависти, способной создать предпосылки для практического изменения общественного статус-кво. В таких условиях антипатриотизм понятен, а контрпатриотизм естественен и нормален.

М.Ю. Мартынов. д.полит.н. (СурзГУ, Сургут)

К вопросу о понятиях «национализм» и «патриотизм»

Проблемы формирования национального самосознания всегда привлекали внимание исследователей. Дискуссионным остается вопрос о мировоззренческой основе этого самосознания. Отечественные социологи все чаще приходят к выводу: «общечеловеческие ценности», «особенности национальной идеи» так и не стали конструктивными факторами в консолидации современной России; в качестве таковых могут выступить идеи патриотизма и гражданственности². Однако в противоположность этой точке зрения, опирающейся на результаты эмпирических исследований, продолжаются умозрительные попытки, особенно в работах политологов, обнаружить консолидирующие ценности прежде всего в «национальных идеях». Это подчас проявляется в тенденции своеобразной *реабилитации понятия «национализм»*, освобождении его от шлейфа негативных коннотаций³. Объясняют это стремление, в частности, тем, что поскольку обществу нужна идеология, то националистическая в этом смысле предпочтительней, чем, например, религиозная или классовая⁴. Она позволяет, по мнению А.А. Герасимовой, обеспечить максимальную гибкость, уважительность к национальным вопросам в условиях полиэтнической страны. Чтобы, например, человек, объяв-

инства народа, реакцией на внешнюю угрозу или провокацией такой угрозы. (О «патриотической реакции» как защитном механизме этнической культуры см.: Зиммель Г. Проблема судьбы // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996. С.50-52). Но в данном случае речь идет о другом: позиция принципиального отказа от насилия заставляет пацифистов опасаться роста патриотической солидарности как необходимого условия и сигнала для насилия (в первую очередь по отношению к личности), как симптома тотальной политизации общественной жизни для его перехода к состоянию войны. Отсюда – настороженное отношение к патриотизму как таковому вообще.

¹ Пробным камнем для гуманизма и космополитизма является вопрос о возможности применения концепции «прав человека» по отношению к изменникам родины, например, шпионам. Ведь изменяющий своей родине шпион – тоже человек. Не заслуживает ли оправдания его антипатриотическая деятельность на том основании, что он – «гражданин мира», и предательство им национальных интересов (своей родины) есть на самом деле подлинный интернационализм, служение общечеловеческим интересам, поскольку объективно оно способствует поддержанию баланса сил и порядка в мире?

² Гаврилюк В. В., Маленков В. В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социс. 2007. №4. С.44.

³ Национализм в мировой истории / Под. ред. В. А. Тишкова и В. А. Шнидельмана. М., 2007. С.576.

⁴ См., например: Миллер А. И. Дебаты о нации в современной России // Политическая наука. 2008. №1. С.8-9.

ляющий свою национальную особость, не рисковал быть обвиненным в покушении на права других национальностей¹. При этом предполагается, что национализм будет вполне уравновешиваться идеями общегосударственного патриотизма и воспитанием граждан в духе уважения к другим нациям².

На наш взгляд, такая позиция, к сожалению, не снимает проблему, поскольку, несмотря на многообразие подходов к определению понятия «национализм», они *инвариантно включают в его смысловой объем тезис о высшей ценности своей нации и ее первичности в государствообразующем процессе*. С «патриотизмом» коррелирует «интернационализм», а понятие «национализм» им оппонирует. Стремление избежать подобных затруднений заставляет сторонников указанной позиции заниматься, по сути, манипуляциями со смысловым содержанием понятия «национализм». Наиболее распространенным приемом подобного рода становится различение «плохого» и «хорошего» национализма. Все дело, оказывается, в мере. Хороший, здоровый национализм – это тот, который уравнивается интернационализмом, уважением к другим нациям, и в этом случае такой «правильный» национализм составляет, якобы, неотъемлемую часть патриотизма. Если же национализм не уравнивается интернационализмом, то возникает «плохой», экстремистский национализм и происходит «неправомерное и весьма распространенное отождествление его с шовинизмом»³. Интернационализм призван сдерживать, «цивилизовать» национализм (патриотизм). Например, «вполне понятное и похвальное желание защищать свою Родину и свою нацию тоже имеет свои пределы, а предпринимаемые меры должны быть адекватны угрозам»⁴.

Внешне привлекательные рассуждения о необходимости уметь балансировать между национализмом и интернационализмом при попытках соотнести их с действительностью оказываются не более чем словесной эквилибристикой. Кто будет измерять меру того и другого, как определить «пределы желаний защищать Родину» и их «адекватность угрозам»? В свое время Наполеон Бонапарт в письме русскому царю жаловался на варварские, партизанские, нецивилизованные формы военных действий против его армии. С его точки зрения, вероятно, русские оказались излишне патриотичны (националистичны), используя неадекватные, неодобряемые интернациональным общественным мнением средства ведения войны. С точки зрения русских, «дубина народной войны» – самый что ни на есть удобный инструмент, чтобы «гвоздить» супостата. Попытки установить меру в соотношении патриотизма и национализма оказываются тупиковыми.

Как представляется, существование данного противоречия объясняется некорректным использованием термина «национализм» для обозначения внешне похожих, но существенно разных процессов. *В одном случае* его субстанциональное наполнение связано с существованием исторических общностей. Идентификация индивида с той или иной общностью – родом, племенем, народностью, нацией, – действительно, не может не формировать у него отношение эмоциональной привязанности к «земле предков», психологической установки как на защиту этой общности, так и на сохранение ее самобытности, особости, обеспечивающих эту идентификацию. Эти чувства, известные с архаичных времен, с образованием нации приобретают форму национализма. *В другом случае* данное понятие используется для обозначения идеологии, предполагающей формирование в государстве общности граждан, «снимающей» национальные различия. Но для обозначения этого способа идентификации гораздо уместнее, на наш взгляд, употреблять другое понятие – «патриотизм».

Происхождение патриотизма не только отлично от национализма, но и противоположно ему. Поскольку «политическое развитие и демократизация предполагает объединение нации, замену множества традиций, религиозных, этнических центров авторитетом единой

¹ Герасимова А.А. Патриотизм как этнополитическая категория // Власть. 2007. №4. С.55.

² Там же. С.57.

³ Там же.

⁴ Там же. С.58.

светской общенациональной политической власти»¹, шанс превратиться в общество гражданское, демократическое, получают те социальные образования, в которых государственная политическая идея, обретающая опору в чувстве патриотизма, «снимает» догосударственные националистические формы идеологии. Национальные идеи в многонациональном государстве не исчезают, но они теряют свой политический характер, трансформируются в идеи сохранения культурного своеобразия существующих этнических общностей. *В государстве национализм не может являться частью патриотизма*, потому что если он имеет не культурологический, а политический характер, то может быть по отношению к патриотическому только конкурентной идеей с разрушительными последствиями.

Вероятно, впервые в истории в завершенном виде переход от способа идентификации с исторической общностью – родо-племенными группами – к идентификации с политическим институтом – государством – произошел в древнегреческих городах в процессе так называемого синойкизма – объединения поселений в единый полис. Именно ценности гражданского долга, общегосударственного патриотизма явились одним из столпов античности, позволив Древней Греции и Древнему Риму в цивилизационной иерархии стать на порядок выше современных им «варварских» обществ, идеологически опиравшихся на реликты родо-племенных привязанностей.

Национализм и патриотизм не могут быть априорно «плохими» или «хорошими». Являясь идеологическими конструктами, они способны служить как общественным, так и узкогрупповым целям. Патриотизм, как известно, может превратиться в «прибежище негодяев» и стать средством политических манипуляций. И наоборот, национализм, обычно выступающий разрушительной антигосударственной силой, способен сыграть и прогрессивную роль. Происходит это в тех случаях, когда само государство носит антинародный характер, как это имеет место, например, в случае контроля государством-метрополией колонии. Тогда национально-освободительное движение, используя идеологию национализма, открывает путь к формированию суверенной государственности. А после обретения независимости встает *задача «снятия» национализма системой общегосударственных, патриотических ценностей*. Для сложившегося государства национализм, под какими бы флагами заботы о сохранении наций он ни возникал, в дальнейшем может выступать только угрозой.

Необходимость уточнения гносеологического содержания данных понятий представляет отнюдь не только академический интерес. Например, в ходе проведенных нами социологических исследований в Ханты-Мансийском автономном округе в 2007 г. по заказу Комитета по молодежной политике «Молодежь как социальный ресурс округа» и в 2008 г. «Реализация национального проекта «Образование» в автономном округе» по заказу Департамента образования и науки ХМАО² была зафиксирована, пусть и медленная по темпам, но вполне устойчивая *тенденция роста националистических настроений молодежи*.

Уровень межнациональной конфликтности в округе был оценен как достаточно высокий. Так, на вопрос анкеты: «В какой мере Вы ощущаете на себе конфликты между молодыми людьми разных национальностей в молодежной среде современной России?» – треть респондентов указала, что ощущает это в «очень большой мере». Если к ним добавить ощущающих конфликты, пусть и «в незначительной мере», получается подавляющее большинство – три четверти респондентов.

Интерпретировать рост националистических настроений необходимо с учетом идеологических обстоятельств, в том числе заметной неудовлетворенности молодежи предлагаемыми трактовками *отечественной истории*. Существование общегосударственной идеологии и патриотизма возможно только на основе реальной общей истории народов, образующих го-

¹ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование / Пер. с англ. Под ред. А.М. Салмина, Г. В. Каменской. М., 1997. С.54.

² Объектом исследований в обоих случаях являлись молодые люди в возрасте от 14 до 29 лет, проживающие на территории муниципальных образований: г. Сургут, Нижневартовск, Ханты-Мансийск, Пыть-Ях, Мегион, Урай, Сургутский, Октябрьский, Березовский районы. Опрос производился по квотной выборке с учетом следующих параметров: место жительства, возраст, пол, род занятий. Объем выборки – 1300 респондентов.

сударство. По справедливому замечанию И. Валлерстайна, «чтобы создать нацию, нужно восстановить ее историю»¹. Причем историю героическую, которой можно гордиться. Между тем, взятый в нашей стране два десятилетия назад курс на поиски якобы «исторической правды» и бесконечного «покаяния» привел к появлению даже стыда за собственную историю, разрушению исторического самосознания народа. Выход из этого положения, на наш взгляд, один: отечественная история сегодня должна быть представлена такой, какой она есть, прежде всего, великой и героической. Постоянные экивоки на наличие в ней «плохих», «черных» страниц отнюдь не способствуют формированию чувства гордости за свою историю.

Общее героическое прошлое способно консолидировать не только народы России, но и стать притягательной силой для граждан республик бывшего Советского Союза, дать им возможность почувствовать, например, причастность к Победе в Великой Отечественной войне. Общее прошлое может сегодня играть в отношении этих стран не менее интегрирующую роль, чем экономические связи и газонефтепроводы. Те же, кто проводит политику отказа от советского прошлого, лишают свои народы наиболее героической страницы собственной истории. Между тем, как ни странно, доминирующие сегодня трактовки российской истории также не способствуют консолидации нашего многонационального общества. По сути дела, мифологическая ее интерпретация выглядит примерно так: до 1917 г. развитие России шло по восходящей линии и было прервано революцией, которую совершили враги российского государства в лице революционеров. Для потребления массовым сознанием подобная версия, на первый взгляд, выглядит приемлемой, позволяя оправдывать сегодняшние проблемы ссылкой на «сломанную» таким образом историю страны. Но на самом деле латентно она содержит провокацию национал-экстремистского мышления. Объяснения, откуда взялись революционеры-враги России, ответа не дают, и домысливать это приходится самому массовому сознанию. Оно же, как известно, всегда предпочитает объяснения самые простые. Поскольку в числе и революционеров, и членов первого советского правительства значительную долю составляли представители нерусских национальностей, вывод обывателя однозначен: враги Великой России, сломавшие ее историю, – инородцы. Современная молодежь достаточно образована, чтобы обладать некоторыми знаниями для националистических выводов, и достаточно необразованна, чтобы эти выводы делать. Сегодня так называемые демократические политические силы, средства массовой информации часто сетуют на рост русского национализма и экстремизма, умалчивая, что своим односторонним, по сути конспирологическим, прочтением истории сами инспирируют его больше, чем кто-либо.

Получается, что распространенная ныне в массовом сознании версия отечественной истории служит не столько консолидации народов на основе идеи общегосударственного патриотизма, сколько подогревает межнациональное недоверие и подозрительность, провоцирует рост национализма. Неизбежной альтернативой отсутствию достойно представленной общей истории народов, образующих государство, становится мифотворчество истории отдельных этносов и наций, входящих в государство. Общие ценности патриотизма в этом случае замещаются национализмом, получающим позитивную коннотацию, нарастают шовинистические настроения, политические процессы набирают реверсивный ход и тем самым ослабляют институциональные скрепы государственности.

П. Нора, член Французской Академии, председатель ассоциации «За свободу истории».
Расстройство исторической идентичности

Что может быть естественней, чем воздать справедливость людскому страданию? Что может быть безвредней, чем символическим актом законодателя дать коллективному преступлению ту оценку, которую оно заслуживает с моральной точки зрения? Что может быть справедливей, чем гарантировать жертвам защиту закона, который бы предусматривал воз-

¹ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М., 2006. С.139.

можную компенсацию и санкции против его нарушителей? Именно такие мотивы служат в глазах общества и депутатов, которые за них голосуют, мнимым оправданием для целого ряда законов нового типа, которыми Франция обзавелась за последние пятнадцать лет. Все они касаются не вызывающих сомнения коллективных преступлений и призваны предоставить борющимся за них категориям лиц те гарантии, которые в 1990 г. были предоставлены евреям в силу закона Гейсо. Однако следует ясно и четко понять, какая логика лежит в основе этих точечных мер, какие процессы к ним привели и чем все это может закончиться. Дело в том, что под покровом благородных устремлений (которые чаще всего скрывают лишь предвыборную демагогию и политическую трусость) лежит целостная философия, удачно приспособленная к духу времени, ведущая к всеобщей криминализации прошлого, и следует четко понять, что она подразумевает и куда ведет.

Это следует осознать как можно скорее, потому что, если после всех протестов историков, всех заверений политических деятелей, всех предостережений президента Республики («История не пишется законами»), всех парламентских и министерских комиссий, призванных направлять и регулировать проявления «долга памяти», в Национальной ассамблее снова окажется большинство, готовое законодательно решать, что в истории является истиной, ничто не помешает расширению понятия преступлений против человечества и его переносу на всех жертв национальной и даже всемирной истории, ведь, например, к резне армян в 1915 г. Франция не имела никакого отношения. А отсюда прямой путь к уголовной ответственности для тех, кто ставит эти преступления под сомнение. Понятие «преступлений против человечества» было создано для современных событий, которые не в силах был вместить разум и которые были настолько чудовищны и масштабны, что не подпадали ни под одну юридическую категорию. Оно характеризовало настоящее и не касалось ни воспоминаний, ни памяти, ни прошлого. Что касается закона Гейсо, принятого как реакция на негационизм Фориссона, он был направлен не против историков, а против активистов исторической лжи. С продолжениями закона Гейсо и расширительным толкованием преступлений против человечества мы попадаем в двойную ловушку: ретроактивного применения закона и сплошной виктимизации прошлого.

Ретроактивное применение закона и отсутствие срока давности, на которых строились решения Нюрнберга, а затем закон 1964 г., как и закон Гейсо, который на них ссылается, были ограничены периодом нацистских преступлений. Обратная сила закона простиралась по времени лишь на пять-шесть лет назад. За несколько лет мы успели шагнуть от этих шести лет до шести веков. Ничто не мешает потомкам всех жертв за историю Франции потребовать и получить то же самое, чего добились сыновья и дочери потомков рабов. Официального признания ждет вандейский «геноцид», у русских «белых» достаточно доказательств зверств, устроенных коммунистами на Украине, а у польских беженцев – массовых расстрелов в Катыни. Затем, с неопровержимыми доказательствами последуют потомки протестантов Варфоломеевской ночи, гильотинированных аристократов, уничтоженных альбигойцев. И почему бы Франции заодно, во имя фундаментальнейших принципов, не взять на себя компетенцию в области памяти во всемирном масштабе, предъявив обвинения испанцам и американцам за истребление ими индейцев, как на севере, так и на юге Америки. А китайцам в Тибете? На сегодняшний день на рассмотрение бюро двух палат Парламента поступило, кажется, уже около двадцати подобных законопроектов. Почему бы не дойти до времен Крестовых походов? Ведь в глазах исламского мира именно тогда началась история преступлений Запада, в которых Франции принадлежит одна из первых ролей.

История – всего лишь длинная череда преступлений против человечества. И поскольку авторы этих преступлений уже мертвы, подобные законы предназначены только для того, чтобы преследовать, в гражданском либо уголовном порядке, историков, изучающих эти периоды, и профессоров, которые их преподают, предъявляя им обвинения в соучастии в геноциде или «преступлениях против человечества». Я преувеличиваю? Вспомним о том, что лишь широкая и активная мобилизация историков, по собственному признанию президента Ассоциации антильцев, гвианцев, реюньонцев и махорцев (*Collectifdom*), заставила ее ото-

звать иск против О. Петре-Гренуйо, автора книги «Черная работорговля». Сегодня над сообществом историков нависло невыносимое подозрение в том, что они всего лишь защищают свои корпоративные интересы. Так словно бы история, в конечном счете, была просто памятью одной профессиональной группы, которая трясется над своими карточками и привилегиями, и из-за своего спокойного ремесла сделалась глуха к подлинной истории, состоящей из боли и страданий мужчин и женщин. Словно бы это была такая же память, как и все остальные. Это серьезный упрек. Он демонстрирует, сколь велик ущерб от гегемонии памяти и как велико ее всемогущество. Пришло время опасной радикализации памяти и ее корыстно-го, неправомерного и неподобающего использования.

На первых порах пробуждение памяти эмансипирующихся меньшинств – будь они социальными, религиозными, сексуальными или региональными – казалось ярким освободительным актом, формой восстановления справедливости по отношению к угнетенным, униженным, выкинутым на обочину истории, по крайней мере, как она преподавалась в школе. Благодаря возникшему тогда же у исследователей интересу к скромным подмастерьям истории, пробуждение памяти меньшинств привело к чрезвычайно быстрому расширению вопросника историков, плодотворному обогащению их теоретических перспектив и практики, если не к полному обновлению дисциплины. Наряду с другими направлениями, мемориальное измерение плодотворно проявилось в устной истории, истории рабочих, аграрной истории, истории женщин. С 1970-х по 1990-е гг. мы стали свидетелями удивительного расширения и даже революции в историческом сознании и познании, которые можно сравнить только с такими вехами, как либеральная и романтическая историография, историография критическая и позитивистская, а затем появление «Анналов». Память придала истории новый импульс, обновила подходы к прошлому и проникла во все периоды и отрасли исследования.

Проблемы начинаются в тот момент, когда история, которая не принадлежит никому и призвана сделать прошлое всеобщим достоянием, начинает писаться под давлением мемориальных групп, стремящихся насадить свое собственное прочтение прошлого. Это ведет к изменениям принципиально иной природы и сдвигам принципиально иного масштаба. Мы переходим от скромной памяти, которая лишь просит признания, уважения и хочет войти в большой нарратив коллективной истории нации, к памяти, обвиняющей и уничтожающей эту историю. Навязывающей вместо общей интерпретации свое пристрастное и одностороннее видение. Нетерпеливо требующей придать своей версии прошлого официальный статус и оградить ее стеной республиканского закона. Готовой во имя страдания, которое она путает с истиной, отстаивать свои требования, не слишком задумываясь о средствах: политическом сектантстве, предвыборном шантаже, а если понадобится, - физических угрозах и личных выпадах. Да идет ли все еще речь о памяти?

Мы видим этот процесс в действии, когда, скажем, государство отказывается от чествования битвы при Аустерлице, в котором принимала участие вся Европа, под предлогом того, что оно прославляет колониальную политику Наполеона. Или когда власти решают не отмечать четырехсотлетие со дня рождения Корнеля, потому что члены его семьи будто бы были связаны с трансатлантической работорговлей. Пятнадцать лет назад я счел себя вправе охарактеризовать то время как «эпоху коммемораций». С тех пор успели учредить столько же национальных церемоний, сколько до того за целый век Республики. Однако самые большие опасения вызывает не сама эта стремительная инфляция, а тот факт, что из шести установленных дат половина окрашена в цвета покаяния: 16 июля (против расистских и антисемитских преследований); 10 мая (память о работорговле и рабстве); 25 сентября (дань памяти арки¹), а остальные (Индокитай, Северная Африка) свидетельствуют о дроблении памяти ветеранов и давлении со стороны различных групп интересов внутри их сообщества. Не стоило ли мне в таких условиях скорее говорить о контр-коммеморации, или негативной коммеморации? Появление все новых и новых законов, криминализирующих прошлое, наподобие тех, которые уже были и еще могут быть приняты после заключения в апреле 2007 г. по ини-

¹ Термин, обозначающий алжирских мусульман (арабов и берберов), служивших во французских войсках в ходе Алжирской войны 1957-1962 гг.

циативе Франции европейского рамочного решения, вводящего во всех странах Евросоюза ответственность за «публичную апологию, отрицание либо грубую банализацию» геноцида, преступлений против человечества и военных преступлений, ведет к распространению истории этого типа и ее превращению в государственную политику.

Если историки выступили против самого принципа т.н. «мемориальных» законов, то во все не для того, чтобы зарезервировать за собой – как собственность корпорации, как особую “память”, претендующую на статус науки, – эксклюзивное право на истину в последней инстанции. Дело в другом: в силу своего гражданского призвания они просто находятся в первых рядах борьбы, касающейся всего общества, борьбы за интеллектуальную свободу и гражданские свободы в демократическом государстве. Всеобщая тенденция переписывать прошлое в свете памяти и судить его от ее имени прямо ведет к упразднению любых форм исторического мышления и духа истории. Этого ли мы хотим? Готовы ли мы принять все последствия этого шага?

Память по определению стирает хронологические различия и переходы, игнорирует факторы трансформаций и условия изменений. Речь больше не идет о том, чтобы понять и объяснить другим прошлое ради него самого, познать его, чтобы сделать зримым, воссоздать цепь причин, которые сделали нас тем, чем мы являемся сегодня, а о том, чтобы пригвоздить к каждому феномену прошлого оценку, основанную на сегодняшних критериях и ценностях, как если бы сами эти ценности и критерии не были продуктами истории и существовали испокон веков. Сегодня мы искренне верим и живем в тени прав индивида. Во многих отношениях это, конечно, отрадно, однако сами эти права имеют долгую историю. Случилось так, что память незаметно переплелась с моралью и поглотила историю.

В этом состоит изначальный порок, заложенный в опасном расширении категории преступлений против человечества. Само по себе появление подобного понятия, возможно, свидетельствует о прогрессе сознания человечества, для которого просмотр телевизионных новостей ежедневно дает поводы для справедливого негодования. Однако, если щедро и не слишком задумываясь переносить его на далекие времена, а также на человеческие общества, несравнимые с нашим, которые были не лучше и не хуже нас, а просто другие, это приводит к сплошным нелепостям. История не судит нашим судом. Она отдает долг памяти и воздает справедливость жертвам и побежденным. Однако история, целиком переписанная и подвергнутая суду с точки зрения побежденных и жертв, – это отрицание истории. Похоже на то, что, пристально вглядываясь в прошлое, целиком пронизанное насилием и войнами, наша спокойная эпоха, которая знакома с войнами и насилием лишь на расстоянии, опосредованно, испытывает естественный порыв целиком отбросить это прошлое во тьму ужаса, навсегда его проклясть и повернуться к нему спиной. Но коль так, это уже не просто опасность анахронизма, а антиисторическое искушение. Мы от него уже не так далеко. Следует задаться вопросом: может ли человеческое сообщество и национальная общность обойтись без генетического понимания своего прошлого и позитивного отношения к собственной истории?

Потрясения истекшего века заставили все страны предъявить счета к своему собственному прошлому. Однако ни одна другая страна не испытывает таких противоречивых чувств к своей истории, как наша, что является одновременно и одним из ярчайших симптомов, и одной из глубочайших причин нынешнего французского недомогания. Ни одна другая страна не почувствовала так остро мемориальный шок, который вот уже тридцать лет будоражит весь мир, чтобы усомниться в своей исторической идентичности. Невозможно не задаться вопросом, с чем это связано.

Само собой, на протяжении своей исключительно долгой национальной истории, пронизанной стремлением к единству, всегда являвшемуся ее навязчивой идеей, Франция прошла через череду потрясений, которые в первом приближении объясняют масштаб и глубину ее конфликтов памяти: это Революция и ее отзвуки, поражение 1940 г. и Оккупация, деколонизация и Война в Алжире, наша настоящая Гражданская война (если вспомнить за последние

два века лишь важнейшие события, при том лишь те, которые спровоцировали самые острые гражданские войны памяти). Это уже не так мало, но явно следует взглянуть еще глубже.

Особенности французской реакции на бушующие в мире бури памяти и ее особо острый характер, без сомнения, объясняются контрастом между мощью того светлого образа, в котором Франция привыкла себя представлять, и тяжким, запоздалым столкновением с исторической правдой, которая несовместима с этим образом, разбивает его и кажется еще черней, чем была на самом деле. Вокруг Алжира, Оккупации, Сопротивления, войны 1914 г., колонизации, если ограничиться этими примерами, было много мифов, лжи, фальсификаций, замалчивания и отрицания очевидного. Эти барьеры, воздвигнутые с помощью всех средств, которыми располагает государство, чтобы скрыть историческую правду (начиная с засекречивания архивов), подготовили почву для всех неутраченных болезненных дискуссий и запоздалых процессов. Они поддерживали вредную мысль о том, что в шкафу всегда лежит по скелету. Они превратили нас в потенциальных кающихся грешников, всегда готовых поверить в то, что карикатуры правдивы, а компенсации – легитимны. Призывы к сокрушению и покаянию легко находят путь через трещину, пролегающую между фундаментальной ролью, которую официальная история сыграла в складывании гражданского и национального сознания, и ее приземленными вариантами. Поскольку Франция слишком гордилась своей историей, она всегда преодолевает периоды цензуры всплесками коллективного бессознательно-го, за которыми следует официальное покаяние. Однако замена государственной лжи на государственную правду, а официальной истины на истину, установленную законом, ничего нам не принесет.

В конечном счете, главную причину того, что сегодняшнее отношение Франции к ее прошлому столь болезненно, следует искать в ее давнем призвании или претензии на то, что она воплощает универсальные ценности. Доказательствами этого служат особо разрушительный потенциал недавно поднятого на поверхность вытесненного колониального прошлого и пробуждение загадочной памяти о рабстве и работорговле.

Все европейские державы участвовали в колониальной аванюре. Экспансия за море, открытие, завоевание и эксплуатация территорий, познание других культур и стремление распространить свою собственную были, наряду с научным воображением, одним из импульсов европейского динамизма и его отличительной чертой. Сегодня эта аванюра стала главным пунктом обвинения против современного Запада. Однако лишь во Франции это обвинение было так глубоко воспринято. Оно даже заменило капитализм в роли основной мишени критического радикализма, на который Франция сохранила монополию. Еще в большей степени, чем христианские истоки антисемитизма, колониальные преступления принуждают осудить все то, чем мы являемся сегодня и были вчера. Это поистине смертный грех. Мы ставим себя перед ребяческим выбором, серьезно обсуждая, следует ли целиком и полностью осудить колонизацию, бесспорно отнеся ее к числу преступлений против человечества, или все-таки в ней чудесным образом можно отыскать несколько позитивных аспектов, наподобие строительства дорог или противостолбнячной вакцины. Две тысячи лет христианского чувства вины, на смену которым пришли права человека, были пущены на то, чтобы, во имя защиты личности, предъявить обвинение Франции и ее радикально дискредитировать. Государственная школа ринулась в этот омут с тем большим усердием, что в эпоху мультикультурализма она нашла в покаянии и национальном мазохизме свою новую миссию. Некогда сыграв роль флагмана человечества, сегодня Франция – чемпион мира по угрызениям совести. Тяжелая расплата. Странная привилегия.

Ю.А. Павлюченкова (МосГумУ, Москва)

Формирование гражданского сознания российской молодежи на современном этапе¹

В настоящее время в России наблюдается повышенный интерес к молодежной политике, проводимой нашим государством. Пишут и говорят об этом политики и государственные

¹ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://impisr.edunsk.ru/index.php?title>

чиновники, общественные деятели и ученые, бизнесмены и представители религии. И если проанализировать содержательную сторону их выступлений и статей, то не часто можно встретить достаточно глубокое понимание проблем. Во-первых, мало кто ссылается на то, что уже было сделано – наши традиции, достижения, анализ ошибок. Во-вторых, редко встречается адекватное понимание того, какая сейчас молодежь, что ее волнует, что ей нужно. В-третьих, на вопрос «Что делать?» ответа не дается – только рассуждения, обвинения, воззвания¹.

В данном контексте для нас крайне важно понимать, что Россия – одна из немногих стран, которая стремительно переживает политические, экономические, социальные и культурные изменения вот уже несколько десятилетий. Поэтому важно не повторить ошибку – «разрушить все до основания», отвернуться от традиций и предыдущего опыта. Особенно актуально это и для молодежной политики, для формирования молодого достойного гражданина. Ведь «найти себя», «не потеряться» тяжело не только взрослым, но и молодым людям. При этом ищущий человек задумывается не только о себе, но и своем государстве в целом. Многие политики, исследователи, педагоги, общественные деятели отмечают, что возрождение России возможно только на основе преодоления старых способов мышления и действия, «методологической и идеологической недостаточности», на базе новой методологии и иного мировоззрения, которые несут в себе инновационные идеи, связанные с процессами эволюции и трансформации государственной, общественной систем, особого отношения к формированию патриотизма, гражданского сознания и самосознания, к более четкому определению национальной идеи россиян².

В России имеются богатые традиции формирования гражданственности, патриотизма, а также опыт взаимодействия с молодежью. Поэтому нам надо учитывать условия, определять формы использования, видоизменять и трансформировать уже имеющееся. Безусловно, на сегодняшний день внешне общественные институты в России представлены достаточно широко. Средства массовой информации постоянно информируют российское общество об активности молодежи. Но на сколько это является объективным? И не является это лишь политической игрой? В силу происходящего очевидна необходимость осмысления особого рода явлений, процессов, связей и отношений, которые обеспечивают сохранение общественной жизни, являются необходимым условием ее стабильного функционирования и воспроизводства, развития государственности в целом, активного, созидательного участия молодежи в рассматриваемых процессах. В этой связи обратим внимание на то, что речь идет, прежде всего, о тех специфических областях и направлениях социальной активности, где единство и целостность общества в наибольшей степени подвергаются испытаниям на «прочность»: государственная деятельность, деятельность общественных организаций, обеспечение различных видов безопасности, осуществление крупных общественных проектов и акций, требующих максимального напряжения сил, мобилизации духовных возможностей их участников.

Что же способствует или, наоборот, мешает сегодня в России формированию гражданского сознания, социального согласия, консолидации общества на основе «общего дела» решения позитивных задач, связанных с преодолением кризиса и возрождением страны, а также активного участия в данных процессах молодежи? С точки зрения политологических знаний актуальна роль идеологии. Идеология необходима в любом современном обществе. Формирование гражданского сознания – неотъемлемое условие развития любого государства, стремящегося к целостности и развитию. Важное значение эти позиции приобретают в российском обществе. По мнению многих исследователей и политиков России нужна такая идеология, которая способствовала бы возрождению здоровых духовно-нравственных основ и сил общества, выбору пути развития, соответствующего подлинным общенациональным интересам.

¹ См.: Дивненко, О.В. Особенности реализации Стратегии государственной молодежной политики: компетентностный подход. М., 2007.

² См.: Кузнецова А. В. Культура патриотизма как фактор консолидации российского общества. М., 2004.

В современный период понимание необходимости идеологии становится всеобщим. Если в последней трети XX в. получила распространение концепция деидеологизации, то в самом его конце и в начале XXI столетия обозначился фактор, который специалисты квалифицируют как оформление новой глобальной реальности – начало всемирного этапа идеологизации всех сфер жизнеобеспечения народов мира¹. Чтобы добиться успеха реформ, сформировать социальное государство, нужно изменить сам способ движения к прогрессу. Необходимо, как считают эксперты, стратегический прорыв к новой идеологии, опережающей события, ориентирующей и сплачивающей людей. В основе этого – гражданское сознание общества и гражданское самосознание личности².

Особое значение в этой связи имеет формирование *гражданского сознания молодежи*. На сегодняшний день мы вынуждены констатировать, что исторически сложилось так, что в сфере отечественного образования и воспитания несколько десятилетий был нарушен ряд принципов, который позволял воспитывать уважение к Родине, служение на благо Родины, понятия чести и достоинства. Как отмечено в Стратегии государственной молодежной политики, принятой в декабре 2006 г., «целостная и последовательная государственная молодежная политика является важнейшим фактором устойчивого развития страны и общества, роста благосостояния ее граждан и совершенствования общественных отношений. Государственная молодежная политика – является системой государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развития ее потенциала в интересах России. Реализация государственной молодежной политики выступает инструментом социально-экономического и культурного развития, обеспечения конкурентоспособности и укрепления национальной безопасности страны. Государственная молодежная политика формируется и реализуется органами государственной власти и местного самоуправления, при партнерском участии молодежных и детских общественных объединений, неправительственных организаций и иных, юридических и физических лиц».

Напрямую в данном документе не отмечается приоритет формирования гражданственности и патриотизма у молодежи, да и в целом, безусловно, Стратегия требует доработки. Но появление этого документа – позитивный факт государственных изменений. Однако в формировании гражданского сознания молодежи большую роль должны играть общественные институты (желательно при поддержке государства). Важнейшими чертами объединяющей идеологии российского общества, как считают исследователи, призваны стать: 1. Гуманизм, человечность, ибо ее смыслом и назначением являются приоритет человека, достижение достойной жизни каждым из россиян.

2. Нацеленность на консолидацию общества на основе социальной справедливости.

3. Духовность, впитавшая в себя все лучшее как из идей отечественного космизма, так и из «жизненного мира» россиян, национального духа русского народа³.

Именно горизонтальные связи людей, их неформальных объединений укрепляют каркас гражданского общества, способствуя человеку стать реальным субъектом в принятии решений о своей судьбе, судьбе другого человека и своей Родины в целом. Отметим, что русская духовность, которой посвящено достаточно много исследований, как на протяжении веков, так и на современном этапе, имеет *православные корни*.

Этот аспект также важен для формирования гражданского сознания российской молодежи. Обратим внимание, что безрелигиозных народов история не знает. Не является исключением и русский народ – его «национальной» религией, сыгравшей значительную роль в становлении отечественной государственности и культуры, является православие. Русская куль-

¹ Кузнецов В.Н. Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии 21 века. М., 2004. С.27-28.

² Андреев Э.М. О системной методологии социально-политических трансформаций // Общая и прикладная политология. М., 1997. С.744-745.

³ Россия: на пути к возрождению. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2003 году. М., 2004.

тура формировалась как культура в основе своей православная. Поэтому ее главной характерной чертой является опора на духовность, на нравственные устои. Проблема спасения в религиозном сознании является первостепенной и, в данном случае, православие утверждает: ни один из нас не спасется, если не спасутся другие. Мы можем в этом мире спастись не каждый сам по себе, а если спасутся все. Таким образом, православие предложило этику коллективного спасения и в этом свете этику национального самопожертвования. «Это была особая русская идея преодоления того узкого национального эгоизма, когда я думаю только о своем национальном интересе. Нет, я и национально не спасусь, если не спасется другой народ ... И поэтому русская идея – это не идея региональная, а это – идея всеобщего спасения, во имя которой должен жить каждый народ и каждый человек. И отсюда возникает идея коллективизма..., который, действительно, тоже свойственен русскому национальному самосознанию и русской национальной идее»¹.

И в данном контексте мы считаем, что одной из важнейших форм формирования гражданского сознания российской молодежи на современном этапе является *духовное лидерство*. Этот феномен изучен еще недостаточно, но, тем не менее, понятно, что в данном случае затрагиваются глубинные серьезные личностные характеристики молодых людей. Безусловно, думающая и/или чувствующая молодежь стремится к духовным лидерам. Этот термин все чаще встречается в прессе, используется политиками, общественными деятелями, и все больше принимает примитивно-популистское значение. Тем не менее, данная форма имеет достаточно большой созидательный потенциал в воспитании активных граждан России. На современном этапе мы можем констатировать факт, что Русская православная церковь объективно все больше может претендовать на духовное лидерство среди молодежи, скажем не столько как «де юре», сколько «де факте».

Доказательством тому может служить исследование, имеющее название «Даниловское» и проведенное среди православных, пришедших поклониться святым мощам Спиридона Тримифунтского в Свято-Даниловский монастырь в апреле 2007 г. Основными задачами этого исследования являлось выяснение преобладающих мотивов и настроений российских православных, в том числе молодежи, относительно укрепления Веры, личностного развития и совершенствования; изучение проблем эффективности взаимодействия РПЦ с российским обществом. Исследователи предположили, что, имея достоверные данные о современных православных, их настроениях, мотивах, убеждениях, можно осуществлять поиск соответствующих социальных технологий взаимодействия с ними, позволяющих адекватно и эффективно укреплять Дух и стремление развиваться как отдельного россиянина, так и государства в целом. Исследование осуществлялось методом простой (случайной) выборки, объемом – 1117 человек. По итогам анализа качественной стороны документации получено в обработку 794 анкеты. 35% от общего числа респондентов – дети, подростки и молодежь в возрасте от 10 до 30 лет, из которых 41% – мужчины.

Исследование показало повышение образовательного и профессионального уровня россиян, их стремление к духовному развитию, уважение к Святым. Выраженным фактом явилось нарастание тенденций увеличения доли в лоне православной церкви молодых мужчин, а также детей и подростков. Данные результаты позволили сделать выводы и относительно глубины понимания молодыми людьми духовности, соотношения духовности с уважением к человеку, Родине, со служением Родине. Отметим, что духовное лидерство может иметь место не только при формировании религиозного сознания. При светском общении данная форма взаимодействия с молодежью не менее актуальна и эффективна. Более того, другие формы формирования гражданского сознания молодежи не менее важны и требуют отдельного исследования. В целом, можно констатировать факт, что вопросы гражданского сознания молодежи стали актуальными как ни в какой другой исторический период России. Анализ и учет отечественных традиций, объективное понимание происходящего, эффективное взаимодействие с определенными общественными институтами, уважение к молодежи и

¹ Русская доктрина. М., 2007.

стремление упрочить положение РФ могут позволить получить эффективный созидательный результат при формировании активных сознательных молодых граждан России.

В.С. Пель, к.пед.н. А.В. Хлебалин, к.филос.н., М.В. Чельцов, к.педн. (НГУ, Новосибирск)
Гражданственность, демократизм и патриотизм молодежи: социологический анализ¹

Рассматривая вопрос о чувстве гордости за страну, мы можем увидеть, что абсолютное большинство респондентов гордятся своей родиной. Положительно на этот вопрос ответили 86% опрошиваемых. При этом наибольшее чувство гордости у респондентов вызывают: победа в Великой Отечественной войне, достижения спортсменов России и уровень вооружения армии. 27% гордятся спортивными достижениями; 55% гордятся историей и успехами армии РФ и только 18% испытывают чувство гордости, связанное с техническими возможностями РФ. При этом наиболее часто встречающийся ответ – я горжусь победой в Великой Отечественной войне – встречается у 75% (случаев) обусловлен, прежде всего, недавно и широко праздновавшимся 60-летием Победы и, соответственно, наличием массовой агитации. В то же время преимущественные направления развития России в будущем, по мнению респондентов, следующие: научное и культурное развитие – 25%; социально-экономическое развитие – 22%; усиление внешнеполитического статуса России – 21%; технические возможности – 14%; развитие гражданского общества и гражданско-правовых взаимоотношений граждан. Спортивным достижениям, успехам армии РФ и ее техническому оснащению отдали приоритет 7% респондентов.

Имеющееся чувство гордости за страну у респондентов практически никаким образом не связано с представлением о ее будущем развитии. Так, успехи армии и спортсменов, позволяющие большинству респондентов гордиться Россией сегодня (82%), никаким образом не отражаются в будущем – только 7% респондентов полагают, что данные направления могут стать приоритетными в будущем развитии государства и общества, и только 11% респондентов выделяют развитие гражданского общества и гражданско-правовых взаимоотношений граждан в качестве приоритетных в будущем.

При этом основными движущими силами развития России в будущем респонденты называют следующие: развитие личной инициативы граждан – 24%; развитие международного сотрудничества – 20%; усиление государственного влияния – 12%; усиление общественных инициатив – 8%.

В открытом варианте вопроса преобладали пожелания усиления патриотизма среди молодежи, развития экономики, снижение бюрократических преград у 19% респондентов. 18% респондентов не дали ответ на данный вопрос.

Анализ ответов респондентов позволил выстроить возможные направления развития России в будущем в порядке убывания следующим образом:

- 1) развитие гражданского общества, гражданско-правовых взаимоотношений граждан;
- 2) спортивные достижения, развитие спорта;
- 3) развитие технических возможностей;
- 4) успехи армии РФ, ее техническое оснащение;
- 5) научное и культурное развитие;
- 6) социально-экономическое развитие;
- 7) внешнеполитический статус, его усиление.

Анализируя ответы респондентов о положении РФ на международной арене, мы видим: 79% считают, что Россия была мировым лидером; 76% считают себя осведомленными о современном положении РФ на мировой арене, 64% следят за современными событиями. В целом, разительных противоречий в ответах респондентов на данные вопросы нет, однако разница в 12% между теми, кто считает себя осведомленным о современном положении РФ на

¹ Исследования Института молодежной политики и социальной работы НГПУ проводились в январе-феврале 2007 г. среди молодежи в возрасте 14-20 лет (старшие классы школ, 1-2 курс вузов) в городах: Новосибирск, Колывань, Куйбышев, Барабинск. Всего в исследовании приняли участие 280 респондентов.

международной арене, и теми, кто следит за событиями, говорит о недостаточно ясном представлении у молодежи о современных событиях.

Как нам кажется, в связи с этим необходимо обратить внимание и на соотношение следующих показателей: 39% респондентов считают Россию страной с высоким уровнем развития; 36% – страной третьего мира и 25% – страной с низким уровнем развития; одновременно 82% респондентов высказывают гордость за свое гражданство.

Мы отмечаем, что чувство гордости за страну, которое является истоком патриотизма, практически не зависит от внешнего статуса России. Однако, испытывая гордость за страну, только 59% респондентов отмечают, что чувствуют себя значимым членом общества. Мы наблюдаем явный диссонанс в соотношении «я горжусь Родиной» – «я нужен Родине». При этом треть респондентов (32%) отмечает, что в будущем россиянин должен быть гражданином с осознанной гражданской позицией.

Для более полного определения понимания молодежью понятий «гражданственность – гражданская позиция – гражданское общество» нам представляется необходимым сравнить ответы на разные вопросы анкеты. Так, респонденты выделяют следующие основные движущие силы развития России в будущем: развитие личной инициативы граждан – 24%; развитие международного сотрудничества – 20%; усиление государственного влияния – 12%; усиление общественных инициатив – 8%. В то же время 60% респондентов отметили, что для успешного развития России в будущем от гражданина будет требоваться участие в деятельности общественных организаций и преимущественная реализация собственных интересов; посчитали необходимым безусловно подчиняться государственным инициативам 15% респондентов; готовность пожертвовать своими благами в интересах общества проявило 8% респондентов; 17% респондентов высказали собственные мнения, среди которых преобладали требования государственной поддержки, доступности образования и усиления деятельности опять-таки государства по формированию гражданско-правовых отношений.

Выбирая основные черты россиянина в будущем, респонденты отметили: он должен быть гражданином с осознанной гражданской позицией и ответственностью – 32%; будущий россиянин должен быть патриотом – 19%; он должен проявлять терпимость (толерантность) по отношению к любым людям – 19%; он должен защищать интересы русского населения – 18%, а 13% респондентов в графу свободного ответа вписали фразу – он включает в себя все перечисленные варианты.

Соответственно, можно сделать вывод о недостаточности понимания позиции гражданина в среде молодежи (у 24% респондентов). Более чем у 30% молодежи имеются четко выраженные националистические настроения.

К сожалению, на данное положение дел значительное влияние оказывает и почерпнутая в различных источниках информация. Так, историей и современным состоянием культуры интересуются 46% респондентов, интересуются в той степени, в которой этого требует обучение – 40%, не интересуются – 14% респондентов. Информацию берут из СМИ – 33%, пользуются только материалами учебной программы – 36%, используют специальную литературу – 31% респондентов. Фактически, мы можем утверждать, что в своей пропорциональности количество респондентов, интересующихся современными событиями, культурой и традициями общества и, с достаточной долей допуска, объективно представляющих положение дел, составляет около 50% от исследуемого числа молодежи.

Помогает решить поставленные нами задачи анализ ответов на вопрос о соотношении понятий гражданин и патриот: 29% респондентов считают, что гражданин может быть патриотом; 13% – что гражданин должен быть патриотом; 9% – что патриот и есть гражданин; 5% – что патриот более важен, он может и не быть гражданином; 4% – что понятия гражданин и патриот несовместимы; 33% не дали ответа на вопрос.

Статистический и качественный анализ результатов исследования позволил определить основные тенденции формирования гражданской позиции молодежи и направления в определении понятий «гражданственность-демократизм-патриотизм».

Исследование показало:

- Подтверждается предположение, что наблюдается ярко выраженная дисфункция идеологической системы, а как следствие – проводимого воспитания и молодежной политики в России: понятия, призванные формировать мировоззренческую и гражданскую позицию молодого человека, оказываются фактически не связанными между собой. Наблюдается определенный «идеологический разрыв». Респонденты демонстрируют идеологическую «пустоту» – невозможность наладить логические связи между предложенными ответами.
- Имеющееся чувство гордости за страну у респондентов практически никаким образом не связано с представлением о ее будущем развитии. В целом, у молодежи нет устойчивых понятий, имеет место идеологический разрыв.
- Молодежь (более 50%) не имеет достаточно ясных представлений о современных событиях как внутри государства, так и на международной арене. Многие представления являются скорее ложными, сформированными под влиянием момента и при посредстве непроверенных источников – в том числе СМИ.
- Абсолютное большинство респондентов (86%) гордятся своей Родиной.
- Чувство гордости за страну, которое является истоком патриотизма, практически не зависит от внешнего статуса России.
- Наблюдается явный диссонанс соотношения «я горжусь Родиной» – «я нужен Родине», т.е. в среде молодежи нет четкого понимания собственной гражданской позиции.
- В целом, в среде молодежи присутствует верное понимание значений «гражданственность – гражданская позиция» при явной недооценке культурного, научного и социально-экономического развития общества и наличии ярко выраженной личностно-эгоистической направленности позиции. Принимая во внимание, что гражданская позиция, это, прежде всего, личная инициатива, ответственность, ориентация на общественные нужды и собственные силы, мы должны констатировать, что до настоящего времени исследуемая группа молодежи не доверяет собственным силам и готова не только подчиняться любым инициативам государства, но и не видит своего будущего без активной государственной поддержки. Подразумевая, что осознанная гражданская позиция формируется, в первую очередь, за счет осознания своей значимости для общества, мы должны констатировать, что полного понимания в соотношении «гражданская позиция – значимость личности – гордость за Родину» (иными словами, гражданственность-патриотизм) среди молодежи нет. Анализ результатов исследования показывает, что более чем 20% респондентов от общего числа молодежи, принявших участие в исследованиях, не имеют четкого представления о соотношении понятий «патриотизм – гражданственность» (гражданин, гражданская позиция). И можно сделать вывод о недостаточности понимания позиции гражданина в среде молодежи. Кроме того, более чем у 30% молодежи имеются четко выраженные националистические настроения.
- Фактически, описанная выше ситуация демонстрирует именно одиозное чувство национальной гордости при отсутствии возможности объяснить причины его обостренного состояния. Например, именно спорт, успехи в войнах являются причиной гордости за свою страну. При этом настораживает нетерпение в отношении лиц иной национальности в нашей стране (практически 50%) и четко выраженные националистические настроения более чем 30% респондентов. Так, вопрос в отношении обоснованности территориальных претензий Японии, в условиях слабой заинтересованности в информации о современном международном положении России, вызвал готовность отстаивать интересы страны (более 90% респондентов) даже в условиях ее сомнительной правовой состоятельности. Все это говорит о том, что мы имеем дело с некоторым агрессивным чувством национальной гордости, которое, как правило, свойственно людям, переживающим национальное унижение. При этом переживание этого чувства стимулируется сугубо внешними успехами России – спорт, былые военные успехи.

Итак, можно считать, что социологическое исследование подтверждает нашу гипотезу, что воспитание и молодежная политика, опирающиеся на понятия гражданственности, демократизма и патриотизма, но используемые независимо друг от друга и от иных понятий,

уточняющих их значение, могут привести к выхолащиванию этих понятий и к отсутствию в молодежной среде ясных представлений об их значении и своей реальной позиции.

Т.В. Пискунова, к.соц.н. (ЮФУ, Ростов н/Д)

Модификации ценностного содержания патриотизма в сознании российской молодежи

Тема патриотизма как качества, присущего гражданам того или иного государства, является непреходяще актуальной в любом обществе и во все времена – от античности и до наших дней. Особенно значимым в общесоциальном плане является факт наличия или отсутствия патриотизма у молодежи, идеалы и ценности которой, как известно, имеют и будут иметь огромное влияние на дальнейшее развитие общества. В динамично изменяющемся российском обществе с его успехами, трудностями и конфликтами тема патриотизма резко актуализируется на уровне государственной политики¹.

О практической актуальности темы свидетельствует тот факт, что при создании Концепции учитывались предложения федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, научных и образовательных учреждений, общественных организаций (объединений), творческих союзов, религиозных конфессий. На этой основе были обозначены следующие основные направления – духовно-нравственное, историко-краеведческое, гражданско-патриотическое, социально-патриотическое, военно-патриотическое, героико-патриотическое и спортивно-патриотическое. Можно констатировать, что патриотизм признан важнейшим социальным фактором и «важнейшей ценностью», призванной консолидировать российское общество. Отметим, что пути развития и формирования патриотического сознания, соответственно содержанию Программы, в целом ориентированы на военно-патриотическое, спортивно-патриотическое и историко-патриотическое воспитание граждан, в основном, в рамках образовательных учреждений и молодежных общественных организаций.

Необходимость исследования вопроса о конкретном содержании ценностей патриотизма в сознании населения России вообще и молодежи, в частности, требует анализа содержательных модификаций патриотизма в ценностном сознании российской молодежи. Без опоры на подобные исследования реализация любой Программы может оказаться «валовым подходом», а поэтому и неэффективным решением проблемы.

Исследования, посвященные возможностям воспитания патриотов, практически не учитывают влияния российского социокультурного процесса на интериоризацию ценностей патриотизма. Определенность и конкретность иерархии ценностей в молодежном сознании зависит от духовной атмосферы общества, его традиций, коллективных представлений и особенностей включенности молодежи в культурно-исторический процесс. Если в советское время патриотизм реализовывался в качестве идеи безальтернативного принятия идеала советской Родины и ненависти к ее врагам, то вряд ли возможно сегодня конституировать безальтернативное принятие современной России как идеала, и патриотизма как любви к России на этой основе.

Актуализирует проблему и тот факт, что современная отечественная социологическая наука, располагая обширным эмпирическим материалом по проблемам молодежного сознания, пока оставляет вне сферы своего внимания ценностные модификации патриотизма, в частности, ограничиваясь лишь выводами относительно смещения ценностного сознания молодежи от ценностей группового плана к индивидуальным ценностям. Таким образом,

¹ Это подтверждается, например, принятием постановления Правительства № 122 от 16 февраля 2001 г. о государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы». Затем последовало постановление Правительства РФ № 422 от 11 июля 2005 г. о государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы». Была разработана «Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации», которая принята к руководству в мае 2003 г. и представляет собой официально принятые взгляды на государственную политику в области патриотического воспитания.

теоретическая и практическая актуальность исследования модификаций ценностного содержания патриотизма в сознании российской молодежи становится несомненной.

Исследование патриотизма как социально значимой ценности общественного и индивидуального сознания не является принципиально новым для российского обществознания. Так, содержание патриотизма и идеи относительно его воспитания рассматриваются в наследии известных ученых и писателей (Н.А. Бердяев, В.Г. Белинский, В.И. Вернадский, В.И. Водовозов, Л.Н. Толстой, Н.И. Пирогов, Н.Г. Чернышевский и др.). Следует отметить труды православных ученых, исследующих патриотизм как богоугодное чувство любви к Родине (В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, В.В. Розанов, П.А. Флоренский и др.). Огромный вклад в рассмотрение патриотизма и возможностей его формирования внесли представители педагогической науки. В XX в. в России интенсивно развивается теория и практика патриотического воспитания молодежи (П.Ф. Каптерев, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, и др.). Важность чувства любви к своей Родине для формирования гражданственности, активной жизненной позиции рассматривают в своих работах современные ученые (Е.П. Белозерцев, И.Ф. Исаев, Д.С. Лихачев, В.Ю. Троицкий и др.). В советский период решалась задача социалистического патриотического воспитания – принятие идеала советской Родины.

Изучение литературы постсоветского периода по проблеме патриотизма показало, что в центре внимания исследователей были проблемы патриотического воспитания в различных его аспектах: гражданское воспитание (К.Ш. Ахияров, А.В. Подгорнов и др.); военно-патриотическое (П.Б. Белых, В.И. Лутовинов и др.); историко-патриотическое и национально-патриотическое (М.А. Дегтярев, М.В. Зима, В.Н. Устьякин и др.). В работах многих современных педагогов проблема патриотического воспитания рассматривается в контексте образовательного процесса, а патриотизм исследуется как необходимая составляющая духовно-нравственного воспитания личности (И.М. Афанасова, И.Н. Глазунова, Л.В. Кокуева, А.А. Корзинкин, Т.И. Петракова и др.). Значительный блок работ посвящен формированию патриотизма у школьников на основе знакомства с героическим прошлым нашей Родины, биографиями великих людей, через усвоение народных традиций и иных элементов народной культуры (Л.В. Кокуева, Ю.В. Лазарев, Н.Н. Михнев, Д.С. Сенюк, А.Н. Целовальникова, А.И. Щаюк и др.). Изучаются возможности патриотического воспитания в процессе преподавания дисциплин гуманитарного цикла (И.М. Клименко, Ю.Б. Соколовская, Ю.В. Лазарев, В.Н. Устьякин и др.).

В современной социологической науке можно выделить следующие направления исследования патриотизма: а) как значимой для общества духовной ценности; б) как необходимой духовной составляющей процесса социализации личности; в) как определенного ценностного качества людей, подлежащего целенаправленному формированию; г) обоснование форм, средств и методов формирования патриотизма у российской молодежи.

В социологии патриотизм исследуется, в основном, в гражданственном ракурсе как значимая для общества духовная ценность¹.

Тема патриотизма и патриотического воспитания рассматривается в работах, посвященных исследованию межэтнических взаимодействий и конфликтов, национализма и ксенофобии² и др.

¹ См.: Пахарь Л.И. Общезначимая духовная ценность для современной России // Безопасность Евразии. 2002. № 2; Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. М., 2000; Карпунин О.И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социс, 2001. № 3; Колябина Т.С. Патриотизм и гражданственность как комплекс социокультурных и духовных ценностей (концептуальный анализ) // Всерос. науч. журнал «Общество и право». № 2 (12). Краснодар, 2006; Кузнецова А.В., Кублицкая Е.А. Гражданский патриотизм – основа формирования новой российской идентичности. М., 2005 и др.

² См.: Винер Б.Е. Этнические организации в Санкт-Петербурге // Социологический журнал, 2001. № 1; Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д, 2003; Денисова Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х гг. Ростов н/Д, 1996; Дубин В. Молодежь и идеология сегодня // Куда идет Россия. Общее и особенное в современном развитии. М., 1998; Здравомыслов А.Г. «Священность» этноса или релятивизм национальной конструкции? // Социологический

В настоящее время проблемы патриотизма и его формирования рассматриваются в работах, посвященных исследованиям ценностного сознания молодежи¹. Отметим, что современная отечественная социологическая наука, располагая обширным эмпирическим материалом по проблемам молодежного сознания, пока оставляет вне сферы своего внимания ценностные модификации патриотизма, в частности, ограничиваясь лишь выводами относительно смещения ценностного сознания молодежи от ценностей группового плана к индивидуальным. Центральное место занимает идея патриотизма в работах, посвященных русскому национальному сознанию как фактору консолидации российского общества². Отрицание военно-патриотических ценностей аргументируется в современных обоснованиях пацифизма³. Богатый эмпирический материал социологических исследований, проведенных в современной России авторитетными научными центрами, свидетельствует о неоднозначном понимании патриотизма населением страны вообще и молодежи в частности. Но в работах, посвященных проблеме формирования патриотизма, как правило, постулируется безальтернативное принятие современной России как идеала и патриотизма как любви к России на этой основе⁴.

Таким образом, несмотря на значительные наработки современных исследований патриотизма, вне сферы внимания ученых остаются вопросы иерархии ценностей в молодежном сознании, место ценностей патриотизма в этой иерархии. Также слабо разработан вопрос о модификациях патриотизма в ценностном сознании российской молодежи.

Объектом нашего исследования выступили ценности патриотизма в их социокультурной динамике. Изучение данной проблемы осуществлялось с позиций социокультурного анализа, базирующегося на признании вариативности и содержательных изменений общественного и индивидуального ценностного сознания. При анализе социокультурных модификаций патриотизма применялись принципы историзма и детерминизма, развитые в работах отечественных (Г.С. Денисова, В.К. Левашов, А.Н. Малинкин, В.А. Тишков и др.) и зарубежных (О. Данн, А. Лепхарт, Э. Смит, Э. Хобсбаум и др.) социологов, исследующих трансформации ценностного сознания в сфере отношений к отечеству, государству, а также ценностных идентификаций собственной и иных этнических принадлежностей.

Патриотизм – духовная ценность, функционирующая в контексте системы ценностей личности. Поэтому в структуре ценностного сознания молодежи исследовательский интерес сосредоточен на ценностях патриотизма, воплощающихся в чувстве любви к своей Родине,

журнал, 1998. № 3–4; Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1996; Материалы «круглого стола» на тему «Патриотизм и национализм» // ОНС. 2004. №4; Соин Д.Ю. Этнополитические конфликты: аналитический обзор // Социологический журнал, 1998. № 3–4; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. От античности до современности // Социс. 2006. № 5; и др.

¹ См.: Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социс. 2006. № 8; Ваторопин А.С. Политические ориентации студенчества // Социс. 2000. № 6; Дунаев М. Проблемы адаптации индивидуального сознания в трансформирующемся обществе // <http://www.r-komi-tet.ru/obraz/opk-p-06.htm>; Карпухин О.И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения. Социс. 2001. № 3; Качкин А. Принципы и ценности молодежи // <http://referat.va.ru/referat-56743.html>; Юлдашев Л.Г. Теории ценностей в социологии: вчера и сегодня // Социс. 2004. № 8; и др.

² См.: Гефтер М.Я. Мир мифов – российский зачин // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания: в 4 т. Т. 3. Россия как идея. М., 2000; Гудков Л. Русское национальное сознание: потенциал и типы консолидации // Куда идет Россия. Альтернативы общественного развития. М., 1998; Левинсон А. Россия в осаде // www.polit.ru/lectures; Малинкин А.Н. Новая российская идентичность (Исследования по социологии) // Социологический журнал. 2001. № 1–2; Кузнецова А.В. Патриотическая идея в Российском обществе: генезис, состояние, тенденции. М., 2004; и др.

³ См.: Илюхин Р.М. Многоликий пацифизм // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира: Сб. ст. // Отв. ред. А.О. Чубарьян. СПб., 1998; Мураками Т.Ё. Лев Толстой и пацифизм: со сравнительной и «генеалогической» точки зрения // Там же; и др.

⁴ См.: Морданова Л.Р. Ценность патриотизма и методы его воспитания: оценки и суждения молодежи о роли средств массовой информации // <http://lib.socio.msu.ru/libragy?>; Афанасова И.М. Сделать как можно больше пользы моему Отечеству // Духовно-нравственные проблемы национального хозяйствования: Материалы науч.-практ. конф. Рязань, 2005; Прусак А.И. Достоинство личности в социологическом дискурсе // Социс. 2006. № 7; и др.

уважении к ее истории и культуре. От интериоризации и реализации этой ценности зависит интенсивность и характер социальной активности молодых людей, выбор ими места жительства, работы, моделей поведения, которые могут находиться, как известно, в рамках права или быть внеправовыми.

С древнейших времен ценность патриотизма для реализации военной и экономической политики была чрезвычайно велика. Содержание понятия «патриотизм» не могло оставаться неизменным на протяжении тысячелетий, оно менялось, сохраняя одни составляющие, теряя другие, приобретая новые черты.

Анализ теоретических подходов отечественных и зарубежных авторов к исследованию патриотизма, а также краткий историко-культурный экскурс понимания патриотизма в российском обществе показывает: если патриотизм как любовь к отечеству – прерогатива психологической науки, то патриотизм в качестве мощного мотиватора социального поведения является социальным фактом и подлежит социологическому изучению. В зависимости от социально-политических условий социальные связи между людьми модифицируются, способствуя привнесению специфических, свойственных той или иной государственной культуре, особенностей патриотического сознания населения.

Так, на Западе сильная либеральная традиция обусловила постановку на первый план в понимании патриотизма личность с ее правами и, прежде всего, правом выбора, в том числе и выбор – жертвовать собою ради страны или нет. Патриотические движения в европейско-атлантических обществах развивались со второй половины XVIII в. под знаком фундаментальной политизированности. Нация, государство, отечество, родина зазвучали синонимично. У власти должны быть люди, любящие свое отечество, – патриоты. Это послужило началом третьей фазы политической модернизации – сигналом к наступлению века демократической революции. В просвещенных и реформированных слоях стала программной новая политическая модель общества – модель современной нации. Ее основу составляют следующие нормативные элементы: а) нация включает в себя всех жителей национальной территории, так как все они должны иметь одинаковые человеческие и гражданские права; б) все члены нации равноправны и должны получить возможность на участие в ее политической культуре в контексте солидарности нации; в) нация имеет право на политическое самоуправление в пределах своей территории; принцип суверенитета народа должен стать нормой государственной жизни; г) все народы имеют одинаковое право на существование, на образование нации и на самоопределение в пределах населенной ими территории.

Эта концепция современной нации содержит программу всесторонней демократизации. Она возводит понятие нации, трактуемое как нация, состоящая из граждан одного полиэтничного государства, или гражданская нация, в основополагающее понятие, определяющее политическое устройство постфеодальных обществ. Такое понятие нации во всем мире утвердилось в качестве ведущей модели современного политического устройства, хотя законодательно оно было воплощено лишь в XX в., а политическая практика и по сей день не всегда соответствует этому идеалу. Таким образом, нация и патриотизм становятся, с одной стороны, очень близкими понятиями, назовем такой вид патриотизма «национальным патриотизмом». С другой – понятие «патриотизм» начинает употребляться в ином значении, как «патриотизм политический», который проявляется как любовь к полиэтничному, мультикультурному государственному пространству. Эти два вида патриотизма очень близки, возможно, идентичны по содержанию. Их различает степень содержательной слитности с понятием «нация», «этнос».

Социокультурная динамика ценности патриотизма обусловлена социально-политическими условиями глобализации и демократизации мирового сообщества, определяющих включение в патриотизм поликультурного и поликонфессионального содержания. В отличие от государств традиционного типа, где патриотизм понимался однозначно как приверженность конфессионально единому государству, в настоящее время в процессе демократизации и глобализации мирового сообщества наблюдается формирование патриотизма как

приверженности нации-государству, который включает в себя осознание этнокультурных и этноконфессиональных различий населения страны.

Основополагающим условием формирования такого патриотизма является наличие высокой политико-правовой культуры, важным признаком которой является доминирование наднациональных политико-культурных ценностей над этнокультурными и этноконфессиональными.

Патриотизм в современном российском обществе проявляется разнообразно – на основе любви и приверженности к следующим базовым предметам: а) государству; б) этносу; в) территории. Они различаются по мотивации включенности индивида в политико-правовую жизнь государства и степени отождествления индивидом своих жизненных целей с целями государства. В зависимости от характера государства эти варианты патриотизма могут реализовываться в двух версиях – военной и светской, и выступают основой для конституирования широкого спектра идеологических модификаций патриотизма – от национализма до пацифизма.

Национализм выступает как определенная идеология, не ставшая пока в России общепризнанной для большинства населения и базирующаяся на идее патриотизма. Этническая многосубъектность РФ усиливает процессы этнической самоидентификации, усложняет межэтнические связи, что создает возможности формирования патриотизма как приверженности к этносу, региону, но не к государству в целом. Истоки такой ситуации – в особенностях экономических и политических изменений российского общества. Показано, что национализм присущ не только России. В социокультурном плане современный мир характеризуется неравномерностью развития, делением стран на центр и периферию. В каждой стране, являющейся многосубъектной и полиэтничной, выделяются «центр и периферия», находящиеся в положении неравного доступа к материальным, природным и духовным благам. Культурное содержание национализма и его влияние на народные массы обусловливается опорой на традиции, мифологию, религию, а также эксплуатацией идеи социальной справедливости. Национализм является экстремальной формой патриотизма и прорастает на его основе, поливариантно реализуясь в зависимости от политического, экономического и социокультурного контекста страны проживания.

Важно учитывать сложность национальных чувств и различать патриотизм на национальной основе и национализм, питаемый патриотическими чувствами и идеями. Это близкие, но не идентичные феномены. У них разные объекты любви и почитания: с одной стороны, «родной край», «родная страна»; с другой – «нация», «народ», что сказывается на характере и направленности обращенных к ним эмоций. В связи с этим нельзя согласиться с учеными, обосновывающими идею «правильно понятого русского национализма». Эта идея имеет глубокие корни в русской культуре и истории, но эти идеи, разрабатываемые современными учеными, не могут стать «рецептом» реализации солидарности и согласия в современном посткоммунистическом российском полиэтничном обществе.

Национализм основан на стремлении к увеличению фактического и институционального ранга этноса либо территории в контексте большого государства-нации. Этнический национализм имеет амбивалентное содержание. По отношению к этносу он проявляется как консолидирующая и мобилизующая сила, позволяющая структурировать и организовать общность на масштабные социальные действия; по отношению к полиэтничному государству-нации он может выступить в качестве разрушительной силы, так как базируется на отчуждении членов этнической группы от других и способствует возникновению этнонационального эгоизма, ксенофобии и конфликтов.

Патриотическая версия пацифизма акцентирует несоответствие военного типа патриотизма глобальным проблемам гуманизации общества, формированию отношения к человеку как в высшей ценности, самоцели общественного развития. Пацифистская модификация патриотизма ставит проблему сопоставления ценности жизни с ценностями, из-за которых жизнь у человека может быть отнята. В начале XX в. пацифизм предстал мощно набирающим силу общественным и политическим движением, перестав преимущественно относиться к сфере

духовного существования человека. Право человека на жизнь закреплено в международных документах. Всеобщая декларация прав и свобод человека гласит: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» (статья 3). На основе данных репрезентативных всероссийских исследований, в том числе и исследований «Левада-Центра» показано, что на субъективном уровне население России не чувствует себя в безопасности, что потребность в безопасности человеческой жизни усилила антивоенные настроения населения России. Эта особенность свойственна в настоящее время ценностному сознанию многих зарубежных стран. Можно солидаризироваться с позицией, обоснованной Дж. Ролзом: «Политические принципы, признанные сообществом, имеют определенную близость с доктриной, проповедуемой пацифизмом. Существует общее неприятие войны и использование силы, а также вера в равный статус людей как моральных личностей. И, учитывая склонность наций, особенно великих держав, вступать в войну без оправданий и использовать государственный аппарат для подавления несогласия, уважение, выказываемое пацифизму, имеет целью предупредить граждан о зле, которое правительство склонно совершить от их имени»¹.

В настоящее время формирование патриотизма в сознании российской молодежи происходит в новых цивилизационных условиях. В жизни современного общества налицо объединительные тенденции: глобальная открытая экономика, единое поле социально-политических контактов, общее информационное пространство. Необходимы специальные индикаторы для определения нравственного прогресса или нравственной деградации отдельных государств и мирового сообщества в целом. К сожалению, остаются актуальными слова Э. Дюркгейма: «...совсем не доказано, что цивилизация – нравственная вещь. Чтобы решить этот вопрос, нельзя обращаться к анализу понятий, которые неизбежно субъективны, но надо бы найти факт, пригодный для измерения уровня средней нравственности, и затем наблюдать, как он изменяется по мере прогресса цивилизации. К несчастью, у нас нет такой единицы измерения»². И все-таки глобализирующийся мир обретает в своих постановлениях и документах тенденцию ненасильственного развития всех стран. Стратегической целью политики на всей планете становится устойчивая коэволюция человека, общества и природы. Направления политики концентрируются и гармонизируются в единстве антропо-, социо- и экосферной составляющих.

Противоречие пацифистской модификации патриотизма к иным его версиям заключено в формах и средствах проявления любви к Родине. Понятие «пацифизм» содержательно шире патриотизма, так как отвергает насилие не только в политической жизни и межэтнических отношениях, но и в повседневном межличностном общении.

Патриотическое воспитание – это целенаправленная систематическая деятельность органов государственной власти и организаций по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Патриотическое воспитание направлено на формирование и развитие личности, обладающей качествами гражданина – патриота Родины и способной успешно выполнять гражданские обязанности в мирное и военное время. В деле патриотического воспитания огромное значение имеют опора на героическое прошлое, гражданское достоинство и готовность к защите Отечества и народа. Но ценности прошлого могут мотивировать людей на патриотические поступки только в том случае, если государственная политика во всех сферах общественной жизни легитимна в массовом сознании. Из-за отсутствия этой легитимности в настоящее время «опора на прошлое» может оказаться неэффективной. Двойственное отношение к традиционным ценностям свойственно любому обществу в периоды социальных потрясений, присуще оно и населению России. Люди переосмысливают свое отношение ко всем сферам социального, в том числе в стадии переосмысления находятся и ценности патриотизма. В ходе успешного строительства гражданского общества в России отношение населения к прошлому и настоя-

¹ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 327–328.

² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 56.

щему нашей Родины, вероятно, станет более позитивным и однозначным. Таким образом, патриотизм – это еще и гражданственность: человек обретает принадлежность к политике и правовым нормам государства.

В понимании отечественными учеными сущности, социальной роли и социальных последствий националистической модификации патриотизма, истоков этнического эгоизма и ксенофобии проявляются серьезные расхождения. Констатируется обеспокоенность молодежи обострением межнациональных отношений, фиксируется её интерес к национальным идеям, вопросам национальной самоидентификации. Отмечается, что предпочтение, которое отдает сегодня часть молодежи национал-демократическим идеям и политикам, может вывести к подвижной границе между национальными интересами и национализмом. Вместе с тем выявляется общая позиция в понимании патриотизма как уважения к Родине, которое предполагает уважение отдельной личностью себя в качестве представителя своей страны и нации. Сходятся ученые и в том, что патриотизм является одной из смысложизненных ценностей, которые связывают, объединяют поколения. Вне ценностей патриотизма невозможно становление личности как субъекта исторического и социального времени и пространства. Более того, ценности патриотизма интегрируют это пространство, задавая ему достойные темпы развития всех сфер общественной жизни.

Эта позиция имеет давние культурные корни и, вместе с тем, является глубоко современной, отвечающей требованиям развития глобализирующегося мира. При всем разнообразии мнений относительно идентичности России, смысла национальной идеи и т.д., ученые едины в том, что повседневность в своей функциональности и есть институционализация новых ценностей и смыслов во взаимосвязи традиций и текущей реальности.

В настоящее время в России происходит диверсификация различных форм патриотизма. Этот процесс обусловлен следующими объективными условиями: а) социокультурными противоречиями политико-правовых, территориально-региональных и этнических ценностей, разрушающими их единую иерархическую структуру; б) высокой степенью миграционной подвижности населения, затрудняющей идентификацию различных субкультурных групп с едиными социетальными ценностями нации-государства, его культурой и историей.

Исходя из понимания патриотизма как необходимой компоненты социализации и самоидентификации личности, важно учитывать, что нынешнее молодое поколение социализируется в эпоху цивилизационных изменений, когда содержание социализации усложняется: а) ведущую роль начинают приобретать не столько традиционные, сколько инновационные ценности; б) социализация проходит в условиях дисфункции социальных институтов. Ведущими тенденциями новых условий формирования патриотизма являются: 1) вхождение России в глобальную открытую экономику, единое поле социально-политических контактов, общее информационное пространство; 2) борьба различных центров мироэкономики за перераспределение экономических, финансовых и политических ресурсов, которая определяет на мировом уровне усиление центробежных тенденций.

Патриотическое воспитание понимается современной молодежью не как система воспитательных мероприятий, а скорее как предоставление человеку определенных возможностей, а часто и гарантий, вследствие чего у него возникает чувство патриотизма.

Итак, можно выделить следующие модификации патриотизма в сознании молодежи:

- традиционная форма культурно-исторического патриотизма, которая проявляется в любви к Родине, ее истории, культуре, обычаям и традициям;
- патриотизм в контексте толерантности, который зачастую сближается с пацифизмом;
- интериоризация духовных ценностей национализма в его различных модификациях;
- индифферентность к политико-правовым, этническим и территориально-региональным формам патриотизма, что объясняется низким качеством жизни, социальной, межконфессиональной и межэтнической напряженностью, безработицей, ростом преступности и пр.